КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1902 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. МАЛОРУССКАЯ БАЛЛАДА О БОНДАРИВНѢ И ПАНѢ КАНЕВСКОМЪ (Страничка изъ народнаго эпоса). *Д. Г. Неймана* . . . . . 347—390
II. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. (Продолженіе) . . . . . 391—416
III. ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ. Повисть (Частына друга) (Продолженіе). *Б. Гринченка* . . . . . 417—493
IV. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ОФФИЦІАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. Преимущественно по даннымъ юго-зап. края (Окончаніе). *Л. Личкова.* . . . . . 494—517
V. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ. (*Продолженіе*). . . . . 518—531
VI. НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Сообщ. *Петръ Дорошенко* . . . . . 532—536

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Маленькая замѣтка о мертвыхъ душахъ; б) Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана, 1883—84 гг.; в) Поминка предковъ. *А. Л.*; г) Придворные гайдуки откуда набирались; д) Добавка къ замѣткѣ о „Спискѣ студентовъ кіевской академіи 1779 г.“; е) Вишневецкая библіотека *Д. Щ.*; ж) Нѣсколько дополненій къ статьѣ И. Франка объ украинской литературѣ. *Б. Гринченка* . . . . 155—173
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 174—190
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Старинный малорусскій Письмовникъ: „Книга глаголемая Листовня“. Съ пред. Б. Д. Гринченко, *О. Л.*; б) Записки С. Г. Волконскаго (декабриста) Изд. кн. М. С. Волконскаго *А. Андр.*; в) Памятная книжка Кіевской губ. на 1902 г. *Л. С. Л.*; г) „Нѣсколько словъ о сервитутахъ и разверстаніи въ юго-западн. краѣ воспитанника сел.-хоз. и лѣсной Академіи въ Тарантѣ и гейдельбергскаго университета. *Л. С. Л.*; д) П. А. Кулишъ. Хуторни недоґаркы. *С. Е—мовъ*; е) Неначе свитъ перевернувся. Вирши дида Мыколы *С. Е.*; ж) Очеркъ дѣятельности Св.-Михайловскаго Братства въ с. Деньгахъ, Золотоношскаго уѣзда за десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г. *N.*; з) Обзоръ журналовъ текущаго года; и) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 191—232
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . 233—248

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 76-го:

январь, февраль, мартъ, 1902 г.

Книга первая—январь.

Отдѣлъ I.

I. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ОФФИЦІАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. (Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края). Гл. I. *Л. Личкова* . . . . . 1—34
II. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. . . . . 35—62
III. НЕВЕСЕЛИ СИЛЬСКИ МАЛЮНКЫ. (Оповидання батюшкы). *Лисака Таморенка*. . . . . 63—72
IV. ПИСЬМА ГРАФ. А. Д. БЛУДОВОЙ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . 73—102
V. ДОРОГОЮ ЦИНОЮ. (Оповидання). *М. Коцюбинського*. 103—167
VI. Н. И. СТОРОЖЕНКО—НА РОДИНѢ. *О. Пчилки* . . . . 168—179

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Петиція Львовскаго ученаго общества имени Шевченка австрійскому рейхсрату объ учрежденіи самостоятельнаго малороссійскаго университета во Львовѣ; б) Письмо П. А. Кулиша къ Г. П. Галагану. Сообщ. *А. Степовичъ;* в) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *И Фр. Павловскій;* г) Списокъ „студентовъ и учениковъ“ кіевской академіи, 1779 г.; д) Извѣстіе о Мглинѣ 1455 г.; е) „Листъ“ князя Александра Вишневецкаго подданнымъ лоевскаго староства на бортную землю, около теперешняго Замглая 1587 года; ж) Письмо „старшаго канцеляриста“ Андрея Безбородка къ бунчук. товарищу Григорію Ско-

рупѣ, 1736 г.; з) Распоряженіе генеральной канцеляріи о нарядѣ работниковъ и плотниковъ на постройку козелецкаго дома графа Алексѣя Разумовскаго, 1749 г.; и) Пріятельское письмо переяславскаго полковника Иваненка къ погарскому земскому судьѣ Лашкевичу. 1797 г.; і) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. *А. Мёрдеръ*. . . . . 1—20
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 20—28
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) „Кустари и ремесленники Полтавской губ. по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1898 и 1900 г.“ *Л. С. Л.*; б) В. К. Гульдманъ. Памятники старины въ Подоліи. *Н. Бѣляшевскаго;* в) Józef Dunin-Karwicki. Z moich wspomnień. Т. I—II *Н. М.;* г) Богдан Барвинъский. Зъизд галицкого князя Данила з угорскимъ королем Белою IV в Прешбурзі 1250 р. *Н. М.;* д) Владимірскій Кіевскій Кадетскій Корпусъ 1851 [10]/XII 1901 гг.; краткая историческая записка; е) Обзоръ малорусскихъ изданій 1901 года: ж) Обзоръ журналовъ конца 1901 г.; з) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 29—58
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . 59—71

Книга вторая - февраль.

Отдѣлъ I.

I. ДОПРОСЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВЪ 1847 Г. (Изъ рукописныхъ замѣтокъ Н. А. Ригельмана) . . . . . 181—187
II. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. *Н. Тумасова.* (Продолженіе) . . . . . 188—214
III. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ОФФИЦІАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. (Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края). Гл. II. *Л. Личкова.* . . . . . 215—227
IV. ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ. Ч. I. Повисть. *Б. Гринченка* . . . . . 228—297
V. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ. 298—312
VI. ВЪ БОРЬБѢ ЗА ПРОСВѢЩЕНІЕ. *С. Ефремова* . . 313—346

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еще строки Шевченка; б) Къ исторіи могилы Т. Г. Шевченка. *В. Н.*; в) Памяти Михаила Михайловича Левченка. *С. Пономарева*; г) Указъ о проповѣдяхъ на малорусскомъ языкѣ. Сообщ. *С. П*; д) Распоряженіе князя А. И. Шаховскаго о раздѣленіи малороссійскихъ козаковъ на „вы-

борныхъ" и „подпомощниковъ", 1735 г.; е) Ходатайство гетмана Апостола о назначеніи въ Глуховъ второго доктора; ж) Любецкіе гончары въ 1615 году; з) „Черниговскіе архивы"; з) Мелочи изъ архивовъ юго-западн. края. *А Мердеръ*: і) Къ вопросу объ убійствѣ стариковъ. *В. Н.* . . . . . 73—92

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 92—119

II. БИБЛІОГРАФІЯ: Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпускъ 1. *Н. Б.*; б) Иванъ Левицькый. Повисти й оповидання. Томъ III. *В. Черепина*; в) Крымськый. Пальмове гилля—экзотичні поезії. *И. Стешенка*; г) С. Голубевъ. Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. *Вл. Д.*; д) Александръ Барвѣнскій въ исторіи культурнаго движенія русскаго народа на Прикарпатю. *С. Е.*; е) А. Швеццонъ. „Описаніе Литинскаго уѣзда, Подольской губ." *Л. С. Л.*; ж) Русскій Антропологическій Журналъ. 1901 г. (годъ II); з) Обзоръ журналовъ текущаго года; и) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 120—153

Книга третья—мартъ.

Отдѣлъ I.

I. МАЛОРУССКАЯ БАЛЛАДА О БОНДАРИВНѢ И ПАНѢ КАНЕВСКОМЪ (Страничка изъ народнаго эпоса). *Ц. Г Неймана* . . . 347—390

II. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. (Продолженіе) . . . . . 391—416

III. ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ. Повисть (Частына друга) (Продолженіе). *Б. Гринченка* . . . . . 417—493

IV. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ОФФИЦІАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. Преимущественно по даннымъ юго-зап. края (Окончаніе). *Л. Личкова*. . . . . 494—517

V. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ. (*Продолженіе*). . . . . 518—531

VI. НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ. Сообщ. *Петръ Дорошенко* . . . . 532—536

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Маленькая замѣтка о мертвыхъ душахъ; б) Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана, 1883—84 гг.; в) Поминка предковъ.

А. Л.; г) Придворные гайдуки откуда набирались; д) Добавка къ замѣткѣ о „Спискѣ студентовъ кіевской академіи 1779 г.“; е) Вишневецкая библіотека *Д. Щ.*; ж) Нѣсколько дополненій къ статьѣ И. Франка объ украинской литературѣ. *Б. Гринченка* . . . . . 155—173

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 174—190

II БИБЛІОГРАФІЯ: а) Старинный малорусскій Письмовникъ: „Книга глаголемая Листовня“. Съ пред. Б. Д. Гринченко, *О. Л.*; б) Записки С. Г. Волконскаго (декабриста) Изд. кн. М. С. Волконскаго *А. Андр.*; в) Памятная книжка Кіевской губ на 1902 г. *Л. С. Л.*; г) „Нѣсколько словъ о сервитутахъ и развертаніи въ юго-западн. краѣ воспитанника сел.-хоз. и лѣсной Академіи въ Тарантѣ и гейдельбергскаго университета. *Л. С. Л.*; д) П. А. Кулишъ. Хуторни недóгаркы. *С. Е—мовъ*; е) Неначе свитъ перевернувся. Вирши дида Мыколы *С. Е.*; ж) Очеркъ дѣятельности Св.-Михайловскаго Братства въ с. Деньгахъ, Золотоношскаго уѣзда за десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г. *N.*; з) Обзоръ журналовъ текущаго года; и) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 191—232

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . 233—248

Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Канёвскомъ.

(Страничка изъ народнаго эпоса).

Въ разнообразномъ народномъ пѣсенномъ репертуарѣ выдѣляется весьма интересный и вполнѣ, притомъ, опредѣленный видъ пѣсенъ, извѣстный подъ именемъ *балладъ*. Названіе это взято отъ прежней итальянской ballata, означавшей плясовую лирическую пѣсню съ эротическимъ содержаніемъ, а впослѣдствіи оно было пріурочено къ народной эпической пѣснѣ вообще. Въ такомъ, именно, смыслѣ терминъ этотъ проникъ и въ искусственную поэзію, бравшую въ эпоху романтизма многое изъ народныхъ мотивовъ, и подражавшую народной балладѣ, какъ содержаніемъ, такъ и формой.—

Въ теоріи народной поэзіи приходится нѣсколько съузить значеніе этого термина, выдѣливъ изъ цикла народныхъ эпическихъ пѣсенъ историческія и религіозныя пѣсни. Какъ увидимъ ниже, баллады весьма близко по формѣ и складу соприкасаются съ историческими пѣснями, но по содержанію не должны быть съ ними смѣшиваемы.—

Содержаніемъ народныхъ балладъ всегда служитъ необыкновенное событіе, какой-нибудь, особенно грустный, трагическій случай, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ явленій повседневной жизни, запечатлѣвающійся въ памяти народа и возбуждающій его

воображеніе. Убійство изъ нравственныхъ побужденій, кровосмѣшеніе, измѣна, видимое наказаніе порока и т. п.—вотъ обыкновенное, всегда высокотрагическое содержаніе балладъ.

По формѣ, всѣ баллады строго эпически-повѣствовательны, и объективизмъ выдержанъ въ нихъ вполнѣ. Если сравнимъ, напримѣръ, балладу о матери, которая, желая отравить невѣстку, отравляетъ вмѣстѣ съ ней и сына, съ обыкновенными семейными пѣснями сходнаго содержанія (ненависть свекрови къ невѣсткѣ), то увидимъ, что въ балладѣ пѣсня повѣствуетъ о грустномъ событіи съ совершенно ровнымъ эпическимъ спокойствіемъ, не связывая этого событія съ положеніемъ и чувствами поющей женщины, разсказывая о данномъ случаѣ, какъ о давнемъ и ничего не имѣющемъ общаго съ настоящей дѣйствительностью.—Семейныя пѣсни, напротивъ, всегда тѣсно связываютъ свое содержаніе съ настоящимъ моментомъ, такъ что пѣвица какъ бы прикладываетъ готовую пѣсню къ собственному положенію, высказываетъ собственныя чувства, поетъ какъ бы про самое себя. Баллада повѣствуетъ о томъ, какъ жила гдѣ-то такая то свекровь и «не злюбыла» такую то невѣстку, именно, Оляну; въ семейной же пѣснѣ, полной субъективизма, невѣстка сама говоритъ отъ перваго лица: я имѣю злую свекровь, она меня ненавидитъ и вотъ какъ со мной поступаетъ.

Баллады, какъ и всѣ эпическія народныя пѣсни, возникли на почвѣ опредѣленныхъ, конкретныхъ случаевъ, побудившихъ народную фантазію къ творчеству.[1]) Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что каждая баллада воспѣваетъ какое-нибудь дѣйствительное событіе. Событія эти, чисто бытового характера, представляютъ лишь общій интересъ, нравственный, чисто дидактическій, а потому, очень скоро послѣ возникновенія и распространенія баллады, исчезаютъ въ ней почти безслѣдно индивидуальныя черты воспѣваемаго событія, которое по пѣснѣ нельзя уже пріурочить ни къ опредѣленному мѣсту, ни къ извѣстному времени, ни къ опредѣ-

---

[1]) Народное эпическое творчество не изображаетъ сюжетовъ, не измышляетъ событій, а воспѣваетъ только дѣйствительность.

леннымъ дѣйствующимъ лицамъ. Такъ напримѣръ, у поляковъ и малороссовъ распространена баллада о дѣвушкѣ, которую сманилъ къ себѣ незнакомецъ, обобралъ ее и убилъ, разсказавъ ей, что такъ поступилъ съ восемью дѣвицами, а она будетъ девятая. Въ пѣснѣ этой выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ козакъ Дворяченько, ляшокъ Ясь, или просто mładzieniec z cudzej krainy; жертва же, обыкновенно, названа только дивчиной. Мѣстность также не опредѣляется, а если и упоминается «Дунай глыбокый», то лишь какъ общее въ поэзіи выраженіе для опредѣленія глубокой воды. Упоминается въ ней и «коршомонька», и лѣсъ, но вывести заключеніе, изъ всѣхъ варіантовъ ея, къ какому времени и мѣсту относится воспѣваемое событіе, не возможно. Только сравнительное изученіе этой баллады по варіантамъ западно-европейскимъ выясняетъ, что содержаніемъ ея послужила рыцарская бретонская легенда о Синей Бородѣ (Barbe Bleu).

Въ балладѣ главную роль играетъ только фабула, безотносительно къ ея обстановкѣ. Это одно изъ существенныхъ и почти единственное отличіе народной баллады отъ народной исторической пѣсни. Эта послѣдняя, воспѣвая тоже необычные случаи, благодаря ихъ патріотическому значенію, всегда удерживаетъ главнѣйшія черты конкретности событій. Если народная память исказитъ въ исторической пѣснѣ даже имена лицъ и названія мѣстностей, то все-таки сохранитъ въ точности фабулу и массу бытовыхъ и историческихъ подробностей, по которымъ вы должны будете отнести воспѣваемое событіе не къ случаямъ изъ частной жизни, а къ области общественно-историческихъ событій.

Вслѣдствіе такой разницы между балладой и исторической пѣснью, два эти вида поэзіи играютъ въ народномъ репертуарѣ совершенно разную роль. Баллады, какъ болѣе отвлеченныя, по содержанію, обладаютъ замѣчательною подвижностью. Онѣ легко понятны для каждаго, а потому совершенно свободно усваиваются и весьма скоро распространяются на далекіе районы. Безъ вреда для содержанія, фабула совершенно удобно можетъ быть пріурочена не только къ разнымъ мѣстностямъ, но, подчасъ, и къ разнымъ эпохамъ и народамъ. Чѣмъ общечеловѣчнѣе событіе, чѣмъ

общѣе разсказъ о немъ, тѣмъ обширнѣе поле для распространенія пѣсни. Благодаря этимъ свойствамъ, всѣ баллады и болѣе распространены и дольше помнятся, чѣмъ какой-либо иной видъ пѣсни.

Историческая пѣсня обладаетъ свойствами совершенно противоположными. Она, во-первыхъ, понятна и интересна только для своего народа и часто только для извѣстной мѣстности. Мы очень часто видимъ, что историческія пѣсни можно найти, преимущественно, только на мѣстѣ воспѣваемыхъ событій; чѣмъ дальше отъ этого мѣста, тѣмъ варіанты блѣднѣе и рѣже. Есть, впрочемъ, и весьма распространенныя историческія пѣсни, какъ, напримѣръ, пѣснь о смерти полковника Нечая, извѣстная во всей правобережной Украинѣ, но она, во первыхъ, воспѣваетъ весьма извѣстную въ свое время въ народѣ личность, а во-вторыхъ, само воспѣваемое событіе на столько эффектно, что, помимо историческаго и патріотическаго своего значенія, способно довольно сильно возбуждать народную фантазію.

Кромѣ того, историческія пѣсни, по своему свойству, забываются народомъ скорѣе всякихъ другихъ, въ силу того обстоятельства, что интересъ къ нимъ приходитъ и исчезаетъ при всякой перемѣнѣ историческихъ условій жизни народа. Съ перемѣной исторической декораціи, являются каждый разъ новые лозунги для возбужденія патріотическаго чувства, и тѣ пѣсни, которыя, въ свое время, воспламеняли сердца предковъ, теряютъ почву для своего существованія среди новыхъ условій, дѣлаются непонятными для новыхъ поколѣній, пародируются и очень скоро забываются.

Въ силу этой основной разницы между историческими пѣснями и балладами, послѣднія помнятся многія столѣтія, поются не только тѣмъ народомъ, среди котораго онѣ возникли, но перенимаются сосѣдними племенами и даже чужими народностями; историческія же пѣсни, напротивъ, умираютъ весьма быстро за создавшей ихъ эпохой и дальше небольшого мѣстнаго района воспѣваемаго событія не распространяются.

Высказывая это положеніе, необходимо сдѣлать оговорку относительно цикла историческихъ пѣсенъ, составляющаго такъ

называемый героическій народный эпосъ; это гомеровскіе рапсоды, скандинавскія саги, пѣсни Нибелуновъ, великорусскія былины, наши думы, сербская Лазарица и т. д. Всѣ эти замѣчательныя произведенія, составляя несомнѣнно народный эпосъ, очень далеки отъ народной исторической поэзіи въ прямомъ смыслѣ этого слова и никогда въ пѣсенный репертуаръ народа не проникали. Всѣ эти историческіе рапсоды, отличаясь отъ народной исторической пѣсни своеобразной формой и содержаніемъ, возникли, распространялись и вымерли среди тѣснаго круга *профессіональныхъ* пѣвцовъ: бардовъ, трубадуровъ, сказителей и нашихъ кобзарей и лирниковъ. Народъ хотя и съ жадностью слушалъ эти рапсоды, но самъ ихъ не пѣлъ никогда. Искусственная форма этихъ большихъ музыкально-свободныхъ кантатъ и необходимость исполненія ихъ подъ сложный музыкальный акомпаниментъ были не подъ силу простому народу. Если народъ и заимствовалъ что либо изъ этихъ рапсодовъ, то ограничивался лишь прозаическимъ пересказомъ. Какъ на примѣръ такого заимствованія, можно указать на былинные мотивы въ малорусскихъ сказкахъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Въ силу вышеуказаннаго свойства балладъ—легко акклиматизироваться у разныхъ народовъ, всѣ почти баллады сдѣлались *бродячими* пѣснями, на подобіе басенъ и легендъ, перенимаемыхъ однимъ народомъ у другого. Большинство извѣстныхъ по этнографическимъ сборникамъ малорусскихъ балладъ поются не только у многихъ другихъ славянскихъ племенъ, но даже нѣкоторыя и у другихъ народовъ западной Европы: нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ.

Надо здѣсь замѣтить, что подъ именемъ бродячихъ пѣсенъ иногда неправильно понимаютъ всѣ пѣсни, общія многимъ странамъ и племенамъ. Общность содержанія пѣсеннаго репертуара у разныхъ племенъ происходитъ отъ двухъ совершенно различныхъ причинъ. Есть очень древнія пѣсни, правда—немного ихъ, общія почти всѣмъ славянамъ или отдѣльнымъ группамъ славянскихъ племенъ. Прототипъ такихъ пѣсенъ, очевидно, возникъ въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, когда нынѣшнія вѣтви славянъ

еще не обособились окончательно отъ первичнаго славянскаго ствола. Къ такимъ общимъ пѣснямъ принадлежатъ нѣкоторыя древнія обрядныя пѣсни. Въ нихъ, обыкновенно, замѣчается много общаго въ уцѣлѣвшихъ фрагментахъ, относящихся къ древнему культу, между тѣмъ какъ новѣйшій бытовой элементъ бываетъ различный, такъ какъ онъ созданъ впослѣдствіи или измѣненъ самостоятельно каждымъ племенемъ. Такого рода пѣсни достались въ наслѣдіе разнымъ племенамъ отъ общаго родоначальнаго племени, вмѣстѣ съ языкомъ, вѣрованіями, обычаями и другими этнологическими особенностями. Пѣсни эти живутъ и умираютъ только среди славянъ и, обыкновенно, не распространяются за этнографическіе предѣлы родины.

Но кромѣ этихъ пѣсенъ, есть много общихъ разнымъ племенамъ и народамъ, распространившихся уже путемъ заимствованія. Пѣснь родилась въ одной мѣстности и, вслѣдствіе отвлеченности своего содержанія, свободно перенимается сосѣдями, начинаетъ *бродить* все дальше и дальше, возбуждая къ себѣ одинаковый интересъ у всѣхъ, и современемъ, дѣлается достояніемъ не только цѣлаго племени, но и многихъ племенъ и народовъ. Это и есть настоящія *бродячія* пѣсни.

Путемъ заимствованія могутъ случайно переходить отъ одного народа къ другому всякаго рода пѣсни. Перениманіе пѣсенъ особенно часто проявляется на почвѣ пограничнаго сосѣдственнаго общенія и колонизаціи. Такъ, напримѣръ, въ Люблинской губерніи, населенной отчасти поляками и отчасти малороссами, есть, немногія правда, пѣсни любовныя и семейныя, общія обоимъ племенамъ. Точно также сосѣдственное воздѣйствіе легко подмѣтить у великороссовъ и малороссовъ въ Малоархангельскомъ уѣздѣ. Общность, однако, въ такихъ случаяхъ совершенно случайная и довольно рѣдкая, такъ какъ пѣсни этого рода представляютъ мало данныхъ для акклиматизаціи въ чуждой сферѣ.—Народныя же баллады, какъ было уже указано выше, по своему, такъ сказать, космополитическому характеру, перенимаются совершенно свободно и единственно могутъ быть названы бродячими пѣснями.

Чѣмъ эффектнѣе фабула баллады, чѣмъ проще ея содержаніе, тѣмъ интенсивнѣе идетъ перениманіе, тѣмъ скорѣе она бродитъ. Есть много старыхъ балладъ, до того распространенныхъ среди европейскихъ народовъ, что уже трудно бываетъ опредѣлить, среди какого изъ нихъ онѣ возникли. Затѣмъ, есть много балладъ, извѣстныхъ у многихъ славянскихъ племенъ, но еще не успѣвшихъ проникнуть за предѣлы славянства. Наконецъ, есть чисто мѣстныя малорусскія баллады недавней формаціи, не перешедшія границъ родины.

Мѣстныя черты и отличія различныхъ варіантовъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, весьма разнообразны въ каждой болѣе распространенной пѣснѣ. Это общее свойство всѣхъ произведеній народнаго творчества, но нигдѣ оно такъ ясно не выступаетъ, какъ въ балладахъ, стремящихся всегда пріурочить отвлеченную фабулу къ извѣстной обстановкѣ. Это объясняется тѣмъ, что въ пѣсняхъ субъективнаго характера, напр. семейныхъ и любовныхъ, главную роль играетъ чувство; въ эпическихъ же балладахъ, полныхъ объективизма, на первый планъ выступаетъ картина воспѣваемаго событія, и для большей пластичности и реальности этой картины обрисовываются въ пѣснѣ подробности мѣста дѣйствія и обстоятельствъ, сопровождавшихъ событіе. Такъ какъ эти подробности въ заимствованной балладѣ, оторванной отъ почвы, на которой она выросла, съ трудомъ удерживаются въ народной памяти, то каждый народъ рисуетъ ихъ по своему, такъ что такая баллада, на первый взглядъ, благодаря яркости мѣстнаго колорита, кажется произведеніемъ мѣстнымъ, а не бродячимъ, зашедшимъ изъ отдаленныхъ странъ.

Мотивы и стихосложеніе во всѣхъ балладахъ носятъ строго эпическій характеръ. Тонъ мелодій всегда минорный, напѣвъ протяжный, серіозный, съ характернымъ оттѣнкомъ грустной задумчивости. Куплеты балладъ всегда состоятъ изъ двухъ длинныхъ, сложныхъ стиховъ, въ большинствѣ случаевъ съ повтореніями перваго, второго или даже обоихъ стиховъ. Въ общемъ, сравнивая эти пѣсни, по характеру ихъ склада, съ пѣснями историческими и чумацкими, надо признать, что въ этихъ послѣднихъ

далеко больше размашистости напѣва и мелодіи въ нихъ богаче и разнообразнѣе, чѣмъ въ монотонныхъ звукахъ балладъ.

Исторія балладъ, вошедшихъ въ пѣсенный репертуаръ малорусскаго народа, ждетъ еще изслѣдователей. Гдѣ какая изъ нихъ возникла, какими путями забрели онѣ на югъ Россіи, каковъ ихъ былъ прототипъ и что въ нихъ составляетъ мѣстное наслоеніе?— всѣ эти весьма интересные вопросы только слегка, большею частью лишь попутно, затрогивались изслѣдователями народной литературы. Изъ десятка обработанныхъ уже пѣсенъ видно, что старыя общеевропейскія баллады брели къ намъ изъ запада, изъ Франціи и Италіи, обыкновенно черезъ южную Германію, направляясь къ западнымъ и южнымъ славянамъ, а среди этихъ послѣднихъ постепенно двигались на сѣверо-востокъ, доходя до отдаленныхъ великорусскихъ рубежей.

Первые опыты научной обработки нашихъ балладъ, путемъ изслѣдованія сравнительнаго матеріала, сдѣланы были еще М. Драгомановымъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, изъ которыхъ упомянемъ: 1) Убійство брата женинаго, 2) Покупка братомъ сестры плѣнницы, 3) Романъ и Олена, 4) Дѣвушка воинъ (*см. Антоновича и Драгоманова историческія пѣсни малорусскаго народа т. I, стр. 58, 275—387*), 5) Отголосокъ рыцарской поэзіи—пѣсни о Королевичѣ (*см. записки ю.-з. отдѣла Импер. Геогр. Общ. I, стр. 48*), 6) Малорусскія пѣсни о кровосмѣшеніи (*читано на III Археол. Съѣздѣ*). Весьма много цѣнныхъ попутныхъ экскурсій въ сравнительное изслѣдованіе малорусскихъ балладъ имѣется въ трудахъ покойнаго профессора Потебни (*Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ*). Въ недавнее же время на баллады обратилъ вниманіе проф. Н. Ѳ. Сумцовъ (*Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ;* Дума объ Алешѣ Поповичѣ—Кіевс. Стар. 1894 г.).

Разсматривая малорусскіе этнографическіе сборники, можно вывести заключеніе, что эпическое творчество балладъ болѣе всего присуще подолянамъ. Этнографія успѣла въ русской и галицкой Подоліи собрать далеко болѣе варіантовъ балладъ, чѣмъ

въ другой какой либо мѣстности. На Волыни и въ Кіевщинѣ балладъ значительно меньше, а въ лѣвобережной Украинѣ записано ихъ совсѣмъ мало.—Эта неравномѣрность распространенія балладъ по мѣстностямъ въ нашихъ сборникахъ, быть можетъ, явленіе случайное, зависящее отъ несовершенства самихъ сборниковъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что изъ матеріаловъ, собранныхъ экспедиціей Чубинскаго, кажется, было выдѣлено большинство эпическаго матеріала и предполагалось его обработать для особаго изданія. М. Драгомановъ работалъ надъ составленіемъ систематическаго сборника балладъ по этимъ матеріаламъ. Куда дѣвался этотъ цѣнный матеріалъ, каково было его содержаніе, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно.

Въ 1883 году, извѣстный польскій этнографъ Оскаръ Кольбергъ издалъ въ двухъ томахъ свой классическій сборникъ «Pokucie» (Покутье). Это—этнографическая картина небольшой мѣстности въ юго-восточномъ углу Галиціи, почти у подножія Черной Горы. Сравнивая второй томъ этого сборника съ матеріалами, добытыми въ другихъ южно-русскихъ мѣстностяхъ, вы невольно поражаетесь замѣчательной способностью жителей Покутья къ эпическому творчеству и, именно, къ балладамъ. Ихъ здѣсь масса. Кромѣ общеизвѣстныхъ балладъ, здѣсь вы встрѣтите на каждомъ шагу чисто мѣстныя баллады, воспѣвающія разнообразные, сколько нибудь выдающіеся въ деревенской жизни случаи. Баллады сочиняются чуть не на вашихъ глазахъ.

Въ 1873 г., умеръ въ Мышинѣ отъ чахотки Иванъ Юрченко. Деревенскія бабы подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ ревнивой дѣвушкой на вечеринкѣ, и одна изъ газдынь (хозяекъ), Анна Чартецкая, сейчасъ же сочинила «спиванку» объ этомъ случаѣ [1]).

Въ томъ же Мышинѣ, два брата убили, неизвѣстно, по какому поводу, молодого парня Ивана, за что попали подъ судъ. Событіе это воспѣвается въ длиннѣйшей балладѣ въ 39 куплетовъ Оленой Федуневой, родной теткой и крестной матерью убитаго: вотъ ея конецъ:

---

[1]) Kolberg O. Pokucie II, стр. 13.

33. Та кувала зозулечка, кувала-кувала;
Та Олена Федунева билый хрестъ поклала.
34. Та Олена Федунева билый хрестъ свитыла *(освящала);*
Бо вна ёго ридна тетя, а винъ ій фылына *(крестный сынъ,—filius).*
35. Та кувала зозулечка, кувала дзелена;
Спиванку цю изложыла Федуневъ Олена.
36. Та кувала зозулечка, кувала, бинчела;
Вже тоби си Иваночку спиванка скинчила. [1])

Два брата, въ праздникъ Покрова, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, поѣхали брать песокъ, но во время работы «стала си надъ хлопцимы гора розлигаты», обрушилась и похоронила ихъ. [2])

Въ лѣсу разбойники убили Проца Прытулюка. Его привезли еще живого домой и пригласили врача, но послѣдній объявилъ, что нѣтъ уже надежды на спасеніе. [3])

Какой то Илько Ганущакъ вернулся домой изъ церкви, мучимый неопредѣленнымъ злымъ предчувствіемъ. По совѣту жены, идетъ онъ къ Грыцьку списать, на всякій случай, свое имущество (надо полагать, дѣло идетъ о завѣщаніи), но по дорогѣ узнаетъ, что въ одномъ дворѣ, на крестинахъ завязалась драка. Онъ заходитъ туда съ намѣреніемъ «справу зробыты», между тѣмъ разъяренные буяны нападаютъ на примирителя и убиваютъ его. [4])

Въ мѣстечкѣ Тысьменицѣ, на постояломъ дворѣ, евреи убили и ограбили богатаго купца армянина Джепеня, а трупъ бросили въ полѣ. Косари изъ с. Олеева нашли трупъ и дали знать сыновьямъ убитаго, которые догнали уходившихъ евреевъ на самой русской границѣ. [5])

---

[1]) Ibid 7—9.
[2]) Ibid, стр. 6.
[3]) Ibid, стр. 9.
[4]) Ibid, стр. 10.
[5]) Ibid, стр. 11.

Дмитро Бурысевичъ, въ ссорѣ съ женою, пробилъ ее вилами, отъ чего она умерла на рукахъ прибѣжавшаго отца Сергена. Преступный мужъ хотѣлъ скрыться у сестры, но та его не приняла [1]).

Одинъ жандармъ замѣтилъ въ церкви красивую жену Николочки, познакомился съ ней и обольстилъ ее, зазвавъ ее къ себѣ. Застигнутый мужемъ врасплохъ, онъ, изъ ревности, убилъ любовницу и себя [2]).

Въ с. Мыкытынцахъ, въ корчмѣ, повздорили между собой пьяные урлѣпники (безсрочно отпускные). Бывшій тутъ же войтъ сталъ усмирять ихъ, пустивъ въ ходъ палку. Разъяренные урлѣпники набросились на войта и били его до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ [3]).

Дочь пана Кульчицкаго, Августина, полюбила русскаго офицера, но отецъ ея воспротивился ихъ браку. Тогда офицеръ, однажды ночью, окружилъ козаками ихъ домъ. взялъ силою Августину и увезъ ее заграницу, въ Россію, гдѣ она вскорѣ затосковала за родителями [4]).

Эти и имъ подобные случаи сдѣлались содержаніемъ балладъ. Всѣ онѣ, болѣе или менѣе, новаго происхожденія и поэтому поются только въ Галичинѣ, но на дальнѣйшее ихъ распространеніе среди народа разчитывать трудно, такъ какъ воспѣваемыя ими событія, хотя и необычныя для своего околотка. не новость для другой любой мѣстности.

Какъ на примѣръ творчества балладъ въ новѣйшее время въ лѣвобережной Украинѣ, можно указать балладу объ убійствѣ семьи помѣщиковъ Базилевскихъ, въ с. Турбаяхъ. Закрѣпощенные козаки с. Турбаевъ долго вели процессъ о своихъ правахъ и

---

[1]) Ibid, стр. 13.

[2]) Ibid, стр. 15.

[3]) Ibid, стр. 14.

[4]) Ibid, стр. 12; Головацкій I, стр. 87. Сильно искаженный варіантъ Головацкаго пріурочиваетъ мѣсто этого событія къ г. Гусятину на самой русской границѣ и называетъ отца Августины паномъ Кучинскимъ.

выиграли его въ Сенатѣ въ 1788 г. Возмущенные несправедливымъ исполненіемъ указа Сената, Турбаевцы, 8 іюня 1789 года, напали на домъ помѣщиковъ, убили Степана, Ивана и сестру ихъ дѣвицу Марію Базилевскихъ, прогнали изъ села членовъ присутствія суда, исполнявшаго указъ Сената, и разграбили богатый помѣщичій домъ. Нѣсколько лѣтъ тянулся процессъ Турбаевцевъ, болѣе виновные были наказаны, а остальные всѣ жители были выселены частью въ Днѣпровскій уѣздъ, частью въ Бессарабію.

Спустя сто лѣтъ послѣ этого событія, А. А. Несвицкій записалъ на мѣстѣ происшествія (нынѣ небольшой хуторъ Турбаи-Скорбное) отъ старика пѣсню о главномъ эпизодѣ этой драмы—объ убійствѣ Базилевскихъ [1]). Пѣсня эта, хотя, очевидно, и не вполнѣ сохранившаяся въ записанномъ варіантѣ, замѣчательно правдиво указываетъ ни причину и поводъ взрыва негодованія Турбаевцевъ и очень характерно описываетъ смерть первой убитой—Маріи (Маріана по пѣсни) Базилевской.

Подобныя Покутскимъ, мѣстныя баллады способны возбуждать къ себѣ интересъ только на мѣстѣ, среди людей, близко стоящихъ къ лицамъ, причастнымъ къ воспѣваемымъ событіямъ. Всѣ эти пѣсни, вѣроятно, черезъ нѣсколько поколѣній забудутся; ихъ вытѣснятъ новыя спиванки, сочиняемыя при каждомъ, болѣе выдающемся, случаѣ. Народная память удержитъ только тѣ изъ нихъ, которыхъ содержаніе будетъ выдаваться изъ ряда прочихъ и интересовать безотносительно къ мѣсту и лицамъ. Такихъ, разумѣется, балладъ весьма немного.

Изъ числа малорусскихъ балладъ успѣла уже обратить на себя вниманіе и пріобрѣла почти повсемѣстную въ южной Руси извѣстность пѣсня о *Бондаривнѣ и панѣ Канёвскомъ*.

Подъ руками у меня только 15 варіантовъ этой баллады, а именно: *три* варіанта въ сборникѣ Кольберга «Pokucie» (т. II, стр. 4—6 и 293), записанные въ юго-восточной Галиціи; *два*

---

[1]) *А. Я. Ефименко*. Турбаевская катастрофа, Кіев. Стар. 1891 г. № 3.

тоже галицкіе варіанта въ сборникѣ Васлава съ Олеска (стр. 493—494); *четыре* тоже галицкихъ варіанта у Головацкаго (т. I, стр. 63—68, и т. II, стр. 601); *одинъ* въ сборникѣ Закревскаго «Старосвѣтскій Бандуристъ (стр. 100), записанный, вѣроятно, въ Подольской губерніи»; *одинъ* волынскій въ сборникѣ Чубинскаго (V, стр. 426), записанный Н. Костомаровымъ; *одинъ* тоже волынскій въ изданіи Краковской Академіи «Zbiór Windomości do Antropologji Kraiowej (т. VI), записанный С. Рокосовской въ Новоградволынскомъ уѣздѣ; *одинъ* изъ Липовецкаго уѣзда въ нашемъ сборникѣ, помѣщенномъ въ VIII т. того же изданія Краковской Академіи; *одинъ* изъ Каневскаго уѣзда, записанный Б. Познанскимъ и напечатанный въ октябрьской книжкѣ Кіевской Старины за 1885 г. (стр. 240), и наконецъ, *одинъ* неизданный варіантъ, записанный для меня въ с. Буды, Ольгопольскаго уѣзда.

Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что въ I томѣ сочиненія Стецкаго «Wołyń» помѣщенъ тоже одинъ волынскій варіантъ. Затѣмъ, у меня подъ руками польскій переводъ еще одного волынскаго варіанта, изданный Адамомъ Словиковскимъ въ журналѣ «Athenеum» въ 1842 году (т. VI). Болѣе варіантовъ я не имѣю въ виду, и есть ли гдѣ либо еще изданные, я не знаю.

Всѣ эти варіанты весьма разнообразнаго качества. Лучшій изъ нихъ, по полнотѣ и законченности, волынскій варіантъ Костомарова, а затѣмъ, первые два варіанта Кольберга и первые три Головацкаго. Остальные весьма не полны, а нѣкоторые съ грубыми искаженіями, какъ, напр., варіантъ Познанскаго.

Фабула этой баллады слѣдующая. Николай Потоцкій, каневскій староста, увидѣвъ въ одномъ мѣстечкѣ, въ дѣвичьемъ хороводѣ, слывшую красотой и невинностью дочь мѣстнаго бондаря, возгорѣлъ къ ней страстью, обнялъ ее при всѣхъ и предложилъ итти жить съ нимъ. Бондаривна не стерпѣла обиды и ударила Потоцкаго по лицу, а затѣмъ, по совѣту старшихъ, бросилась бѣжать, но была поймана козаками старосты и убита имъ лично. Вскорѣ, однако, Потоцкій опомнился и, сожалѣя о случившемся, явился къ отцу убитой, далъ ему значительную сумму денегъ и устроилъ очень пышные похороны [illegible] дѣвушки.

Возстановляя по 15-ти варіантамъ балладу, въ возможно полномъ ея видѣ, мы предлагаемъ читателю слѣдующій сводный ея текстъ, съ указаніемъ подъ каждымъ куплетомъ варіантовъ, изъ которыхъ онъ взятъ:

1. Ой, у мисти Богуслави, тамъ чорная хмара,
   Танцювала компанія Канёвскаго пана (*Головац. 1-й, Вацл. съ Ол. 2-й*).
2. Ой, у мисти Богуслави капелія грала,
   Молодая Бондаривна въ ратушки гуляла (*Рокосовс., Головацк. 3-й*).
3. Ой, у мисти Богуслави танець дивокъ ходыть,
   А найкраща Бондаривна усимъ передъ водыть.
4. Ой, прыйихавъ панъ Канёвськый, добры-день всимъ дае,
   Бондаривну за ручепьку къ соби прыгортае. (Вацл. съ Ол. 1 и 2; Гол. 2).
5. Ой, ходыть же панъ Канёвськый та помеже танци,
   Потыскае Бондаривну за билыи пальци (Голов. 1 и 4).
6. Молодая Бондаривна на те не вважала,
   Та на пана Канёвського губы оддувала (Голов. 4).
7. А якый ты панъ Канёвськый, така Бондаривна,
   Не прыступай за пальчыкы, бомъ не твоя ривня (Гол. 4).
8. Прыйшовъ до неи панъ Канёвськый, тай шапочку изнявъ,
   Обійнявъ винъ Бондаривну, тай поцилувавъ (Кост.; Гол. 2 и 3; Познан.; Нейм.).
9. Якъ ся маешъ Бондаривно, нехъ тя буду знаты,
   Сподобалась мени, панно, пидешъ зо мной спаты (Костом.).
10. А молода Бондаривна ще жарту не знала,
    Та старого Канёвського по лыцю затяла (Кольб. 1, 2, 3; Голов. 2; В. съ Ол. 1; Закревс.; Нейм.).
11. Не годенъ ты, панъ Канёвськый, мене цилуваты,
    Тилькы годенъ, панъ Канёвськый, мене роззуваты (Нейм.).
12. Якъ почувъ же панъ Канёвськый ціи вирни слова:
    «Прощай, прощай, Бондаривно, оставайсь здорова (Познан.).
13. Ой, не пишовъ панъ Канёвськый та въ каляты граты,
    А винъ пишовъ до пывныци шабли добуваты (Гол. 4).

14. Ой шепнулы Бондаривни стари люде стыха:
«Тикай, тикай, Бондаривно, наробыла-сь лыха» (тринадцать варіантовъ).

15. Злякалася Бондаривна: що ми тутъ діяты?
А стоячы, мыслыть соби, где бы утикаты (Костом.).

16. Бондаривна, якъ стояла, стала утикаты;
Ой, ажъ казавъ панъ Канёвськый та за нею гнаты (Вац. съ Ол. 2).

17. Утикала Бондаривна помеже крамныци,
А за нею панъ Канёвськый зъ набытой рушныцей (Кольб. 1, 2, 3; Нейм.).

18. Утикала Бондаривна помеже домамы,
А за нею два козакы съ голымы шаблямы (12 варіантовъ).

19. Утикала Бондаривна промеже лотокы,
Уловылы Бондаривну пидъ билыи бокы (Костом.).

20. Ой, догналы Бондаривну на дубовимъ мости:
«Ой, верныся, Бондаривно, клыче панъ у гости (Кольб. 1: Вац. съ Ол. 1: Голов. 2).

21. Изловылы Бондаривну на дубовимъ мосту;
Сама красна, чепурная, хорошого зросту (Кольб. 1; Кост.; Нейм.; Голов, 3; Познан.).

22. Сніймавъ ін старый жовниръ за жовтыи косы;
«А вже-жъ тоби, Бондарочко, гуляточкы доси» (Голов. 2, 4).

23. А взявъ ін другый жовниръ, прыгорнувъ до себе:
«Панна жъ моя, Бондаривно, жалко жъ мени тебе» (Нейм.; Раког.; Кольб. 1.)

24. «Воливъ бы я, Бондаривно, съ тобой шлюбъ узяты,
«Нижъ панови Канёвському въ ручкы тя виддаты» (Кольб. 1).

25. Узявъ ін старый жовниръ за билую руку,
Прывивъ пану Канёвскому на велыку муку (Костом.; Кольб. 1; Голов. 2, 3).

26. Ой прывелы Бондаривну предъ нови палаты,
Заразъ казавъ панъ Канёвськый у скрыпочку граты (Кост.).

27. Якъ прывелы Бондаривну до новой оселькы,
Заставылы Бондаривну спиваты писенькы (Познан.; Голов. 3).

28. Посадылы Бондаривну на золотимъ кресли:
«Кадукъ парывъ твою матиръ, прыйшлась мени къ мысли (Костом.).
29. Молодая Бондаривна писенькы спивае,
А иззаду панъ Канёвськый ружье заряжае (Познан.).
30. Ой, чы волышъ, Бондаривно, изо мною жыты,
А чы волышъ, Бондаривно, въ сырій земли гныты? (Кост., Нейм., Рокос.).
31. Ой волю жъ я, панъ Канёвськый, въ сырій земли гныты,
Нижъ зъ тобою, мій паночку, на симъ свити жыты (Кост., Нейм.).
32. Ой, якъ тилько Бондаривна ти слова сказала,
Ой выстрелывъ панъ Канёвськый, Бондаривна впала (Нейм.; Кольб. 2).
33. Якъ выстрелывъ панъ Канёвськый мымо еи уха,
Заразъ стала Бондаривна и нима и глуха (Кост.; Позн.; Вац. съ Ол. 1; Голов. 2).
34. Ой, упала Бондаривна блызько перелазу,
Забывъ, забывъ панъ Канёвськый зъ рушныци видъ разу (Костом.).
35. Якъ вымирывъ панъ Канёвськый въ сердецько самое,—
Шкода тебе, Бондаривно, тай уроды твоій (Кольб. 1).
36. Ой, вы хлопци, вы молодци, дайте батьку знаты,
Нехай иде свою дочку на смерть наряжаты (Нейм.).
37. Та на нашій Бондаривни шовкова спидныця,
Де лежала Бондаривна, кривава керныця (Кольб. 1, 2).
38. А въ нашои Бондаривны завликаны пличкы,
Куды неслы Бондаривну, кривавыи ричкы (Кост.; Позн.).
39. А въ нашои Бондаривны фартухъ и мережка,
Куды неслы Бондаривну, кривавая стежка (Кост.; Кольб. 1, 2; В. съ Ол. 2; Познан.).
40. Ой, привезлы Бондаривну до новои хаты,
Положылы на лавоньци, сталы убираты (Кост.; Кольб. 2).
41. Ой, поплелы Бондаривни тры винкы зъ барвинку;
Такъ убралы Бондаривну, якъ до шлюбу дивку (Кост.; Кольб. 2).

42. А надйихавъ панъ Канёвськый зъ дротяной нагайкой,
А молоду Бондаривну вже кладуть на лавку (Кольб. 1).
43. Ой, прыйихавъ панъ Канёвськый на нове подвирья,
Пытается у сусидивъ, чы тутъ Бондаривна (Кост.; Кольб. 2).
44. Ой, якъ узявъ старый бондарь тай пана благаты,
Скынувъ шапку: «злизьте зъ коня, тай ходить до хаты (Кольб. 1).
45. Якъ увійшовъ панъ Канёвськый до новóи хаты,
Та ставъ свои чорни очи хусткой обтыраты (Кольб. 1; Кост.; Нейм.).
46. Зломывъ свои билы рукы, та ставъ жалуваты:
«Хорошее дивча було, мусивемъ стриляты» (Кольб. 2; В. съ Ол. 2).
47. Ой, тыжъ моя, Бондаривно, якажъ бо ты гожа!
Ой, якъ же ты процвитаешъ, якъ въ городи рожа! (Кост.; Кольб. 2).
48. Ой, ты жъ моя, Бондаривно, якажъ бо ты била!
Ой, якъ же ты процвитаешъ, якъ въ саду лелія (Костом.).
49. Молодая Бондаривно, якажъ бо ты пышна,
Якъ у лити, у садочку, червоная вышня (Позн.).
50. Положылы Бондаривну на тысову лавку,
Докы звеливъ панъ Канёвськый выкопаты ямку (Голов. 2; Нейм.).
51. Лежыть, лежыть Бондаривна суткы, щей годыну,
Докы звеливъ панъ Канёвськый зробыть домовыну (Кост.; Позн.; Нейм.).
52. Ой, же казавъ панъ Канёвськый кытайкы набраты,
Молодои Бондаривни домовыну вбраты (Костом.).
53. Ой, же казавъ панъ Канёвськый щей склепъ склепуваты,
Молодую Бондаривну гарно поховаты (Костом.).
54. Ой то казавъ панъ Канёвськый музыкы наняты,
Молодои Бондаривни до гробу заграты (Костом.).
55. Якъ зачалы Бондаривну у гробъ опускаты,
Ой, то казавъ панъ Канёвськый ще жалибнишъ граты (Костом.).

56. Ударылы въ уси дзвоны, музыкы загралы,
А вже жъ панну Бондаривну на вики сховалы (Нейм.).
57. Ой, выкынувъ панъ Канёвськый на стилъ сто червоныхъ:
Ото тоби, Бондаривно, за чорныи бровы (Костом.).
58. Покынь, покынь старый бондарь, по дочци плакаты,
Покынь видеръ набываты, будешъ пануваты (Кост.).
59. Ударывся старый бондарь по полахъ рукою:
«Наложыла, моя доню, за всихъ головою» (Кост.; Голов. 2, 3; Вац. съ Ол. 1).
60. Ударывся старый бондарь объ стилъ головою:
«А вже-жъ ми ся не выдиты зъ мылою донькою (Голов. 1; В. зъ Ол. 2).

Нѣкоторые этнографы, при классификаціи пѣсеннаго матеріала, относятъ пѣсню о Бондаривнѣ къ пѣснямъ историческимъ. Это очевидная ошибка, въ которую легко впасть подъ вліяніемъ того лишь обстоятельства, что въ этой балладѣ выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ каневскій староста Николай Потоцкій, пріобрѣтшій въ исторіи нашего края довольно печальную извѣстность. Замѣните въ пѣснѣ пана Каневскаго какимъ-нибудь княземъ или королевичемъ безъ опредѣленнаго имени, и получите нисколько не искаженную по смыслу балладу, но при этомъ читатель не будетъ имѣть малѣйшаго повода отыскивать въ ней историческое значеніе.

Личность Николая Потоцкаго, или правильнѣе «пана Канёвскаго» въ правобережной Малороссіи хотя и общеизвѣстно, но въ сущности очень мало изслѣдовано. Есть нѣсколько о немъ мемуарныхъ воспоминаній и множество изустныхъ разсказовъ о его эксцентричныхъ, часто преступныхъ выходкахъ. Несомнѣнно, что слава о его чудачествахъ и похожденіяхъ прогремѣла среди современниковъ, и панъ Каневскій сталъ притчей во языцѣхъ. О немъ разсказывали самыя невозможные исторіи и анекдоты. По этимъ разсказамъ, Потоцкій представляется какимъ-то нравственнымъ уродомъ. Съ одной стороны, это умный, добрый, справедливый и весьма щедрый магнатъ, любившій народъ и заботившійся о немъ; къ нему охотно шли на судъ въ самыхъ сложныхъ во-

просахъ и прибѣгали бѣдняки подъ его покровительство и защиту. Съ другой, это былъ дикій деспотъ, не знавшій надъ собой власти и не сознававшій никакихъ обязанностей, не знавшій предѣла разнузданнымъ своимъ страстямъ, предававшійся излишествамъ всякаго рода, бражничавшій во главѣ своихъ придворныхъ козаковъ и для удовлетворенія своихъ похотей не останавливавшійся даже предъ убійствомъ и кощунствомъ.—Продѣлать надъ кѣмъ-либо остроумную шутку, потѣшиться и отстегать нагайками жида—было его любимымъ развлеченіемъ. Настойчиво утверждаютъ разсказы, что, завидѣвъ красивую дѣвушку, онъ вѣнчался съ ней по церковному обряду, а на слѣдующій день, удовлетворивъ свою страсть, онъ приказывалъ убивать свою жертву и устраивалъ ей пышные похороны. Нагрѣшивъ, Потоцкій предавался покаянію и молитвѣ, жертвамъ на церкви и монастыри.—Все это, однако, мы знаемъ изъ однихъ только преданій, какъ мемуарныхъ, такъ и изустныхъ.—Доказательствъ серіозныхъ, документальныхъ, которыя-бы вполнѣ подтвердили всѣ эти разсказы, пока мы не имѣемъ, но знаемъ, что въ числѣ этихъ разсказовъ есть много апокрифическаго.—Вполнѣ точнаго объ этомъ магнатѣ знаемъ немного. Николай Потоцкій былъ сыномъ Белзскаго воеводы Стефана (Антона?), родился въ 1712 году и около 1735 года уже владѣетъ Каневскимъ старостствомъ. Происходя изъ очень богатаго и могущественнаго рода Потоцкихъ-Пилявитовъ, онъ владѣлъ, кромѣ Каневскаго старостства, обширными собственными имѣніями въ Галичинѣ и писался такъ: «Миколай на Потокѣ, Бучачѣ, Городенкѣ и Гологорахъ Потоцкій, староста Каневскій». Всѣ его ближайшіе родственники, пользуясь огромнымъ вліяніемъ въ Польшѣ, постоянно занимали всевозможныя государственныя должности на военномъ, гражданскомъ и духовномъ поприщахъ. Воеводы, каштеляны и гетманы не выходили изъ этого могущественнаго рода. Нашъ Николай Потоцкій всю свою общественную карьеру началъ и окончилъ на скромномъ, постоянно разоряемомъ пограничномъ старостствѣ Каневскомъ, справиться съ которымъ могъ только такой, какъ онъ, магнатъ.—Въ 1710 г. Каневъ былъ разоренъ и жители всѣ выселены русскимъ правительствомъ за Днѣпръ. По возвращеніи Ка-

нева Польшѣ, началось новое устройство этого староства и, не смотря на постоянныя смуты, въ теченіе двадцати лѣтъ оно дошло до такого благосостоянія, что когда въ 1736 г. вступили въ него русскія войска, то майоръ Шенкіевъ могъ изъ однихъ доходовъ Николая Потоцкаго захватить 70.000 золотыхъ польскихъ [1]).— Изъ его дѣятельности въ Каневскомъ староствѣ извѣстно очень не много. Населеніе староствъ увеличилось; возникло при немъ нѣсколько новыхъ селъ, между прочимъ, около Ржищева с.с. Николаевка и Потокъ.—Къ нему тянутъ и бѣглые изъ другихъ мѣстъ крестьяне, очевидно, не страшась его имени Въ 1740 году Станиславъ Щенёвскій требуетъ отъ него судомъ возвращенія бѣглыхъ крестьянъ изъ двухъ селъ [2]).—Этотъ Щенёвскій владѣлъ сосѣднимъ Трехтемировскимъ староствомъ и не жилъ съ Потоцкимъ въ ладахъ. Въ 1750 г. по требованію Потоцкаго, возный арестовалъ въ Трехтемировѣ какихъ-то укрывшихся гайдамакъ, но ихъ возному не выдали, и дѣло пошло въ судъ [3]), а въ слѣдующемъ году Потоцкій заявилъ въ судѣ жалобу на Щенёвскаго, за то, что люди послѣдняго обижаютъ его крестьянъ, что онъ передерживаетъ у себя воровъ и т. п. [4]).—Что касается приписываемыхъ ему безчинствъ и насилій, то, пока, имѣется въ источникахъ лишь одинъ приговоръ суда по слѣдующему дѣлу. Николай Потоцкій не проживалъ постоянно въ Каневѣ, а пріѣзжалъ туда изъ своего собственнаго имѣнія Бучача, въ сопровожденіи отряда придворной милиціи, состоявшей изъ дворовыхъ козаковъ и волоховъ. По разсказамъ современниковъ, Потоцкій содержалъ на свой счетъ до 3.000 чел. войска. Въ 1739 или 1740 г. Потоцкій возвращался изъ Канева въ Бучачъ, въ Галичину. Во время прохода черезъ с. Карапыши, принадлежавшее къ Богуславскому староству князя Любомирскаго, отрядъ Потоцкаго произвелъ слѣдующія безчинства: козаки и волохи силою

---

[1]) Арх. ю.-з. Рос. III, 3. 409.

[2]) Ibid, VI, 2, 67.

[3]) Ibid. III, 3, 554.

[4]) Ibid. III, 3, 634.

взяли у крестьянъ сѣно и овесъ, а когда завѣдывавшій этимъ селомъ «осадчій» Савка протестовалъ противъ такого насилія, начальникъ отряда приказалъ его избить палками, послѣ чего Савка, проболѣвъ полгода, умеръ. Кромѣ того, какихъ-то три волоха или козака, на глазахъ людей, изнасиловали 2-хъ замужнихъ женщинъ, жену Скрыпки и жену Швеца; когда жена Скрыпки вырывалась, нанесли ей оружіемъ рану на рукѣ, мужей ихъ избили, причемъ Скрыпка отъ нанесенной ему полѣномъ раны черезъ 5 недѣль умеръ. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, призналъ Потоцкаго виновнымъ въ допущеніи незаконнаго забора сѣна и овса и приговорилъ его къ уплатѣ кн. Любомирскому убытковъ въ суммѣ 4.000 зл., штрафъ въ с. 2.000 зл. и головщины за смерть Савки 100 зл. и обязалъ его представить въ теченіе 6 недѣль виновныхъ въ судъ для привлеченія ихъ къ личной уголовной отвѣтственности [1]).—Обстоятельства эти установлены слѣдствіемъ въ Карапышахъ и изъ приговора не видно, чтобы Потоцкій принималъ личное участіе въ этихъ безчинствахъ.—Безчинства военныхъ проходящихъ отрядовъ въ то время были обычны, и описанная приговоромъ картина мало выдается изъ ряда другихъ подобныхъ явленій въ періодъ усобицъ XVIII вѣка.

Отсутствіе въ изданномъ архивномъ матеріалѣ указаній на преступную дѣятельность Потоцкаго, конечно, еще не оправдываетъ его предъ обвиненіемъ мемуаристовъ и голоса народа. Преступленія, совершенныя имъ въ предѣлахъ собственныхъ имѣній, могли и не сдѣлаться достояніемъ судебнаго производства. Быть можетъ, въ пыли архивной таится и многое, касающееся личности Николая Потоцкаго, но не нашлось желающаго заняться его біографіей. Панъ староста Каневскій, хотя и оригинальный типъ, но для историка никакого интереса не представляетъ, такъ какъ въ судьбахъ края роли выдающейся не игралъ.

Около 1760 г. Николай Потоцкій идетъ каяться въ монастырь, но не постригается въ монахи, а часто проживаетъ въ Почаевской обители, гдѣ онъ построилъ пышный и дорогой храмъ и монастырскія

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть III, т. 3, стр. 327—329.

зданія. Но и въ монастырѣ ему не сидѣлось; и здѣсь бурная его натура срывала узды обѣта, и онъ отправлялся, по прежнему, чудить и неистовствовать. Дожилъ онъ, однако, до 70 лѣтъ и умеръ 12 іюня 1782 г. Его похоронили въ Почаевской монастырской церкви, какъ благодѣтеля обители, согласно его завѣщанію составленному въ 1774 году. Умеръ онъ бездѣтнымъ и еще за жизни передалъ всѣ свои имѣнія родственникамъ. Изъ сохранившейся въ Почаевской лаврѣ его переписки съ Игнатіемъ Бѣлинскимъ, прото-архимандритомъ этого монастыря, касавшейся возводимыхъ на его счетъ построекъ, видно, что Николай Потоцкій съ 1761 по 1772 годъ проживалъ все же въ своемъ имѣніи, г. Бучачѣ.

Этотъ переломъ въ жизни, это отреченіе отъ міра, молва объяснила себѣ тѣмъ, что Потоцкій скрылся за монастырской стѣной отъ уголовной кары, которая тяготѣла надъ нимъ за многочисленныя его преступленія. Одни называютъ его банитомъ, т. е. изгнанникомъ изъ отечества, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія и всякаго покровительства закона, другіе насчитываютъ за нимъ 150 уголовныхъ приговоровъ, не исполненныхъ и т. п. [1])—Мнѣ кажется все это маловѣроятнымъ и, во всякомъ случаѣ, необоснованнымъ.—Магнатъ Потоцкій, врядъ-ли могъ стать банитомъ, а стѣны Почаевскаго монастыря защитить бы его не могли.—Есть въ исторіи Польши случаи баниціи вельможъ, но случаи эти раздавались громкимъ эхомъ и колебали основы государства.—О приговорѣ Николая Потоцкаго къ баниціи мы ничего не знаемъ, не знали объ этомъ и его современники. Пять лѣтъ спустя послѣ его смерти, король Станиславъ Августъ былъ въ Каневѣ по случаю встрѣчи Императрицы Екатерины II, и при немъ зашла рѣчь о Потоцкомъ. Присутствовавшій тамъ гр. Плятеръ такъ передаетъ слышанное: По тому поводу, что Каневъ находился во владѣніи белзкаго воеводича Николая Потоцкаго, прославившагося на всю Польшу своими *выходками* и *приключеніями*, разбирали различные *анекдоты* о немъ и бывавшіе съ нимъ *въ жизни случаи*.

---

[1]) Кіевс. Старина. 1885. Октябрь. Познанскаго, двѣ старыя пѣсни, стр. 234).

Не оставили безъ вниманія и того любопытнаго превращенія, когда Потоцкій изъ владѣльца громаднѣйшихъ имѣній съ милліоннымъ доходомъ, содержавшаго до 3.000 надворнаго войска, вдругъ превратился въ базиліанскаго монаха, передавъ всѣ имѣнія роднымъ. Можно думать, что этотъ его поступокъ объясняется желаніемъ предоставить своей молодой женѣ, съ которой онъ, однако, не жилъ, но законнаго развода получить не могъ,—освобожденіе отъ брачнаго обѣта и право вступить въ новый бракъ» [1]). Такъ бесѣдовали современники при королѣ: выходки, анегдоты и только. До уголовныхъ приговоровъ и баниціи очень далеко и невѣроятно.—Потоцкій, говорятъ, носилъ козацкій костюмъ, любилъ ходить переодѣтымъ въ простое платье и пировать съ крестьянами; даже портреты съ него писали съ оселедцемъ.. Подобное поведеніе магната на Украинѣ, да еще въ то время, когда шла неустанная борьба съ гайдамаками, могло импонировать на современниковъ и тѣмъ увеличивало популярность пана Каневскаго.

Есть указанія на то, что Николай Потоцкій до послѣдняго времени своей свѣтской жизни пользовался и въ обществѣ и среди своего рода если не авторитетомъ, то все-таки извѣстнымъ значеніемъ и вѣсомъ. Къ этому заключенію приводитъ слѣдующее обстоятельство. Въ 1755 г. судья земскій брацлавскій Михаилъ Грохольскій купилъ у Антона Потоцкаго, старосты блонскаго, обширное имѣніе Стрижавское, въ винницкомъ повѣтѣ. Послѣ этой покупки обращено было взысканію значительнаго долга Потоцкихъ, тяготѣвшаго на этомъ имѣніи и подлежавшаго по договору съ Грохольскимъ уплатѣ изъ другого имѣнія Потоцкихъ, Гусятина. Владѣлецъ Гусятина, тоже Антонъ Потоцкій, воевода белзкій, медлилъ съ уплатой, и Грохольскій поставленъ былъ въ критическое положеніе, такъ какъ взысканіе обращено было на Стрижавку. Хотя Грохольскій и могъ судебнымъ порядкомъ требовать отъ владѣльца Гусятина уплаты этой суммы, но не могъ предотвратить взысканія со Стрижавки, поэтому онъ

[1]) Ibid, 1885, ноябрь. Новицкій. Два Слова о панѣ Каневскомъ, стр. 554.

предпринималъ всевозможныя мѣры, чтобы склонить Антона Потоцкаго уплатить своевременно, безъ процесса, причитающійся долгъ и освободить отъ него его Стрижавку. Между прочимъ, онъ обратился къ Николаю Потоцкому, каневскому старостѣ, съ просьбой повліять въ его справедливомъ дѣлѣ на владѣльца Гусятина, на что получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Вельможный господинъ судья земскій брацлавскій, мой очень милостивый государь и дорогой братъ! Помогать въ вашихъ дѣлахъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, я всегда охотно готовъ. Что въ спорѣ, который вы имѣете съ г. воеводой белзкимъ, я оказать вамъ содѣйствія не могу, вы сами признаете меня оправданнымъ; законная же отвѣтственность по этому дѣлу на мнѣ лежать не можетъ, такъ какъ я считаюсь владѣльцемъ Гусятина только титулярно. Въ ожиданіи другихъ вашихъ, милостивый государь, приказаній остаюсь съ должнымъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь, искренно преданнымъ братомъ и покорнымъ слугой. M. Potocki, m. p.»—Письмо это, датированное изъ Бучача въ 1758 г., почти наканунѣ покаянія Потоцкаго въ монастырѣ, писано изысканнымъ канцелярскимъ почеркомъ, а подписано имъ самимъ красиво и энергично [1]). Фактъ обращенія къ Потоцкому Михаила Грохольскаго, человѣка умнаго и тоже вліятельнаго, и тонъ отвѣта Потоцкаго не говорятъ за то, чтобы каневскій староста былъ какимъ-то отрепьемъ, заклейменнымъ преступникомъ, банитомъ.—Съ поступленіемъ въ монастырь онъ, вѣроятно, отказался и отъ каневскаго

---

[1]) Частный архивъ гр. Грохольскихъ. Подлинный текстъ этого письма слѣдующій: Wielmożny Moi Panie Sędzio Ziemski Bracławski, Moy wielce Moi Panie y Kochany Bracie. Interessom WMMc. Pana dopomagać ile mi się zdarzy okkazia iest zawsze we mnie nieodmienna ochota. Temu ktory zachodzi z Jmcię Panem Wojewodą Bełzkim, że służyć nie mogę, sam Wmmc Pan sprawiedliwą uznasz racyą. Mnie ten interes do prawa by naymniey pociągać nie powinien, bo tylko tytularnym Usiatyna Jestem Possesorem. W oczekiwaniu Jnnych Wmmc Pana rozkazow jestem z winnym uszanowaniem WMM. Pana szczerze życzliwym Bratem y uniżonym sługą. M. Potocki. Mp.

староства, перешедшаго послѣ него къ Игнатію Потоцкому, львовскому каштеляну, котораго встрѣчаемъ съ этимъ титуломъ въ 1771 году.—Слѣдуетъ, поэтому, полагать, что Николай Потоцкій владѣлъ Каневомъ въ теченіе около 35 лѣтъ [1]).

Для надлежащей оцѣнки личности пана Канёвскаго, какъ сказано выше, я подъ руками матеріаловъ не имѣю, но исходя изъ имѣющихся данныхъ, мы видимъ, что личность эта почти никакой исторической роли не играла. Этотъ могущественный староста не виденъ даже въ бушевавшей въ его время борьбѣ съ гайдамачествомъ. Богатый владѣлецъ восточной Галиціи и администраторъ порубежнаго украинскаго староства, онъ можетъ представлять лишь интересъ въ бытовомъ отношеніи. Но и здѣсь онъ не можетъ служить для насъ исторически-бытовымъ типомъ. Если половина разсказовъ о немъ правдива, то его разнузданная неукротимость является нравственнымъ уродствомъ не только по нашимъ понятіямъ, но таковымъ почиталось и современниками, и поэтому Потоцкій не можетъ быть выразителемъ своей эпохи и служить иллюстраціей бытовой жизни украинскаго шляхетства въ XVIII вѣкѣ.

Описанное въ балладѣ убійство Бондаривны нельзя связывать съ несомнѣнной испорченностью нравовъ польско-украинскаго шляхетства того времени, а приходится объяснить исключительно характеромъ самого Потоцкаго, котораго типъ легко повториться можетъ со всевозможными варіаціями во всякую историческую эпоху. Вотъ почему нѣтъ ровно никакого основанія относить пѣсню о Бондаривнѣ къ историческимъ пѣснямъ. Вацлавъ съ Олеска совершенно правильно выдѣлилъ ее въ отдѣлъ пѣсенъ, относящихся къ событіямъ личнаго характера, а г.г. Антоновичъ и Драгомановъ въ свой сборникъ историческихъ пѣсенъ ея не приняли.

---

[1]) Нѣсколько данныхъ о Потоцкомъ въ ст. кн. Н. С. Голицына: Почаевская Успенская Лавра, въ Кіев. Стар. 1887 г., іюнь, 365—380.

Въ балладѣ дѣйствующее лицо не названо Николаемъ Потоцкимъ, а лишь *паномъ Канёвскимъ*; сомнѣнія, однако, въ личности быть не можетъ. По обычаямъ того времени, фамильныя названія не были въ повседневномъ обиходѣ. Среди шляхты установился обычай титуловать безъ упоминанія фамилій. Въ частной перепискѣ того времени сплошь и рядомъ вы встрѣчаете. вмѣсто именъ и фамилій, только титулы. Обычай этотъ проникъ даже въ переписку оффиціальную и дѣловую. Среди простого народа фамиліи владѣльцевъ или должностныхъ лицъ были еще менѣе въ ходу. Вотъ почему для народа имя Николай Потоцкій превратилось просто въ пана Канёвского, владѣвшаго продолжительное время каневскимъ староствомъ. Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ во всемъ краѣ и во всей Польшѣ. Другого старосты каневскаго, которому можно было бы приписать убійство Бондаривны, не было.

Въ сводномъ текстѣ баллады мы оставили названіе г. Богуслава, какъ мѣста дѣйствія, единственно вслѣдствіе того, что оно настойчиво повторяется въ четырехъ варіантахъ, изъ которыхъ три принадлежатъ такой отдаленной отъ Богуслава мѣстности, какъ Галиція. Въ прочихъ варіантахъ мы встрѣчаемъ три раза Берестечко, два раза Городенку, и по одному разу Кіевъ, Луцкъ, Немировъ и Бердичевъ. Упоминаніе въ пѣснѣ того или другого города, разумѣется, не можетъ служить намъ указаніемъ на дѣйствительное мѣсто описываемаго событія. Берестечко, напр., весьма часто употребляется въ пѣснѣ только благодаря своему созвучію съ «мистечко». Такія выраженія, какъ: «ой, въ мистечку Берестечку», наравнѣ съ другимъ: «ой, у поли Борысполи» и т. п., сдѣлались въ народной поэзіи положительно общими мѣстами, означающими какую то неопредѣленную мѣстность. Для опредѣленія дѣйствительнаго мѣста событія у насъ данныхъ не имѣется. Большинство варіантовъ записано въ Галиціи, а потому можно было бы предположить, что родиной баллады была именно Галиція, а не Украина и Богуславъ, но для такого предположенія у насъ мало варіантовъ, неравномѣрное распредѣленіе которыхъ по мѣстностямъ могло произойти совершенно случайно. Пока

еще невозможно сказать съ достовѣрностью, гдѣ эта пѣсня болѣе распространена и гдѣ сохранились болѣе полные варіанты.

Въ волынскихъ варіантахъ Костомарова и Рокоссовской и въ моемъ рукописномъ Ольгопольскомъ имѣются почти несомнѣнныя указанія на ихъ галицкое происхожденіе. Въ нихъ упоминаются наравнѣ съ галицкими варіантами *жандары* (Ольгоп. и Рокос.) и *жовнiры* (Костом.). Оба эти термина введены въ пѣсню въ новѣйшее время и именно въ Галиціи, гдѣ народъ подъ Австрійскимъ управленіемъ познакомился и съ жовнирами и съ жандарами. Ни Волынь, ни Ольгопольскій уѣздъ никогда ихъ близко не знали и если они здѣсь оказались, то, очевидно, зашли съ пѣсней изъ Галиціи. Кромѣ очень пострадавшаго варіанта Познанскаго изъ Кіевщины и варіанта Закревскаго, носящаго на себя слѣды нѣкоторой литературной шлифовки, всѣ остальные тринадцать варіантовъ или записаны въ восточной Галиціи или носятъ слѣды галицкаго происхожденія. Въ польскомъ переводѣ Словиковскаго, сдѣланномъ еще въ 1842 году, дѣйствіе происходитъ въ Берестечкѣ. Въ этомъ варіантѣ староста каневскій является на вечеринку переодѣтымъ, выдаетъ себя за сапожника изъ Ляховецъ (мѣстечко Острожскаго уѣзда) и, объясняясь Бондаривнѣ въ своихъ чувствахъ, слѣдующими словами рисуетъ ей будущность:

. . . . . hej 'w swiat ruszaj ze mną:
Gdzie Dniepr płynie, w Ukrainie będziesz ze mną żyła,
Z panoszami za stołami drogie wina piła.

Выходитъ, что Днѣпръ и Украина были далекимъ свѣтомъ для мѣста описываемаго событія. Т. Стецкій, приводя свой волынскій варіантъ, говоритъ, между прочимъ, что въ окрестностяхъ Луцка народъ поетъ эту пѣсню, какъ балладу о смерти дочери луцкаго бондаря, что даже портретъ этой несчастной можно было въ его время встрѣтить во многихъ домахъ этой мѣстности [1]).

---

[1]) *Pokucie II.* 293.

Г. Познанскій приводитъ въ Кіевской Старинѣ неизвѣстно отъ кого и гдѣ записанное преданіе о томъ, что убійство Бондаривны случилось въ с. Потокѣ, Каневскаго уѣзда; но преданію этому нельзя придать никакого значенія, такъ какъ оно, какъ увидимъ ниже, ничего не имѣетъ общаго съ балладой о Бондаривнѣ. Трудно вѣрить и указанію Стецкаго, такъ какъ Луцкъ въ то время былъ значительнымъ центромъ и Потоцкій, не имѣвшій въ немъ никакой власти, не могъ бы со своими козаками такъ свободно въ немъ распоряжаться. Если допустить, что баллада о Бондаривнѣ галицкаго происхожденія, то, принявъ во вниманіе, что баллады создаются на мѣстѣ воспѣваемыхъ событій, можно было бы съ большей или меньшей вѣроятностью допустить, что убійство Бондаривны случилось въ одномъ изъ галицкихъ имѣній Потоцкаго, напр. въ м. Городенкѣ.

Во всякомъ случаѣ, событіе это случилось въ мѣстечкѣ или городѣ, но не въ селѣ. Во всѣхъ варіантахъ прямо указано, что событіе имѣло мѣсто въ мѣстечкѣ, либо въ городѣ; въ нѣкоторыхъ упоминается, что Бондаривна участвовала въ танцахъ около «ратуши», учрежденія городского, что она бѣжала, уходя отъ преслѣдованія, «помеже крамныци», т. е. торговыя лавки, а въ одномъ волынскомъ варіантѣ Рокоссовской имѣется еще подробность слѣдующая: преслѣдовавшіе Бондаривну бѣжали по ея слѣдамъ, согласно указаніямъ видѣвшихъ ее то «жидовъ пелехатыхъ», то «жидовскихъ дѣтей». Эта подробность тоже указываетъ на городъ или мѣстечко, такъ какъ въ деревняхъ и селахъ евреевъ было всегда немного.—Да и самое ремесло ея отца, бондарство, говоритъ за то, что эта красавица не была крестьянкой, а мѣщанкой, такъ какъ ремесленники въ то время исключительно жили въ городахъ и мѣстечкахъ. Нѣтъ, поэтому, никакого основанія пріурочивать убійство Бондаривны къ какому-либо селу, а тѣмъ болѣе къ с. Потокъ, Каневскаго уѣзда, только что основанному Потоцкимъ, какъ это предположилъ г. Познанскій.

Переходя къ содержанію баллады, прежде всего мы должны отмѣтить, что оскорбленная Потоцкимъ Бондаривна была чистой, невинной дѣвушкой. Пять галицкихъ варіантовъ категорически на всѣ лады повторяютъ:

А молода Бондаривна ще жарту не знала,
Та старого Канёвського по лыцю затяла.

Она не привыкла къ такимъ «жартамъ», какъ поцѣлуй и объятія незнакомаго, посторонняго мущины. Подобное поведеніе пана Канёвского до того ее оскорбило и возмутило, что она, простая мѣщанка, не задумалась тутъ же дать ему пощечину. Въ Костомаровскомъ варіантѣ, записанномъ у Чубинскаго, начало баллады немного отличается отъ прочихъ варіантовъ:

Ой, у Луцку, славнимъ мисти, капелія грае,
Молодая Бондаривна цилу ничъ гуляе.
Бувъ на той часъ панъ Канёвськый въ Луцку на охоти,
Довидався о лядности и о іи *цноти*.
Бувъ цикавый панъ Канёвськый Бондаривну знаты,
Взявъ зъ собою трохъ гусаривъ, пишовъ выглядаты.

Здѣсь прямо высказывается, что Бондаривна была извѣстна въ Луцкѣ своей красотою и невинностью («цнота», слово польское, означается честность, а по отношенію къ женщинамъ—цѣломудріе); это то и подзадорило сластолюбиваго Потоцкаго, пожелавшаго сорвать невинный цвѣтокъ. Всѣ остальные варіанты хотя и не указываютъ прямо на невинность этой дѣвушки, но ничѣмъ не наводятъ на нее даже тѣни сомнѣнія. Вездѣ въ этой балладѣ Бондаривна называется то дѣвушкой (панной), то молодой, ведущей въ дѣвичьемъ хороводѣ первую роль, «усимъ передъ водыть», и обрисована всѣми симпатичными чертами непорочнаго идеальнаго дѣвичества, оскорбленнаго грубой и пошлой выходкой. Согласно пѣснѣ, посланный за ней въ погоню козакъ, привыкшій безъ разсужденій исполнять волю дикаго вельможи, преклоняясь предъ невинной красотой дѣвушки:

. . . . . прыгорнувъ до себе:
Панно жъ моя, Бондаривно, жалко жъ мени тебе.
Воливъ бы я, Бондаривно, зъ тобой шлюбъ узяты,
Нижъ панови Канёвському въ рукы тя виддаты.

Далѣе пѣснь разсказываетъ о томъ, какъ Потоцкій, сожалѣя о своемъ поступкѣ, высказываетъ свое восхищеніе прелестями Бондаривны, сравниваетъ ее съ розой, лиліей, вишней въ саду и, наконецъ, замѣчаетъ: «Хорошее, *дивча* було, мусивемъ стриляты?» Одѣвая Бондаривну для похоронъ, по словамъ пѣсни, сплели для нея «два винкы зъ *барвинку* и убралы Бондаривну, якъ до шлюбу дивку». Вѣнокъ изъ барвинка символъ дѣвичества. Женщинѣ замужней, покрыткѣ или развратной никогда вѣнка изъ барвинка въ гробъ не положатъ.

Вся симпатичность личности Бондаривны и высокій трагизмъ баллады основаны именно на этой идеальной ея невинности, устоявшей передъ предложеніями и угрозами развратнаго пана. Единственный диссонансъ въ этомъ отношеніи представляетъ варіантъ г. Познанскаго въ Кіевской Старинѣ. Въ немъ читаемъ, что Потоцкій, подойдя къ танцовавшей Бондаривнѣ, говоритъ ей:

Чы кохаешъ, Бондаривно, якъ перше кохала,
(Та) якъ перше до намету, було, прыхожала?
— Якъ кохала тебе, пане, такъ теперъ кохаю:
Де побачу мижъ панамы, за пса тебе маю!

Два эти куплета надо безусловно признать искаженіемъ основной пѣсни, позднѣйшей неудачной мѣстной амплетой къ полузабытой пѣснѣ, которая въ варіантѣ г. Познанскаго, вообще, много пострадала и далеко уклонилась отъ своего первообраза. Сбросьте съ Бондаривны ореолъ чистоты и гордой невинности, и мы въ ней увидимъ не образъ оскорбленной дѣвушки, а бойкую, разгульную покрытку, для которой предложенія и поведеніе прежняго любовника-магната не могли быть до того оскорбительными, чтобы вызвать рискованную пощечину.

Два вышеприведенные куплета привели г. Познанскому на память слышанный имъ разсказъ, какъ однажды Потоцкій, будучи въ пьяномъ видѣ, въ с. Потокѣ, Каневскаго уѣзда, застрѣлилъ вошедшую къ нему въ палатку безъ доклада свою любовницу и затѣмъ очень сожалѣлъ о ней и самъ ее хоронилъ [1].

[1]) Кіевс. Старина 1885 г. Октябрь стр. 241.

Весь этотъ разсказъ имѣетъ только то общее съ балладой о Бондаривнѣ, что, какъ здѣсь, такъ и тамъ, панъ Канёвскій убивается по убитой имъ женщинѣ и устраиваетъ ей похороны. Эпизодъ этотъ, однако совершенно второстепенный въ балладѣ и, судя по разсказамъ, не единственный въ жизни Николая Потоцкаго. Есть разсказы о его бракахъ съ крестьянскими дѣвушками на однѣ сутки, послѣ которыхъ несчастныхъ убивали и торжественно хоронили. Если эти и имъ подобные разсказы вѣрны, то разсказъ г. Познанскаго можетъ относиться къ одному изъ приписываемыхъ Потоцкому преступленій, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ событію, воспѣтому въ пѣснѣ о Бондаривнѣ. Еслибы убійство Бондаривны, какъ заключилъ г. Познанскій, случилось при обстоятельствахъ, изложенныхъ въ его разсказѣ, то фабула этого разсказа непремѣнно проникла бы въ пѣсню или оставила слѣды хотя бы въ одномъ какомъ нибудь варіантѣ. Народная пѣсня ни въ какомъ случаѣ не могла бы исказить описываемаго факта до той степени, чтобы изъ вхожей къ Потоцкому наложницы сдѣлать невинную дѣвушку, а мотивъ убійства—умоизступленіе отъ остраго отравленія алкоголемъ—замѣнить раздраженіемъ, вызваннымъ полученной публично пощечиной. Дѣло въ томъ, что каждая народная эпическая пѣсня не есть произведеніе фантазіи, воспѣвающее выдуманное событіе. Народъ стремится и умѣетъ воспѣвать въ своемъ эпосѣ одну лишь дѣйствительность, отъ того всѣ эпическія пѣсни, какъ это уже провѣрено на историческихъ, воспроизводятъ съ поразительной точностью даже въ мелкихъ иногда подробностяхъ всѣ случившееся. Съ теченіемъ времени, правда, начинается искаженіе пѣсни, но оно касается всегда только частностей, какъ то: именъ, названій мѣстъ, аттрибутовъ и т. п. Пѣсня можетъ позабыться, сохранившись въ небольшомъ только фрагментѣ, даже совсѣмъ исчезнуть, но она никогда не измѣнитъ основной фабулы, которая до конца жизни пѣсни остается вѣрной первообразу. Народъ относится съ полною вѣрою къ разсказу эпической пѣсни, какъ къ живой хроникѣ; онъ не умѣетъ, не способенъ фантазировать и создавать небывалыя фабулы. Всѣ эти соображенія заставляютъ

насъ прійти къ заключенію, что будетъ совершенно неосновательно связывать пѣсню о Бондаривнѣ съ приведеннымъ г. Познанскимъ разсказомъ. На это его подкупили два некстати вставленные куплета въ его же варіантѣ.

Общая картина событія и указанія въ нѣкоторыхъ варіантахъ наводятъ на заключеніе, что Бондаривна даже не знала Потоцкаго и нанесла ему пощечину, не предполагая, что имѣетъ дѣло съ грознымъ вельможей./ Трудно предположить, чтобы скромная мѣщанская дѣвушка, даже при нанесенномъ ей оскорбленіи со стороны Потоцкаго, осмѣлилась поднять руку на него, еслибы знала кто онъ. Во всѣхъ почти варіантахъ имѣется слѣдующій куплетъ:

Ой, шепнулы Бондаривни стари люде стыха:
Тикай, тикай, Бондаривно, наробылась лыха.

Изъ этого маленькаго эпизода слѣдуетъ заключить, что и по нанесеніи удара Бондаривна не особенно безпокоилась, полагая что имѣетъ дѣло съ простымъ смертнымъ, и только тогда, когда старики шепнули ей, что это Потоцкій и что ей грозитъ серіозная опасность, она бросилась бѣжать. Заблужденіе Бондаривны станетъ понятнымъ, если вспомнимъ, что Потоцкій явился на хороводъ не въ блескѣ своего величія, а безъ свиты, инкогнито, захвативъ съ собой лишь «трехъ гусаровъ», какъ разсказываетъ варіантъ Костомарова, быть можетъ даже переодѣтымъ за сапожника изъ Ляховецъ, какъ утверждаетъ переводъ Словиковскаго. Весьма, поэтому, вѣроятно, что дошедшіе до насъ варіанты не полны и что въ первичной пѣснѣ Потоцкій предпринялъ свои ухаживанія передѣвшись простолюдиномъ. Это поведеніе вполнѣ согласуется съ ходячими о немъ разсказами./

Этому весьма вѣроятному положенію до нѣкоторой степени противорѣчатъ указанія въ пѣснѣ на то, что Бондаривна знала Потоцкаго во время его ухаживанія. Объ этомъ говорятъ впрочемъ только два куплета, одинъ изъ варіанта Головацкаго № 4, и одинъ изъ моего варіанта изъ Липовецкаго уѣзда, а именно:

А якый ты панъ Канёвськый, така Бондаривна:
Не прыступай за пальчыкы, бомъ не твоя ривня.

а далѣе, ударивъ Потоцкаго по лицу, Бондаривна поясняетъ:

Не годенъ ты, панъ Канёвськый, мене цилуваты,
Тилькы годенъ, панъ Канёвськый, мене роззуваты.

Оба эти куплета, имѣющіеся по одному разу въ различныхъ варіантахъ, мало вяжутся съ другими деталями происшествія, а потому ихъ слѣдуетъ признать позднѣйшей амплетой, допущенной для болѣе рельефной обрисовки гордости Бондаривны.

Держась строго основной фабулы, многіе варіанты представляютъ различныя отклоненія въ частностяхъ, происшедшія отчасти вслѣдствіе вліянія мѣстности, куда забрела пѣсня, а отчасти вслѣдствіе порчи и искаженія пѣсни.

Мѣстный элементъ, преимущественно западный, отразился въ пѣснѣ довольно явственно. Кромѣ указанныхъ выше, *жовняровъ* и *жандаровъ*, укажемъ еще слѣдующія мѣстныя выраженія.

Ой, у мисти Богуслави *капелія* грала (куплетъ 2).

Капелія, означающая оркестръ, слово заимствованное здѣсь изъ польской рѣчи. Народъ зналъ свою комбинированную музыку, главнымъ образомъ «троистую», но особаго названія ей не давалъ, ограничиваясь словомъ «музыкы» (plurale). Польскіе магнаты XVIII в. нерѣдко содержали въ своихъ резиденціяхъ иногда очень большіе оркестры, которые носили названіе капелій. О такой именно капеліи и идетъ рѣчь въ пѣснѣ. Капелія эта играла въ *ратушѣ*. Такъ во всей правобережной Украинѣ, на Волыни и въ Галиціи (по сіе время), именовались дома городского самоуправленія, устроеннаго по магдебургскому праву.

По словамъ галицкаго варіанта, Потоцкій, «пишовъ до *пывныци* шабли добуваты». *Пывныця* (piwnica) слово польское, означающее погребъ, устроенный собственно для храненія напитковъ, въ дѣйствительности же въ *пывныцяхъ* подъ домами и замками хранилось все цѣнное. Терминъ этотъ не употребителенъ

въ народной рѣчи Кіевщины и Волыни. Здѣсь болѣе распространено слово лёхъ (изъ нѣмецкаго) въ значеніи домашняго погреба. Даже поляки юго-западнаго края по большей части употребляютъ слово лёхъ. Но въ Галичинѣ въ общемъ употребленіи слово пывныця, какъ у русиновъ, такъ и у поляковъ.

По волынскому варіанту, Потоцкій приказалъ въ могилѣ для Бондаривны «*склепъ склепуваты*», т. е. устроить каменную гробницу со сводомъ. Польское sklep, sklepienie означаетъ сводъ, и съ этимъ значеніемъ оно перешло и въ малорусскую рѣчь. Обычай хоронить умершихъ въ землѣ подъ сводомъ присущъ былъ только богатому классу; простолюдины засыпали, какъ и теперь, своихъ покойниковъ прямо землей.

Къ мѣстнымъ, быть можетъ позднѣйшимъ, наслоеніямъ слѣдуетъ отнести записанное въ двухъ покутскихъ варіантахъ упоминаніе о ксендзахъ и органахъ на похоронахъ Бандаривны. По словамъ пѣсни, Потоцкій приказываетъ:

Шобы мою Бондаривну тры ксёндзы ховалы,
Шобы моій Бондаривни вси вирганы гралы.

Этого уніатского вліянія мы не видимъ въ другихъ варіантахъ, даже въ галицкихъ, записанныхъ раньше. Вмѣсто органовъ, пѣсня упоминаетъ постоянно о музыкѣ и о колокольномъ звонѣ.

Довольно большое разнообразіе представляютъ варіанты въ названіяхъ людей, посланныхъ Потоцкимъ въ погоню за Бондаривной. То они именуются «жовнярами» (4 раза), то «ляшенькамы» (3 раза), то «козакамы» (3 раза); рѣже читаемъ: «гайдукы» (2 раза), «капрали», «жандары» и «ляхы-гайдамакы» (по 1 разу). Число ихъ указывается тоже различное: то три, то два. Изъ всѣхъ этихъ названій, разумѣется, болѣе всего подходитъ къ содержанію пѣсни «козаки», такъ какъ Потоцкій окружалъ себя именно дворовыми козаками, съ которыми и творилъ всѣ безобразія.

Въ большинствѣ варіантовъ, Потоцкій убиваетъ Бондаривну «зъ рушныци», иногда «срибнои» и даже «срибною кулею». Въ варіантѣ г. Познанскаго, записанномъ въ недавнее время въ Ка-

невскомъ уѣздѣ, вмѣсто чистаго малорусскаго: «рушныця», читаемъ «ружье заряжае». Здѣсь, очевидно, оказалось искаженіе подъ вліяніемъ солдатчины. Оригинальнымъ анахронизмомъ для XVIII ст. является въ трехъ варіантахъ (Головацкаго № 2 и 3 и Закревскаго), вмѣсто «рушныци», *лукъ*. Объяснить это приходится лишь тѣмъ, что слово лукъ введено въ пѣсню для созвучія и рифмы со словами «прылука» (случай), и «стала нима и глуха», рядомъ съ которыми оно и поется:—быть можетъ, что это только вставка изъ другой какой-нибудь, болѣе старой пѣсни.

Въ одномъ изъ варіантовъ убитую Бондариву кладутъ на *тысову* лавку. Слѣдуетъ замѣтить, что выраженіе это, встрѣчающееся очень часто въ славянскихъ пѣсняхъ, особенно въ старыхъ обрядовыхъ (тесовы ворота, столы и т. п.) должно писаться черезъ «ы» или «и», а не черезъ «е», такъ какъ оно происходитъ не отъ *тесать, тёсъ*, а отъ слова *тисъ, cis*, названія вымершаго у насъ хвойнаго дерева (Taxus baccata), которымъ изобиловали когда-то наши лѣса. Нынѣ оно попадается еще въ Карпатскихъ горахъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ западной Европы. Оно долговѣчно, достигаетъ большихъ размѣровъ и отличается весьма твердой древесиной своеобразнаго красноватаго цвѣта. Цвѣтъ этотъ по-польски такъ и называется cisawy. Въ прежнее время изъ него дѣлались нашими предками лучшая мебель и другія болѣе цѣнныя подѣлки. Оставшееся объ этомъ деревѣ воспоминаніе въ пѣсняхъ ступевывается окончательно передѣлкой *тисовыхъ* столовъ, лавъ, воротъ, и т. п. въ *тесовые*. Это же слово употреблено и въ «Словѣ о полку Игоревѣ» (сонъ Святослава).

Въ двухъ галицкихъ варіантахъ (Вацл. съ Ол. № 1 и Головац. № 2), конецъ баллады искаженъ совершенно. Вмѣсто торжественныхъ похоронъ, въ этихъ варіантахъ раненную Бондаривну *топятъ* въ глубокомъ Дунаѣ:

А узелы боднарочку по пидъ билы бокы,
Витакъ (затѣмъ) верглы боднарочку на Дунай глубоки.
И узела боднарочка на спидъ потопаты,
Взела она до мамочкы стыха промовляты:

А маешъ ихъ, моя мамко, отъ бо дома петь, петь,
Не пускай ихъ спизна въ корчму, та най дома спеть, спеть.
А маешъ ихъ, моя мамко, отъ бо дома дви, дви,
Не дай же имъ таку волю, якусь дала мени.

Образъ брошенной въ Дунай дѣвушки, взывающей къ матери, чтобы она берегла остальныхъ дочерей, несомнѣнно заимствованъ изъ совершенно другой, очень древней баллады, воспѣвающей убійство сманенной разбойникомъ и ограбленной дѣвушки[1]). Такое заимствованіе, весьма частое въ народной поэзіи, въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что народъ ищетъ въ эпическомъ разсказѣ о какомъ-нибудь необыкновенномъ случаѣ назидательной морали. Горькая судьба несчастной Бондаривны невольно напомнила другую убитую дѣвицу, пострадавшую вслѣдствіе своей довѣрчивости къ незнакомцу, встрѣченному въ корчмѣ за глазами матери, неуспѣвшей предотвратить обмана и несчастія. Готовая мораль изъ этой баллады сама просится въ пѣснь о Бондаривнѣ, но перенести ее, приклеить къ Бондаривнѣ въ той формѣ, въ какой она поется въ старой балладѣ, нельзя, не отбросивъ всего эпизода о похоронахъ. Вотъ почему, я думаю, и произошло искаженіе баллады.

Далеко удачнѣе проявилось это стремленіе къ дидактизму въ третьемъ галицкомъ варіантѣ (Головац. № 3). Здѣсь, послѣ заключительныхъ словъ убитаго горемъ бондаря, выводится на сцену и *мать убитой*:

А старая Бондарыха дуже умливала,
Бо своеи дочеренькы дуже жалувала.
Вдарылася Бондарыха по полахъ рукамы:
Казала я тоби, доню, не стій зъ козакамы.

---

[1]) См. *Головацкій*, I, 163, II, 87; *Кіевс. Старина*, V, 907; *Чубинскій*, III, 473, V, любовныя 94; *Zbior Wiad. do Antr. Kr.* III, Rulikowski Zap. Etn. 150; IV, 129; *Kolberg* Lud I, 5, VI, 336, и много др.

Въ обоихъ случаяхъ мораль одна и таже, явно пришитая на живую нитку къ балладѣ, при этомъ не совсѣмъ впопадъ. Ни публичная забава, ни козаки въ смерти Бондаривны не повинны. Виною здѣсь несовмѣстимость двухъ началъ: неприступнаго дѣвичьяго цѣломудрія и неудержимой ярости сладострастнаго вельможи.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о пѣсенной формѣ этой баллады. Всѣ варіанты построены по одной схемѣ: $^2(8+6)$, т. е., куплетъ всегда состоитъ изъ двухъ длинныхъ стиховъ, раздѣленыхъ на двѣ части, изъ которыхъ первая состоитъ изъ восьми слоговъ, а вторая изъ шести:

А въ мистечку Богуславку ‖ Круглый танець ходыть.
Молодая Бондаривна ‖ Усимъ передъ водыть.

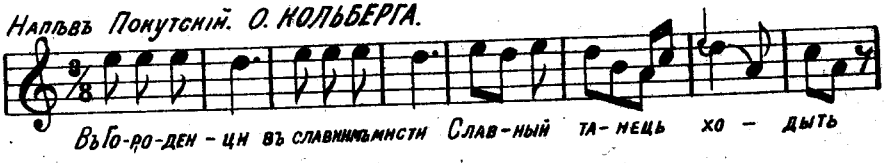
Ни въ одномъ варіантѣ не замѣчается малѣйшаго уклоненія отъ этого склада, что вполнѣ естественно объясняется происхожденіемъ ихъ отъ одной пѣсни. Въ двухъ-трехъ варіантахъ найдется случайный стихъ короче или длиннѣе на одинъ слогъ, но это, разумѣется, надо отнести къ весьма частымъ ошибкамъ записывавшихъ или переписчиковъ.

По поводу изданнаго въ Кіевской Старинѣ варіанта г. Познанскаго, покойный И. Новицкій замѣчаетъ: «Пѣсня о Бондаривнѣ, убитой Каневскимъ старостою, извѣстна въ нѣсколькихъ варіантахъ. Но варіантъ г. Познанскаго представляетъ значительныя различія, а главное отличается совершенною цѣльностью, законченностью и *нѣкоторыми особенностями склада*, указывающими, что и напѣвы этой пѣсни весьма не одинаковы по мѣстностямъ. Къ сожалѣнію, *напѣвы ея до сихъ поръ не были издаваемы ни разу*, и въ этомъ отношеніи сообщеніе г. Познанскаго даетъ весьма интересную новинку [1]). Мы не могли обойти молчаніемъ этого замѣчанія, такъ какъ оно было высказано слиш-

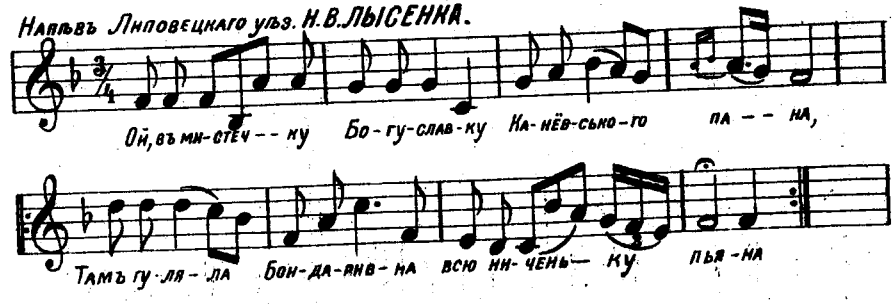
[1]) Кіевс. Старина, 1885 г. ноябрь, 555.

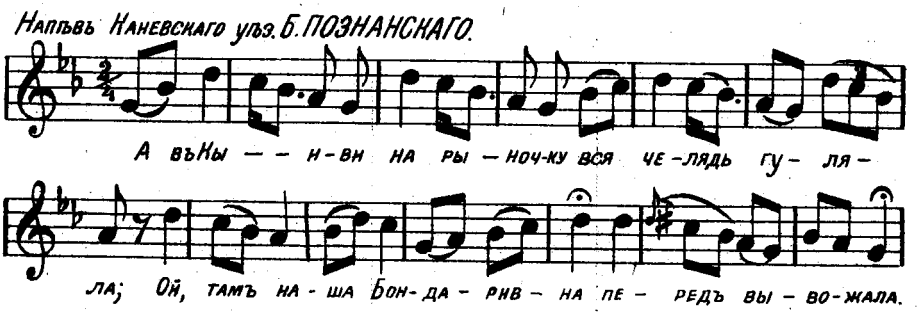
комъ ужъ авторитетно, а между тѣмъ, оно совершенно ошибочно. Во-первыхъ, варіантъ г. Познанскаго, довольно бѣдный по содержанію, кромѣ неудачной амплеты о мнимой любовной связи Бондаривны съ Потоцкимъ, не только значительныхъ, но и ровно никакихъ различій не представляетъ, а во всякомъ случаѣ, далекъ отъ цѣльности и законченности. Во-вторыхъ, по складу никакихъ въ немъ особенностей нѣтъ: весь онъ состоитъ изъ такихъ же и совершенно тождественной конструкціи куплетовъ, схему которыхъ мы указали. Въ виду этого именно и трудно было предполагать, чтобы Бондаривна пѣлась на различные напѣвы, какъ это на повѣрку оказывается. Изъ напѣвовъ Бондаривны, изданныхъ раньше напѣва, переданнаго г. Познанскимъ, у меня подъ руками всего еще два: одинъ изданъ Кольбергомъ въ 1883 г. во 2 томѣ «Pokucie», а другой въ моемъ сборникѣ, изданномъ въ 1884 г. въ VIII томѣ «Zbior Wiad. do Antr. Kraj». Кольбергъ записывалъ мотивы всегда лично, на что онъ замѣчательный мастеръ; мотивъ же, изданный мною, записанъ съ пѣнія Н. В. Лысенкомъ. Для сравненія я приведу здѣсь всѣ три мотива:

Напѣвъ Покутскій. О. КОЛЬБЕРГА.

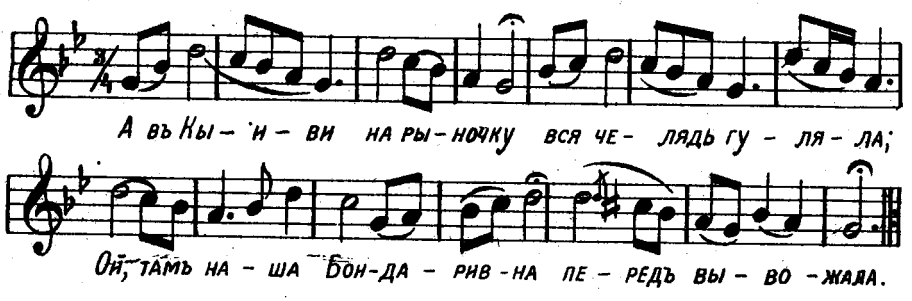


Напѣвъ Липовецкаго уѣз. Н. В. ЛЫСЕНКА.





Напѣвъ, изданный г. Познанскимъ, записанъ г. Краснокутскимъ весьма небрежно. Мотивъ разбитъ совершенно искусственно и насильно на такты размѣра $^2/_4$, несоотвѣтствующіе мелодіи, вслѣдствіе чего, не только музыкальныя фразы, но и цѣлый стихъ обрывается на половинѣ такта, а вторая половина его составляетъ начало второго стиха. Подобное несоотвѣтствіе музыки тексту возможно только въ пѣніи искусственномъ, но не мыслимо въ поэзіи народной, гдѣ логическій куплетъ и напѣвъ составляютъ одну плоть и кровь. Для меня представляется несомнѣннымъ, что напѣвъ г. Познанскаго искаженъ въ транскрипціи; иначе онъ не могъ-бы уложиться въ эти чуждыя для себя рамки, да еще въ 13 тактовъ—число невозможное для народнаго куплета. По этимъ нотамъ, его просто спѣть трудно. Возстановляя, насколько это возможно, правильный темпъ мотива, мы предлагаемъ его въ слѣдующей поправкѣ:



Желательно, чтобы г. Познанскій провѣрилъ эту поправку въ пѣніи и указалъ возможныя въ ней уклоненія отъ его прелестнаго мотива.

Всѣ эти три напѣва, какъ видитъ читатель, совершенно различны и самостоятельны, не связанные между собою никакимъ генетическимъ родствомъ. Взяты они съ разныхъ концовъ Руси. Кромѣ того, намъ удалось слышать еще четвертый напѣвъ Бондаривны изъ Ушицкаго уѣзда, тоже отличный отъ вышеприведенныхъ. Изъ всѣхъ трехъ напѣвовъ, самый простой и монотонный—покутскій; остальные два болѣе сложны. Самый жалобный изъ нихъ Каневскій. Между ними, однако, есть одна общая черта: всѣ они отличаются жалобнымъ, серіознымъ характеромъ и медленнымъ темпомъ, чему вполнѣ соотвѣтствуетъ и складъ куплета, состоящаго изъ двухъ длинныхъ составныхъ стиховъ.

Такое разнообразіе мотивовъ въ одной и той же балладѣ въ разныхъ варіантахъ, происшедшихъ несомнѣнно отъ одной и той же пѣсни, сравнительно, не очень старой, составляетъ въ теоріи народной поэзіи довольно выдающееся явленіе. Мы отказываемся отъ какихъ либо заключеній по вопросу о первоначальномъ напѣвѣ первичной пѣсни. Но въ виду того, что собранные мотивы ничего не имѣютъ общаго между собою по мелодіи, можно сдѣлать предположеніе, что Бондаривна сложилась не по самостоятельному напѣву, а къ ней могъ быть пріуроченъ готовый напѣвъ изъ другой подходящей пѣсни, что встрѣчается нерѣдко, причемъ пѣвцы прямо говорятъ, что «ця писня спивается на голосъ» такой-то болѣе извѣстной пѣсни. Просматривая многочисленный музыкальный репертуаръ, записанный Кольбергомъ на Покутьи, мы не нашли въ немъ повторенія мелодіи Бондаривны, но это не исключаетъ возможности, что мотивъ этотъ заимствованъ, такъ какъ сборникъ Кольберга, не смотря на свое богатство, все-таки далекъ отъ полноты.

Разнообразіе мотивовъ въ одной и той-же балладѣ не новость, но въ старыхъ балладахъ это объясняется какъ искаженіемъ мотива съ теченіемъ долгаго періода времени, такъ и воздѣйствіемъ на старыя мелодіи другихъ сродныхъ мотивовъ. При этомъ варіанты въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ разойтись до такой степени, что только опытное ухо способно замѣтить въ нихъ родственные звуки и уловить генетическую между ними связь. Къ сожалѣнію,

мы должны сознаться, что для обобщеній и выводовъ у насъ еще весьма мало музыкальнаго матеріала.—Этнографы мало до сихъ поръ обращали вниманіе на эту сторону народнаго поэтическаго творчества, причемъ весьма многіе изъ нихъ не обладали достаточными для этого техническими знаніями; даже зная ноты, не всякій съумѣетъ записать мотивъ по слуху, какъ это мы видѣли изъ попытки г. Краснокутскаго. Большинство этнографическаго матеріала, до сихъ поръ изданнаго, собрано случайными этнографами-любителями, часто не имѣвшими должнаго представленія о своей задачѣ, относившимися къ дѣлу по диллетантски. При такомъ положеніи дѣла не удивительно, что мелодіи въ южно-русской этнографіи составляютъ положительную рѣдкость.

Пѣсня о Бондаривнѣ, какъ мы это видѣли, распространена на всемъ почти пространствѣ по правую сторону Днѣпра, гдѣ только слышится малорусская рѣчь. Въ сборникахъ, однако, пѣсенъ изъ Буковины и Угорской Руси мы ея не нашли; быть можетъ, это объясняется бѣдностью самыхъ сборниковъ. Но интересно, что богатые труды по этнографіи лѣвобережной Малороссіи не отмѣтили тамъ этой баллады вовсе. Трудно допустить, чтобы рѣка Днѣпръ могла въ теченіи 150 лѣтъ удерживать распространеніе этой симпатичной баллады. Быть можетъ, лѣвобережные варіанты Бондаривны покоятся въ матеріалѣ, извлеченномъ изъ собраній экспедиціи Чубинскаго.

За этнографическіе предѣлы Южной Руси Бондаривна перейти еще не успѣла; ея не поютъ ни русскіе, ни поляки, ни чехи. У однихъ бѣлоруссовъ, и то на далекой окраинѣ бѣлорусской, въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, отмѣчена эта пѣсня въ очень искаженномъ и неполномъ видѣ.

Мы приводимъ ея текстъ, какъ интересный образчикъ искаженія бродячей пѣсни:

У пядзѣлю ранюсенка дожджыкъ пакрапляя,
Маладая бандарувна валы паганяя.
Гдзѣ узяўся *панъ канюшы* зъ своими слугами:
«Павярнися, бандарувна, зъ валами да хаты».

Наняў, напяў панъ канюшы музыканты граци:
То для млодай бандарувны пайсьци пагуляци.
Маладая бандарувна мѣла адказаци:
«Я ня маю такой сукни зъ канюшымъ гуляци».
Купіў, купіў панъ канюшы дарагую сукню,
Прыслаў, прыслаў панъ канюшы черезъ вѣрную служку.
Маладая бандарувна мѣла адказаци:
«Я ня маю такой стужки ў гету сукню класьци».
Купіў, купіў панъ канюшы дарагую стужку,
Прыслаў, прыслаў панъ канюшы черезъ вѣрную служку.
Уцекала бандарувна у зялёны лѣсы,
Даганяли бандарувну ашмяньскія шляхты.
Уцекала бандарувна у зялёныя луки,
Папалася бандарувна канюшаму ў руки.
Ой якъ даў же панъ канюшы бандарувня ў плечы.
Палилися зъ бандарувны чырвоныя рѣчы.
Кузаў, казаў панъ канюшы тры дни ня ховаци,
Спасылаў же панъ канюшы па айца и маци.
А якъ прышла бандарова, спляснула руками:
«Адгуляла маё дзиця зъ тыми двараками».
А якъ прышоў самъ бандаръ, тропнуў ёнъ нагою:
«Заложыла маё дзиця за ўсихъ галавою».

(Zbior Wiad. do Antr. Kraj. XIII, 96. № 28).

Общій смыслъ малорусской баллады кое какъ уцѣлѣлъ: Бондаривна убита вельможей за то, что уклонилась отъ его ухаживаній. Но детали сильно пострадали. Панъ Канёвськый, неизвѣстный въ Бѣлоруссіи, обезличивается и превращается въ вельможу съ высокимъ титуломъ конюшій. Придворные козаки Потоцкаго, его милиція, замѣняются своей мѣстной буйной Ошмянской шляхтой. Вся городская обстановка тоже исчезла, и Бондаривна убѣгаетъ не «помеже крамныци и дома», а въ бѣлорусскіе зеленые лѣса и зеленые луга. Словомъ, баллада пріобрѣла совершенно мѣстный колоритъ и потеряла всѣ черты индивидуальныя героя пѣсни Потоцкаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ бѣлорусскій варіантъ—не самостоятельная пѣсня, сочиненная на тему Бондаривны. Это тоже малорусская Бондаривна, забредшая въ бѣлорусскіе лѣса. Здѣсь и размѣръ склада тотъ же, тотъ же стиль характерный съ постоянными повтореніями словъ *Бондаривна* и *панъ канюшы*, тѣже образы убѣгающей Бондаривны, льющейся крови червонымы ричками. убивающагося отца и матери. Нѣкоторыя выраженія, да и цѣлые стихи, какъ напр. послѣдній, цѣликомъ перенесены изъ малорусской пѣсни.

Если Бондаривна успѣла забрести въ Лидскій уѣздъ, то позволительно думать, что она должна быть въ репертуарѣ бѣлоруссовъ болѣе близкихъ къ Волыни мѣстностей.

Интересъ къ нашей балладѣ у бѣлоруссовъ, очевидно, нельзя объяснять ни личностью скромной Бондаривны, ни личностью какого то конюшаго, котораго народъ и не зналъ. Весь смыслъ бѣлорусскаго варіанта сводится къ эффектному образу простой дѣвушки, предпочевшей смерть связи съ знатнымъ, чужимъ для нея вельможей. Этотъ поэтическій образъ и подкупилъ на позаимствованіе баллады.

Образъ этотъ излюбленъ народной поэзіей. Мы его встрѣчаемъ въ лирическихъ пѣсняхъ у лужичанъ, чеховъ и поляковъ. Здѣсь я считаю умѣстнымъ привести слѣдующую великорусскую пѣсню, весьма близкую къ нашей Бондаривнѣ:

У воротъ сосна раскачалася,
Ай люли, люли, раскачалася.
Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
Какъ боярскій сынъ Дунѣ рѣчь говоритъ:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй бѣлая,
Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму».
Бѣлая Дунюшка испужалася;
Какъ со вечера голова болитъ,
Ко полуночи она попа проситъ,
Ко бѣлу свѣту нѣту Дунюшки.

Какъ въ Москвѣ звонятъ ко обѣденкѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ.
(Соч. П. И. Якушкина 1884 г. ст. 575 № 27).

Почти всѣ главные моменты Бондаривны здѣсь на лицо. Боярскій сынъ увлекается скромной Дуней, увидѣвъ ее на гульбищѣ: заявляетъ ей, что беретъ ее къ себѣ, чтобы жить съ ней: это влечетъ за собой смерть Дуни, ужаснувшейся отъ этого предложенія; на другой день ее хоронятъ. Разница въ одномъ лишь: Бондаривну убиваетъ отвергнутый вельможа, а Дуня умираетъ съ отчаянія и ужаса. Очень близка по фабулѣ эта пѣсня къ Бондаривнѣ, но сказать, что она создана подъ вліяніемъ слышанной баллады о Бондаривнѣ, трудно, хотя и отрицать этого серіозныхъ основаній не имѣется. Даже частое повтореніе: Бѣлая Дунюшка невольно напоминаетъ повтореніе слова Бондаривна въ балладѣ даже созвучіемъ, хотя и отдаленнымъ.

Перейдетъ-ли наша баллада къ сосѣдямъ, будетъ ли она бродить дальше? Вѣроятнѣе, что нѣтъ. Теперь мало уже на то шансовъ. Народная пѣсня, по словамъ проф. Сумцова, глохнетъ съ каждымъ днемъ подъ вліяніемъ трактирно-городской и солдатской поэзіи.

Ц. Г. Нейманъ.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Продолженіе [1]*).*

5 декабря 1838 г. состоялось перемѣщеніе фонъ-Брадке на службу въ Министерство Нар. Пр. и замѣщеніе его Минскимъ Губернаторомъ княземъ Давыдовымъ. По всей вѣроятности, замѣна прежняго Попечителя новымъ находится въ связи съ тѣмъ польско-демократическимъ движеніемъ, которое тогда увлекло въ политическій водоворотъ нѣкоторую часть университетской молодежи, мимоходомъ коснувшись и нѣкоторыхъ учениковъ Кіевскаго Учебнаго Округа. Можно думать также, что смѣна Попечителя не обошлась безъ участія незадолго предъ симъ назначеннаго Кіевскимъ Генералъ-Губернаторомъ Бибикова, по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приводитъ поразительное хронологическое совпаденіе: Бибиковъ прибылъ въ Кіевъ въ январѣ, а фонъ-Брадке получилъ другое назначеніе въ декабрѣ 1838 г. Вслѣдъ за его выходомъ, въ теченіе года перемѣнился весь личный составъ окружнаго управленія и былъ замѣненъ новымъ: 9 іюля 1839 г. удалился инспекторъ казенныхъ училищъ, а 12 декабря того же года—помощникъ попечителя. Мѣста ихъ заняли М. В. Юзефовичъ и Могиляпскій—первый въ качествѣ помощника Попечителя,

[1]) См. Кіевск. Стар. 1902 г., № 2.

а второй—Инспектора казенныхъ училищъ [1]) Оба они занимали свои посты очень долгое время; первый по 12 іюня 1856 г., а второй по 3 августа того же года, послѣ чего занималъ мѣсто Юзефовича до 28 февраля 1859 г. Кромѣ совпаденія во времени, къ тому-же убѣжденію приводитъ еще слѣд. соображеніе: Бибиковъ былъ призванъ стать во главѣ администраціи юго-западнаго края для того, чтобы одолѣть чужеродные элементы, господствовавшіе въ немъ, и на ихъ развалинахъ поставить, выражаясь словами В. Шульгина, «элементъ керенной, сильный числомъ, силою народныхъ преданій и историческаго права, но безсильный по богатству и образованію, по карпоративному духу и политическому праву, лишенный поземельной собственности и общественнаго значенія, на ней основаннаго». [2]) Не мѣсто здѣсь входить въ разъясненіе того, какъ понята была и разрѣшалась эта задача; скажемъ только, что за рѣшеніе ея новый генералъ-губернаторъ принялся съ неслыханною дотолѣ энергію. При такомъ суровомъ ревнителѣ православія, самодержавія и *народности*, какъ Бибиковъ, могли-ли удержаться на своихъ мѣстахъ люди чужого происхожденія и чужой вѣры (фонъ-Брадке, Люце, Гинцель и Карлгофъ)? Разумѣется, нѣтъ; тутъ нужны были другіе люди, люди русскіе, которые были-бы послушнымъ орудіемъ высшей мѣстной администраціи и, гармонируя съ нею, проводили въ школу тотъ самый государственный символъ вѣры, который исповѣдывалъ Начальникъ края и который съ не умолимою строгостью, или, говоря его собственными словами, «со злостью», [3]) онъ проводилъ во всѣ слои общества. И люди эти, кажется, не имѣли недостатка въ качествахъ, которыя вели-бы къ намѣченной цѣли. Въ особенности, это всецѣло относится къ тогдашнему помощнику Попечителя, который, по словамъ современниковъ, былъ настоящимъ хозяиномъ Округа; что-же касается князя Давыдова, то, не взи-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1839 г. ч. 18 отд. 1-е и ч. 22-е; 1840 г. ч. 26; 1843 г. ч. 39, 1846 г. ч. 50.

[2]) Юго-запад. край стр. 37.

[3]) Прощальная рѣчь Кіев. дворянамъ 8 мая 1851 г.

рая на доброту сердца, онъ оставилъ по себѣ дурную память за высокомѣрное и грубое обращеніе съ подчиненными, въ томъ числѣ и съ учителями, нерѣдко въ присутствіи учащихся. Такое обращеніе, подрывая авторитетъ учителя, очень дурно отражалось на нравственности учащихся, на школьной дисциплинѣ; но мы забѣжали нѣсколько впередъ.

По вступленіи въ должность, князь Давыдовъ началъ свою дѣятельность съ того, съ чего и слѣдовало начать, т. е. съ ревизіи учебныхъ заведеній. Осмотръ ихъ произвелъ на него далеко не радостное впечатлѣніе; повсюду онъ находилъ безпорядокъ и неисполненіе правилъ, какъ со стороны гимназическаго начальства, такъ и учениковъ. [1]) Казалось-бы, что о нарушеніи внѣшняго порядка и благопристойности никто-бы и подумать не смѣлъ послѣ тѣхъ правилъ, которыя, доходя, можно сказать, до педантизма, каждый шагъ и чуть-ли не каждое движеніе учащагося подчиняли педагогическо-полицейскому надзору гимназическаго персонала, а между тѣмъ вышло какъ разъ наоборотъ: князь Давыдовъ нашелъ уклоненіе именно отъ всего того, на чемъ такъ сильно настаивалъ его предшественникъ. Почему-же такъ вышло? Не въ первый разъ приходится убѣждаться въ томъ, что однѣ дисциплинарныя мѣры, въ особенности, если онѣ страдаютъ излишнею регламентаціею, мало пригодны для школы; трудность примѣнить ихъ къ юному организму скоро порождаетъ охлажденіе и равнодушіе къ исполненію долга, а отсюда полный удадокъ и дисциплины. Само собою разумѣется, что кн. Давыдовъ подтвердилъ директорамъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ предписаній фонъ-Брадке; но достигъ-ли онъ цѣли? Едва-ли. «Замѣчено мною», пишетъ онъ директору 2-й Гимназіи въ 1845 г., «не смотря на многократныя подтвержденія и распоряженія, что ученики... нарушаютъ предписанный порядокъ и форму въ одеждѣ, нося при мундирахъ и мундирныхъ сюртукахъ разноцвѣтные панталоны, пестрые галстухи, партикулярныя шинели и, дозволяя себѣ ходить по улицѣ разстегнутыми, имѣютъ часто одежду въ совершенномъ

---

[1]) Дѣло 1839 г. №. 251.

безпорядкѣ. [1]) Не станемъ перечислять всѣхъ распоряженій, изданныхъ имъ съ цѣлью поддержать нравственный авторитетъ учебныхъ заведеній, а остановимся только на тѣхъ, которыя сравнительно съ учебно воспитательными мѣрами фонъ-Брадке представляютъ какую-нибудь отличительную черту.

Во все свое управленіе Кіевскимъ Округомъ кн. Давыдовъ прилагалъ стараніе къ тому, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ все болѣе и болѣе водворялся русскій элементъ и возвышался уровень образованія; кромѣ того, онъ внимательно слѣдилъ за «*благонадежностью въ образѣ мыслей*» воспитывающагося юношества. Въ этомъ направленіи имъ выпущено было достаточное количество распоряженій. При ревизіи гимназій Округа въ 1839 г., онъ лично выражалъ директорамъ желаніе, чтобы они обращали особенное вниманіе на тѣхъ изъ оканчивающихъ курсъ ученія, которые намѣрены поступить въ Университетъ, и доставляли-бы объ нихъ свѣдѣнія въ Округъ [2]), а въ слѣдующемъ году разослалъ циркуляръ, въ которомъ, напоминая о томъ-же самомъ предметѣ, приложилъ форму, «по коей должны быть доставляемы свѣдѣнія о воспитанникахъ, желающихъ поступить въ Университетъ», и требовать «чтобы таковыя свѣдѣнія излагаемы были со всею внимательностью и отчетливостью, коихъ требуетъ важность цѣли сего распоряженія... Подъ симъ разумѣю я, говорится далѣе, *неблагонадежность образа мыслей*, замѣчаемую въ продолженіе ученія въ гимназіи воспитанниковъ». Хотя, при заявленіи такого требованія, Попечитель самъ сознавалъ, что «ручаться за совершенно правильный образъ мыслей каждаго весьма трудно», при всемъ томъ онъ полагалъ, что можно «при внимательномъ наблюденіи въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ хорошо узнать характеръ, наклонности и умственныя способности учащихся [3]). По формѣ, разосланной Попечителемъ, нужно было дать отзывъ объ ученикѣ, оканчивающемъ гимназію, въ слѣд. рубрикахъ: 1) лѣта,

---

[1]) Дѣло 1845 г. № 4.

[2]) Дѣло 1840 г. № 3.

[3]) Тамъ-же.

вѣроисповѣданіе и народность; 2) званіе родителей; 3) способы существованія ихъ и мѣсто жительства; 4) не принималъ-ли кто изъ родителей или родственниковъ участія въ политическихъ безпорядкахъ; 5) сколько лѣтъ находился въ гимназіи; 6) какое впечатлѣніе дѣлаютъ на него разные предметы и обстоятельства—глубокое или скоропроходящее; 7) къ какимъ наукамъ или искусствамъ имѣетъ особенную склонность и въ какихъ оказалъ особенные успѣхи; 8) чѣмъ любитъ заниматься въ свободное время; 9) какой языкъ употребляетъ въ разговорѣ и старается-ли объ усовершенствованіи себя въ русскомъ языкѣ: 10) основателенъ, или легкомысленъ по уму; 11) не замѣтно-ли склонности къ противорѣчіямъ, самоуправству и хитрости; 12) живого или тихаго характера, скрытнаго или откровеннаго; 13) имѣетъ недостатокъ или избытокъ самолюбія; 14) робокъ или, наоборотъ, смѣлъ и предпріимчивъ; 15) приверженъ-ли къ религіи, или наоборотъ—склоненъ къ вольнодумству; 16) показываетъ-ли приверженность къ Россіи и русскому, или наоборотъ; 17) какого поведенія и какія имѣетъ нравственныя качества—добрыя или худыя, кромѣ упомянутыхъ; 18) не занималъ-ли должности репетитора и какъ оную исполнялъ; 19) общее заключеніе директора о благонадежности въ политическомъ отношеніи. Чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, нужно было сначала проникнуть въ сокровенныя тайны молодой души, узнать, что лежитъ на днѣ ея, и потомъ уже судить объ ней, чего нельзя было достигнуть иначе, какъ при содѣйствіи самихъ-же учениковъ. Отсюда и та растлѣвающая система наушничества и доносовъ, которыми такъ богаты прежнія школы, система, въ сущности, не достигавшая цѣли: обыкновенно товарищъ на товарища дѣлалъ доносъ тогда, когда ему не удавалось получить взятку; при этомъ рѣдко случалось, чтобы доносъ былъ правильный. Мы говоримъ такъ увѣренно потому, что сами начали учиться при господствѣ этой системы и намъ хорошо памятна она. Такимъ образомъ возникло зло, съ которымъ приходилось вести нелегкую борьбу; но зло это было еще не такъ велико сравнительно съ другимъ, вытекшимъ изъ того-же источника. Извѣстно, какъ мо-

лодые организмы чутки ко всему, что ихъ окружаетъ, какъ инстинктъ умѣетъ ловко подсказать имъ средства самозащиты и какъ мастерски, вслѣдствіе этого, многіе изъ нихъ приспособляются къ окружающей ихъ дѣйствительности, маскируя и свои наклонности, и свой образъ мыслей, особенно, если они попадаютъ подъ постороннія, внѣ школы развивающіяся, вліянія. Подъ видомъ наружной скромности, а на самомъ дѣлѣ подъ маскою лицемѣрія, такіе обыкновенно ускользаютъ отъ надзора и дурной аттестаціи. Къ сожалѣнію, это соображеніе не имѣлось въ виду: политическій вопросъ отодвинулъ въ сторону вопросы педагогики.

Вліяніе политическихъ соображеній привело князя Давыдова къ весьма важной догадкѣ: учредить при гимназіяхъ, въ томъ числѣ и при Кіевской 2-й, общія ученическія квартиры, въ которыя поступали дѣти, «коихъ родители не живутъ въ Кіевѣ», съ тѣмъ, чтобы они могли получить воспитаніе подъ ближайшимъ наблюденіемъ гимназическаго начальства. Плата за содержаніе въ нихъ назначена была троякая, всѣдствіе чего онѣ дѣлились на три отдѣленія. Въ связи съ учрежденіемъ ихъ находится распоряженіе о томъ, что «если найдется достаточное число учениковъ, кои пожелаютъ заплатить болѣе, то слѣдуетъ открыть 4-й разрядъ, высшій, у тѣхъ изъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства или постороннихъ русскаго происхожденія, которые пріймутъ на себя обязанности сообразно правиламъ». [1]). Охраняя школы отъ внѣшнихъ воздѣйствій, кн. Давыдовъ, въ то же время, старался образовать юношество на тѣхъ наукахъ, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ русскаго человѣка и русскую землю. Въ этомъ стремленіи онъ опередилъ и Государственный Совѣтъ, и Министерство Нар. Пр. Государственный Совѣтъ, какъ мы видѣли, обратилъ свой взоръ только на русскій языкъ съ русскою словесностью; вслѣдствіе чего учениковъ, обнаружившихъ превосходные успѣхи въ этомъ предметѣ, стали награждать чиномъ XIV кл.; но эта мѣра носила характеръ палліативный. Гораздо дѣйствительнѣе

---

[1]) Дѣло 1840 г. № 3. Правилъ этихъ мы не нашли; но думаемъ что онѣ были составлены въ духѣ прежнихъ, намъ уже извѣстныхъ.

была мѣра, придуманная Министерствомъ Нар. Пр. Чтобы подѣйствовать на самолюбіе молодыхъ людей и развить въ средѣ ихъ благородное соревнованіе въ изученіи русскаго языка и словесности, оно открыло страницы своего журнала для печатанія лучшихъ изъ ихъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній. Этою мѣрою достигалась и другая цѣль—открыть дорогу литературнымъ дарованіямъ, которыя часто глохнутъ, не имѣя средствъ проявить себя публично. Князь Давыдовъ взглянулъ на дѣло еще глубже: не въ одномъ только подъемѣ изученія русскаго слова онъ видѣлъ залогъ правильнаго образованія въ гимназіяхъ юго-западнаго края, а еще въ усиленіи свѣдѣній по русской исторіи и русской географіи. Вслѣдствіе этого оба названные предмета были включены въ число главныхъ предметовъ гимназическаго курса, т. е. такихъ, «въ коихъ ученикъ долженъ получить въ окончательномъ выводѣ не менѣе *3*, чтобы имѣть право на полученіе аттестата», и опредѣлено было распредѣлить русскую исторію по классамъ такъ, чтобы ученики, покидавшіе гимназію до ея окончанія, не оставались совершенными невѣждами относительно прошлой жизни русскаго народа. [1]) Но усиленіе занятій, какъ по этимъ предметамъ, такъ и по русской словесности, привело-бы къ обремененію учащихся, которымъ и безъ того предстояло много труда. Чтобы выйти изъ затрудненія, слѣдовало сократить изученіе другихъ предметовъ. Такъ и было поступлено, а именно: прекращено преподаваніе логики и статистики, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно сокращенъ курсъ математики. [2]) Къ тойже цѣли, т. е. къ облегченію учащихся, клонилось предложеніе, данное директорамъ, обсудить слѣд. оригинальный проектъ окончательныхъ испытаній, проектъ, доставленный Попечителю однимъ, неизвѣстнымъ намъ, директоромъ; «Всѣ предметы, изъ коихъ ученикъ 7-го класса долженъ выдержать испытаніе, раздѣлить на два

---

[1]) Сбор. Расп. т. П. (отъ 16 марта 1840 г.) и Цирк. 1840 г. 11 іюля.

[2]) Сбор. Расп. т. П. (17 ноября 1844 г. и 15 декабря 1845 г.); Допол. въ Сбор. Пост. 19 декабря 1846 г.

отдѣла. Къ первому отдѣлу должны быть отнесены: катехизисъ, ариѳметика, географія съ космографіей, исторія древняя и языки: славянскій, нѣмецкій и французскій; во второмъ отдѣлѣ должны заключаться всѣ прочіе предметы гимназическаго курса Изъ предметовъ перваго отдѣла производить испитаніе предъ зимними вакаціями, а изъ предметовъ второго отдѣла предъ лѣтними». При такомъ способѣ испытанія, говорится далѣе, «имѣется въ виду: 1) что они (т. е. первый отдѣлъ предметовъ) въ связи наукъ суть, такъ сказать, второстепенные; 2) что нѣкоторыхъ изъ нихъ не потребуютъ на университетскихъ испытаніяхъ; 3) что они, по содержанію своему, легче прочихъ, и 4) что предметы эти окончательно проходятся до 7-го класса. Но дабы не уронить значенія этихъ предметовъ въ глазахъ учениковъ, необходимо принять за правило, чтобы ученикъ 7-го класса, державшій экзаменъ по предметамъ перваго отдѣла, въ такомъ случаѣ освобождался отъ вторичнаго въ нихъ испытанія при концѣ года, если онъ изъ сихъ предметовъ получитъ не менѣе *3;* не получившій этого шара въ какомъ-либо предметѣ долженъ будетъ подвергнуться вторичному въ ономъ испытанію въ концѣ года». [1]) Ученики остальныхъ классовъ относительно прохожденія гимназическаго курса Уставомъ 1828 г. поставлены были въ весьма тяжелое положеніе: они въ теченіе учебнаго года, можно сказать, совсѣмъ не имѣли свободнаго времени для отдыха и возобновленія своихъ силъ, потому что на праздникъ Р. Хр. они обязаны были готовиться къ полугодичному испытанію, отъ котораго зависѣлъ переходъ ихъ въ высшій классъ. Еще фонъ-Брадке ходатайствовалъ о перенесеніи этихъ испытаній на другіе сроки, но, какъ намъ извѣстно, онъ не успѣлъ ничего. Князю Давыдову удалось получить разрѣшеніе перенести полугодовыя испытанія на декабрь, а переводныя на время предъ лѣтними каникулами [2]). Чтобы облегчить переходъ учениковъ въ высшій классъ, онъ разрѣшилъ допускать къ переэкзаменовкѣ (не иначе однако, какъ до каникулъ) по нѣкоторымъ

---

[1]) Цирк. отъ 27 ноября 1844 г.

[2]) Цирк. отъ 17 апрѣля 1843 г. и 23 октября 1843 г.

предметамъ тѣхъ изъ нихъ, которые въ продолженіе года учились хорошо, а на экзаменѣ оказались слабыми. [1])

Конечно, облегченіе учащихся—дѣло полезное и нужное; но съ другой точки зрѣнія въ высшей степени важно поддерживать, на возможно большей высотѣ, умственный авторитетъ учебнаго заведенія посредствомъ серьезной постановки въ немъ учебныхъ требованій и улучшенныхъ педагогическихъ пріемовъ. Настаивая на серьезности и правильности переводныхъ испытаній, пересмотрѣвъ и исправивъ существовавшія въ этомъ отношеніи правила, [2]) кн. Давыдовъ дѣйствительно влилъ свѣжую, здоровую струю въ учебное дѣло, хотя, къ сожалѣнію, онъ подлилъ къ ней значительную долю вредной, во многихъ отношеніяхъ, примѣси. [3]) Въ чемъ состояло то и другое, будетъ показано въ своемъ мѣстѣ.

15 іюня 1845 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ кн. Давыдова на службу въ 1-е отд. 3-го департ. Сената. Должность Попечителя сдана была его Помощнику, который управлялъ Округомъ до пріѣзда новаго Попечителя, генералъ-маіора Траскина. Повидимому, дѣятельность новаго Попечителя для учебныхъ заведеній Округа прошла незамѣченною; по крайней мѣрѣ въ его распоряженіяхъ, бывшихъ у насъ подъ рукою, мы не нашли ничего существенно-важнаго въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Генералъ Траскинъ былъ Кіевскимъ Попечителемъ до 18 ноября 1848 г. «Впредь до назначенія новаго Попечителя,» такъ сказано въ указѣ Правительствующему Сенату, Кіевскій Округъ ввѣряется Генералъ-Губернатору, которымъ былъ никто иной, какъ достопамятный въ лѣтописяхъ Кіева Д. Г Бибиковъ. Назначеніе новаго Попечителя состоялось, однакожъ, не скоро. Въ продолженіе 7 лѣтъ Округъ былъ подчиненъ непосредственному вѣдѣнію Генералъ-Губернаторовъ,—сначала Бибикова, а потомъ князя И. И. Васильчикова.

---

[1]) Цирк. отъ 10 апрѣля 1844 г.

[2]) Цирк. отъ 15 іюля 1840 г., отъ 28 апр., 30 мая и 8 авг. 1844 г.

[3]) Цирк. отъ 15 дек. 1844 г.

Ставши Попечителемъ Округа, Бибиковъ еще зорче и еще напряженнѣе, чѣмъ въ предъидущее десятилѣтіе, взялся слѣдить за ходомъ образованія и направленіемъ воспитанія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго ему края, начиная съ приходского училища и оканчивая Университетомъ. Новый Попечитель былъ по натурѣ человѣкъ крутой и неумолимо-безпощадный тамъ, гдѣ находилъ несоотвѣтствіе съ своими задушевными мыслями и убѣжденіями. Управленіе учебнымъ Округомъ, и до него отличавшееся строгостью, приняло съ тѣхъ поръ характеръ суроваго управленія. Будучи непримиримымъ врагомъ всякаго послабленія, онъ требовалъ, чтобы и другіе были такими же. Изъ всѣхъ мѣръ, [1]) принятыхъ имъ по отношенію къ учебной части гимназій, наиболѣе выдающеюся представляется, какъ плодъ борьбы его съ польскимъ элементомъ края, мѣра, направленная къ усиленію успѣховъ въ русскомъ языкѣ и русской словесности. «Знаніе языка русскаго, писалъ онъ въ Университетъ св. Владиміра, составляетъ обязанность каждаго добраго сына нашего общаго отечества и самую существенную принадлежность основательнаго образованія.... Отечественный языкъ служитъ проводникомъ для всѣхъ пріобрѣтаемыхъ знаній и составляетъ во всякой образованной странѣ основу отечественнаго образованія.... Здѣсь отъ первыхъ историческихъ временъ была и есть коренная Россія, съ русскимъ народонаселеніемъ, съ русскими нравами, съ русскимъ словомъ, а ежели это послѣднее въ недавнее время и на непродолжительный срокъ было выведено насиліемъ изъ общаго оффиціальнаго употребленія, то кому иному, какъ не Университету св. Владиміра, поставленному во главѣ здѣшняго народнаго образованія, возстановить, утвердить и усовершенствовать это основное начало отечественной народности.» [2]) Такъ писалъ онъ Университету, а гимназіямъ предписалъ, чтобы изъ третьяго класса въ

---

[1]) Дѣло 1851 г. № 48; 1849 г. № 64; Цирк. 1851 г. № 11 прибавл.; Цирк. 1849 г. № 4; Каменецъ-Подольская гимназія стр. 94 и 96.

[2]) Каменецъ-Подольская гимназія стр. 96.

четвертый переводились только тѣ ученики, которыхъ познанія въ русскомъ языкѣ заслуживали отмѣтки не менѣе 3, а изъ 7-го класса выпускались съ аттестатомъ только тѣ, которые на экзаменѣ получали 4 или 5. [1]) Съ соотвѣтственною строгостью онъ слѣдилъ и за другими предметами гимназическаго образованія, но при всемъ томъ наука составляла для него второстепенное дѣло. Ничто не нравилось ему такъ, какъ дисциплина: она была его излюбленнымъ чадомъ, которымъ онъ дорожилъ больше всего на свѣтѣ и которую вносилъ съ собою во всѣ сферы мѣстнаго управленія. Этой дисциплиной онъ наводилъ трепетъ на всѣхъ отъ мала до-велика. Стоило Бибикову только показаться, и трепетъ готовъ; показывался-же онъ обыкновенно внезапно (по крайней мѣрѣ въ Кіевскихъ гимназіяхъ), иногда въ глухую ночь, и бѣда, если находилъ какую-нибудь неисправность. Такъ, однажды онъ удалилъ отъ службы дежурнаго надзирателя за то, что засталъ его ночью спящимъ и раздѣтымъ. [2]) Такъ какъ начальники учебныхъ заведеній навѣрное не знали, чего именно отъ училищной дисциплины требовалъ Генералъ-Губернаторъ, то изъ страха предъ нимъ доводили ее до крайности. Такъ напр., соблюдая правила о формѣ, они требовали, чтобы учащіеся были застегнутыми на всѣ пуговицы даже во время домашнихъ занятій и игръ. Замѣтивъ это, Бибиковъ предписалъ «строго наблюдать, чтобы воспитанники занимались и играли всегда разстегнутые, такъ какъ сжатіе одеждою груди въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ можетъ имѣть вредное вліяніе на развитіе физическихъ силъ». [3])

Въ заключеніе очерка бибиковскихъ мѣръ, мы считаемъ не лишеннымъ интереса указать еще на два распоряженія, изъ коихъ одно, безъ сомнѣнія, подсказано патріотическимъ чувствомъ преданности Престолу, другое вызвано карьеризмомъ служащихъ. Вотъ они: 1) священная обязанность каждаго русскаго знать и

---

[1]) Цирк. 1849 г. № 3.

[2]) Дѣло 1849 г. № 62.

[3]) Дѣло 1849 г. № 6,

твердо сохранять въ памяти имена всѣхъ членовъ нашего Императорскаго Дома... Для облегченія учащимся способа утверждать въ памяти знаніе всѣхъ членовъ семьи и благополучно царствующаго Государя Императора, я приказалъ составить и напечатать таблицы Императорскаго Дома». [1]) 2) «Генералъ-Губернаторъ нужнымъ считаетъ объявить по Учебному Округу, что онъ опредѣляетъ на высшія мѣста не по просьбамъ, а по заслугамъ и достоинствамъ чиновниковъ. Всякій, кто служитъ съ усердіемъ и старается быть полезнымъ по мѣрѣ силъ и способностей, долженъ надѣяться повышенія отъ вниманія начальства къ его трудамъ; собственное же ходатайство о высшихъ должностяхъ не будетъ удовлетворяемо и просьбы подобнаго рода не могутъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ заключенія начальства, что подающій ихъ, сознавая самъ недостатокъ своихъ заслугъ и достоинствъ, не надѣется достигнуть повышенія путемъ заслугъ, а потому прибѣгаетъ къ искательствамъ». [2])

Бибиковъ управлялъ Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ до октября 1852 г. «Припоминая тогдашнее настроеніе умовъ, говоритъ В. Шульгинъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ котораго и мы находились, мы должны сознаться, что словно осадное положеніе было снято съ города и края, когда въ октябрѣ 1852 г. совершилась перемѣна Генералъ-Губернатора. Всѣ чувствовали, что дышать и жить становилось какъ-то удобнѣе и легче». Смѣнившій его князь Васильчиковъ отличался добродушіемъ и мягкостью характера. У того-же Шульгина читаемъ слѣд. характерный анекдотъ, сложившійся про князя на первыхъ порахъ его пребыванія въ Кіевѣ. Однажды онъ встрѣтилъ гимназиста, говоритъ Шульгинъ, въ разстегнутомъ мундирѣ. Разстегнутый мундиръ почитался, съ мѣсяцъ тому назадъ, уголовнымъ преступленіемъ. Князь зналъ это. «Зачѣмъ вы разстегнулись? Ну, если встрѣтитъ васъ генералъ-губернаторъ, съ васъ строго взыщутъ». Гимназистъ, не знавшій, съ кѣмъ говорилъ, застегнулся, но отвѣчалъ:

---

[1]) Дѣло 1851 г. № 48.

[2]) Дѣло 1849 г, № 6.

«теперь не то, что было; нашъ князь очень добръ и навѣрное проститъ». [1]) И дѣйствительно, кн. Васильчиковъ былъ добрый человѣкъ, любившій учащуюся молодежь. Для доказательства этого приведемъ выдержку изъ одного, весьма замѣчательнаго въ педагогическомъ отношеніи документа, рисующаго предъ нами и благородный образъ князя, и его попытку вдохнуть въ бездушный оффиціальный строй тогдашней школы свѣжую струю жизни. Князь пишетъ по поводу нѣсколькихъ случаевъ дерзости учениковъ противъ начальства. «Я не могу допустить мысли, чтобы подобные проступки между дѣтьми могли возникать безъ всякаго предварительнаго повода, а потому долженъ предполагать одно изъ двухъ: или что дѣти, поступающія въ заведенія вообще въ раннемъ возрастѣ, допускаются въ нихъ до нравственной порчи, или что управленіе дѣтьми не всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ воспитанія. Въ предупрежденіе зла и гибели дѣтей, я долгомъ считаю объявить всѣмъ начальникамъ заведеній мой образъ мыслей и мои требованія по этому предмету. Въ дѣлѣ воспитанія полицейскій надзоръ не достаточенъ. Какъ бы онъ ни былъ строгъ и бдителенъ, онъ можетъ производить не болѣе того, что производятъ всѣ полицейскія мѣры, т. е. можетъ предупреждать проступки, но не можетъ исправлять и искоренять зла. Для воспитанія, т. е. для нравственнаго управленія дѣтьми, нужна и власть нравственная, власть надъ ихъ умомъ и сердцемъ. Такая власть почерпается воспитателями въ уваженіи, довѣріи и любви къ нимъ дѣтей, а эти качества пріобрѣтаются разумными требованіями, справедливостью и благодушіемъ съ ними. Съ дѣтьми прежде всего надо быть добрымъ. Доброта не мѣшаетъ быть строгимъ; но она смягчаетъ строгость и доставляетъ ей доступъ къ сердцу виновнаго, слѣд. усиливаетъ ея нравственное вліяніе. На этомъ основаніи я требую: 1) чтобы начальники заведеній не ограничивали попеченій своихъ однимъ строгимъ надзоромъ за поведеніемъ дѣтей; но чтобы, зная каждаго воспитанника, не только по имени и лицу, но и по его характеру и наклонно-

[1]) Юго-западный край. стр. 116, 117, 123.

стямъ, они принимали всѣ нужныя мѣры не къ внѣшнему только воздержанію дурныхъ поступковъ, а къ исправленію и искорененію дурныхъ къ нимъ побужденій. Всѣхъ воспитательныхъ мѣръ и пріемовъ исчислить нельзя. Воспитатели должны искать ихъ указанія въ своемъ сердцѣ: если оно любитъ дѣтей, то у него найдется отвѣтъ на всякій вопросъ, во всякомъ обстоятельствѣ; 2) чтобы начальники строго наблюдали за соблюденіемъ приличнаго съ дѣтьми обращенія, которое должно быть ласково, благодушно и вѣжливо. Боже сохрани уничтожать въ дѣтяхъ чувство ихъ нравственнаго достоинства. Это чувство должно возбуждать и развивать, прививая къ нему правильныя понятія объ обязанностяхъ человѣка, составляющихъ истинное его достоинство; 3) чтобы обо всѣхъ дѣлаемыхъ взысканіяхъ начальники знали до малѣйшихъ подробностей и слѣдили за ними, обращая строгое вниманіе на ихъ потребность и соразмѣрность съ проступкомъ, возрастомъ, прежнимъ поведеніемъ и характеромъ воспитанника, и имѣть постоянно въ виду, что во многихъ случаяхъ снисходительность бываетъ дѣйствительнѣе строгости.... Тѣлесное наказаніе допускается какъ необходимая, крайняя мѣра, безъ которой всевозможно должно стараться обходиться. По числу тѣлесныхъ наказаній въ заведеніи можно безошибочно заключить о его нравственномъ состояніи..... Строгія наказанія, вообще, должны быть не часты; иначе они много теряютъ въ смыслѣ нравственнаго своего значенія. Они должны быть дѣлаемы безъ малѣйшаго признака гнѣва. Гнѣвъ противъ дѣтей гнусенъ во всякомъ человѣкѣ; но въ воспитателѣ онъ есть преступленіе.... О всякомъ, подлежащемъ удаленію изъ заведенія, я долженъ имѣть полныя свѣдѣнія и буду требовать подробнаго отчета о всей его школьной жизни; ибо долгъ и совѣсть обязываютъ меня разсматривать въ подобныхъ случаяхъ вопросъ не объ одномъ виновномъ юношѣ, но и о тѣхъ, кому родители подъ ручательствомъ и отвѣтственностью Правительства ввѣрили его воспитаніе. Въ этомъ отношеніи я буду тѣмъ строже, что вся тяжесть этой отвѣтственности лежитъ на мнѣ первомъ». [1])

[1]) Предписано 31 мар. 1853 г.

Другихъ источниковъ для опредѣленія дѣятельности кн. Васильчикова на педагогическомъ поприщѣ въ дѣлахъ 2-й гимназіи мы не нашли и потому сказать, въ чемъ еще, кромѣ приведеннаго распоряженія, она проявилась, не можемъ; но для надлежащей оцѣнки значенія князя въ исторіи образованія и, особенно, воспитанія въ здѣшнемъ краѣ, достаточно и этого одного документа. Несомнѣнно, онъ подготовлялъ почву для той архитектоники, за которую вскорѣ потомъ принялся знаменитый Н. И. Пироговъ, вступившій въ управленіе Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ послѣ Ребиндера, бывшаго Попечителемъ недолго и не успѣвшаго обнаружить вполнѣ своей дѣятельности.

Докторъ и педагогъ, мыслитель и ученый, Попечитель и человѣкъ, по словамъ кіевлянъ, высказаннымъ при прощаніи съ нимъ въ 1861 г., «при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, препятствовавшихъ его дѣятельности, съумѣлъ первый въ здѣшнемъ краѣ сдѣлать интересы учебнаго вѣдомства интересами общественными и сверхъ того личнымъ письменнымъ трудомъ и непреоборимымъ вліяніемъ вызвалъ Округъ къ небывалой умственной и педагогической дѣятельности». [1]) Если мы припомнимъ, въ какомъ положеніи находились наши учебныя заведенія въ періодъ времени отъ 1839 по 1856 годъ, то не станемъ удивляться тѣмъ восторженнымъ похваламъ Пирогову, которыя четверть вѣка назадъ цѣлою рѣкой лились изъ устъ кіевлянъ. Заслуги Пирогова несомнѣнны. Устранивъ тѣлесное наказаніе, на которомъ держалась прежняя педагогика, и поставивъ на его мѣсто начала нравственныя, онъ дѣйствительно далъ первый толчекъ къ перерожденію нашихъ учебныхъ заведеній по раціональнымъ требованіямъ педагогики. Поощряя умственную и научную работу руководителей юношества, онъ способствовалъ образованію извѣстнаго контингента вполнѣ образованныхъ и даже ученыхъ педагоговъ. Ничуть не желая умалить значеніе Пирогова, какъ Попечителя, мы однакожъ не можемъ не снять съ него нѣкоторой доли похвалы, которою его въ свое время осыпали. Вспом-

[1]) Прощаніе Кіева съ Пироговымъ стр. 36.

нимъ, что Пироговъ дѣйствовалъ во имя тѣхъ идей, которыя были провозвѣщены Царемъ-Освободителемъ и осуществленіе которыхъ составляло Его задушевное желаніе. Припомнимъ еще, что въ основаніе своихъ реформъ онъ положилъ Уставъ 1828 г., который, не взирая на реформу 1849 г., не былъ уничтоженъ, а только пришелъ въ забвеніе. Заслуга Пирогова та, что онъ напомнилъ о немъ и разъяснилъ, въ чемъ состояла сущность его педагогическихъ требованій и какъ на основаніи его должна быть поставлена школа.

Первое, на что Пироговъ обратилъ весьма серьезное вниманіе, есть, безъ сомнѣнія, Педагогическій Совѣтъ. Исходя изъ совершенно правильнаго положенія, что Педагогическій Совѣтъ есть средоточіе учебной и воспитательной жизни учебныхъ заведеній, Пироговъ началъ съ возбужденія его дѣятельности и мало по малу поставилъ его на ту высоту, которая предоставлена была ему Уставомъ 1828 г. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу: «Педагогическіе Совѣты—учрежденія въ высшей степени гуманныя и прогрессивныя; они представляютъ самое надежное средство къ улучшенію быта нашихъ учебныхъ заведеній и въ научномъ, и въ нравственномъ, и даже въ административномъ отношеніяхъ». [1]) Сообразно съ этимъ взглядомъ, онъ напоминаетъ директорамъ § 212 Устава, по которому Педагогическіе Совѣты, «сверхъ другихъ обязанностей, занимаются и усовершенствованіемъ способовъ преподаванія», и требуетъ, чтобы Педагогическій Совѣтъ назначалъ экстраординарныя засѣданія и въ нихъ занимался «обсужденіемъ и оцѣнкою различныхъ способовъ преподаванія, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Послѣ каждаго засѣданія копіи составляемыхъ протоколовъ и всѣ отдѣльныя мнѣнія учителей представлялись въ Округъ и потомъ печатались въ преобразованномъ Пироговымъ «Циркулярѣ» [2]). Вскорѣ потребовалось разъясненіе, въ чемъ именно должна была состоять задача этихъ засѣда-

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 2.

[2]) Дѣло 1858 г. № 18.

ній, потому что многимъ гимназіямъ, въ томъ числѣ и 2-й Кіевской, совѣщаться по вопросамъ педагогики и дидактики казалось до того страннымъ, что онѣ просто не поняли распоряженія». Экстраординарныя зясѣданія, объясняетъ Пироговъ, учреждены съ тою цѣлью, чтобы 1) дать возможность наставникамъ свободно, откровенно и безпристрастно обсудить различныя педагогическія мнѣнія и предлагаемые способы преподаванія; 2) познакомить ближе высшія учебныя инстанціи какъ съ господствующими, такъ и съ исключительными взглядами нашихъ педагоговъ; 3) дать средство высшимъ инстанціямъ судить по этимъ взглядамъ о степени развитія нашей педагогики; 4) посредствомъ размѣна взглядовъ познакомить и сблизить одну съ другою различныя дирекціи Округа; 5) чтобы учебное начальство могло удобнѣе сообщать всѣмъ дирекціямъ свои распоряженія и мнѣнія о вновь предлагаемыхъ мѣрахъ и способахъ преподаванія». [1]) Уставъ 1828 г. вмѣнялъ Педагогическимъ Совѣтамъ въ обязанность заниматься еще обсужденіемъ всѣхъ, вообще, вопросовъ, касающихся внутренней жизни учебнаго заведенія, разрѣшеніе которыхъ нуждается въ участіи всѣхъ наличныхъ силъ Педагогическаго состава». Считая не только полезнымъ, но и необходимымъ... поднять значеніе Педагогическихъ Совѣтовъ гимназій и увеличить нравственно-научную связь между учащими и учащимися», Пироговъ предложилъ директорамъ и инспекторамъ «подвергать непремѣнно еще обсужденію Совѣта: 1) все, касающееся поведенія учениковъ, ихъ наказанія, увольненія, и перемѣщенія изъ одной гимназіи въ другую; 2) всѣ замѣченные директоромъ и инспекторомъ недостатки и упущенія въ классахъ, касающіяся преподаванія или изложенія различныхъ предметовъ и обращенія учителей съ учениками такъ, чтобы дѣлаемыя имъ замѣчанія отнюдь не носили на себѣ характера однихъ личныхъ (и слѣд. болѣе или менѣе произвольныхъ) воззрѣній. Этимъ способомъ я полагаю доставить учителямъ средства къ развитію личныхъ убѣжденій, къ возвышенію ихъ педагогическаго авторитета и собственнаго достоинства,

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 5.

къ возстановленію нравственно-научной связи съ учащимися, которая (нужно сознаться) въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ слишкомъ слаба, и къ уничтоженію всякаго произвола, столь вредно дѣйствующаго въ дѣлѣ воспитанія. Въ воспитаніи нѣтъ ничего ничтожнаго; всѣ, повидимому незначительные, поступки и со стороны учащихъ и со стороны учащихся требуютъ строгаго и здраваго обсужденія. Голосъ наставниковъ долженъ быть въ полной мѣрѣ столько-же силенъ и многозначителенъ для учениковъ, какъ и голосъ директора. Педагогическое управленіе гимназій и по нашимъ уставамъ имѣетъ характеръ коллегіальный». [1])

Видя, что нѣкоторые члены Педагогическихъ Совѣтовъ неправильно поняли свои нравственно-педагогическія обязанности и стали дѣйствовать въ духѣ, несогласномъ съ коллегіальностью учебнаго заведенія, Пироговъ поставилъ имъ на видъ слѣд.: 1) «доставивъ каждому изъ учителей удобный случай посредствомъ сужденій въ засѣданіяхъ Совѣта высказывать откровенно свои мнѣнія о способѣ преподаванія, о достоинствахъ и проступкахъ учениковъ и о нравственно-педагогическихъ пріемахъ, я зналъ очень хорошо, что мнѣнія всѣхъ членовъ Совѣта не могутъ быть одни и тѣ же. Если бы всѣ и обо всемъ имѣли одинакіе взгляды и убѣжденія, то не было-бы необходимости въ коллегіальныхъ и совѣщательныхъ совѣщаніяхъ. Изъ этого однакожь никакъ не слѣдуетъ, что тѣ изъ членовъ Совѣта, мнѣнія которыхъ не согласны съ мнѣніемъ остальныхъ членовъ, должны своими дѣйствіями противорѣчить рѣшеніямъ Педагогическаго Совѣта, основаннымъ на большинствѣ голосовъ. Такой образъ дѣйствій доказываетъ, что дѣйствующіе неясно понимаютъ духъ и главное основаніе коллегіальныхъ учрежденій. Первая и главная обязанность всѣхъ членовъ коллегіальныхъ учрежденій «подчиняться рѣшенію большинства или протестовать предъ высшимъ начальствомъ, но ни въ какомъ случаѣ» «не обнаруживать своихъ личныхъ и частныхъ мнѣній предъ подчиненными,» потому что отъ этого развивается у учащихся неуваженіе «къ законности и къ тому

[1]) Дѣло 1859 г. № 7.

учрежденію, которое въ глазахъ молодежи должно быть ареопагомъ и къ членамъ котораго принадлежатъ тѣ же самые дѣятели, противорѣчащіе его рѣшеніямъ.... Но всего важнѣе подчиненіе собственнаго убѣжденія убѣжденіямъ большинства въ дѣлахъ судебныхъ. Въ этихъ дѣлахъ членовъ Педагогическихъ Совѣтовъ можно сравнить съ присяжными, отдѣльныя мнѣнія которыхъ не объявляются подсудимымъ.» Въ случаѣ противорѣчій съ большинствомъ, отдѣльныя мнѣнія должны содержаться въ глубокой тайнѣ и развѣ только одной высшей инстанціи могутъ быть извѣстны. 2) Нѣкоторые педагоги думали, что учителя—братья, а другіе—что они родители учениковъ; «а я думаю: ни то, ни другое. Наставники должны оставаться наставниками въ полномъ смыслѣ.» Они должны требовать отъ ученика вниманія, прилежанія, успѣховъ и хорошаго поведенія, а въ случаѣ неповиновенія и неисполненія обязанности подвергать ихъ заслуженному взысканію. 3) «Если въ настоящее время обнаруживается какой-то антагонизмъ между учениками и учителями, не пользующимися милостью учениковъ, если проявляется духъ своеволія и неповиновенія, если учителя, для сближенія съ учениками, приглашая ихъ къ себѣ, критикуютъ съ ними вмѣстѣ другихъ наставниковъ, то все это доказываетъ, что ни учителя, такъ поступающіе, ни самые Педагогическіе Совѣты, которымъ слѣдовало-бы тотчасъ-же предпринять энергическія мѣры къ прекращенію зла, подвергнувъ въ своихъ засѣданіяхъ безпристрастному суду и точному изслѣдованію поступковъ его членовъ, употребляющихъ во зло имя и достоинство учителя», не понимаютъ своей обязанности [1]).

Для того, чтобы Педагогическій Совѣтъ могъ сдѣлаться настоящею лабораторіею педагогики и дидактики, какъ того желалъ Пироговъ, необходимо одно очень важное условіе, т. е. чтобы члены Совѣта не позволяли себѣ отставать отъ науки, а слѣдили-бы за ея успѣхами и развивали-бы на ней свой умъ, который, какъ извѣстно, безъ упражненія коснѣетъ. Педагоги стараго времени, за рѣдкими исключеніями, не думали объ этомъ. Чтобы

[1]) Цирк. 1859 г. № 4.

разбудить ихъ отъ умственной спячки, Пироговъ предложилъ имъ, во 1-хъ—посѣщать уроки другъ друга, взаимно присматриваться къ методамъ и пріемамъ своимъ и потомъ результаты наблюденій подвергать обсужденію въ Педагогическомъ Совѣтѣ [1]; во 2-хъ—выступать съ печатнымъ словомъ по тому или другому педагогическому вопросу, для чего имъ предоставленъ былъ органъ по управленію Округомъ. Органъ этотъ, дѣйствительно, имѣлъ могущественное вліяніе на старыхъ педагоговъ: онъ заставилъ ихъ браться за работу, и по мѣрѣ возможности, обновляться. Но старые сосуды, хотя-бы и обновленные, все-таки не то, что новые, да еще взятые съ выборомъ. Такъ, безъ сомнѣнія, думалъ Пироговъ, когда учреждалъ конкурсъ на занятіе вакантныхъ учительскихъ мѣстъ, а вслѣдъ за симъ учредилъ при Университетѣ св. Владиміра особые педагогическіе курсы, воспитанники которыхъ носили названіе кандидатовъ-педагоговъ и обязаны были подъ руководствомъ профессоровъ и опытныхъ преподавателей извѣстное время (даже до 2-хъ лѣтъ) заниматься изученіемъ своей спеціальности и преподаваніемъ уроковъ въ какомъ нибудь классѣ [2].

Рядомъ съ этимъ шло преобразованіе гимназій, такъ сказать, снизу. Ученики, мало уважавшіе своихъ наставниковъ, нерѣдко входили въ препирательство съ ними по поводу выставленной за урокъ отмѣтки. Пироговъ распорядился, чтобъ учителя заносили въ журналъ отмѣтки не въ классѣ на глазахъ учениковъ, а въ инспекторской комнатѣ—мѣра, впрочемъ, не достигавшая своего назначенія. Родители часто обращались къ Попечителю съ просьбою дозволить ихъ дѣтямъ, получившимъ на испытаніи неудовлетворительную отмѣтку въ одномъ, двухъ, трехъ и даже четырехъ предметахъ, подвергнуться переиспытанію послѣ каникулъ. Прежде такія просьбы нерѣдко удовлетворялись, чѣмъ сильно подрывался авторитетъ заведенія. Пироговъ объявилъ, что «переиспытаній допускать нѣтъ ни основанія, ни пользы, ибо

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 6.

[2]) Цирк. 1859 г. № 2; Дѣло 1859 г. № 5; Каменецъ-Подольская гим. стр. 110.

ученики, полагаясь на такое снисхожденіе, могутъ предаваться лѣности въ теченіе учебнаго года, въ надеждѣ усиленными занятіями въ вакантное время вознаградить потерянное въ учебные часы, и пріучаться къ пособію репетиторовъ, пренебрегая самостоятельнымъ, постоянно неослабнымъ трудомъ»; поэтому запрещаетъ «навсегда переиспытаніе учениковъ, не удостоенныхъ одобрительныхъ для перевода въ высшій классъ отмѣтокъ, допуская однако исключеніе по собственному усмотрѣнію и безъ особаго разрѣшенія Попечителя, относительно тѣхъ учениковъ, которые получили недостаточную отмѣтку по одному только предмету, если въ продолженіе года они не замѣчались въ лѣности и дурномъ поведеніи, о чемъ объявить ученикамъ нынѣ и впредь объявлять имъ при наступленіи учебнаго года съ тѣмъ, что на будущее время прошенія о переиспытаніи будутъ оставляемы безъ удовлетворенія и отвѣта» [1]). По прежнимъ правиламъ испытанія предметы раздѣлялись на главные и неглавные. Зная, что неудовлетворительная отмѣтка по разряду неглавныхъ наукъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не лишаетъ права на переводъ въ высшій классъ, ученики относились къ нимъ небрежно и особенно въ новыхъ языкахъ успѣвали очень мало. Исходя изъ основной мысли, что въ системѣ гимназическаго образованія не можетъ и не должно быть различія между науками, потому что каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ свою собственную образовательную силу [2]) и не можетъ быть неглавною, Пироговъ постановилъ «за правило, что отмѣтка *2* по какому-бы то ни было предмету, главному или неглавному, какъ выражающая недостаточность свѣдѣній для перевода въ слѣдующій классъ, должна препятствовать переводу учениковъ въ высшій классъ; получившему же *2* въ одномъ какомъ-бы то ни было предметѣ, главномъ или неглавномъ, позволять передержать въ этомъ предметѣ экзаменъ только тогда, когда общій выводъ по всѣмъ другимъ предметамъ будетъ $2^1/_2$» [3]).

[1]) Тамъ же.
[2]) Цирк. 1859 г. № 5.
[3]) Дѣло 1858 г. № 18.

Вмѣстѣ съ этимъ Попечительскій Совѣтъ разрабатывалъ новыя правила о переводныхъ испытаніяхъ, имѣвшихъ цѣлью а) сократить время, затрачиваемое обыкновенно на это дѣло, и б) возбудить въ учащихся болѣе серьезное отношеніе къ ученію въ продолженіе года. По правиламъ этимъ, примѣнявшимся въ видѣ опыта только въ однихъ Кіевскихъ гимназіяхъ, при переводномъ экзаменѣ употреблялось двѣ отмѣтки: *3* и *2*. Первая отвѣчала на вопросъ: «приготовленъ-ли экзаменуемый въ данномъ предметѣ достаточно для того, чтобы съ успѣхомъ продолжать ученіе того-же предмета въ слѣдующемъ высшемъ классѣ», и значила: «да». Вторая, служа отвѣтомъ на тотъ-же вопросъ, значила: «нѣтъ». Для опредѣленія же высшей степени знанія, дающей право на награду, при отмѣткѣ *3* ставился плюсъ. Экзамены производились три раза въ году: 1) съ 1-го декабря, 2) съ 1-го мая и 3) съ 1-го іюня. Первые два были репетиціями, т. е. повтореніемъ пройденнаго отдѣла науки, и производились безъ перерыва преподаванія. «На третьемъ, переводномъ, экзаменѣ, испытываются всѣ ученики одного класса всѣми экзаменаторами вмѣстѣ, въ одно время, въ особой залѣ, въ присутствіи директора, инспектора и ассистентовъ изъ учителей. Для успѣшнаго хода третьяго экзамена ученики раздѣляются предварительно на группы по числу экзаменаторовъ. Каждая группа, по окончаніи испытанія у одного экзаменатора, переходитъ по расписанію ко второму и т. д. ко всѣмъ экзаменаторамъ». На третьемъ испытаніи ученикъ экзаменуется или изъ всего пройденнаго въ теченіе года, или изъ извѣстной части предмета, по усмотрѣнію. Для перевода въ высшій классъ требовалась отмѣтка *3* на всѣхъ трехъ испытаніяхъ, при чемъ по одному предмету дозволялась передержка или до каникулъ, или послѣ нихъ. До третьяго испытанія вовсе не допускались тѣ ученики, которые на обѣихъ репетиціяхъ получили *2* изъ половины предметовъ своего класса [1]).

Глубоко вникая во всѣ потребности школы, Пироговъ не могъ не замѣтить, что предметы гимназическаго курса не совсѣмъ

---

[1]) Дѣло 1858 г. № 46.

правильно распредѣлены по классамъ; въ особенности непосильный трудъ наложенъ былъ на учениковъ 3-го класса. Чтобы облегчить ихъ, онъ вошелъ къ Министру съ представленіемъ, на которое получилъ разрѣшеніе, во 1-хъ, изъ курса 3-го класса перенести въ 4-й геометрію и изъ алгебры ограничиться только четырьмя дѣйствіями надъ цѣлыми и дробными количествами; во 2-хъ, «вмѣсто преподаванія краткаго очерка всей русской исторіи сообщить въ 3-мъ классѣ біографическіе очерки изъ русской исторіи, познакомить учащихся съ исторіею древняго Востока въ географическихъ и этнографическихъ очеркахъ, употребивъ на это два урока въ недѣлю; въ 3-хъ, перенести часть русской грамматики на 4-й классъ; въ 4-хъ, въ 3-мъ классѣ не слѣдуетъ проходить въ системѣ грамматику нѣмецкаго и французскаго языковъ, да притомъ еще не на родномъ языкѣ. Эти измѣненія тѣмъ необходимѣе, что.... преподаваніе латинскаго языка должно быть усилено и знаніе естественной исторіи должно быть обязательно для всѣхъ, окончившихъ курсъ гимназіи. Поэтому латинскій языкъ проходить, начиная съ 3-го класса и продолжая въ 4-мъ, въ видѣ обязательнаго для всѣхъ предмета и только въ 5-мъ классѣ предоставить ученикамъ избирать или латинскій языкъ или законовѣдѣніе.[1]) Преподаваніе естественной исторіи введено во всѣхъ классахъ, начиная со 2-го.

Педагоги стараго времени вели свое преподаваніе обыкновенно такъ, что упускали изъ виду развитіе мыслительной способности своихъ учениковъ и, ограничиваясь задаваніемъ урока «отъ сихъ поръ до сихъ поръ», дѣйствовали, главнымъ образомъ, на память. Односторонность и несостоятельность такого метода была причиной появленія въ циркулярѣ прекрасной статьи, написанной самимъ Пироговымъ, гдѣ самымъ осязательнымъ образомъ доказано, что хотя «конечная цѣль образованія есть знаніе, а знаніе пріобрѣтается заучиваніемъ, слѣд. памятью; но никто не станетъ защищать оффиціально-школьное знаніе, подъ которымъ нужно ра-

[1]) Дѣло 1860 г. № 82.

зумѣть безсознательное усвоеніе предмета, не освѣщенное разумомъ» [1]).

Чтобы достигнуть сознательнаго усвоенія, Пироговъ учредилъ между прочимъ литературныя бесѣды на первый разъ только для учениковъ обѣихъ Кіевскихъ гимназій съ тѣмъ, чтобъ «возбудить въ ученикахъ охоту заниматься самостоятельнѣе и навыкъ излагать письменно и устно свои понятія о томъ или другомъ предметѣ гимназическаго курса. Эти бесѣды должны были служить выраженіемъ стремленія ученика высказать себя на ряду съ товарищами, обнаружить свои зарождающіяся убѣжденія». Темы для бесѣдъ давались учителями, или съ ихъ одобренія избирались самими учениками. Въ назначенный вечеръ по два ученика двухъ высшихъ классовъ обѣихъ гимназій сходились въ опредѣленное для бесѣдъ мѣсто, гдѣ въ присутствіи директора, инспектора и учителей читали свои сочиненія, а другіе ихъ товарищи «по собственному вызову» дѣлали имъ возраженія, разумѣется, подъ руководствомъ учителей. Лучшія изъ прочитанныхъ сочиненій «могли быть приняты на окончательномъ экзаменѣ вмѣсто обязательныхъ», а критическія на нихъ замѣтки—вмѣсто одного годичнаго; прочія сочиненія засчитывались въ число двухъ годичныхъ. Посѣщеніе бесѣдъ не было обязательнымъ для учениковъ, а предоставлялось добровольному желанію каждаго [2]). Несмотря на подробное разъясненіе, въ какомъ духѣ и тонѣ должны быть ведены эти бесѣды, [3]) оказалось, что онѣ не соотвѣтствуютъ своему назначенію: ни ученики, ни учителя не поняли, какъ слѣдовало отнестись къ этому, безспорно очень полезному, занятію, и ударились въ вредную, какъ въ научномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи крайность. Изъ трехлѣтняго опыта самъ Пироговъ убѣдился въ томъ, что бесѣды не достигаютъ ожидавшихся отъ нихъ результатовъ: «съ каждымъ годомъ ученики все болѣе и болѣе охладѣвали къ бесѣдамъ; вмѣсто мирнаго соревнованія

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 5.

[2]) Дѣло 1858 г. № 43.

[3]) Цирк. 1860 г. № 3 и Дѣло 1858 г. № 43.

и духовнаго единенія, между учениками двухъ гимназій возникла враждебность; ученики стали позволять себѣ крайне неумѣстныя сужденія о наставникахъ и начальникахъ, ставившія школьную дисциплину въ весьма опасное положеніе; наконецъ сами учителя позволяли ученикамъ неумѣстныя темы или задавали имъ темы не по силамъ». [1]) Эти и еще нѣкоторые другіе недостатки бѣдъ повели, наконецъ, къ совершенной отмѣнѣ ихъ.

Если учебную реформу встрѣтило столь сильное противодѣйствіе, что могло парализовать ее, то едва-ли не большей борьбы стоила реформа въ системѣ прежняго воспитанія, поконившагося на нецивилизованныхъ формахъ обращенія воспитателей съ учащеюся молодежью и на разныхъ видахъ тѣлеснаго наказанія, съ которыми такъ свыклись и тѣ, и другіе, что, казалось, безъ нихъ и обойтись невозможно. Кто изъ учившихся въ то время не помнитъ, съ какимъ циническимъ героизмомъ относились къ тѣлесному наказанію тогдашніе ученики, и какъ страшно подавляемо было въ нихъ естественное чувство стыдливости? Не мудрено, если такая система возмущала Пирогова и если онъ съ удвоенною энергіею взялся поборотъ ее. Блистательная анатомическая секція ученическихъ проступковъ, потомъ группировка ихъ по категоріямъ и примѣненіе къ каждой категоріи разныхъ, наиболѣе цѣлесообразныхъ наказаній, могущественно подѣйствовали на все бытіе школы и произвели коренной переворотъ во взглядѣ на воспитаніе. Въ правилахъ о проступкахъ и наказаніяхъ Пироговъ развилъ ту мысль, что въ дѣлѣ воспитанія господствуетъ или *призваніе*, или *администрація*, или наконецъ *спекуляція*». *По призванію* воспитываютъ только нѣкоторые немногіе родители и нѣкоторые избранные педагоги. Въ учебныхъ казенныхъ заведеніяхъ господствуетъ *административное* начало, а въ бо́льшей части частныхъ школъ и пансіоновъ *спекуляція*». При господствѣ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ началъ администраціи хорошо то, что въ дѣтяхъ можно развить *чувство законности*; но это чувство разовьется въ нихъ только тогда, когда они будутъ знать, во 1-хъ, что ни одинъ ихъ

[1]) Тамъ-же.

проступокъ не останется незамѣченнымъ и необсужденнымъ, и во 2-хъ, что награда или наказаніе за извѣстное поведеніе сообразуются съ опредѣленными правилами и постановленіями. Въ силу этихъ соображеній Пироговъ издалъ для свѣдѣнія учениковъ подробную таблицу проступковъ и наказаній, а вмѣстѣ съ нею и правила для руководства воспитателей. По правиламъ этимъ проступки, заслуживающіе наказанія, раздѣлены на такіе, которые состоятъ: а) въ нарушеніи правъ собственности, б) правъ личности частной (собственной и посторонней, какъ напр. куреніе табаку, употребленіе спиртныхъ напитковъ, низость, клевета, наушничество и др.), в) въ нарушеніи правъ личности общественной, какъ напр.—проступки противъ общихъ правилъ школы, или противъ начальства и законной власти, или наконецъ противъ церковнаго и религіознаго благочинія. Сообразно со всѣми этими проступками наказанія раздѣлены на 3 степени: къ первой степени отнесены наказанія чисто нравственныя: ко второй—физическія, нравственныя и денежныя (какъ напр.—лишеніе права на освобожденіе отъ платы за ученіе); къ третьему, высшему, разряду отнесены всѣ наказанія отъ черной книги до полнаго исключенія изъ гимназіи съ оповѣщеніемъ по Округу. При обсужденіи каждаго проступка предписывалось принимать во вниманіе обстоятельства, усиливающія или облегчающія вину, или-же совсѣмъ освобождающія отъ наказанія (какъ напр.—вынужденная самооборона). Далѣе въ этихъ правилахъ опредѣлено, какому наказанію могутъ подвергнуть виновнаго: 1) надзиратели, 2) учители предметовъ, 3) законоучители, 4) инспекторъ и директоръ, 5) наконецъ Педагогическій Совѣтъ. Само собою разумѣется, что высшую мѣру наказанія могъ приложить къ виновному только Педагогическій Совѣтъ. Затѣмъ правила разсматриваютъ вопросъ *о справедливомъ приложеніи наказанія*, требующемъ прежде всего открытія причинъ и мотивовъ проступка, съ точнымъ обсужденіемъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его. Когда это сдѣлано, слѣдовало брать во вниманіе характеръ и темпераментъ виновнаго: въ иныхъ случаяхъ полезно подвергать наказанію немедленно, а въ иныхъ лучше дѣйствовать медленнымъ путемъ, стараясь привести

виновнаго къ сознанію, что его поступокъ дѣйствительно нехорошій и заслуживаетъ наказанія. Съ цѣлью сдѣлать возможнымъ *индивидуализированіе* воспитанниковъ, правила предписываютъ вести подробные журналы объ ихъ поведеніи.

Въ высшей степени любопытенъ и оригиналенъ § 12-й этихъ правилъ, устанавливающій судъ совѣсти между учениками. Онъ «долженъ состоять *изъ выборныхъ*. Выборные должны быть изъ учениковъ пяти высшихъ классовъ, по двести изъ каждаго класса. Выборные избираются по классамъ товарищами и утверждаются Педагогическимъ Совѣтомъ. Для составленія суда выборныхъ бросается жребій, которымъ избираются трое судей изъ шести выборныхъ того класса, къ которому принадлежитъ виновный. Если же обвиняются ученики двухъ или нѣсколькихъ классовъ, то судъ составляется по жребію выборныхъ этихъ классовъ, отъ каждаго по два, съ присоединеніемъ къ нимъ также по жребію по одному выборному изъ прочихъ классовъ. Послѣдніе, по единогласному соглашенію между собою, даютъ своимъ мнѣніемъ перевѣсъ рѣшенію той или другой стороны. По обсужденіи вины и значенія соотвѣтствующаго наказанія, одинъ изъ выборныхъ докладываетъ отъ имени прочихъ инспектору или директору о рѣшеніи суда и родѣ избраннаго наказанія, и затѣмъ самое наказаніе приводится въ исполненіе. Выборный долженъ вести себя безукоризненно, какъ приличествуетъ лицу, облеченному столь высокимъ довѣріемъ; но за противозаконныя дѣйствія подвергается отвѣтственности наравнѣ съ прочими товарищами по заведенію. Доказанная несправедливость и пристрастіе въ рѣшеніяхъ суда товарищей влечетъ за собою устраненіе суда выборныхъ отъ ихъ должности и отнятіе права суда у цѣлаго класса до тѣхъ поръ, пока онъ не постарается загладить своей вины и снова заслужитъ довѣріе своихъ наставниковъ. Рѣшать вопросы о несправедливыхъ дѣйствіяхъ суда и объ отнятіи права суда у цѣлаго класса предоставляется только одному Педагогическому Совѣту, по докладу инспектора». [1])

---

[1]) Цирк. 1869 г. № 8.

Каковы-бы ни были недостатки этихъ правилъ, но, благодаря разумному началу, положенному въ ихъ основаніе, они немедленно оказали самое благодѣтельное вліяніе на нравственность учащихся и принесли богатые плоды. До введенія ихъ число проступковъ и наказаній доходило въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ до огромной цифры: [1]) по введеніи ихъ въ дѣйствіе крупные проступки, влекшіе за собою одну изъ высшихъ мѣръ наказанія, а именно тѣлесное, въ процентномъ отношеніи уменьшились болѣе, чѣмъ въ 20 разъ; во столько же разъ уменьшилось и удаленіе учениковъ изъ гимназіи. [2]) Отсюда видно, что нравственная физіономія учебныхъ заведеній стала чище, свѣтлѣе.

Въ 1861 году Пироговъ покидаетъ свой постъ, къ великому прискорбію всѣхъ, кто слѣдилъ за новымъ направленіемъ нашихъ учебныхъ заведеній. Жребій—управлять Кіевскимъ учебнымъ Округомъ достался барону Николаи. Не смотря на кратковременное пребываніе въ Кіевѣ, баронъ Николаи оставилъ послѣ себя довольно замѣтный слѣдъ. Идя по пути, проложенному предшественникомъ, онъ, однако, расчищалъ этотъ путь, устраняя тѣ неудобства, которыя невольно были созданы Пироговымъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на литературныя бесѣды, которыя, какъ мы видѣли, уклонились отъ своей прямой задачи. Баронъ Николаи нашелъ возможность замѣнить ихъ такимъ упражненіемъ учениковъ, которое, поддерживая въ нихъ умственную самодѣятельность и способствуя литературному развитію, въ тоже время было свободно отъ возможныхъ увлеченій въ другую сторону. Это—чтеніе на урокѣ словесности лучшихъ изъ обязательныхъ ученическихъ сочиненій, сопровождаемое замѣчаніями учителя и иногда словеснымъ диспутомъ автора съ своими товарищами. За лучшія изъ такихъ сочиненій Округъ назначалъ денежную премію. [3]) Не мало затрудненій возникло въ приложеніи къ практикѣ изданныхъ

---

[1]) См. тамъ-же.

[2]) См. Отчетъ о наказаніяхъ, читанный въ засѣданіи Комитета 5 дек. 1860 г.

[3]) Цирк. 1862 г. № 2.

Пироговымъ правилъ объ испытаніяхъ. Они устранялись распоряженіемъ барона Николаи, по которому тентаменты замѣнены «спрашиваніемъ уроковъ и отдѣльныхъ пройденныхъ частей предмета», при чемъ за успѣхи установлено три отмѣтки: 2 (неудовл.), 3 (удовл.) и 4 (весьма удовл.). Правила о переводныхъ экзаменахъ содержали въ себѣ слѣд. еще указанія: «экзамены начинаются 1-го іюня и оканчиваются 22 іюня; отъ переводныхъ экзаменовъ освобождаются вовсе ученики, оказавшіе въ теченіе года отличные успѣхи. Не допускаются вовсе къ переводнымъ экзаменамъ ученики, оказавшіе въ теченіе года совершенно слабые успѣхи, и затѣмъ прочіе ученики подвергаются переводнымъ экзаменамъ. Переводые экзамены производятся въ комитетахъ. Каждый комитетъ составляется изъ трехъ членовъ»: комитетовъ ежедневно составляется не менѣе трехъ; въ высшій классъ переводятся ученики, получившіе по всѣмъ предметамъ отмѣтку удовлетворительную: передержка не допускается: но Совѣтамъ предоставлено право по рѣшенію $^2/_3$ голосовъ переводить и учениковъ, получившихъ на экзаменѣ одну или даже двѣ неудовлеторительныя отмѣтки. [1])

Барона Николаи замѣнилъ членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи и инспекторъ училища Правовѣдѣнія Ѳ. Ѳ. Витте. [2]) Подобно своему предшественнику, онъ старался поддерживать въ учебныхъ заведеніяхъ то направленіе, которое сообщилъ имъ Пироговъ. Вотъ почему въ дѣлахъ, относящихся къ его управленію, постоянно встрѣчаются напоминанія и подтвержденія прежде сдѣланныхъ распоряженій. Единственное исключеніе представляютъ инструкціи для учениковъ, содержащія въ себѣ изложеніе того, что ученики обязаны и чего не должны дѣлать. Онѣ замѣняли собою Пироговскія таблицы проступковъ и наказаній.

Во второй половинѣ 1864 г. мѣсто Витте занялъ князь Ширинскій-Шихматовъ. Назначеніе его на должность Попечителя

[1]) Дѣло 1861 г. № 14.

[2]) Цирк. 1862 г. № 5 (см. Высоч. ук.).

совпадаетъ съ выходомъ въ свѣтъ Устава 1864 г., которымъ и обусловливается вся его попечительская дѣятельность. На долю его выпало сдѣлаться вторымъ фонъ-Брадке, т. е. въ подробностяхъ развивать то, чего не могъ коснуться новый Уставъ, но что должно было содѣйствовать успѣху учебно-воспитательной жизни гимназій. Князь Ширинскій весьма энергически принялся за принадлежавшее ему дѣло, при чемъ въ лицѣ благороднаго, высокопросвѣщеннаго и до мелочей весь Округъ знающаго М. А. Тулова, онъ нашелъ весьма дѣльнаго помощника. Князь, кромѣ того, никакихъ мѣръ не предпринималъ безъ предварительнаго обсужденія ихъ въ Педагогическихъ Совѣтахъ гимназій. Отличаясь реформаторскими стремленіями, кн. Ширинскій тотчасъ по вступленіи въ должность принялся за экзамены и, отвергнувъ ихъ, ввелъ такъ называемыя *репетиціи*, которыя должны были производиться въ теченіе послѣднихъ 40 дней учебнаго года (отъ 10 мая по 20 іюня). Ежедневно для каждаго класса ихъ назначалось двѣ, по двумъ предметамъ; каждая репетиція продолжалась два часа: каждый предметъ повторялся, смотря по его обширности, четыре или пять дней; начиная съ 3-го класса до 6-го включительно, на репетиціяхъ долженъ присутствовать одинъ изъ свободныхъ преподавателей, получавшій право ставить отмѣтку, при чемъ требовалось, чтобы на репетиціи первыхъ двухъ классовъ присутствовалъ тотъ преподаватель, къ которому продолжать ученіе по данному предмету переходилъ ученикъ. На репетиціяхъ отъ учениковъ можно было требовать не однихъ только устныхъ, но и письменныхъ отвѣтовъ. Перевода въ высшій классъ удостоивались тѣ ученики, которые въ среднемъ изъ годовой и репетиціонной отмѣтокъ выводѣ получили по каждому предмету отмѣтку: удолетворительно [1]) Такіе ученики немедленно отпускались на вакаціи; еще раньше отпускаемы были тѣ, кои въ теченіе года оказали совсѣмъ слабые успѣхи; ихъ даже не допускали къ репетиціямъ. Въ промежутокъ отъ 20 до 30 іюня въ особыхъ комитетахъ производился экзаменъ тѣмъ, кои въ среднемъ выводѣ

[1]) Успѣхи учениковъ выражались не цифрами, а словами.

имѣли отмѣтку не совсѣмъ удовлетворительную. Что касается учениковъ послѣдняго класса, то для аттестата отъ нихъ по всѣмъ предметамъ требовалась отмѣтка *удовлетворительно*, при чемъ по одному предмету дозволялась предъ наступленіемъ лѣтнихъ вакацій передержка. [1])

Не останавливаясь на менѣе важныхъ распоряженіяхъ кн. Ширинскаго, мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ тѣхъ вопросовъ, которые находились въ связи съ введеніемъ Устава 1864 г. и, предложенные для обсужденія всѣмъ гимназіямъ Округа, возбудили необыкновенно энергическую и плодотворную дѣятельность Педагогическихъ Совѣтовъ. Вотъ они: 1) Въ какое время начинать уроки лѣтомъ и зимою: какія учебныя требованія должно имѣть въ виду при составленіи расписанія уроковъ? 2) Какія мѣры могутъ способствовать исполненію педагогическаго требованія—не обременять учащихся уроками, превышающими ихъ силы? 3) Не полезно-ли устроить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ такъ, чтобы ученики въ теченіе всего курса могли слушать эти предметы у однихъ и тѣхъ-же учителей? 4) Въ какихъ классахъ, по какимъ предметамъ и въ какомъ видѣ было бы полезно требовать отъ учениковъ письменныхъ отвѣтовъ? 5) Какія общія требованія относительно преподаванія, спрашиванія учениковъ и репетицій могутъ быть предложены учителямъ въ видахъ объединенія учебнаго порядка въ гимназіи и въ какой мѣрѣ полезно и возможно объединеніе въ этомъ отношеніи? 6) Въ какихъ классахъ, по какимъ предметамъ обязательно для учителей употребленіе печатныхъ руководствъ; чѣмъ обусловливать перемѣну руководствъ и можно-ли допустить употребленіе различныхъ руководствъ по одному и тому-же предмету, какъ въ одномъ и томъ-же классѣ, такъ и въ различныхъ? 7) Въ какихъ классахъ и въ какомъ видѣ можно допустить преподаваніе по запискамъ? 8) Кто и какимъ образомъ повѣряетъ общія ученическія тетради? 10) Когда и какъ производить пріемные экзамены и какъ дѣйствовать въ

---

[1]) Цирк. 1865 г. № 4. Вскорѣ дозволена была передержка по двумъ предметамъ.

случаѣ стеченія большого числа экзаменующихся, для поступленія въ классы и безъ того многолюдные? 11) Когда начинать и какъ производить выпускные экзамены, чтобы, по возможности вѣрнѣе, опредѣлить степень приготовленности испытующихся къ слушанію университетскихъ лекцій, и какъ согласить вытекающія отсюда требованія съ требованіями учебныхъ занятій въ остальныхъ классахъ гимназій? 12) Въ какой мѣрѣ необходимы и полезны репетиторы въ закрытыхъ заведеніяхъ и въ частныхъ ученическихъ квартирахъ? 13) Что и какъ записывать въ классныхъ журналахъ? 14) Въ какой формѣ и въ какіе сроки представлять вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ? 17) Можно-ли положительнымъ образомъ опредѣлить, когда за неуспѣшность учениковъ отвѣчаетъ учитель? 18) Что должно требовать отъ преподаванія различныхъ наукъ въ разныхъ классахъ въ воспитательномъ отношеніи? 19) Объ общей молитвѣ, чтеніи Евангелія, посѣщеніи учениками церкви, объ участіи ихъ въ богослуженіи, о говѣніи и участіи законоучителей въ воспитаніи; 20) О проступкахъ учениковъ и о взысканіяхъ; 21) Объ ученическихъ библіотекахъ; 23) Какъ устроить частныя ученическія квартиры, чтобъ онѣ способствовали достиженію учебно-воспитательныхъ цѣлей учебныхъ заведеній? 23) Какія соображенія можно представить въ пользу ординаторовъ или классныхъ инспекторовъ (патронатъ), въ чемъ это учрежденіе можетъ быть не согласно съ нынѣ принятымъ у насъ порядкомъ наблюденія за учениками; въ чемъ должна состоять обязанность классныхъ инспекторовъ, если гимназія признаетъ полезнымъ ихъ учрежденіе? 24) должны-ли ученики имѣть въ классѣ постоянныя мѣста и слѣдуетъ-ли ввести пересадку учениковъ по успѣхамъ? 25) Чего требовать отъ учениковъ при приходѣ ихъ въ классъ относительно опрятности, формы, учебныхъ пособій и кто повѣряетъ исправность ученика въ этомъ отношеніи; 26) Какъ долженъ ученикъ сидѣть и вести себя въ классѣ? 27) Мѣры относительно неявившихся въ классъ; 28) Въ чемъ должно состоять содѣйствіе учителей въ дѣлѣ поддержанія дисциплинарнаго порядка въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ заведенія, и какое участіе могутъ принимать въ томъ-же сами ученики (старшіе дежурные по классамъ?); 29)

Какъ поступать съ классомъ въ случаѣ небытности учителя? 30) Чего требовать отъ учениковъ внѣ стѣнъ заведенія и какія мѣры могутъ способствовать исполненію этихъ требованій? 31) Мѣры для поддержанія должной связи между домомъ и школою [1])

Рядъ этихъ вопросовъ подвергался двойному обсужденію: 1) Педагогическихъ Совѣтовъ всѣхъ гимназій Округа и 2) съѣзда директоровъ. Многіе изъ нихъ были рѣшены въ отрицательномъ смыслѣ. Сличивъ ихъ съ тѣми распоряженіями и дисциплинарными правилами, которыя исходили отъ фонъ-Брадке и отъ кн. Давыдова, не трудно угадать, что удовлетворительное рѣшеніе ихъ въ томъ духѣ, какимъ они проникнуты, возвратило-бы гимназіи къ той исключительно внѣшней регламентаціи порядка, которая характеризовала собою конецъ 30-хъ и 40-е годы и, какъ мало пригодная, подверглась осужденію и незадолго предъ симъ была покинута. Какъ-бы то ни было, но князь Ширинскій, представляя всѣ эти вопросы съ ихъ рѣшеніемъ на усмотрѣніе Министра Нар. Пр., съ своей стороны замѣчаетъ, что «особенное положеніе губерній юго-западнаго края требуетъ при рѣшеніи многихъ вопросовъ учебнаго и дисциплинарнаго порядка руководствоваться не одними педагогическими соображеніями, но и другими, вытекающими изъ политическихъ обстоятельствъ и требованій края» [2]). Этими обстоятельствами объясняется, почему кн. Ширинскій ходатайствовалъ о введеніи преподаванія Закона Божія для учениковъ римско-католическаго исповѣданія на русскомъ языкѣ [3]), на что и получилъ разрѣшеніе. Здѣсь же отвѣтъ на то, почему 10 іюля 1866 г. онъ издалъ распоряженіе о томъ, чтобы тѣ ученики римско-католическаго исповѣданія, которые окажутся виновными въ какихъ-либо безпорядкахъ или политическихъ волненіяхъ, под-

---

[1]) Цирк. 1865 г. 9. Нѣкоторые изъ вопросовъ нами пропущены потому, что не относятся къ учебно-воспитательной части гимназій.

[2]) Тамъ же, стр. 463. Это писано было вскорѣ послѣ польскаго движенія въ 1863 г.

[3]) Тамъ же же, № 8.

вергались штрафу въ размѣрѣ отъ 100 до 200 р. с. [1]). Сюда-же относится распоряженіе о томъ, чтобы 1) «ученики не только въ стѣнахъ заведенія, но и на квартирахъ во время общихъ занятій и игръ, употребляли въ разговорахъ между собою языкъ школы, въ которой они воспитываются, и языкъ государства, которому они будутъ служить, т. е. русскій языкъ; 2) въ сношеніяхъ родителей и воспитателей, какъ личныхъ, такъ и особенно письменныхъ, съ лицами, служащими въ заведеніи, и по дѣламъ, относящимся къ ученикамъ, не допускать употребленія другаго языка, кромѣ русскаго; 3) учениковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, при переходѣ изъ одной гимназіи въ другую, подвергать повѣрочному испытанію изъ русскаго языка, русской исторіи и географіи; 4) устроить разъ въ недѣлю послѣобѣденное чтеніе ученикамъ образцовыхъ русскихъ авторовъ, возложивъ эту обязанность на учителей русскаго языка и словесности; 5) учениковъ римско-католическаго исповѣданія, а изъ православныхъ по усмотрѣнію Совѣта, на выпускномъ испытаніи, прежде всего, подвергать испытанію въ русскомъ чтеніи и письмѣ подъ диктовку и того, который не будетъ умѣть правильно по-русски читать и писать, не допускать къ дальнѣйшему испытанію; 6) репетиторовъ, какъ главныхъ органовъ учебно-воспитательныхъ требованій и цѣлей заведенія по отношенію къ занятіямъ учениковъ на квартирахъ, назначать, по преимуществу, изъ учениковъ православнаго исповѣданія; 7) слѣдить, чтобы учителя иностранныхъ языковъ, во время преподаванія, заботились о правильности и точности выраженій (вскорѣ было выражено желаніе, чтобы всѣ учителя гимназіи содѣйствовали успѣхамъ учениковъ въ изученіи правильной русской рѣчи [2]); 8) католическіе праздники ни въ какомъ случаѣ не должны нарушать обыкновеннаго учебнаго порядка русской школы: поэтому, какъ всѣ учителя, такъ и ученики православнаго исповѣданія во время

[1]) Съ тѣхъ поръ родители и родственники учениковъ римско-катол. вѣроисповѣданія даютъ росписку въ томъ, что они принимаютъ на себя эту отвѣтственность.

[2]) Цирк. 1865 г. № 10.

римско-католическихъ праздниковъ должны быть на урокахъ» [1]. Въ заключеніе намъ остается указать еще на одно важное распоряженіе кн. Ширинскаго-Шихматова: для поддержанія въ учащихся «православно-христіанскаго духа» и укрѣпленія въ нихъ началъ «истинно-христіанской нравственности», ученическія библіотеки должны были наполняться книгами религіозно-нравственнаго содержанія [2].

Князь Ширинскій управлялъ Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ до 15 мая 1867 г. Временно (до февраля 1868 г.), пока не прибылъ въ Кіевъ, назначенный Попечителемъ П. А. Антоновичъ, управленіе перешло къ М. А. Тулову. За этотъ промежутокъ времени мы не нашли никакихъ, сколько-нибудь важныхъ, распоряженій. Какъ кажется, М. А. мало довѣрялъ письменнымъ требованіямъ и болѣе на словахъ старался внушить руководителямъ юношества серьезное отношеніе къ трудному подвигу служенія на поприщѣ педагогики; но крайней мѣрѣ на такое заключеніе даетъ намъ право роль очевидца, не разъ пользовавшагося его умными совѣтами и наставленіями.

Тоже самое право мы оставляемъ за собою и въ отношеніи къ П. А. Антоновичу, о которомъ, по нѣсколькимъ причинамъ, намъ не придется говорить много, и между этими причинами самая важная та, что по утвержденіи Устава 1871 г. Министерство Нар. Пр. приняло на себя, на свою собственную отвѣтственность все, что только относится къ вопросу объ организаціи учебно-воспитательной части гимназій по новому плану. Попечителямъ предоставлена была только роль передатчиковъ тѣхъ циркуляровъ, которые исходили отъ Министра. Такимъ образомъ Антоновичу по гимназіямъ представлялось мало дѣла: но за то вниманіе его сосредоточилось на другихъ пунктахъ, это—на женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и на низшихъ школахъ. Непосредственное вліяніе его на жизнь гимназіи обнимаетъ собою время отъ 1868 до 1871 г. Въ это время Антоновичъ, весьма внимательно изучавшій строй гимназій, замѣтилъ

---

[1]) Тамъ же. № 9.

[2]) Цирк. 1866 г. № 10

на первыхъ-же порахъ, что при постановкѣ учебныхъ предметовъ упущено было изъ виду чистописаніе и рисованіе, заключающія въ себѣ несомнѣнно большу́ю образовательную силу, но съ давнихъ поръ преданныя забвенію. Для лучшей постановки въ кругу образовательныхъ предметовъ того и другого, предъявлены были требованія, указанъ методъ, составлена программа, а для рисованія еще и экзаменъ [1]). Послѣ того онъ отдалъ на обсужденіе Педагогическихъ Совѣтовъ учрежденную княземъ Ширинскимъ экзаменаціонную систему репетицій и, по полученіи отъ нихъ неодобрительныхъ отзывовъ, распорядился обратиться къ старому, испытанному способу испытанія.

Обозрѣвая главнѣйшія постановленія и распоряженія, которыя вносились въ жизнь гимназій юго-западнаго края, мы хотѣли раскрыть, такъ сказать, ихъ душу, проникавшую во всѣ ихъ жизненные процессы и отправленія.

Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ внутреннею жизнью той гимназіи, пятидесятилѣтнее существованіе которой оканчивается 8 января 1886 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Цирк. 1868 г. № 8 и 1869 г. № 9 Впослѣдствіи Имп. Академія Художествъ назначила по рисованію конкурсъ и за лучшіе рисунки премію.

ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ.

Повисть. [1])

ЧАСТЫНА ДРУГА.

Зажурывся соколонько:
Бидна моя головонько,
Що я рано зъ выръя выйшовъ:
Ниде систы, гнизда звыты,
Малыхъ дитей росплодыты
Бо по горахъ снигы лежать.
Нар. писня.

I.

Ганка.

Ганка гнивалася:

— Поганый, поганый, поганый!—казала, одвертаючысь одъ Зинька.—И не кажы, що гарный: ты—поганый!

— Я й не кажу, що я гарный, усмихаючысь одповидавъ Зинько, лежучы въ своему садку пидъ гиллястымъ дубомъ та дывлючыся на деликатни рысы чепурного жинчыного облычча, на ii тонкый, мовъ дытячый, станъ. Вона сыдила на трави биля ёго, повернувшыся бокомъ, надымала губкы, выпынаючы ихъ наперед, и черезъ те ii облычче здавалося Зинькови такымъ чуднымъ, що винъ зареготався.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1902 г. № 2.

— Чого ты сміешся? —швыдко повернулася вона до ёго?— Ну, скажы: чого ты сміешся?

— Того, що ты сердышся.

— А, дакъ такъ!... дакъ такъ!...—скрыкнула.—Я сердюся, я гниваюсь, а винъ сміется, а ёму смишкы! Ну, дакъ я жъ пиду видъ тебе, пиду!

И вже була схопылася, щобъ бигты, та заразъ же й спынылася.

— Злый!.. недобрый!.. глузуе!.. Отъ я жъ тоби дамъ!.. Отъ я жъ тебе... бытыму!...

Кынулася до ёго, вхопыла за плечы та й почала зъ усіеи сылы трусыты й товкты ёго своимы малепькымы рученятамы.

— Отъ тоби!.. отъ тоби!... отъ тоби!.. Щобъ не глузувавъ!.. щобъ не сміявся!..

А винъ реготавъ ище гирше, вхопывъ іи дужою рукою за станъ и прыгорнувъ на груды та й почавъ цилуваты въ очи, въ щокы, въ уста.

— Геть! геть!... капосный!.. Не хочу!.. Не займай!...

Вона видбывалась, не давалась, але згодомъ затыхла, заплющывшы очи, знеможена ёго поцилункамы, ажъ покы вразъ выхопылась изъ рукъ, одбигла трохы, стала и подывылась на ёго: чы не гнатымется за нею. Винъ не гнався.

Вернулась, сила биля ёго на траву, а винъ, лежучы, зиперся на ликоть, и дывився, якъ вона ховала пальчыкамы пидъ очипокъ неслухняне русяве волоссе, що оточало вже все іи рожеве лычко.

— Атъ, се мени волоссе!...

— Ну, и чого жъ ты на мене сердышся?—спытавъ Зинько.

Вона почала докоряты:

— Бачъ, прымыляешся, а самъ якый зробывся? Мало колы й дома сыдышъ: якъ те перекотыполе, все гуляешъ. Я за тобою й духъ роню, а ты за мене забуваешъ.

— Дурненьке мое!—якъ же я за тебе забуваю?

— А такъ, що то було якъ вечиръ, якъ недиля, якъ свято то мы все вдвохъ, якъ оришкы блызнята—або говорымо, або чытаемо, або спиваемо... А теперъ!..

— А теперъ?

— А теперъ ты и ввечери, и въ свято або самъ ходышъ то до Васюты, то до Грыцька, то до себе наведешъ ихъ—повну хату!

— И яка жъ то й повна хата, якъ двое або трое! А хыба ты ихъ не любышъ?

— Чому? Васюта такый гарный, добрый... та чудный-чудный!..

— Ну, отъ бачышъ!.. А Карпо?

— Отъ, Карпо твій!.. Катря гарна, а Карпо твій якъ почне вычытуваты мовъ зъ кныжкы: Памъятай, жéно, и встаючы й лягаючы и за стилъ сидаючы, що грихъ тебе вловляе и во уста вступае и зъ устъ выступае и до носа прыступае!... Ха-ха-ха!..

Вона такъ чудно вдавала Карпа зъ ёго навчальнымъ голосомъ, що й Зинько засміявся.

— Що ты выгадуешъ?! Колы жъ такы Карпо казавъ на Катрю: жено?

— Отъ же казавъ,—я сама чула... А мы зъ Катрею якъ зарегочемось!.. А винъ розсердывся та грюкъ дверыма, та зъ хаты!..

— Ну, а Грыцько якый тоби?

— Я Йивгы не люблю!—видрубала Гаинка швыдко.

— Дакъ я тебе не про Йивгу, а про Грыцька.

— А Грыцько... Грыцька... мени ёго жалко... Та воны вси гарни, а тилькы я не люблю, що черезъ ихъ та ни́колы й поговорыты зъ тобою, мовъ у жныва!..

— Не зъ такъ то вже й ни́колы!—засміявся Зинько.—Хочъ воно, може, трохы й правда, бо останнимы часамы було стилькы клопоту: то зъ товарышамы треба було радытыся, то въ городъ й издыты, то ще що...

— Отъ бачъ! отъ бачъ!.. А я все сама, якъ вербыченька въ поли.

— Та ты жъ изъ матиррю... И добре жъ знаешъ, що я не зъ прымхывъ те роблю, а за для громадськои справы такъ треба.

— За для громадськои справы...—почала була щось неневне Гаинка, але Зинько перепынывъ ій, кажучы свое дали:

— А ты жъ у мене розумна, ты жъ не така, якъ инши жинкы, що имъ байдуже що́ тамъ по за хатою робыться: ты ро-

зуміешъ, що кожному громадянынови треба за добро громадське дбаты.

Въ гарненькій голивци Гаинчынній оця штука—громадське добро—була якась занадто невыразна—отъ якъ туманъ: биліе, а нидійдешъ блыжче,—ничого нема, розвіявся, чы що. Але що Зинько іи хвалывъ (вона такъ любыть, якъ винъ іи хвалыть!), то й вона подобришала за-для того премудрого туману, за-для громадського добра: заразъ же знову сила биля самисинького Зинька, взяла ёго голову и положыла соби на колина. Сама жъ исповажнила й промовыла:

— Воно, звисно, якъ громадська справа, то треба... Тилькы знаешъ, Зинечку, якъ бы такъ, щобъ громадському доброви манюпусинька часыночка, якъ ничъ у жныва, а намъ удвохъ—велыка, якъ день улитку?

Зинько засміявся.

— Моя ясочко!—отъ упораемося якось изъ тіею землею, то й буде все гаразды. Моя ты щебетушечко!

Вона голосно засміялась и засыпала ёму все облычче й голову дощемъ квитокъ, тилькы що нарваныхъ унызу на левади.

— А сёгодни жъ ты не довго будешъ у Грыцька?—спыталася.

— Ни, не довго.

— Гляды жъ! не сыды до пивночы! У! я черезъ тебе тилькы квиткы мои порозсыпала! Бачышъ,—отъ братикъ та сестрыця: се братъ изъ сестрою побралыся... Боже жъ, грихъ якый!.. А тоди якъ роспыталыся хто воны!.. Дакъ братъ и каже:

Ходимъ, сестро, горою,
Розсіемось травою:
Ой ты будешъ сыній цвитъ,
А я буду жовтый цвитъ...
Будуть дивкы квиткы рвать,
Насъ зъ тобою спомынать...

Оце я кажу, а може воны чують мене!..

— Хыба жъ квиткы чують?—спытавъ сміючыся Зинько.— Адже воны нежыви.

— А то жъ, нежыви!.. А чого жъ то якъ садовына не родыть, то на святый вечиръ дидусь беруть сокыру та й идуть до груши або до яблуни та й нахваляются, що рубатымуть: Якъ не родытымешъ, то зрубаю и въ пичъ уметаю, а попилъ на витеръ пороспускаю! Дакъ воно злякается та й родыть.

— Та се байка! Отъ заговоры заразъ до сёго дуба, то нычого не розбере.

— А може жъ и розбере? Береза хвалылася своею корою та й каже дубови: Давай минятыся! А дубъ каже: Не хочу: мене тилькы кора на свити й держыть.

— Дакъ воны ще й розмовляють?

— А то—ни? Воно все говорыть промижъ себе. Одынъ чоловикъ та знавъ розбираты и звирячый, и пташыный, и травыный, и всякый голосъ... дакъ, було, йде, а воны, зилля, промижъ себе розмовляють: Я,—каже одно,—видъ того. А те: А я видъ того... Я видъ головы... Я видъ любощивъ... Такъ и розмовляють... Найбильше вночи... Зиллечко до зиллечка прыхыляется, зиллечко до зиллечка озывается... И—и! Ажъ дывно й страшно, якъ подумаешъ!

Вона ажъ издригнулася.

— Чого жъ тоби страшно?

— Воно не страшно... а такъ... якъ отъ на Велыкдень уси люде й батюшка передъ церквою стоять, передъ дверыма зачыненымы, та: Хрыстосъ воскресъ! А воно видтиля, якъ зъ того свиту, Воистыну воскресъ!.. Та й одчыныться... Ой!.. И дывно, и страшно й весело!.. Усяка травынка на свити жыва... Отъ ходышъ такъ, думаешъ,—воно такъ соби, якъ каминь, ажъ воно—жыве: и чуе, и розбирае... И земля чуе, и трава чуе, и дерево чуе... А мы не чуемо ихъ... Може й воны мене не чують, тилькы себе... И я середъ ихъ якъ травынка, манюсинька травынка...

Вона заплющыла очи и знову здригнулася: Ухъ!..

— Чого ты?

— Мени вже здалось, що я травынка.

— Серденько мое, це все казкы. Воно не такъ на свити, якъ ты думаешъ,—и Зинько почавъ ій розсказуваты що винъ у

книзи чытавъ про те, якъ рослыны жывуть. А вона, втупывшы въ ёго свои мрійни оченята, слухала мовчкы, и ій уявлялося, що вона така травынка-травы-ыночка дрибнюня-дрибно́-усинька на цёму шырокому свити!.. Така манюня!.. И хтось прыйде та й зирве іи, а ій буде боляче-боляче!.. Охъ, може ихъ и рваты грихъ, си былыночкы-квитыночкы?.. Си былыночкы, си квитыночкы, що ростуть-цвитуть середъ долыночкы...

— Зиньку, скажы, чого се такъ: иноди ничого не заспиваешъ, а иноди самé складается?

— Щó складается?

— Писня... Отъ кажуть, на мори йе таки морськи панны—спивають такъ гарно... повыплывають на хвыли—самы гарни-прегарни—такъ якъ заспивають, то й море стыхае: слухае... А люде ходють по надъ берегамы та дослухаются тыхъ писéнь та й соби переймають... Зъ того й писни, кажуть, на свити... А отъ я тыхъ дивчать морськыхъ и не чула, а писни складаются...

— Та якъ же то?

— Та... отъ... Ну, отъ дывышся на щось... або отъ згадуешъ щось, а воно одно до óдного й тулытся... и спивается...

Вона заплющыла очи й почала зтыха спиваты:

Ой былыночка до былыночкы прыхылялась,
А до мылого та мылесенька прыгорталась.
Травка хылытся та сынéнькымы квитонькáмы,
Мыла дывытся та яснéнькымы оченькáмы.
— У двохъ будемо, ой былынонько, процвитаты!..
— У двохъ будемо, ой мылесенькый, пробувáты!..

Отъ ба: се про тебе та про мене писня!..

— Дакъ ты ще й писни складаешъ?

— Хыба я іи складала? Воно самé... Отъ такъ почне, почне тулытыся... ныжется, якъ разокъ намыста... а тоди щось и выйде...

Зинькови сподобалось це. Винъ почавъ прохаты Гаинку, щобъ ище щось заспивала. Але вона схопылася зъ мисця и замахала рукамы:

— Ни, ни! не хочу!.. То такъ, якъ самé набижыть...

— Гаинко! Гаинко́!—почувся голосъ у садку.—Де ты?

— Маты клычуть—промовыла Гаинка й побигла до хаты.

Зинько зостався самъ. Була недиля, и винъ одпочывавъ. Лежавъ нерухомо и дывився попередъ себе. Ёго хата й садокъ булы на гори, и звидсы выдко було ёму за малымъ не все село. Биленьки хаткы зъ темнымы й жовтымы соломъянымы покривлямы вызыралы, весело всмихаючысь, зъ невелычкыхъ садочкивъ, що зеленилы мало не въ кожному двори,—мовъ дивчата позаквитчувалысь та й повыходылы на вулыцю всимъ гуртомъ. Биля хатокъ де-не-де ворушылыся люде: по дворахъ вешталысь, вулыцею помалу йшлы або сыдилы пидъ хатою розмовляючы. За все выщи булы велыки вербы гиллясти: воны шыроко роскыдалыся вгори и надъ хаткамы, и надъ тымы садочкамы, зеленiючы ясно на блакытному неби. Ихъ такъ багато було, що воны затулялы частыну хатъ, и все село здавалося якымся садомъ-гаемъ, що середъ ёго побудовано було оти маленьки людськи оселькы.

Було надъ вечиръ. Сонце не пекло вже, тилькы грило ласкаво, витрець ниде не прокыдався, ни одынъ лыстъ не ворушывся.

Тыхи дерева стоялы нерухомо, похылывшыся надъ селомъ, мовъ замыслылысь-задумалысь про щось. И все село обiймавъ упокiй, тыхый святковый упокiй-одпочынокъ, такый любый робочому селянынови.

— Якъ любо! якъ тыхо!..—думавъ соби Зинько.—Якъ вербы гарно похылылысь. Такъ, мовъ дывлются—що тамъ робыться внызу, по тыхъ хаткахъ та по вулыцяхъ, та й соби радiють, що люде видпочывають, що имъ затышно та гарно. Добра штука дерево,—ажъ веселише стае, якъ воно надъ тобою схыляется! И добре жыты пидъ тымы тыхымы вербамы, у смакъ наробывшысь, у смакъ и видпочывшы!

— Зиньку! Хочешъ полуднуваты?—гукнула Гаинка десь изъ-за деревъ.

— Не хочу... заразъ пиду.

Пидвився, ставъ и глянувъ у другый бикъ.

Внызу, пидъ садкомъ, шыроко простылалась велыка зелена лука, а по iй вузенькою сриблястою стежкою звывалася ричечка,

то поблыскуючы ясно проты сонця, то ховаючысь пидъ похылымы вербамы... онъ завернула колиномъ, уже й зныкла въ передъ очей, тилькы очереты значáть ій шляхъ—геть-геть потяглыся сиро-зеленою стинкою ажъ туды, въ далыню, де ажъ на крайнеби хмарою темніе велыкый лисъ. Шыроко й гарно й любо глянуты!..

Та треба жъ и йты!

Винъ пиднявъ зъ земли й накынувъ на плечи чыпарку, взявъ брыля й пишовъ. Не заходючы въ хату, перейшовъ двиръ и выйшовъ на вулыцю. Зачыняючы ворота, зупынывся на мыть, глянувшы на свій двиръ.

Добрый двиръ, велыкый! Ще батько побудувався на ёму, а Зинько тилькы додавъ де чого. Праворучъ—тикъ изъ стодолою велыкою, ливоручъ биля ёго комора добра, а коло неи хливы й повитки, ще ливише, трохы виддаликъ, хата, а заразъ одъ неи почынався и йшовъ ажъ унызъ садъ. И скризь по двору по-пидъ плотомъ зеленило дерево, хочъ уже й не садовына. Багато зъ усёго того Зинько понасажувавъ ще за жывоття батькового и теперъ дывывся радіючы на свою працю. А квитныкъ биля хаты се вже Гаинчыне дило. Стилькы квитокъ, що й ступнуты скоро ниде буде. Не дае й блызько возомъ пидйихаты: ставай оддаликъ! Цвитъ королевый, нагидкы жовти, барвинокъ хрещатый стелется, высокымы стеблынамы рожа червона стоить, а сыненьки панычи кручени кругъ неи въются... онъ зирочкы червоніють, а онъ троянды кущъ... Щобъ не пошкодыты квиткамъ, Зинько вже загородывъ Гаинци передъ хатою заборонку маленьку, плотыкъ такый нызенькый чепурненькый... А оце вже винъ самъ посадывъ хмиль биля пиддашшя, що надъ дверыма: розрисся хмиль такъ буйно, що й пиддашокъ укрывъ, и на хату попъявся... Гилкы видъ здорового клена та отой хмиль такъ покривлю затуляють, що хата зеленоверхою здается. Васюта каже, що въ Сывашивъ хата и гилляста, и лыстата, ще й ока́та,—бо велыченьки викна...

Прычынывшы ворота, пишовъ улыцею...

Не сыдила дома й Гаинка. Скоро Зинько зъ дому, то й вона швыденько накынула на себе юпчыну та й побигла на За-

валіивськый кутокъ до бабы Мокрыны. А баба Мокрына та була соби така знаюча баба, на все село знахарка. Чы въ кого яка хвороба, чы въ чоловика що пропало, чы якій дивчыни видъ любощивъ, чы до любощивъ треба,—вси до неи, до тіеи бабы Мокрыны йшлы. Стара вже була, а ще моторна й бачуча на все така, що ну! И вже якъ пидешъ до неи, то й не думай ничого брехаты, бо однакъ вона вгада, що брешешъ,—тоди вже й пособляты не схоче:

— Иды, иды!—скаже,—я не пособляю такымъ, що мене дурють. Треба по правди, а неправды я не люблю, не дай, Боже, якъ не люблю! И сама николы не кажу, та й мени жъ нехай нихто не каже.

И вже тоди якъ розсердыться баба за брехню, то вже й пособляты не хоче, ніякъ не хоче! Хыба вже—хыба, якъ хто такый багатый та добре вже дасть ій, то тоди, може, зласкавыться...

Черезъ те хто йшовъ до бабы Мокрыны, то той уже ій усю правду повидавъ—якъ на сповиди. И якъ вона що казала, то такъ уже до кожного словечка іи прыслухалыся, такъ уже ій вирылы, що попови й зъ половыны такъ нейнялы виры, якъ ій.

И Гаинка дуже ій виры доймала. Звисно, Зинько казавъ, що баба Мокрына ничогисинько не тямыть, тилькы людей дурыть...

Гаинка знала, що Зинько розумный... дуже розумный!.. Якъ на іи думку, то навить и на всёму сели розумнишого не було, бо вона сама бачыла, що Зинько зъ кымъ схоче може зговорыты: чы зъ пысаремъ, то й зъ пысаремъ, чы зъ попомъ, то й зъ попомъ... и зъ паномъ... и зъ кожнымъ... А розумно говорыть, такъ ажъ страхъ!.. И нихто такъ гарно книжокъ не чытае, якъ Зинько... Се такъ, правда тому всёму... ну... ну, а вже що про ворожокъ та про видёмъ, що винъ не вирыть, то то вже помыляется... хочъ якъ, а помыляется!..

Де жъ такы! Се жъ усёму свитови звисно, що видьмы коривъ доють и зъ сохы молоко доють, и въ коминъ литають.—се жъ кожне знае, хочъ кого спытай!.. А хыба мало людей бачыло, якъ воны перекыдаются то собакою, то свынею, то копыцею... Се жъ и дядько Охримъ бачылы, и Петренко... А въ Чорнобуси

йшовъ одынъ парубокъ, а вона, така здорова била собака, та лапы ёму на плечи... А винъ іи за лапы та въ хату прытягъ та й повидрубувавъ ій лапы... Ой, Боже, якый же й немылосердный!.. Тоди пустывъ... Ажъ уранци гляпуть, а у вдовы-сусиды пальци попадрубувано... Та що тутъ и казаты!.. це жъ усяке знае!.. И про ворожокъ звисно, що правду кажуть и пособляють... Ни, це вже Зинько помыляется!..

Та хочъ и помыляется, а все жъ вона боится ёму прызнаватыся, що до бабы Мокрыны бигае. Та винъ бы іи засміявъ, та винъ бы ій такого наказавъ!.. Ой-ой-ой!.. Та ій и самій соромъ издуматы!..

Соромъ... ни, воно не соромъ... а такъ... якось...

Вона сама не дуже й хоче того... Чы то пакъ такъ: разъ хоче, а вдруге не хоче. Звисно, якъ побачыть вона Карпову Катрю,—се жъ іи й прыятельска,—якъ та дытынку прыгортае та вчыть іи ходыты, то ій-Бо такъ чогось и Гаинци схочется, щобъ учыты дытынку ходыты, свою дытынку, не чужу... и цилуваты ёго... такого маленького... Цилуваты ёго въ щичкы, въ носыкъ, въ оченятка, въ нижкы, въ ручкы... и тулыты ёго до себе—такъ дуже, дуже!.. А воно пручается—нижкáмы й ручкáмы...

Пручается рученькáмы,
Всмихается оченькáмы,
А озветься губонькáмы...

Таке гарне!..

Ну, а вже якъ ото крычыть та вмажется, та треба ёго мыты та чепурыты,—ну, ото вже й не гарно!..

А Зинько дуже хоче сына!.. Такъ хоче, такъ хоче—«хочъ поганенького»,—каже сміючысь. Поганенького! Ни, вона поганенького не хоче: колы вже сынъ, дакъ щобъ гарный!.. Та де жъ вона ёму визьме, колы нема?

А хочется дружыни догодыты!.. Вона й почала пытаты людей, дакъ ій Катря жъ такы й нараяла: пиды, каже, до бабы Мокрыны—пособляе.—А ты хыба ходыла?—Ни, мени не треба було... люде кажуть...

Ну, вже жъ, щобъ Зинькови догодыты, то треба питы... хочъ виньбы й сміявся, капосный, колы бъ довидався!.. ой, сміявся бъ!..

Та дарма́! Вже ій знахарка казала, що пособытся. Вона вже ій давала такого зилля пыты и звелила, якъ выпъе,—прыйты, то ще дасть. Оце жъ вона и йде. Уже жъ щось та буде, щось та буде! Тоди вже не Зинько зъ неи посміется, а вона зъ Зинька. А що,—скаже,—не вирышъ ворожкамъ, а отъ тоби сынъ!..

Щобъ блыжче йты, Гаинка перескочыла черезъ плитъ, тилькы намысто брязнуло, и пишла горо́дамы й левадамы. Закувала зозуля.

— Зозуле-зозуле! скилькы мени годъ жыты?

Зупынылась и стала личыты. Зозуля накувала пъять, десять и кувала дали, не перестаючы, ажъ до трыдцятёхъ и трёхъ.

— Ой-ой-ой! якъ багато! Це добре! Бо на́ свити гарно жыты. А отъ тій мабуть негарно було, що зъ неи зозуля. Якъ бо се воно? Князивна та закохалася въ козака. А князь того не знавъ, бо якъ бы знавъ, то и въ темнѣцю дочку завдавъ-бы...

Ой завдавъ бы у темныченьку
Свою дочку едыныченьку.

Дакъ воны зійдутся въ гаю ныщечкомъ та й сыдять тамъ, цилуются-мылуются... То сміются, зъ закоханнячка свого радіючы, то плачуть, свою нещаслыву долю згадаючы. А сами таки—якъ сонечко... А батько князь ишовъ гаемъ—якъ чорна хмара... Вже довидався!.. А козакъ, лыха не чуючы, до неи й каже: «Ты жъ моя зозуленька!» та й прыгорнувъ. А князь якъ кынется туды: «Будь-же,—каже,—ты, проклята, навикы зозулею!» Дакъ вона пурхъ! та й полетила зъ рукъ у козака... И литае теперъ пташкою-сыротою та й плаче... Боже жъ, нещаслыва доля! Чому про все писе́нь спивають, а про се—ни? Отъ якъ бы й про се писню спиваты!..

Не вси тіи сады цвитуть,
Що весною розвываются,
Не вси тіи замижъ идуть,
Що люблются та кохаются!

Одна така та князивночка
Та въ козака закохалася,
У гаёчку та въ зеленому
Цилувалася-милувалася...

— Ой, Боже мій! що жъ се я?—прыпынила сама себе Гаинка.—Чы не дурна? Середъ чужои левады стою й писню. спиваю. Та й забарылася якъ!.. Треба бигты мерщій!..

Перебигла леваду, доскочыла до струмочка дзюркотлывого. Десь мабуть хлопци затяглы кладочку, що черезъ ёго була. Гаинка спынылася:

— Якъ-же жъ и дзюрчыть весело!.. Вóдо-водычко, святенька! Скажы мени, чы гарно тоби жыты въ твоій хати попидземній? Озвысь!.. Мовчыть, не озывается!.. Мабуть я дуже гришна. що до мене вода не говорыть.

Скынула черевыкы й побрела черезъ неглыбоку, чысту якъ слёза, течійку, що бигла по пидъ вербамы ряснымы та осокорямы высокымы. Осокори гордо знималысь до неба, а вербы, нахылывшыся надъ поточкомъ, стыха зазыралы въ ёго.

— Хи, якъ выдывляются въ воду на свою вроду!—мовъ дивчата... Гарни, гарни!.. Годи вже выдывлятыся!—озвалася до ихъ Гаинка, зновъ узулася та й подалась дали.

Незабаромъ була вже знову на вулыци. Онъ уже й хату бабыну Мокрыныну выдко.

Ой! що то вона Гаинци скаже? Гараздъ, якъ добре, а якъ же ни? А немынуче, немынуче треба Зинькови сына! Бо якъ винъ, бидный, буде безъ помочи? Немынуче!..

II.

Спокуса й праця.

Зинько йшовъ до Грыцька Момота.

Звычайно товарыши зиходылыся въ Зинька, але трапылося несподиване лыхо: Грыцько выбывъ соби ногу и мусивъ сыдиты

дома. Се сталося такъ. Панасъ та Йванъ Момоты все нахвалялыся забраты жыто зъ тіеи десятыны земли, що за неи сварылыся зъ Грыцькомъ. Одначе не поспишылыся цёго зробыты. Грыцькови дало помичъ товарыство: Зинько. Васюта. Карпо та самъ Грыцько якъ заходылысь у четырёхъ, то такъ и перелетивъ хлибъ зъ поля на тикъ до Грыцька. Панасъ тилькы тоди оглядився, якъ уже сусидынъ хлопець убигъ у хату та ёму сказавъ. Выскочывъ зъ хаты, вхопывъ дрюка та вулыцею до Грыцькового двору. Прыбигъ, якъ останни возы вже до ворить пидйиздылы. Ставъ на воротяхъ, пиднявъ ломаку:

— Назадъ! назадъ!.. У мій двиръ!.. Мое жыто... Голову розвалю!..

Махае ломакою, що й справди страшно прыступаты. Позбигалыся люде, почалы ёго вмовляты, а винъ одно:

— Не пидходь!.. Убъю!.. На гамузъ псыну побью, щобъ и на свити не смердивъ!..

Кынувся зъ ломакою за Грыцькомъ, а Грыцько по за возамы: бигаютъ кругъ возивъ,—то й не втече, а той не дожене. Колы Грыцько спиткнувся та й упавъ. Панасъ пидбигъ, замахнувся ломакою... Вси такъ и похололы: отъ убъе!.. На щасте Васюта пидбигъ ззаду, вхопывъ Панаса та й звалывъ, а тутъ люде наскочылы, виднялы въ ёго дрюка, самого видвелы геть. Винъ пручався й репетувавъ:

— Пустить!.. Я имъ головы позрываю!.. Повбываю!.. Потрощу!.. Пустить!..

Дали вже й слова не мигъ сказаты, тилькы харчавъ. Зо злосты ажъ трусився.

Тымъ часомъ возы пройихалы, люде одвелы Панаса до-дому.

Дакъ ото, падаючы, Панасъ выбывъ соби ногу и довго вона въ ёго болила,—все не мигъ ходыты.

Тымъ Зинько йшовъ до ёго.

Помынуло вже тры мисяци, видколы завелася суперечка за ту пересельську землю, а справа ще й доси ніякъ не росплуталася. Заразъ же другого дня писля громадськои рады Зинько довидався, що самъ пысарь ходыть изъ десятныкомъ по хатахъ до

такыхъ пысьменныхъ, що не булы тоди въ громади, та й прымушуе ихъ пидпысуваты громадську постанову. У волости служыло пысарча, що доводылось якымся родычемъ Зинькови и зазнало колысь одъ ёго, пры лыхій годыни, доброи запомогы. Вдячне пысарча спысало теперъ за для Зинька тую постанову и вси пидпысы громадянъ. Середъ тыхъ пидпысивъ Зинько знайшовъ килькы такыхъ, що люде ти не жылы на сели вже здавна, а одного вже й мертвого... ще й за килькохъ пысьменныхъ Рябченко роспысався мовъ за непысьменныхъ. Зинько бачывъ, що се вже якесь крутійство, але на що ёго зроблено,—спершу не зрозумивъ. Не розумивъ и того на що замисто одніеи постановы напысано ажъ тры, и землю Денысови продавано мовъ не всю вразъ, а якось часткамы и мовъ не въ одынъ день. Зинько пойихавъ у городъ и купывъ тамъ соби книжку зъ законамы. Довго іи гортавъ, шукавъ, мало що розбираючы, але нарешти таки дошукався, черезъ що такъ зробыла волость. Треба було, щобъ ажъ дви третыны всіеи громады згодылыся продаты землю, а колы до двохъ третынъ не ставало, то й не вильно продаваты. Ото жъ и попрыпысувано тыхъ мандрованыхъ та мертвого, щобъ бильше було людей, а якъ не ставало ще, то прыпысалы й пысьменныхъ—такыхъ, що не хотилы роспысуваться,—за ихъ Рябченко черкнувъ мовъ за непысьменныхъ. Теперъ зъ погляду постанова була законна, але се тилькы тому, хто не знавъ, кого тамъ попидпысувано. А що на тры частыны волость подилыла землю, дакъ и се була мудра штука: якъ на велыки грошы продаты громадськои земли, то треба дозволу ажъ отъ министра зъ Петербургу, а якъ подилыты на тры часткы, дакъ выходыла кожна на мали грошы, то й не треба було посылаты справы дали губерни. Певне, що Копаныця зъ товарыствомъ не сподивалыся тутъ ніякои зачипкы, бо зверху все було гаразд, по закону.

Додлубавшыся Зинько до того всёго, розсказавъ про ёго й товарышамъ. Погомонившы, врадылы податы жалобу до начальныка и про все якъ треба въ тій жалоби спысаты. Якъ умилы такъ и спысалы, Зинько самъ одвизъ у городъ, самъ и подавъ

ій начальныкови. Той роспытався про все, сказавъ, що всю справу розбере и звеливъ Зинькови зъ товарышамы сыдиты тыхо й дожыдаться. Писля того товарыство чуло, що старшыну клыкано въ городъ до начальныка, а Деныса чы тежъ клыкано, чы самъ винъ йиздывъ. Якъ и що тамъ робылося, Зинько того нычого не знавъ, ажъ трохы згодомъ тее жъ таки прыхыльне пысарча ныщечкомъ дало ёму копію зъ паперу, що волость послала начальныкови про ёго, про Зинька. У папери було напысано, що Зинько баламутный чоловикъ, що винъ чыныть у громади всякый неладъ, пидбурюе молодижъ повставаты проты статечныхъ людей и разъ-у-разъ бунтуе народъ; начальства не поважае и нибы то часто каже: «наплювать мени на ваше начальство!» «А оное неуваженіе къ начальству»,—сказано було въ папери,—«не только въ исказаніи вышеупомянутыхъ ругательствъ оказуется, но даже и во многихъ другихъ поступкахъ развратнихъ и соблазнительныхъ, о которыхъ дайже неудобно и поносно въ служебномъ репорте виражать. Которая его жалоба на общественный приговоръ не отъ чего, только отъ вишеупомянутой развратности и поносности поступковъ пройзошла».

Порадывшыся Зинько зъ товарыствомъ, наважывся пойихаты просто до начальныка, щобъ выяснэты всю справу. Начальныкъ допустывъ до себе, та заразъ же почавъ на ёго гриматы:

— Ты народъ бунтуешь! Ты разратничаешь! Тебя подъ судъ!

Крычавъ таки довгенко и багато говорывъ, а Зинько все слухавъ. Якъ утомывся вже начальныкъ, тоди Зинько й соби озвався:

— Чы пидъ судъ, ваше высокоблагородіе, то й пидъ судъ, абы було за що. А що жъ, якъ ваше высоко благородіе пидъ судъ мене завдасте, а выявытся, що то все брехню старшына на мене напысавъ?

— Якъ брехню? Якъ брехню? Винъ прысяжный чоловикъ, винъ не може збрехать!

— Отъ же й чорновусивськый старшына бувъ прысяжный чоловикъ, а пишовъ на Сибиръ за покрадени громадськи грошы,— видказавъ спокійно Зинько.

— Шо? якъ?—скрыкнувъ бувъ начальныкъ, а тоди заразъ истыхъ, одвернувся й пробубонивъ:—Ну, то другое дѣло!..

— Та найлучче,—казавъ дали Зинько,—прошу ваше высокоблагородіе,— зробить слидство. Нехай уси стари люде, вся громада скаже, чы воно тому правда, що про мене напысано. Нехай докажуть: колы й кому я що говорывъ або робывъ погане. Тоди й выдно буде, чымъ я завыновативъ.

Начальныкъ подывывся на Зинька, подумавъ...

— Ну, гараздъ, — каже, — отъ скоро у васъ буду.—все зроблю.

И справди незабаромъ прыйихавъ. Зибравъ громаду и роспытувавъ про Зинька: чы винъ бунтуе народъ и чымъ и якъ винъ жыве и що винъ за чоловикъ. Рябченко та Манойло почалы булы лаяты Зинька, але инши заразъ же прыпынылы ихъ. Громада сама почувала, що розмынулася зъ правдою, продаючы Денысови землю, що Зинько бувъ правый, и ій було соромъ ще й выгадуваты на чоловика щось негарне. Вси озвалыся за ёго добре, а Рябченко зъ Манойломъ хочъ и лаялы ёго, та ніякыхъ поганыхъ дилъ Зиньковыхъ не моглы показаты,—то такъ се й зосталося. Пойихавъ начальныкъ, ничого Зинькови не сказавшы.

Наши товарыши думалы, що оце вже й справа зъ землею пиде теперъ куды треба, ажъ ни. Не чуть изъ го́рода ничого. Денысъ та старшына ще килькы разивъ йиздылы туды,—уже жъ не безъ того, що койилы все лыхо та недобре та на свою ручъ наверталы справу. Але що́ са́ме воны робылы,—Зинько зъ товарыствомъ не мигъ довидатыся. Выдымо тилькы, що поступатыся й гадкы не малы.

Зинько йшовъ теперъ помалу вулыцею и все морочывъ соби голову думкамы про те, що ёго тутъ робыты. Думаты було колы, бо винъ пишовъ не просто до Грыцька, а мавъ спершу зайты до свого родыча пысарчаты, роспытатыся, чы не знае той чого нового. Роспытався, ажъ и той ничого не видае. Теперъ вертавсь ажъ изъ другого краю села знову на свою вулыцю до Грыцька.

Зненацька почувъ здалека якыйсь галасъ, спивъ, музыкы. Прыслу́хавсь.

— Це жъ мабуть весилле Хоменкове,—подумавъ соби.

Пройшовъ ще трохы и побачывъ, що справди весилле. Въ двори й пидъ дворомъ була сыла народу. Яки дывылыся, товплючысь, яки сыдилы на прыспи пидъ хатою. На прыспи жъ сыдилы й троисти музыкы та й тялы зъ усіеи сылы до танцю. Дви пари швыдко рушалыся середъ натовпу—то воны танцювалы. За людьмы Зинько бачывъ тилькы ихъ головы й плечи, але ось люде розступылыся чогось, и ёму стало выдко танцюрывъ. Середъ ихъ винъ заразъ побачывъ высоку чепурну постать—то Йивга була, Грыцькова жинка. И вона, повертаючысь, углядила ёго и мовъ на мыть спынылася.

Чымало пъяныхъ выйшло зъ двору и, точучысь, попленталось улыцею. Щобъ обмынуты ихъ, Зинько звернувъ до знаёмого чоловика въ двиръ: звидты можно було пройты городомъ ажъ на луку, а лукою выйты або до своеи хаты, або хочъ и просто на край села, до Грыцьковои. Въ двори зустривъ хазяина и затрымався зъ имъ трохы, розмовляючы,—ще той провивъ ёго й черезъ свій садъ. Попрощавшыся, перескочывъ Зинько черезъ плитъ, стрыбнувъ на луку та й пишовъ по за городамы трохы вже протоптаною людськымы ногамы стежечкою.

Ишовъ замысленый, похылывшысь, не дывлючысь навкругы. Колы вразъ почувъ:

— Зиньку!

Глянувъ, зупынывшысь, и побачывъ передъ себе Йивгу.

Килькы вербъ, выросши надъ крынычкою, оточывшы іи навколо, чынылы зъ себе маленькый захыстокъ, недоступный людському окови зъ лукы. Черезъ сей захысточокъ пробигала стежка и на ій теперъ стояла передъ Зинькомъ Йивга. Іи высока струнка постать, гарно вбрана, зъ повною шыею блыскучого намыста й дукачивъ, мытила яснымы колирамы на сиро-зеленому вербовому лысти. Зачервонившысь одъ бигу, а потроху й одъ чаркы, стояла передъ имъ уся румъяна, дыхала швыдко, ажъ тонки низдри роздымалыся, и высоко зводылыся зъ пидъ розхрыстанои керсеткы груды. Велыки смилыви очи дывылыся ще смилише, нижъ звычайно, своимъ палкымъ зваблывымъ поглядомъ.

— Зиньку!—промовыла знову, и Зинько почувъ, мовъ ёго пройнявъ той поглядъ пекучый.

— Чого?—спытався.

— Ой, не передыхну!.. бигла... Побачыла, що ты сюды пишовъ... Хотила перестриты...

— Хыба яке дило йе?—спытавъ Зинько, почуваючыся невпокійно.

— Дило!.. Ой йе, ще й велыке!—и вона прыступыла до ёго ще блыжче.—Хыба ты не бачышъ яке дило? Хыба ты слипый?..

Вона спынылася на мыть,—ій увиривався голосъ.

— Хыба ты не бачышъ, що я за тобою гыну?.. що я... и день, и ничъ тебе передъ себе бачу!.. Твои очи, твои бровы бачу!..

Вона нахылылася до ёго, шепочучы ти слова несамовытого запалу, и видъ усёго ій молодого дужого тила повійнуло на Зинька тымъ пекучымъ запаломъ.

И вразъ вона обхопыла ёго за шыю рукою и прыпала до ёго грудьмы, вся тремтючы, и впылася въ ёго уста своимы устамы. Винъ почувъ, що въ ёго туманіе голова... На мыть... а тоди, вхопывшы ій обома рукамы за плечи, видштовхнувъ одъ себе, скрыкнувшы:

— Йивго!—чы ты не збожеволила? У тебе жъ чоловикъ!..

— Що мени чоловикъ?! Я ёго ненáвыдю, я тебе люблю!—и вона зновъ простягла до ёго рукы.

Але винъ дужымъ рухомъ одхылывъ ій на бикъ и обмынувъ, промовывшы:

— Грихъ тоби, Йивго, таке казаты! Не буде сёго николы!

И пишовъ швыдко и вже бувъ по за вербамы на луци. А вона дывылась ёму вслидъ, вся тремтючы, простягшы до ёго рукы.

— Зиньку!—скрыкнула.—Вернысь!

Винъ и не озырнувся.

Вона постояла мыть, мовъ сподиваючысь ище, мовъ думаючы, що може й вернется. А тоди стыснула рукы въ кулакы и, сварючысь на ёго, скрыкнула:

— Ну, стрывай же ты!.. Я жъ...

Ту жъ мыть ій стыснуло горло, перепыныло мову, и вона якъ стояла, такъ и впала на землю и, прытыснувшы рукы до грудей, зарыдала тяжко...

Стыснувшы зубы, не подавала голосу, тилькы хлыпала, усимъ тиломъ здригаючысь...

Врешти почала затыхаты, прытыхла...

Не одного вона любыла вже, та ни за однымъ не пропадала такъ, якъ за Зинькомъ.

Отъ и недавно—Мыкыта Тонконоженко—якымъ гарнымъ винъ ій здавався, покы сёго Зинька не побачыла... А теперъ ій Мыкыта просвитку не дае, переймае та нагадуе старе цилуванне, а ій ажъ верне видъ ёго...

Звыкла до того, що на кого окомъ гляне, той и ій. А сей одынъ не глянувъ на неи ласкаво, не прыхылився николы до неи, и може черезъ те й покохала ёго такъ, якъ ще никого не кохала.

Вже не вперше займае вона ёго потроху, закыдае ёму словамы, а винъ мовъ не бачыть, мовъ не чуе, мовъ не розуміе!..

А сёгодни... Вона сама не знае якъ це сталося... Вона не могла вдержатыся, ій всю обняло божевильне почуванне, жадоба кынутысь до ёго и цилуваты... цилуваты!.. Скоро побачыла ёго тамъ, на вулыци... И ось теперъ!..

Невже жъ вона ёго прычарувала такъ, тая недоросла Гаинка, и винъ не бачыть, що вона, Йивга, краща, чепурнища за неи? Чы винъ боится жинкы? Ни, винъ не съ боязькыхъ... То се любыть ій такъ!..

Вона зновъ застогнала, стыснувшы зубы...

Колы любыть, то що жъ изъ имъ зробышъ!

Та невже жъ такъ и покынуты? Та вона жъ пропаде!

Колы не прывернула вона ёго своимы очыма, то прыверне чымъ иншымъ. Йе-жъ зилля... Пиде до бабы Мокрыны—та ій дасть... дасть такого, що якъ выпъе винъ, то видъ Гаинкы такъ и одверне, а до неи, до Йивгы, прыхылыть. Бигатыме винъ за нею

такъ якъ и вси инши бигалы!.. Оттоди вже не видипхне такъ, якъ сёгодни видипхнувъ! Тоди вже вона попануе надъ имъ!..

И де дали вона думала, то все бильше й бильше здавалося ій, що се добре буде до бабы Мокрыны питы. А що Зинько бувае въ ихъ у хати, то легко буде й даты ёму—чы спыты, чы зйисты.

Ця думка розважыла іи.

Устала, обтрусылася. Тоди пидійшла до крынычкы и вмылася холодною водою, щобъ не знаты було слизъ. Ще прычепурылася трохы й пишла. Выходючы зъ вербъ, побачыла здалека на луци якогось чоловика—ишовъ дорогою. Здалося, що Рябченко. Байдуже ій було до ёго. Перескочыла черезъ тынъ та й подалась изнову на весилле.

Зинько прыйшовъ до Грыцька, якъ уже вси позбиралыся: Грыцько лежавъ на полу зъ выбытою ногою, а на лави сыдилы Карпо та Васюта. Почалы розмовляты заразъ же за Денысову справу.

— А бачылы?—попытавъ Карпо.—Денысъ уже оре пересельську землю.

— Невже?

— Самъ бачывъ. То дожыдавсь, боявсь мабуть, а теперъ уже зосмилывсь.

— Це жъ выходыть,—винъ уже впевнывся, що справа на ёго ручъ повернется,—сказавъ Зинько.—Бо колы бъ певный не бувъ, то не оравъ бы навмання.

— Ге-ге! Винъ теперъ, зйиздывшы въ городъ, такъ пиднявъ морду, що й кочергою не достанешъ!—сказавъ Васюта.—Тилькы треба ёму назадъ іи нахылыты.

— Провчыты ихъ треба,—промовывъ Карпо,—провчыты наукою доброю, бо порозсобачувалыся безъ миры, немовъ ти псы.

— Еге, провчышъ ихъ!—одказавъ Грыцько.—Колы въ ихъ отой клятый Рябченко такый мудрый на выгадкы, що кризь сыто й решето пройде.

— Ну, людына!—крутнувъ головою Васюта.—Мавъ вылупытся чортъ, та пивни заспивалы,—вродывся чоловикъ. Такъ тоби й рые, такъ тоби й крутыть, мовъ той рогатый анцыболотъ у чорторыи...

— Васюто!!..—гарыкнувъ Карпо.

— Не буду... ій-бо, не буду!.. Хай ёму... всячына!..

Васюта замовкъ, сивъ и почавъ крутыты билявого вусыка.

— Кажы, Зиньку,—ты щó думаешъ?—пытався Грыцько.

— Якъ на мою думку,—видказавъ Зинько,—то пидождимо до Покровы: у той день ёму строкъ выходыть. Колы тоди не здасть земли громади, то заразъ пошлемо жалобу до губернатора.

— А якъ и губернаторъ нычого?—спытавъ Карпо.

— Тоди дали... у санодъ!..—одказавъ Грыцько.—Хочъ до царя!.. Нехай Зинько пыше!

Карпо, сыдючы кинець стола и зипершыся на свою кощаву руку велыку, похытавъ головою:

— Ни, не такои имъ треба наукы, не такои!

— А якои жъ?

— Кажить и робить уже вы, а якъ вамъ не поталаныть, тоди й я зъ своимъ словомъ середъ васъ озвуся.

Почалы гуртомъ говорыты про тую жалобу и такы договорылыся, щобъ спысаты іи й готову маты, а заразъ писля Покровы, не гаючысь, и въ губерню.

По сій розмови озвався Грыцько:

— Отъ що, братця: позычывъ я въ васъ двадцять карбованцивъ... Спасыби вамъ, що таки добри, зарятувалы мене дуже!.. Теперъ я трохы заробывъ, трохы хлиба продавъ, то спроможенъ вамъ оддаты.

Вытягъ гаманця, розшморгнувъ, добувъ извидты два червинци и положывъ биля себе на полу.

— Визьмить, спасыби вамъ, бо самъ не встану!.. Визьмы, Васюто!

Васюта взявъ гроши.

— Э, братику!—скрыкнувъ,—такъ не годыться! Мы тоби давалы усе такымы здоровымы та билымы, та скилькы ихъ на-

давалы!.. що покы я донисъ, такъ и поперекъ у мене за малымъ не луснувъ!.. А ты даешъ тилькы дви маленьки жовтеньки кружалочкы! Я такъ не хочу.

— Беры яке дають!—одказавъ Грыцько сміючыся.

— Ни, не хочу!

— Отъ же й я не хочу!—озвався Зинько.—Щось я надумавъ,—не знаю тилькы, чы доладу буде мое слово. Намъ теперъ не такъ уже сутужно на грошы: хвалыты Бога, хлибъ зародывъ, то не будемо бидуваты. Мабуть можно буде намъ такъ обійтыся, щобъ не браты заразъ оцихъ двадцятёхъ карбованцивъ, а повернуты ихъ на одну добру дуже штуку.

— А ну-ну, на яку?—зацикавылыся товарыши.

— Отъ вы самы бачылы,—казавъ дали Зинько,—що ци грошы не погане дило зробылы: и чоловикови запомоглы, и далы ёму спроможнисть, не боявшыся глытаивъ, за громадську справу обстаты. Теперъ то въ насъ ничого соби, закрывылыся мы на людей,—ну, а може такъ трапытыся, що намъ на грошы буде сутужно и треба буде помочи такъ саме, якъ отъ Грыцькови треба було. И добра бъ ричъ, колы бъ завсигды мы моглы въ прыгоди товарышеви пособыты, щобъ винъ не йшовъ кланятыся глытаямъ.

— Дакъ що?—и пособымо, колы буде на той часъ чымъ пособыты,—сказавъ Карпо.

— Ото жъ то й то: колы буде! А треба, щобъ завсигды було, по всякъ часъ. Нехай оци грошы та до насъ и не вертаются, а будуть у насъ товарыськымы гришмы. Коженъ нехай кыне пъять карбованцивъ и положымо ти грошы въ кассу въ городи... Йе тамъ така зберегательна касса, що якъ грошы въ ій лежать, то й процентъ на ихъ иде. Отъ и на си грошы буде процентъ иты. А скоро кому зъ насъ треба буде якои запомогы, то хай визьме ихъ або вси, або скилькы потреба.

— И нехай винъ той процентъ, що й касса, платыть: тоди въ насъ грошей не меншатыме, а бильшатыме,—порадывъ Карпо.—Якъ зъ процентомъ, то чоловикъ и грошы швыдче вертатыме.

— Ни,—видповивъ Зинько,—можно й не той, а трохы меньшый.

Усимъ ця выгадка дуже вподобалась. Грыцько сказавъ, що й винъ прыстане до цёго. Заразъ у ёго грошей нема, дакъ винъ просыть Зинька: нехай пидожде ёму пъять карбованцивъ, а зъ тыхъ десятёхъ, що винъ ёму вернувъ, пъять заложыть за ёго въ кассу. А Грыцько, скоро розстарается, заразъ ёму верне. Зинько прыставъ на те.

— Шкода тилькы, що мало въ насъ грошей буде: тилькы двадцять карбованцивъ,—сказавъ Зинько.

— Дакъ же нема зъ чого намъ по бильше й даваты,—видмовывъ Карпо.

— Се такъ,—згодывся Зинько.—То треба, щобъ товарышивъ у насъ бильше було.

— О, дакъ у мене заразъ йе такый товарышъ!—скрыкнувъ Васюта.—Гарный чоловикъ, кращый за мене—куды! Дмытро Васыленко—винъ мени й родычъ... такый соби: нашого коваля у першыхъ слюсарь. Та те дарма, а тилькы чоловикъ гарный... и отого, що зъ хвостомъ не любыть изгадуваты... (Васюта моргнувъ на Карпа). Винъ уже давно мене пытае, чы не пускалы бъ мы ёго слухаты яки книжкы чытаемо, та я все забувавъ сказаты, бо въ мене така дирчата голова, якъ старе решето... И чытаты просыть щобъ навчыты ёго.

— А що жъ,—промовывъ Карпо,—Дмытро справди чоловикъ добрый,—винъ и въ громади за насъ бувъ.

— И я такъ думаю, що ёго треба прыйняты,—згодывся Зинько.

— Винъ и до кассы прыстане... Отъ тилькы скажу, то й дасть пъять карбованцивъ,—упевнявъ Васюта.

— А я чытаты ёго навчу,—сказавъ Зинько.

— А хыба такый старый навчыться?—спытавъ Грыцько.—Ёму жъ такъ, якъ и мени—годъ трыдцять и пъять, а мо́ трохы й бильше.

— А чому не навчыться? Абы схотивъ!

Грыцько подумавъ трохы, а дали озвавсь несмилыво:

— Дакъ може бъ тее... може бъ и я?.. можебъ и мене ты, Зиньку, прыйнявъ та вже двохъ одразу бъ и вчывъ?

— И дуже радый!—зрадивъ Зинько.—Бо треба, щобъ уси въ нашому товарыстви булы пысьменни. Тоди не будемо темнымы стежкамы ходыты, а добуватымемося соби шыршого свиту та кращои доли.

Усимъ чотырёмъ товарышамъ стало якось весело на серци. Радилы, що такъ гарно складается, и подавалы одынъ одному слово не розлучатыся, щыро гуртомъ за кожного обстоюваты и въ громади завсигды за правду стояты. А грошы прыручылы Зинькови одвезты въ городъ та й положыты въ кассу.

Тоди Грыцько почавъ розсказуваты про свій судъ изъ братамы—усе за тую нещасну десятыну. Ёго справа повернулася добре. Панасъ позывавъ. Усихъ трёхъ бративъ поклыкано на судъ. И старшына й судди дуже нахылялыся, щобъ у Грыцька землю видибраты, бо ихъ Панасъ добре попереду могорычывъ. Дакъ що жъ? Грыцько каже имъ: Якъ прысудыте забраты въ мене землю,—жалитымусь дали. Воны покрутылысь—покрутылысь та й кажуть: Не можемо васъ розсудыты,—идить до выщыхъ! А то воны розсудыты можуть, та тилькы не хочуть. Бо воны зъ бративъ Грыцьковыхъ та взявшы скупъ, не хочуть Грыцькови землю прысудыты; а зновъ-же боятся й того, що винъ жалитымется дали, колы воны братамъ ёго прысудють.

Сёму була правда, що Грыцько казавъ. Копаныця, заплутавшысь у справу зъ Денысовою землею, не хотивъ покы встряваты ще й у це дило,—черезъ те хочъ и взявъ доброго хабаря видъ Момотивъ, а имъ земли не виддавъ Грыцьковои. Момоты страшенно черезъ те розлютувалыся и на ёго, и на Грыцька.

— Таке теперъ на мене зло, таке зло, що й годи!—розсказувавъ Грыцько.

— Лютый ридъ и немылосердный,—промовывъ Карпо.

— Се таки, що зубами на свити жывуть,—доточывъ Васюта.

— Що люти, то такъ,—промовывъ Зинько,—а то такы ще й те треба сказаты: дуже сутужно вже на землю стало. Отъ люде й сварются за коженъ клаптыкъ.

— Такъ сутужно, такъ сутужно, що ой-ой-ой та й годи! И на що ти й люде плодются? Уже бъ, здается, й годи!—выгадувавъ Васюта.—А, то мабуть скоро ланы будуть таки куценьки, якъ заячый хвистъ. Давайте краще чытаты, або що, а то вже й на мене суму нагналы.

— Та ни, вже пизно,—видмовывъ Карпо.

— Справди таки пизненько,—згодывсь и Зинько.—Нехай уже въ четверъ—свято... Тилькы знаете що, братця? Треба такъ, щобъ не сами мы сходылыся чытаты, а й жинкы наши. А то якъ у мене чытають, то моя жинка слуха, а—скажемо—Карповои Катри вже й нема. А якъ у Карпа чытаемо, то моеи нема.

— Ну, моя така, що не пиде!.. махнувъ рукою Грыцько.

Зинько згадавъ, що ёму трапылося зъ Йивгою сёгодни и подумавъ соби, що й добре, колы не пиде.

— Воны того й чытання не дуже розберуть, а ще мы разъу-разъ про громадськи справы промижъ себе говорымо,—не есть то ихъ дило! Жиночa ричъ—коло прыпичка,—казавъ Карпо.

Винъ хочъ мавъ жинку дуже гарну людыну, та якось изгорда на жиноту дывывся и казавъ, що и въ Пысьми святому напысано, що зъ жынокъ усяке лыхе встае, та ще й почынавъ проказуваты: «Реку горчайшу паче смерты жену,—благiй предъ лыцемъ Божiимъ изыметься отъ нея, а согришаяй ятъ будеть отъ нея».

— Нехай и те слухають!—видказавъ ёму Зинько.—Треба й имъ щось тямыты про громадськи справы.

— Та... нехай!.. Будешъ ходыты?—спытавъ Карпо свою жинку.

— А чому жъ? Буду!—видказала та, почервонившы.

— Про мене!..

Вернувшыся Зинько того вечера до-дому, довго розсказувавъ Гаинци що робылося й казалося на сходынахъ у Грыцька. А Гаинка розсказала ёму свою новыну,—не про бабу Мокрыну, ни,—про се вона а ни згадала. Казала тилькы, що була въ матери, и тамъ пры iй сталася спирка въ дида Дороша зъ сыномъ, зъ Гаинчынымъ батькомъ. Дидъ навидався до-дому зъ пасикы и

сáме нагодывся на той часъ, якъ прыйшла знову Марчыха, вже не сама, а зъ сыномъ-парубкомъ. Почалы прохаты, щобъ Остапъ вернувъ имъ ту землю, що забравъ за позычкы; казалы, що выплачуватымуть ёму грошы помалу, часткамы. Остапъ одказувавъ, що не верне, бо повыненъ бувъ покійный Марко въ строкъ заплатыты вси грошы, а колы бъ не заплатывъ, то мусыть за те Маркова земля ёму, Остапови, буты,—такъ у рóспысци напысано. Марко не заплатывъ, то земля теперъ ёго, Остапова. Шкодá вже й говорыты про се!

— А воны бидни плачуть—слёзы якъ горохъ—та ажъ у ногы батькови падають та просють,—розсказувала Гаинка.—А батько тилькы видвертаются. А дидусь слухалы-слухалы, та якъ побижать у свою хату та заразъ и назадъ.—Не просить ёго!—крыкнулы.—«Нáте вамъ грошы, виддайте ёму, а винъ нехай вамъ верне рóспыску!» Та й кынулы Марчыси въ рукы грошы. Батько почервонилы та:—«Не мишайтесь, тату,—се не ваше дило!» Тоди дидусь блиди-блиди зробылыся, якъ стина, та якъ закрычать:—«Оддай, я тоби кажу, оддай!.. Бо я тоби!..» Та й не доказалы, тилькы такъ и затрусылыся... Дакъ батько выйнялы рóспыску та й оддалы, а грошы забралы... Марчыха зъ сыномъ плачучы дякують дидусеви, хотилы руку имъ поцилуваты, а дидусь тилькы махнулы:—«Идить, люде добри, подякуйте Богови, та обмынайте сей двиръ десятою вулыцею, бо тутъ жывуть не люде, а дерылюде!..» Та й выбиглы зъ хаты, а за имы й Марчыха зъ сыномъ... Тоди батько якъ заходылыся лаяты дидуся!.. Господы! и якъ то тяжко слухаты!.. Я мерщій утекла...

Ш.

Ворóжи зáходы.

Яхремъ Семеновычъ Рябченко, вертаючыся въ недилю зъ Чорнóвусу, ишовъ соби по-малу лукою. Дывывся на сильськи садкы й городы, що збигалы видъ хатъ унызъ до лукы, дывывся

на ту купу вербъ, що поросла надъ крынычкою. И вразъ побачывъ, що зъ тыхъ вербъ хтось швыдко выйшовъ. У Рябченка булы добри очи: прыдывывшыся, пизнавъ издалека, що то Зинько. Не здывувався, бо тамъ була стежка, и вси люде зъ Сывашевого кутка часто тудою ходылы, бо було блыжче, нижъ вулыцею. Ишовъ дали, про свое мизкуючы, и зновъ, згодомъ уже, уздривъ що зъ тыхъ-же вербъ, тилькы вже зъ другого боку, выхопылась молодыця, перестрыбнула черезъ тынъ на Демченкивъ городъ та й подалась угору. Бувъ теперъ уже блыжче до вербъ и видразу пизнавъ, що то Йивга.

— А що жъ то?—подумавъ.—Удвохъ тамъ сыдилы, чы якъ? Уже жъ нiякъ, якъ удвохъ, бо я не бачывъ, щобъ вона йшла писля ёго. Ге-ге! Дакъ онъ воно що! А я й не туды то, чого се нашъ праведныкъ до Грыцька вчащае, ще й грошей ёму позычае! Ажъ воно Грыцыха!..

Зрадивъ Рябченко. Та й якъ-же не зрадиты, колы выходыло, що Зинько зовсимъ не такый праведный, якъ здавалося, що винъ хочъ и крычыть про правду, а самъ робыть такъ, якъ и вси гришни. Бачъ, де збигаются! Ну, хыба жъ не направлю Мыкытку Тонконоженка зъ парубкамы!.. Той уже ёму дасть! Бо винъ самъ до Йивгы пидлабузнювався, а теперъ вона ёго зрадыла. Стрывай же ты, братику!..

А кудыжъ сей братикъ пишовъ? Певне не до-дому, бо свiй провулокъ промынувъ. Мабуть такы до Грыцька. Бачъ, якъ мудро: зъ жинкою въ одному мисци, а зъ чоловикомъ у другому. Мабуть тамъ зибралыся вси та зновъ яки каверзы выгадуютъ. Отъ якъ бы послухаты ихъ такъ, щобъ воны не зналы! Що воны тамъ вымудровують? Ну й клятый народъ! И чого въязнуты? Що сей паршывый Зинько, дакъ на шовковыхъ подушкахъ спавъ-бы, колы бъ до ихъ прыставъ! Дакъ ни! Ёму не того, ёму чогось иншого заманулося! Кунпанiю зъ харпакамы завивъ, товарыство все бильшае. Скилькы клопоту зъ пересельською землею наробылы горлопанi идольськи! Ну, тутъ ище такъ-сякъ зарадылы лыхови... дакъ що жъ? Пожалiется куды дали (и якъ се винъ идоси не догадався?), то й зновъ начувайся клопоту. Та хыба це самé?

Скризь уйидается! Намагается, щобъ двичы на рикъ волость щытаты! Якъ бы винъ ище самъ бувъ, то не такъ бы шкодывъ, а то горе, що въ ихъ гуртъ, и гляды, що сей гуртъ де-дали бильшатыме, набиратымется сылы. И може колысь такъ изробытся, що й имъ, Рябченкови зъ товарыствомъ, увирвется басъ у громади. Не можно сёго попустыты, ніякъ не можно,—треба щось робыты.

Та що саме? Уже й багато винъ про це розумувавъ... та такы що-дня думае!.. Думае, та ничого не выгадае. Винъ ото прырозумивъ даты доносъ на Зинька, що винъ и такый и сякый. И ловко було бъ, дакъ колы жъ начальныкъ, замисто щобъ просто поняты тому виры, та заходывся ще громаду пытаты. Ну, все й ляснуло!

Писля того бувъ старшына въ начальныка, дакъ що жъ?—Я,—каже,—знаю, що ты справный у мене старшына, а прыговоръ такы не по хворми. Колы бъ нихто не жалився, то я бъ и не знавъ, кого ты тамъ понапысувавъ, такъ бы воно й пишло, а якъ пожалылыся, то не можу жъ я тіеи жалобы затаиты, бо воны ще й дали жалитымутся.—Старшына почавъ ёму и те й се, що се жалоба—«пустякъ унымания, бо то пысавъ такый ябедный и нестоющый чоловикъ розуратный»,—такъ шо жъ ты зъ имъ зробышъ, колы винъ каже, що громада про ёго, про Зинька, не такъ озвалася и никоторого доказателства нема? Ну, старшына таки догадався що ёму сказаты: «Пождить,—каже,—ваше высокоблагородіе, ще трохы: мы вамъ доказателства про ёго найдемо таки, що первый сортъ».—А не брешешъ?—«Буду стараться зъ усіеи сылы, ваше высокоблагородіе».—Ну, гляды жъ: ище трохы пидожду, а тамъ уже якъ знаешъ!

Добре сказавъ старшына, та такы жъ треба й справди тіи доказателства вышукаты. Що бъ же ёго вымизкуваты? Хыба сказаты, що до церквы не ходе? Дакъ ходе жъ... Якъ бы такъ, щобъ проты начальства щось робывъ або казавъ! Дакъ свидкивъ же треба буде... а воны бачъ яки: вси галасувалы, а якъ треба, то й поховалыся въ громади!..

Эхъ, якъ бы ихъ промижъ себе посварыты, то то бъ найкраще було! Тоди бъ ихъ гуртъ розбывся и розлизлыся бъ воны

якъ руди мыши. Тоди пропала ихъ сыла, бо воны поты страшни, покы въ гурти, а кожного по одынци зйисты легко—ого-го! Поризныты ихъ, каторжныхъ!.. Та чымъ? Якого способу добраты?

Ишовъ Рябченко вже вулыцею и проходывъ прозъ хату своеи родычкы, бабы Мокрыны-знахаркы. Саме якъ винъ ии промынавъ, изъ хаты выйшла молодычка, а за нею, выпроважаючы ии, баба Мокрына. Довела ии до воритъ, попрощалыся, баба вернулася зновъ у хату, а Гаинка,—бо се вона була,—пишла вулыцею.

— Чого це вона до бабы Мокрыны ходыть?—думавъ Рябченко.—Певне, якесь ворожинне, або що. Ой, хытра ця баба Мокрына!.. Такъ умie выдурыты грошыкы! Та за що вона въ цiеи выдурюе? Що вона ий бреше?

Рябченко думавъ про це такъ соби—отъ, бо думалося. Видразу спынывся. Якась надзвычайна думка стрельнула ёму до головы. Та невже? А що, якъ бы справди? Отъ бы штука була! Тоди Зинько певне посварывся бъ изъ Грыцькомъ. Оце вже була бъ у ихъ у гурти одна сварка, та ще й не маленька. А тамъ и другу можно бъ прытулыты... хочъ бы й таку жъ саму... Ни, про се треба помиркуваты, гарненько помиркуваты!..

Винъ пишовъ веселый, усмихаючысь; а днивъ черезъ кильки ввечери пизно застукавъ у виконце до бабы Мокрыны.

— А видчынить. бабо!

Баба вже лагодылась лягаты, та, зачувшы Яхремивъ голосъ, заразъ пустыла.

— Здорови булы, бабо!

— Здоровъ, сынку, здоровъ! Сидай у мене!

— Якъ ся маете, бабо?

— Отъ, якъ тамъ! Старому—абы день до вечора: однакъ скоро вмираты.

— Ну, вы, бабо, ще таки, що хочъ и замижъ!

Баба засмiялася велыкымъ ротомъ, повнымъ дебелыхъ жовтыхъ зубивъ. Вона хочъ и стара була, та ще кремезна и николы не вжывала нiякыхъ тыхъ ликивъ, що сама надиляла имы людей.

— А я до васъ, бабо, за диломъ.

— Скажешъ, сынку.

— Хочете заробыты карбованця?

— Отъ, чому бъ не хотиты?

— Дакъ я васъ пытатыму, а вы мени кажить. Якъ що прыйдется до дила, дакъ тоди я вамъ и скажу якъ заробыты.

— Пытай, сынку: що можно, дакъ и скажу, а чого Богъ не велыть, дакъ выбачай. Бо въ мене такъ бувае, шо що можно, а що, то й грихъ казаты.

— Знаю, знаю, бабо... Та се не грихъ... А ну: чого ходыть до васъ Гаинка Зинькова?

Баба глянула на Рябченка неймовирнымъ поглядомъ.

— А тоби чого до Зиньковои Гаинкы?—спыталася.

— Отъ! я казавъ, що я пытатыму, а вы видказуйте, а теперъ вы самы пытаетесь! Мени до Зиньковои Гаинкы ничого не треба, а тилькы кортыть знаты чого вона ходыть. Чы не того, щобъ до себе Зинька прывернуты?

Баба засміялася.

— Ни, не того. Ій сёго не треба. Колы за цымъ хто й ходыть, дакъ не вона.

— Дакъ се до васъ Йивга за цымъ ходыть?

— Ты вже й знаешъ!—гостро глянула на ёго баба.

— Я багато де чого знаю... Дакъ ходыть?

— Була.

— Хыба Зинько до неи не прывертается?

— Каже, що ни.

— Хм... А я думавъ, що воны вже тее... Ну, та дарма! А чы знаете вы, бабо, що воны зиходются на луци, у вербахъ надъ крынычкою?

— Ни, не знаю.

— Дакъ я вамъ се кажу.

— А на що мени ёго знаты?

— А колы до васъ Гаинка прыйде знову?

— Завтра ввечери я ій звелила прыйты.

— Дакъ вы ій розскажете про те, що у вербахъ надъ крынычкою... Про те, що до васъ Йивга прыходыла вы ни ій и

никому ничого не кажить, а про вербы добре розскажить—такъ, щобъ вона побачыла, що Зинько зовсимъ прылыпъ до Йивгы.

— Ну?

— Ну, то й матымете за се карбованця.

— А тоби жъ на що се?

— Отъ, бабо: вы таки стари, а щé постариты хочете! Такъ мени треба! За се матымете карбованця—ёго вáмъ треба.

— Гаразды, сынку.

— Ну, а не чулы про Гаинку: вона сама ни до кого не нахыляе? До Васюты тамъ, чы ще до кого?

— Ни, не чула... Що не чула, то не чула,—не буду й гришыты, ни!..

Баба ажъ головою закрутыла,—такъ не хотила гришыты.

— Ну, дакъ почуйте теперъ, що Васюта до Гаинкы лыпне, а вона до ёго. Якъ бы такъ изробыты, щобъ про се Зинько довидався? Га, бабо?

Винъ прыщулывъ одно око та й поглядавъ на бабу, хытро всмихаючысь.

— Та воно... не знаю, чы не грихъ тилькы воно буде?..— вагалася праведна баба Мокрына.

— Ни, бабо,—якый же тамъ грихъ? Се жъ вы не самы выгадалы, се жъ вы одъ людей почулы!.. А треба жъ чоловикови знаты що ёго жинка робыть... а жинци такъ саме про чоловика треба знаты.

— Та воно... та тилькы...

— Усе грихъ? Та я вамъ дамъ ще й другого карбованця, то вы за ёго свичокъ до церквы купыте, то й одмолыте грихъ.

— Хыба, що такъ!—згодылася баба Мокрына.

— Отъ и добре! Тилькы се такъ треба зробыты, бабо, щобъ Зинько й Гаинка не видъ одніеи людыны про се чулы, а щобъ скризь про се люде гомонилы... щобъ пустыты луну по всёму сéлу...

— Знаю вже, знаю!

— Отъ якъ та луна й до мене докотыться, то заразъ вамъ и прынесу два карбованци.

— А не одурышъ?

— Ни.

— Забожысь!

— Побый мене хрестъ!

— Колы добре зроблю, дакъ купышъ, на́звыще видъ платы, ще й чорный платокъ у ярмарку на Покрову?

— Схотилося платка! Отъ такы пидуть баба замижъ! Та вже нема що робыты: куплю.

— А колы купышъ, то й усе буде чого хочешъ.

Веселый пишовъ Рябченко видъ бабы Мокрыны. Та бувшы винъ чоловикъ обачный, зазырнувъ ще й до Захарька. Той здорово знемагавъ на похмилле, не мигъ и головы звесты горопаха. Бувъ самъ у хати.

— А хочешъ, Захарьку, похмелытыся?

— Ой!..

Рябченко давъ ёму злота. Той такъ бувъ и метнувся зъ хаты.

— Стрывай, не бижы! Спершу послухай що я скажу!

Наказавъ ёму те, що й баби Мокрыни, и поминывся, колы добре справытся, ще на пивкварты даты. Сей бувъ дешевшый за бабу.

Усмихаючысь ишовъ Рябченко до-дому й думавъ соби:

— Ну, ну, побачымо, любесеньки, якъ то вы теперъ ладнатымете!

Другого дни ввечери Гаинка прыбигла знову до бабы Мокрыны: мала ій баба зварыты зилле, дакъ прыйшла забраты.

— На жъ тоби, дочко,—казала баба,—оце зилле та пый ёго що дня по пивчарочкы на тще серце вранци, то воно и пособыть. Пособыть немынуче, абы тебе чоловикъ любывъ.

— О, винъ мене любыть, бабусенько! Такъ любыть!

— И добре, дочко, колы любыть,—казала баба,—завирчуючы въ папирець якесь зилле и не дывлючысь на Гаинку.—И добре, колы любыть! Я й сама такъ думаю, що то все брехни, що по селу про ёго плещуть.

— По селу плещуть?—спытала дывуючыся Гаинка.—А що жъ тамъ про ёго по селу плещуть?

— А хыба ты й не чула?

— Ничогисинько!

— Такъ, такъ, дочко... Се правда, що кому треба найпершому знаты, дакъ той звычайно останній довидается... Охъ, бидолашна ты, моя пташечко!

Баба вже загорнула свій верчычокъ, сила на лаву и, пидпершы голову рукою, сумно покывала надъ бидолашною Гаинчыною долею.

— Та ну бо кажить уже, бабо, що тамъ таке!—ажъ скрыкнула Гаинка.

— Охъ, не поспишайсь, моя дытыно, не поспишайсь!—казала баба зъ медомъ та зъ макомъ солоденькымъ голосочкомъ,—бо може про таке довидаешся, що й знаты/ёго не схотила бъ,—хай бы воно соби йшло на очеретá та на болотá!.. хай бы воно каминемъ на дно въ глыбоку воду сило!..

— Бабо!..—благала Гаинка, прытыснувшы рученята до грудей.

— Та не знаю вже якъ и казаты... Трохы воно й ніяково... Ну, та вже я тебе, дочко, такъ люблю, що ты така до старыхъ людей увичлыва та прыятна,—видъ тебе не втаюся... Хыба жъ ты не чула, моя бидолашечко, моя горлычко сывесенька, хыба жъ тоби нихто не казавъ, мое серденятко, що твій чоловикъ та до Йивгы ходыть?

— До Йивгы?!.. Що се вы бабо? Та то винъ до Грыцька ходыть—чытають воны тамъ та розмовляють.

— Такъ, такъ, дочко: и чытають воны, и розмовляють, и говорыть винъ, що до Грыцька, а тамъ Йивга ёму такъ на шыю й высне.

— Неправда жъ бо! Неправда!.. Все це брехня!.. Я знаю, винъ не любыть Йивгы! Винъ самъ мени казавъ це!

Гаинка говорыла се гнивно, дратуючысь. Баба й соби выгадала образытыся:

—Оце такъ, дочко!.. спасыби тоби!.. Мени, старій, та брехню завдала! Шостый десятокъ дожываю, зроду мени й стари люде такого не казалы, а тутъ довелося видъ дытыны почуты! Я ій якъ добрій, любывшы іи, а вона!..

Гаинци стало соромъ, що вона такъ на стару крыкнула. Червоніючы, промовыла:

— Ни бо, бабусю... Я жъ не кажу того... То жъ я не про васъ,—я про людей... що то люде брехни повыгадувалы...

— А якъ бы це брехни булы, то я бъ тоби цёго й не казала,—навчала баба Мокрына докирлывымъ та поважнымъ голосомъ.—Баба Мокрына знае що брехня, а що—ни. Видъ бабы Мокрыны ни зъ чымъ не сховаешся,—вона й не бачывшы все знае. И зъ цымъ твій Зинько не сховався. Винъ тоби каже, що не любыть Йивгы,—ото жъ на те й каже, щобъ лучче тебе дурыты, щобъ ты й не подумала... А ты ёму виры не ймы, ты пыльнуй сама: якъ на ёго Йивга поглядае, а винъ на Йивгу... Та й прыдывляйся, чы винъ такый до тебе й доси, якъ бувъ, чы ни... Отъ що!.. Тоди й побачышъ, чы баба Мокрына правду казала, чы ни...

— Охъ, бабусенько! та не можу жъ я тому виры поняты!..

Бидолашна не сказала, а якось ажъ застогнала. А баба правыла свое:

— Отъ ты кажешъ, що воны до Грыцька чытаты та розмовляты збираются. А воно Зинько зъ Йивгою на луци, у вербахъ биля крыныци, зиходются... Тамъ ихъ люде бачылы, якъ воны видтиля порозбигалыся...

IV.

Зрадныкъ та зрадныця.

Якъ непрытомна выходыла Гаинка видъ знахаркы. Все въ неи въ души, въ голови поплуталося. Вона не вирыла, не могла тому виры няты, бо вона ёму, Зинькови, няла виру безъ миры, безъ краю... И винъ бы ій зрадывъ? И винъ бы говорывъ ласкави слова, а самъ бы ненавыдивъ и до иншои думкою лынувъ? И винъ бы зазыравъ ій у вичы, а ёму бъ зорилы инши, чужи очи? И винъ бы обнимавъ ій... и винъ бы цилувавъ ій, а самъ бы

про иншу, про иншу думавъ?!.. Ой ни, ни, ни! Сёго не може буты!.. Бо... бо... не може!.. Бо якъ такъ, то якъ же ёго й жыты?.. Ни! ни!.. Вона тому не йме виры, то все брехня, гыдка брехня!..

Не йме виры...

А чого жъ нема ій спокою? Чого си думкы не покыдають ии, печуть?

И такъ подуматы: баба Мокрына не брéхуха, та й зъ якои жъ бы речи вона стала ій, Гаинци, брехаты? На що ій се? До чого ій воно? Не зъ пальця жъ и вона выссала те, що казала! Щось же воно та есть, колы вже й люде загомонилы... Та й баба Мокрына: се жъ правда, що вона знае таке, чого й не бачыла. Хыба жъ вона не знахарка?

Каже: пыльнуй! А що жъ ій пыльнуваты? Хыба Зинько не такый до неи, якъ бувъ? Що правда, винъ теперъ заклопотаный, сумный часомъ, дакъ то жъ черезъ громадськи справы...

Черезъ громадськи справы... А що, якъ ни? А що, якъ винъ сумный, заклопотаный черезъ те, що жыве зъ нею, а думае про Йивгу? И думае: и чого ся Гаинка ранише не вмерла,— тоди бъ я зъ Йивгою одружывсь?

И вона почула, якъ одъ цiеи думкы обняло ии мовъ огнемъ усю, такымъ страшнымъ пекучымъ огнемъ, що трохы не закрычала. Ни, ни! не треба про се думаты,—такъ страшно!..

Але якъ Зинько того дня пишовъ до Васюты, то вона подумала:

— А що, якъ не до Васюты винъ пишовъ, а до?..

И не стямылась, якъ выбигла зъ хаты та зъ двору та швыденько на край улыци до Грыцьковои хаты. Убигла въ двиръ, зазырнула въ викно: Грыцько зъ Йивгою дома, Зинька нема. Мерщій тоди назадъ! Ой, Боже! Гараздъ, що ще нихто це побачывъ ии!

Сила дома вдвохъ изъ матиррю шыты. Чы шыла, чы не шыла —

— Мамо, я воды прынесу пиду!

— Та въ насъ же йе вода.

— Та тамъ трохы,—я ще прынесу.

Схопылася та зъ хаты та за видра и опынылась на вулыци. Чы не дурна жъ вона? Чого се вона выскочыла? Зъ видрамы знову буде до Грыцьковои хаты бигты, чы що? Отъ вона зовсимъ стерялася та й годи за цимы думкамы. Треба хочъ воды справди набраты.

Чы набрала воды, чы не набрала,—на те не дуже дывылась, а дывылась уздовжъ улыци, чы не йде Зинько и видкиля: чы видъ Грыцька, чы видъ Васюты.

Колы справди йде—и видъ Васюты!

Скочыла мерщій у хату, а якъ увійшовъ... Ой яка жъ вона ёму рада була! Ой яка жъ то все брехня, що баба розсказувала! Пры Зиньковыхъ очахъ Гаинка такъ добре се розумила! И вона щебетала до ёго щаслывымъ щебетаннемъ, сміялася такъ, мовъ бы то бувъ и смихъ, и плачъ, и дывылася въ ёго добри, ясни, правдыви очи, що николы, николы не дурылы!.. на ёго люби уста, що николы, николы не казалы ій неправды!..

Помынуло два-три дни. За сей часъ чутка про Зинька та Йивгу та разомъ и про Гаинку зъ Васютою шыроко роскотылася по селу. Кумаси плескалы языкамы, ажъ одляскы по всихъ улыцяхъ ишлы.

Мыкыти Тонконоженкови самъ Рябченко про те розсказавъ. Ну й лютувавъ же парубокъ! Та й якъ же не лютуваты? Ёму ще зъ весны дуже впала въ око Гаинка. Винъ уже й на вулыци ій займаты хотивъ, и по саду въ Сывашивъ уночи лазывъ,—думка така—а може Гаинку саму застукае. Де тамъ! Ничого не пособылося! Не покыдаючы думокъ про Гаинку, зачепывся зъ горя за Йивгу. Ну, ся така, що довго не тупцявся,—сама слидкомъ бигала. Все лито зъ нею прокуёвдывъ, ажъ тутъ на тоби: почала видъ ёго тикаты! Винъ спершу й не туды то—чого воно, ажъ теперъ уже бачыть, що тутъ Зинько ставъ на завади. Що жъ це воно таке? Йивгу въ ёго Зинько видбывъ, а Гаинку Васюта... Ахъ же воны хамлеты! Ну! хыба вже винъ цёго Зинька та не попаде колысь у рукы! Дасть винъ ёму доброи мáтланкы! Та й Васюти!..

А зъ Гаинкою де дали було гирше. Пишла до своеи подругы, Катри Карпóвои.

— Що се ты, Гаинко, мовъ измарнила? Чы не хвора?

— Ни... я здужаю...

— Дакъ чого жъ ты така? Щось тоби йе.

— Ни... ни... мени ничого... я...

Та й заплакала!.. Ажъ Катря перелякалась, кынулась до неи, обняла, прыгорнула, якъ малу дытыну.

— Що се ты, боронь, Боже?! Чого се ты?

— Я... я... я не знаю...—казала хлыпаючы Гаинка.—Про Зинька...

— Що про Зинька?

По малу-малу выпытала въ неи Катря все. Почала ии тоди вмовляты:

— Не вирь тому, Гаинко! То все брехни, то хтось навмысне выгадуе, щобъ васъ посварыты. Твiй Зинько такъ тебе любыть, що винъ бы й слидочокъ твiй промитавъ. Та винъ же такый щырый,—винъ бы тебе не дурывъ.

Ти слова мовъ сцилющою й жывущою водою кропылы бидолашне Гаинчыне серце. Слухала вона ривный Катрынъ голосъ ласкавый, и iй ставало легше, легше...

— Отъ, людямъ заздро, що вы гарно, жывете,—ну й плещуть. Я се знаю. Мени разъ такъ було, що й про Карпа мого набрехано... Запекло й мени въ серци... Ажъ потимъ и выявылось, що брехня... Дакъ я теперъ знаю вже... Не вирь тому!

И Катря, трохы старша и завсигды поважниша за Гаинку, гладыла ии по облыччу, а Гаинка, мовъ дытына, тулылася до неи.

— Скажы, сестрыце,—пыталася, зазыраючы въ тыхи очи Катрыны,—скажы: ты ничого не помичала?

— Та ничогисинько! Отъ, яка ты неймовирна!.. Ну, хочешъ: я доглядатымусь, пыльнуватыму ихъ обохъ,—отъ побачышъ, що ничогисинько не буде.

Веселиша вернулася Гаинка видъ Катри до-дому, веселиша й дали була. Та не довго.

Зострила вона свою куму Вустю. Булы тилькы вдвохъ, и Вустя заразъ и поспишылась розсказаты ій те, що й баба Мокрына. (Вона чула ще й про Васюту, та про те розсказувала кому иншому). Гаинка розсердылась и докорыла куми, що та каже дурныци. Одначе ій зновъ уразыло те слово:

— Не вирышъ? Дакъ пыльнуй сама, прыдывляйсь!

Що вона пыльнуватыме, до чого вона прыдывлятымется, колы винъ усымъ-усымъ такисинькый, якъ и бувъ!

Та якъ повернулась до-дому, то ввесь той упокій, що надыхнула ій Катря своимъ словомъ, мовъ розвіявся десь, а страшенна турбота зновъ обняла ій, трусыла, мовъ пропасныця.

А Зинько тымъ часомъ пишовъ до волости—понисъ подать. Идучы зострывъ родыча, дида Корнія Грабенка—и той туды йде. Пишлы вкупи, розбалакалысь.

— А що се, Зиньку, я чувъ про твого прыятеля Васюту говорють?—сказавъ дидъ.

— А що тамъ говорють?

— Винъ у тебе якъ: вирный прыятель? Ты ёго добре знаешъ?

— А добре: парубокъ гарный дуже, чесный, путящый.

— Ну, то й гараздъ!—сказавъ дидъ Корній.—Я черезъ те, бачъ, пытаюся, що люде почалы за ёго всяки дурныци плескаты.

— Этъ, люде—якъ люде: усе щось и змыслять!—махнувъ рукою Зинько.—Що жъ тамъ?—попытавъ, хотывшы такы знаты, бо певный бувъ, що се вже Денысовы полыгачи щось изнову вымудрувалы.

— Та таке, що трохы ніяково й казаты... Говорють, що винъ до твоеи жинкы стежку топче.

— Отъ чортъ-зна яка подлюшна брехня!—обурывся Зинько.

— Та й я такъ думаю, що се брехня,—по щырости сказавъ дидъ,—ну, а одначе перестеретгы хотивъ, бо вже про це по селу бабы плещуть. Певне—брехня; ну, а все такы ты накынь тамъ колы-не-колы окомъ, бо кажуть, що наче бъ то десь и бачено ихъ у двохъ... Хто озырается, той не кается.

Зинько вертався до-дому, зовсимъ не думаючы про цю розмову... се бъ то думавъ, але зовсимъ не такъ: винъ Васюти й

Гаинци вирывъ зовсимъ, та не мигъ дорозумуватыся зъ чого пишлы ци брéхни. Одначе прыйшовшы до-дому та побачывшы Гаинку, трохы здывувався, що вона якась... наче ій щось не тее...

А Гаинка й соби дывылася на Зинька та й думала:

— Такого я ёго ще николы не бачыла... Щось у ёго й поглядъ якыйсь... непевный... Та невже жъ? Ой, Боже! ни, ни!..

И зновъ та страшна думка обняла ій вогнемъ.

Полягавшы воны ввечери спаты, ніякъ не моглы розбалакатыся. То було не говорють зъ вечора хыба вже якъ дуже потомлени—въ жныва, або що,—все було якъ почнуть то одне одного ажъ спыняе, що вже треба спаты, а теперъ—лежыть кожне соби мовчкы. И кожне думае: Чого се? такъ попереду не було...

Врешти Гаинка озвалася:

— А що ты сёгодни въ волости чувъ?

— Та такъ... ничого... оддавъ грошы та й вернувся.

— А у Васюты не бувъ?

— Ни, а чого бъ я мавъ у ёго буты?

— Та хыба жъ я знаю?.. Та жъ у васъ усе справы... Та й давно вже въ ёго не бувъ...

— Давно? А вчора?

— Чы то пакъ: винъ у насъ давно не бувъ.

— А хыба жъ якъ я до ёго пиду, дакъ то винъ у насъ буде?

— Та... ну... та... може прыйде...

— А на що тоби той Васюта?

— Да такъ... винъ такый гарный, веселый, балакучый...

Гаинка, заплутавшыся зъ тымъ Васютою, плела абы плесты, а Зинько думавъ:

— Чого це вона такъ ёго выхваляе?

И додавъ у голосъ, абы не мовчаты:

— Прыйде колысь...

Гаинка помовчала, а тоди озвалася несмилыво:

— А до Грыцька ты часто ходышъ...

— Ще й частише ходытыму, бо треба жъ учыты ёго чытаты... А завтра ввечери вдвохъ пидемо—чытання гуртове буде.

Ся видповидъ запекла коло серця Гаинци. Хотила щось сказаты и не змогла. Лежала, зципывшы зубы, и мовчала. Удавала, немовъ спыть. Зинько й соби лежавъ тыхо. Довго не спалы обое—кожне за своимы думкамы.

Другого дни Гаинка не мала спокою зъ самисинького ранку. Коло одного такъ и крутются, такъ и плутаются въ неи думкы: все коло того вечора, що Зинько пиде до Йивгы... чы то—до Грыцька... За тымы думкамы не могла ничого робыты. Почала поратыся коло печи, дровъ положыла, а пидналыты забула: горщыкъ у пичъ засуває, а дрова не горять. Ажъ маты посміялась:

— Оце дакъ такъ! Нова мода: щобъ не топывшы зварыты.

Узяла горщыкъ вымыты, а передъ очыма—Йивга вдвохъ изъ Зинькомъ у вербахъ надъ крынычкою... Затрусылась уся—горщыкъ зъ рукъ, гупъ, та й розскочывся.

— Ой шкода горщыка!—пожалкувала маты, а Гаинка стояла надъ черепкамы и не знала що ій робыты...

Такъ-сякъ поставляла що треба въ пичъ. Узяла мыску, щобъ змыты пшоно, насыпала ёго туды, стала налываты воды, а Йивга каже: Здоровъ, Зиньку... Мыска до-долу,—вода полылась, пшоно зъ черепкамы розскочылось.

— Та що се тоби, дочко?—метнулась до неи маты.—Чы ты хвора, чы що? Ой, яка жъ ты блида!..

— Я ничого, мамо... мени ничого... То такъ чогось рукы затрусылыся...

Сама стояла якъ биль била.

— Оце лыхо!—бидкалась маты.—Хочъ бы Зинько швыдче вертався!

— Ни, ни, мамочко! Не кажыть ёму ничого, ничого!.. Се я такъ... се дарма!.. я здоровисинька... Я заразъ поратымусь... Тилькы не кажыть ничого Зинькови!..

И справди заходылась удвохъ изъ матиррю поратыся и такъ-сякъ наварыла обидаты. Зинькови маты ничого не сказала, але сама все прыдывлялася до невисткы. Та сылкувалася не появыты передъ Зинькомъ ничого, навить удавала, нибы йисть за обидомъ, хочъ ій и въ губу не йшло. Але ввечери, якъ прый-

шовъ часъ иты до Грыцька на чытанне, почулася, що не може йты, що не зможе ввійты въ ту хату, глянуты на Йивгу... не здоліе высыдиты тамъ... Одмоглася тымъ, що болыть голова, и лышылася дома. Зинько пишовъ самъ, а Гаинка думала:

— Тамъ Катря буде... Вона пыльнуватыме... Вона мени скаже...

Покы Гаинка була въ хати зъ матиррю, вона сылкувалась ничого не выявляты. А вже якъ спаты пишла!..

Вона зъ Зинькомъ спала окремо, въ протывній хати. Гаинка такъ любыла цю хатку: чыстенько-чепурненько попрымазувану, зъ квиткамы й голубамы, помалёванымы сынимъ та червонымъ на билому комени; зъ папировымы квиткамы биля образивъ, зъ патретамы та малюнкамы по стинахъ, зъ маленькою шахвою на кныжкы та зъ лижкомъ Зинькового роблыва, зъ старымы лыповымы лавамы. Такъ було тыхо та гарно та любо, якъ у виночку. въ цій хатынци, въ цёму гниздечку, де вона вдвохъ изъ Зинькомъ воркувала!.. А теперъ!..

Яке воно все похмуре, непрывитне, негарне, мовъ и стины на неи падають. Яки велыки довги диды поставалы по куткахъ,— ажъ страшно. Якъ непрыхыльно навысъ коминъ,—мовъ и пичъ гнивается. И богы такъ похмурно неначе поглядають зъ божныка своимы выразнымы билястымы очима. Не хоче, не хоче вона ничого сёго, не хоче на ёго й дывытысь!..

Погасыла мерщій лямпу, щобъ и не бачыты. Сыдила, зипершысь на стилъ, у темряви.

На що ій це все, колы винъ ій не любыть, колы винъ пишовъ до тіеи!..

Вона жъ—якъ голубка покынута... Никуды ій и полынуты: ни до батенька, ни до матинкы, бо не вернуть воны дружынонькы!..

А винъ тамъ, а винъ усе тамъ!..

Якъ безъ миры довго!..

А може жъ... це все й брехня? А вона на ёго таке выгадуе!.. На свою дружыну!.. Це жъ грихъ!.. Треба не потураты серцеви!.. Вона ляже, спатыме...

Лягла справди, заплющыла очи, сылкувалася не думаты про се, сылкувалася заснуты. Та не могла. Все дослухалась, чы не йде.

Заторохтыть мыша въ синяхъ, а вона вже думае, що винъ за клямку берется. И духъ прытаить, дослухается... Ни, не винъ!..

Хтось улыцею йде. Оце певне винъ. Прычувается до ходы: тупъ-тупъ-тупъ... Ось проты ихъ хаты... Ну, ну,—завертай у ворота!.. Уже берется за ворота?.. Ни, пишло!.. пишло дали!..

Чы не въ викно хтось стукае?.. Зирвалась, пидбигла, видсунула виконце.

— Зиньку, се ты?—попытала зтыха.

Не чуть никого, нихто не озывается.

Вернулася на лижко.

Ой Боже! Якъ же винъ довго!..

Ни, вона не такъ изробыть: вона проказуватыме молытвы... вси, яки знае... и якъ уси перекаже, то винъ прыйде.

Почала проказуваты зъ «Во имъя»... Казала помалу, кожне слово добре вымовляючы... Царю небесному, Тройцю, Отченаша, Богородыцю—уси, вси!.. Казала й Воскресного Бога, и Вирую й Помылуй...

Уже й усе, а ёго нема. Проказала ще заповиди. Прыслухалась,—не чуть...

Ой-ой! вона жъ, здается, въ Вирую промынула тамъ слова!.. Того жъ воно такъ и швыдко.

Завернулася назадъ и почала зъ Вирую проказуваты знову все—ажъ до краю. Вымолыла вси, яки знала... и ти, що видъ матери ще малою дытыною навчылася и якыхъ нема по молытовныкахъ...

Ось винъ уже йде... Ще ничого не чуть, та треба жъ трохы подождаты покы пидійде блыжче. Колы заразъ прыйде,—дакъ не ходыть до Йивгы, а колы не прыйде... Се вона такъ загадала.

Лежала, вдывляючыся шыроко росплющенымы очыма въ темряву, и вся трусылася мовъ зъ пропасныци. Ничого вже не думала, тилькы слухала... Слухала й трусылася...

Скризь було тыхо. Винъ не йде.

Тоди пидняла рукы вгору, заломыла ихъ, и воны впалы за голову на подушку. Страшна безнадія нима стыснула ій душу... Душа холодила, застыгала, якъ крапля на морози, вмирала...

И вразъ почула, що Зинько видсуває ключемъ синешни двери. Кынулася на лижкови, пидвелась и впала знову, прычаилася, затаившы й духа.

Зинько ввійшовъ у хату тыхо, тыхо скынувъ чумарку, роззувся й лигъ.

— Ты ще не спышъ, Гаинко?

— Ни...

— Я забарывся, серденько... Зачыталыся... А въ тебе й доси голова болыть?

— Ни, вже ничого...

— Я й Грыцька вчывъ... Винъ страхъ берется до наукы.

Почувала, що мусыть щось сказаты, видповисты на ци слова, та не могла розимкнуты уста. Одначе перемоглася:

— Добре, що берется...

А думала инше: Якъ бы винъ и довику не брався! Одначе не сказала цёго, тилькы промовыла:

— Колы хоче навчытыся, дакъ чомъ же винъ не ходе до тебе, а ты до ёго?

Напружувалася зъ усіеи сылы, щобъ не тремтиты, щобъ говорыты спокійно, а воно такы подужувало и разъ-у-разъ струсювало мовъ страшною трясцею.

— Соромляется пры чужыхъ,—одказавъ Зинько,—говорыть, що ёму лучче дома. Та й нога жъ у ёго ще болыть, не можно ходыты.

— А жйнкы... хыба не соромляется?

— Ни.

— Колы жъ вы вчылыся? Якъ ще вси не посходылысь?

— Еге жъ.

— А Катря була?

— Була.

— А вона... тутъ сыдыть, якъ вы... вчытеся?

— Хто, Катря?

— Ни, та... Грыцькова...

— Якъ колы: бувае й ни.

Зинько подумавъ про Йивгу. Писля тіеи подіи въ вербахъ, ёму не хотилося до Грыцька й ходыты, щобъ зъ нею не стри-

ватыся, та не можно було. Одначе вона сама почала ёго обмынаты, не дывылась ёму въ вичы. Винъ думавъ, що покаялась, не знаючы, що вона добирае способу, якъ бы ёму зилля даты.

— Не люблю я ій!—сказавъ винъ до Гаинкы.

— А чомъ не любышъ?

— Бо въязне до мене.

Гаинку мовъ импетомъ пидкынуло, але вона заразъ же прымусыла себе знову лягты й спыталася:

— Якъ то —въязне?

— Теперь, оци дни, сказаты—ни. Ато дакъ була штука...

И винъ по щырости розсказавъ Гаинци всю подію въ вербахъ.

— Я вже такъ наважывся,—казавъ дали Зинько,—якъ буде чепляться, то хочъ и Грыцькови скажу... Чы може краще ёму, бидоласи, вже не казаты такого? Якъ ты порадышъ, серденько?

И вразъ Зинько почувъ, якъ маленьки рукы вхопылы ёго, почалы тягты, торсаты, смыкаты.

— Ой, Зинечку, який же ты любый!.. Ой якъ сонечко жъ!..

И вона стыскала ёго, прыгортала цилувала.

— Ой серце мое! Ой дружынонько моя вирная!

— Гаинко, голубочко! яка ты гарна!

— Я погана! я никчемна! я лыха! Ты—якъ сонечко праведне, якъ барвиночокъ зеленесенькый, а я якъ... якъ... якъ хмара чорна!..

— За що ты такъ себе лаешъ?

— Мени наказано, що ты ходышъ до Йивгы, а я...

— А ты не повирыла?

— Не повирыла, тилькы... тилькы сумно було, страшно, якъ у темній пустци самій... Ни, я трошечкы, триси-трисюни повирыла—якъ на мачыночку дрибнюню!.. Ой просты жъ мене, мое дороге, мое щыре, мое едыне серденько!..

— Ну, дакъ я жъ тоби скажу, що й мени про тебе наказано.

Вона такъ и схопылася.

— Про мене?! Про мене?!

— Що до тебе Васюта стежку топче.

— Васюта?... Ха—ха—ха!..

— Цыть, дурне, а то маты почують.

Гаинка реготала такъ дуже, що й справди маты могла почуты, хочъ и въ другій хати.

— Ой не вцытю!.. Васюта!.. Ха—ха—ха!..

Ледви втышывъ іи.

— А ты жъ повирывъ?

— Чы я жъ дурный?

— Отъ бачъ! отъ бачъ!—почала вона стукаты себе кулачкомъ у голову,—а ця голова дурна якъ пень, бо повирыла!.. повирыла!..

Забравъ іи рукы, щобъ не была себе.

— Це жъ, Гаинко, хтось насъ посварыты хоче. Хто тоби казавъ?

Роспыталыся. Зинько подумавъ...

— Гляды, що тутъ думка була не самыхъ насъ посварыты, а й усе наше товарыство промижъ себе... Стрывай, стрывай! А ты жъ чого була въ бабы Мокрыны?

Отъ, такъ ускочыла! Ой, якъ бы теперъ була не ничъ,—де бъ вона тоди очи подила?!

Прыгорнулася, прытулылася до ёго, знитывшысь якъ кошенятко.

— Я... я... я хотила... я думала...

И врешти прызналася цилкомъ. Зинько й сміявся й сердывся. Вычытавъ іи добре.

— Ну хыба жъ ты не бачышъ, що ся баба брехуха? Отъ же наказала тоби про Йивгу.

— Э, дакъ що? То вона наказала, що видъ людей чула, а въ хворобахъ вона такы зна...

Довго воны не спалы.

Другого дни вранци Гаинка прокынулась перша. Тыхо, якъ пташечка, скочыла зъ лижка й стала посередъ хаты. Сонце было золотымъ проминнемъ просто въ викно и осявало всю свитлыцю. Богы зъ божныка ласкаво й прыхыльно всмихалыся до Гаинкы,

усмихався й дидъ Шевченко зъ пидъ смушевои шапкы, и стины, и коминъ, и лавы—все блыщало въ золотому приминни и сміялося до неи прывитно, гарно... А вона стояла середъ того проминня, росчервонившыся писля сну, зъ променыстымы очыма, и ій було радисно, весело, ясно—такъ ясно, якъ тамъ, на тому блакытному неби, де грало те проминне золотесеньке теплесеньке...

— Зиньку! вставай! мы заспалы...

Маты ажъ уразылася, побачывшы Гаинку: вчора була хвора, якъ биль била, а сёгодни такъ одъ неи й бъе румъянцемъ та сяевомъ...

Писля снидання Гаинка саму виддала Зинькови пляшку зъ зиллемъ, а винъ ёго вылывъ и пляшку побывъ. Ій було такы трошкы жалко: а може бъ пособыло?..

Тоди побигла до Катри. Ускочыла въ хату якъ шуря-буря.

— Здорова, сестрычко!

— Здорова!—видказала Катря, стоючы зъ засуканымы рукавамы биля печи.

— Пытай мене—чого я до тебе прыбигла!

— Хыба не знаю? Довидатыся, чы не доглядилась чого. Ну, дакъ скажу, що я й прыдывлялася, я й прыслухалася,—ничого нема, все брехня.

— Ха—ха—ха!—зареготалася Гаинка на всю хату, ажъ дытына въ колысци жахнулася, та й Катря здывувалася.

— Чого се ты?

— Отъ и не вгадала! Уже мени не треба того прыдывляння та прыслухання... Ха—ха—ха!..

— Та чого жъ ты сміешся?

— Бо мени и весело й чудно... Ой!..

Ухопыла Катрю за станъ рукою и покрутнула ій по хати такъ, що въ тіеи ажъ спидныця замаяла.

— Чы ты прысуствéнна?—сміялася вже й Катря, пручаючысь.—Кажы вже що тамъ йе!

Гаинка розсказала ій про все... и про Васюту...

Брехни про Зинька зъ Йивгою та про Гаинку зъ Васютою такы ходылы по селу ще де-якый часъ. Та ни Зинько, ни Гаинка вже не чулы ихъ, навить не знылы про те. На щасте й до Грыцька воно не добигло: у хату до ёго нихто зъ тымъ не зважывся питы, а самъ винъ ще тилькы по двору дыбавъ, а никуды не ходывъ, бо нога й доси болила. Помалу-малу й затыхло все.

Хочъ и баба Мокрына, и пъяныця Захарько не дурно взялы видъ Рябченка свою плату, та ёго грошы выдымо пропадалы ни за цапову душу. Винъ се бачывъ, лютувавъ и все думавъ, думавъ, вымизковуючы якись нови хвыкгли...

А Зинькове товарыство тымъ часомъ трохы побильшало: ставъ туды ходыты Дмытро Васыленко.

V.

Браты.

Панасъ Момотъ страшенно лютувавъ. Якъ на ёго думку, то се була непрощенна крывда, що Грыцько забравъ соби ту десятыну земли. Грыцько бувъ старшый, батько ёго виддилывъ першого, виддавъ ёму *все*, що треба, а те, що зосталося ще въ батька, повынно цилкомъ, *усе* належаты ёму, Панасови та меньшому братови Йванови. Воны жылы пры батькови, доглянулы ёго смерты, воны й повынни булы подилыты промижъ себе всю, яка зосталася, батькивщыну. И дуже не по правди зробывъ, батько, що, вмираючы, звелывъ Грыцькови забраты ту десятыну. Дурныця яка, що Грыцькови тоди меньше прыпало земли! Уже скилькы прынало, то прыпало, а якъ оддиленый, то виддиленый: знай свое, а до чужого не встрявай! Не по правди зробывъ батько, що видказавъ ту десятыну Грыцькови, а ще бильшу неправду вчынывъ самъ Грыцько, ій взявшы.

Панасъ на таке прыстаты не мигъ. Винъ и самъ усякымы способамы змагався зъ Грыцькомъ, и меньшого свого брата

Йвана до того нахылявъ и дратувавъ проты старшого. Найбильше лютувавъ теперъ Панасъ черезъ те, що ёму не пощастыло забраты зъ тіеи десятыны жыто Грыцькове. И въ яки дурни винъ, Панасъ, пошывся, нацилывшыся забраты жыто вночи пидъ вивторокъ и побачывшы въ понедилокъ уранци, якъ Грыцько зъ товарышамы визъ уже останни копы! Якъ бы не оте прокляте товарыство, то зроду-вику самъ Грыцько не встыгъ бы перевезты, а теперъ... И найгирше, що ніякого способу не доберешъ теперъ изъ Грыцькомъ. Самъ винъ ни трохы не поступается, а старшына крутыть:—Шо жъ, я не можу... одвичатыму... не по закону...

Не можу!.. А скупъ узявъ, дакъ те мигъ?.. Не по закону!.. А то по закону, що чужу землю загарбано?

Ходывъ Панасъ и до Рябченка порадытыся: той же такый хытрый, що й бисового батька одурывъ бы. Зъ пекла самъ родомъ, ба—ще тры мыли зъ-за пекла!.. Дакъ и той слебезуе:—Якъ судытыся, то трудно высудыты, бо по закону Грыцько правый. А перечасуй трохы, покы втыхомырытся справа зъ Денысовою покупкою, тоди старшына тоби пособыть.

Пособыть! Уси воны пособляють! Покы було треба, щобъ винъ за ихъ у громади галасувавъ, дакъ воны ёго манылы всякымы обицянкáмы-цяцянкамы, а теперъ дакъ и жданыкамы годуйся, здобрій тымъ, що «перечасуй!» Гарне слово! А якъ же ёму ще «часуваты», колы Грыцько вже зновъ сіе на тій десятыни? И зновъ те буде що й було: посіе, а на той рикъ хлибъ забере. И тоди вже хочъ не кажы, що то ихъ, Панасова та Йванова, нива. Скажуть: та ёму батько іи видказавъ, та винъ уже давно тамъ сіе, та чого тамъ колотнечу заводыты, та те, та се—хыба винъ ихъ не знае? Перечасуй, пособымо! Чортового батька воны пособлють! Не вирыть винъ имъ и крыхты! Бо вже такъ одурыты, якъ воны ёго зъ судомъ одурылы, то вже годи!.. Такъ и тоди буде, и зостанется земля въ Грыцька, а воны, меньши браты, дулю зйидять!..

О, стонадцять ёму болячокъ у печинкы! И винъ оце попустыть тому дурному Грыцькови итакъ изъ себе знущатыся? Попустыть, щобъ оти Йивжыны вышкваркы на ёго батькивщыни хазяйнувалы? А не диждуть бисового заводу вылупкы! Не по-

пустыть винъ Грыцькови верховодыты надъ собою! Ни зроду-звику! Винъ щось выгадае, вымудруе... Тилькы що?

Хочъ бы цей Иванъ бувъ моторнишый! Таке вайло, батигъ зъ клочча, лемишка чортова!... Оце иноди й роспалыться на Грыцька:—Та я ёму!.. та я его!.. Се та те!.. Та заразъ и прохолоне. Такъ такы просто й каже:—Та може бъ мы вже се облышылы, брате?—Облышылы! Якъ се можно облышыты?! Що жъ це—копійка тоби, чы пъятакъ пропадае? Це жъ земля, це *ажъ десятына* земли! Де жъ такы выдано, щобъ землю зъ рукъ пускаты? Та теперъ коженъ за землю и рукамы й ногамы й зубамы держыться! Надъ кожною грудочкою трусыться. А якъ полоднишае, то ще гирше буде. А у ёго жъ, у Панаса, сыны, та й Ивана ціеи осены мабуть женыты, то й тамъ же не безъ дитей буде. И всимъ треба буде земли! Де жъ воны іи наберуть, колы й тіею нещасною десятыною поступлются тымъ клятымъ выплодкамъ Грыцьковымъ? Та ще хочъ бы ёго, а то ще й іи, тіеи задрипанои захвóйданкы, тіеи пройды Йивгы! Чы то жъ изъ розумомъ воны будуть, колы пустють зъ рукъ такый шматокъ земли?

Ни зроду-звику!

Та що робыты? Слóва Грыцько не слухается, позывавъ—не пособылося. Нехай же послухается кыя, колы не слухается кыва! Ій-бо! Пійматы ёго та видлататы такъ, щобъ ажъ ребра кризь шкуру повылазылы, то винъ тоди вже не пиде сіяты на чужій земли. Та й тутъ перешкода! Самъ того не зробышъ, а сёго дурня Йвана хыба нахылышъ? А добре було бъ!

Можно такъ изробыты: застукаты ёго десь самого и быты, ажъ покы запрысягнется й земли зйисть, що поступыться тіею десятыною. Тоди вже гараздъ буде: разъ, що боятымется, щобъ знову не быто, а друге: якъ запрысягнется, земли зйившы, то такои прысягы нихто не зламае. Тоди вже певне не встряватыме въ цю земдю. Тилькы такымъ робомъ и можна щось удіяты, а иншого й способу нема. И нехай соби тамъ Иванъ якъ хоче, а мусыть на се прыстаты. А колы не хоче, то ось що: черезъ ёго въ Панаса пропаде пивдесятыны земли (бо тую, що въ Грыцька, воны на двохъ подилылы бъ),—ну, то хай

Иванъ поступытся ёму пивдесятыною зъ своеи часткы, дакъ тоди вже Панасъ и облышыть цю справу. Тилькы не поступытся винъ, ни! Ну, то мусыть прыстаты до ёго выгадкы.

И Панасъ заходывся биля Йвана...

У недилю въ Чорновуси бувъ храмъ. Грыцькова Йивга, однисшы свого сына до сестры, пишла туды ще звечора: тамъ булы въ неи родычи, дакъ вона мала въ ихъ переночуваты. Грыцьковы диты дуже намагалысь, щобъ и ихъ узяты на храмъ. Де жъ такы! той храмъ давно вже имъ снывся! Сусидына дивчынка Прися тамъ була и розсказувала имъ про все: що тамъ ярмарокъ, а на ярмарку таки велыки пряныкы продають: рыбы золотопери, кони таки здорови-здорови:—хочъ йижъ,—хочъ верхы сидай!.. и вси золотоголови!... Ище продають намыста́ и стричкы, и кругъ церквы зъ о́хрестамы ходють, и въ іи сестры,—іи сестра въ Чорновуси жыве,—дакъ, Боже, гарнымы пампушка́мы іи нагодовано!.. а ще продають рижкы—солодки!.. и свыстуны, и сопилкы... Та хлопцямъ кращого надъ золотоголови кони не було. Ти кони имъ уже й снылыся. А дивчынци мріялыся таки довги стричкы, що ажъ до пъятъ, и рижкы... вона дуже любыла рижкы!.. Ой прохалы жъ воны мачуху, щобъ узяла! Дакъ де тамъ!.. Та якъ вона пишла, воны вси до татка: нехай винъ ихъ одведе до титкы: вона добра, вона ихъ забере на храмъ. Титка, Грыцькова сестра, була справди добра людына. Побачывшы таку купу дитей, вона спершу сплеснула рукамы, а потимъ наважылася забраты на визъ и свои диты й Грыцьковы та й повезты всихъ на храмъ—отъ, нехай уже дитво́ра побавыться. Семеро дитей счыпылы зъ радощивъ страшенный галасъ, и Грыцько такъ и покынувъ своихъ на ничъ у сестры, бо другого дни треба було йихаты рано, то титка й зоставыла въ себе небожятъ. Грыцько давъ кожному по дви копійкы на кони золотоголови, рыбы золотопери, рижкы, бублыкы, намыста́, стричкы́ та всяки инши ласощи й окрасы, що мріялыся бидолашнымъ дитямъ пры словахъ «храмъ» та «ярмарокъ».

Грыцько вернувся додому самъ. Упоравшыся зовсимъ по хазяйству та повечерявшы, винъ ище не мигъ спаты. Сивъ за сто-

ломъ и замыслывся. Въ хати була тыша. Ажъ чудно стало Грыцькови, що то завсигды повна хата дитей, а теперъ такъ тыхо. Посыдивъ трохы, а тоди, знявшы зъ стины й поставывшы на стилъ погане́ньку жерстяну лямпочку, що ледви блымала своимъ вузенькымъ кгнотыкомъ, розгорнувъ передъ нею кныжку. Винъ одъ Зинька вже навчывся всихъ литеръ, умивъ зъ ихъ и слова чытаты, тилькы ще дуже важко ёму було вымовляты все слово вразъ и розбираты щó воно сáме за слово. Отъ и теперъ винъ ніякъ не мигъ прочытаты щó воно выходыть изъ оцихъ литеръ: *с-т-а-р-о-с-т-а*. Вымовыть кожну литеру, а циле ніякъ не складается Довго мудрувавъ ажъ покы домудрувався: *старосты*. Зрадивъ и схотивъ ще разъ прочытаты. Та заразъ же помитывъ, що на пры кинци стоить *а*, а не *ы*,—выходыть, шо не *старосты*. Заходывся коло того слова знову, довго мордувався, ажъ покы такы вычытавъ:

— Староста! Онъ що! Староста—той, що видъ парубка ходе дивчыну свататы. Ловко! Ну, дали!

И почавъ чытаты дали, тяжко працюючы надъ кожнымъ словомъ, що ажъ питъ ёго проймавъ. Та бувъ радый зъ тіеи праци, певный, що вона дасть ёму колысь те, чого винъ шукае: бильше розуму, краще жытте. Вирывъ, що абы подужавъ розбираты кныгы, то вже зъ ихъ винъ вычытае все, все, що ёму треба: и якъ по закону боронытыся видъ лыхого напасныка, и чы мають право браты́ въ ёго землю видниматы, и видкиля цей свитъ узявся, и що Хрыстосъ людямъ казавъ, и все, все! Кныга здавалась ёму чымсь велыкымъ и ве́лыко поважнымъ, джереломъ усіеи, яка тилькы може буты на свити, наукы, премудросты й правды...

Вразъ винъ почувъ, що нибы щось тыхо ступае въ ёго пидъ викномъ. Прыслухався,—ничого не чуть. Винъ знову схылывся до кныгы, але ще й слова не прочытавъ, почувъ що синешни двери стыха видчынылыся.

— Чы не Зинько йде?—подумавъ Грыцько.—Дакъ ни,—винъ казавъ, що сёгодни ёму не можно.

Тыхо видчынылыся двери въ хату и на порози ставъ Панасъ, и Грыцько догадався, що другый, за имъ у темряви, бувъ,

Иванъ. Грыцькови стало моторошно. Ни слова не кажучы, воны кынулыся обыдва, вхопылы ёго й почалы крутыты ёму рукы назадъ.

— Панасе!.. Иване!.. братикы!.. що се вы робыте?

Винъ сылкувався пручатыся, але ничого не мигъ зробыты проты двохъ такыхъ здоровыхъ. Мовчкы й швыдко воны вытяглы ёго зъ-за столу, скрутылы назадъ рукы й зъязалы вирёвкою. Тоди положылы ёго на спыну до-долу.

— Слухай!—промовывъ Панасъ, достаючы зъ пидъ свыты сокыру,—тилькы пыснешъ, тилькы крыкнешъ, такъ тоби цією сокырою й розваляю голову. Розумієшъ? Мовчы жъ!

Грыцько мовчавъ, збентеженый, зляканый, тилькы дывывся на ихъ шыроко росплющенымы очыма.

— Затуляй викна!—звеливъ Панасъ Иванови.

Одынъ ухопывъ Грыцькову свыту, другый чумарку й рядно и позатулялы тры невелычки виконця. Тоди посидалы на лави, а Грыцько зъязаный лежавъ доли середъ хаты.

— Слухай же ты,—озвався до ёго Панасъ,—чого мы до тебе прыйшлы! Одступысь одъ земли!

— Не видступлюсь,—одказавъ Грыцько.

— Дослухай спершу! Видступысь одъ земли, запрысягнысь, що не займатымешъ бильше іи и не позыватымешъ насъ и никому не скажешъ про те, що мы въ тебе булы! Запрысягнысь передъ иконою и святою землею! Иване, знимы икону!

Иванъ полизъ до божныка и знявъ. Панасъ узявъ икону въ ёго и пидійшовъ до Грыцька.

— Ось икона,—прысягайсь!

— Не запрысягнусь.

— Слухай, Грыцьку!—загомонивъ Панасъ,—ёго вже обнималы лютощи.—Слухай та помиркуй про те, що я заразъ тоби казатыму, добре помиркуй, щобъ потимъ не жалкувавъ. Колы ты заразъ не запрысягнешся,—мордуватыму тебе доты, ажъ покы скорышся. Подумай про це, да тилькы не довго, бо я довго не ждатыму.

Винъ положывъ икону на стилъ, а самъ сивъ на лави. Иванъ стоявъ у порога, похнюпывшысь. Грыцько мовчавъ, тилькы важко дыхавъ. Страшно блиде облычче ёго здавалося мертвымъ.

— Ну?—попытавъ нарешти Панасъ.

— Не запрысягнусь...—хрыпко ледви вымовывъ Грыцько.

— Дакъ брешешъ-же! запрысягнешся!..—скрыкнувъ Панасъ, зирвався зъ мисця й кынувся до Грыцька. Ухопывшы за налыгачъ, що имъ зъязано було тому рукы, винъ звивъ ёго на ногы и тоди видразу штовхнувъ, кынувъ до-долу. Безщасный упавъ, але заразъ же Панасовы рукы знову звелы ёго та й знову кынулы. Важко вдарывшысь объ доливку, Грыцько застогнавъ.

— Квокчешъ!—лютуючы гарыкнувъ Панасъ и все пидводывъ и кыдавъ ёго, пидводывъ и кыдавъ.

— Брате!—прохрыпивъ нещасный.—Брате!..

Панасъ прыпынывся.

— Ну?

— Змылосердься!..

— Запрысягнешся?

— У мене диты мали...

— Запрысягнешся?

— Брате! есть же Богъ на свити!.. Винъ же все бачыть!.. Винъ покарае... Брате, змылосердься!—на губахъ у ёго зачорнила кровъ.

— Запрысягнешся?

— Ни.

— Дакъ на́ жъ тоби...

Панасъ изнову вхопывъ ёго за налычагъ и зъ усіеи сылы штовхнувъ ище разъ. Грыцько впавъ головою просто на рижокъ скрыни, вдарывся объ ёго и тоди зсунувся внызъ, до-долу, лигшы ныць.

— Ну, ты, повертайсь!..

Панасъ копырснувъ ёго ногою й перекынувъ на спыну. Тило простяглось безъ жыття, голова закынулась назадъ.

— Ну, вдовольнывся? Кажы теперъ—що надумавъ?

Грыцько не озывався. Тило не ворушылось.

Иванъ увесь часъ стоявъ, немовъ скамъянилый. Не мигъ ворухнутыся, ступнуты, озватыся. Мовъ хтось ёго скувавъ, прыгнитывъ. Теперъ, ледви вымовляючы слова, сказавъ:

— Винъ мертвый...

— Мовчы, дурню!—видказавъ Панасъ, а тоди зновъ удався до Грыцька.—Ну, ты, кажу тоби,—не выгадуй, а озывайся! Чуешъ? А то я тебе зведу!

И винъ зъ усіеи сылы вдарывъ ёго чоботомъ у бикъ. Грыцько мовчавъ.

— Уставай, кажу тоби!—крыкнувъ Панасъ несамовыто.—Уставай! уставай! уставай!..

И за кожнымъ «уставай» винъ бывъ ёго зъ усіеи сылы въ бикъ чоботомъ, ажъ посувалось тило но хати, але не выявляло жыття. А Панаса обняла лютисть, страшна лютисть на се бездушне тило за те, що воно вже бездушне, що воно не ворушыться, не озывается. Винъ не хотивъ сёму няты виры, винъ мукою хотивъ прымусыты Грыцька выявыты жытте, розвіяты ёго, Панасивъ, страхъ. И винъ бывъ ёго, топтавъ ногамы, не розуміючы вже й самъ що робыть, и хрыпивъ:

— Уставай! уставай! уставай!

Иванъ стоявъ биля дверей, спидни щелепы ходылы въ ёго ходоромъ, винъ увесь трусывся, а все не мавъ сылы ступнуты, ворухнутыся. Тилькы стоявъ и дывывся божевильнымы очыма.

— Уставай! уставай! уставай!

Але винъ не встававъ.

Нарешти Панасъ зупынывся, знеможенный, важко дыхаючы... Стоявъ, стыснувшы кулакы, и дывывся на мертвого брата. Тоди вразъ мовъ схаменувся, нахылывся до Грыцьковыхъ грудей, прыпавъ до ихъ ухомъ...

Груды не дыхалы.

Помитывъ на голови, на выску, чорну пляму, ямку, саме въ тому мисци, де вдарылася голова объ гострый рижокъ зализомъ обкованои скрыни.

Панасъ пидвився й повернувся до Йвана:

— Слухай, ты! Колы ты мени хочъ словечкомъ кому пробовкнешся, що мы тутъ булы, то буде й тоби те, що ёму!

Хотивъ иты, але завернувся, сивъ на лави, ставъ думаты. Нарешти озвався до Йвана:

— Пиды въ сины, знайды тамъ вижкы, перекынь ихъ черезъ трамокъ.

Иванъ не йшовъ, а стоявъ, трусючысь.

— Ну, йо́лопе! Чого стырчышъ? Иды, кажу тоби!

Иванъ выйшовъ. Покы винъ тамъ порався, Панасъ розъязавъ Грыцька. Тоди вытягъ трупъ у сины, вынисъ туды й лямпочку. Перекынути черезъ трамокъ вижкы вже телипалыся середъ синей. Панасъ завъязавъ на одному кинци петлю, взявъ пидъ пахвы Грыцькове тило, пидтягъ пидъ вирёвку и надивъ трупови на шыю петлю.

— Тягны!

Иванъ узявся за другый кинець вижокъ. Вирёвка шморгнула черезъ трамокъ, трупъ пидвився головою. Панасъ пиддавъ ёго. Трупъ заколыхався надъ землею, вытягшыся ввесь, рукы повыслы, голова нахылылась наперед.

— Я подержу ёго такъ, а ты по драбыни злизь на трамокъ, завъяжы тамъ вижкы.

Панасъ державъ трупъ, а Йванъ прыставывъ драбыну, полизъ на трамокъ и завъязавъ вижкы. Тоди Панасъ одійшовъ.

Трупъ заколыхався середъ синей.

Панасъ узявъ за руку Йвана и, якъ дытыну, вывивъ изъ синей.

Лямпочка, покынута въ куточку на водянци, блымала помалу тьмянымъ свитомъ, освичувала сины, а середъ ихъ—трупа зо звыслымы рукамы.

Винъ ще колыхався ривно й тыхо: ра—азъ... ра—азъ...

VI.

Хто винен.

У недилю рано вранци Зинько лаштувався йихаты на ярмарокъ у Чорнóвусъ. Оглядився, ажъ нема того лантуха, що треба було взяты зъ собою. Почавъ бувъ шукаты та й згадавъ, що ёго позычывъ Грыцько ще на тому тыждни та доси й не вернувъ. Було ще рано, и Зинько пишовъ по лантухъ до Грыцька.

Одчынывъ дверы въ сины и побачывъ, що середъ ихъ высыть чоловикъ, спустывшы рукы й нахылывшы наперед голову.

— Що воно?—подумавъ Зинько, не зрозумившы щó саме бачыть.

Прыступывъ блыжче, пизнавъ Грыцька, побачывъ вирёвку на шыи.

— Грыцько повисывсь!—промайнуло ёму въ голиви.

Винъ скочывъ, щобъ пособыты, щобъ зняты, и доторкнувсь до рукъ холодного трупу. Пособляты було никому: Грыцько бувъ мертвый.

Зинько кынувся зъ синей. Ледви выбигъ, побачывъ, що въ двиръ увиходыть сусида Грыцькивъ, Юхымъ.

— Грыцько повисывсь!—крыкнувъ ёму Зинько.

Той, чы не дочувъ, чы не мигъ ище зрозумиты такои надзвычайнои речы, и спытався:

— Що ты кажешъ?

— Грыцько повисывсь,—кажу.

Юхымъ спынывся враженый.

— Якъ то повисывсь? Чого?

— Не знаю... Высыть мертвый у синяхъ...

— Та ну?

— Иды глянь!

Воны вдвохъ пидійшлы до синей. Юхымъ глянувъ.

— Оце, не дай, Боже!—промовывъ перехрестывшысь.—Ходимъ швыдче до волости та скажемо!

Юхымъ не схотивъ переступаты й синешного порогу. Прычынылы двери и заразъ же вдвохъ пишлы до волости. Тамъ не було никого, тилькы сторожъ. Послалы ёго по врядныка та по старшыну. Врядныкъ жывъ поблызу и прыбигъ швыденько. Покы воны розсказалы ёму справу, прыйшовъ и Копаныця. Розсказалы й тому. Старшына гукнувъ на сторожа, щобъ бигъ по пысаря, а самъ, лаючысь, що не доведется побуты на ярмарку, пишовъ зъ урядныкомъ, зъ Зинькомъ, зъ Юхымомъ та зъ понятымы до Грыцьковои хаты.

Тымъ часомъ чутка про подію вже роскотылася селомъ, а надто, що люде бачылы, якъ волосни, зъ юрмою людей, ишлы до Грыцьковои хаты.

Оглянувшы тило, урядныкъ изъ старшыною поставылы биля ёго двохъ десятныкивъ, щобъ никого не пускалы туды, а самы пишлы до волости. Тамъ уже бувъ пысарь, и воны заходылыся пысаты про страшну прыгоду слидчому, становому та ликареви. Незабаромъ двое поштаривъ уже бигло верхы, везучы тіи звисткы. Зинькови та Юхымови звелено сыдиты дома й дожыдатыся покы ихъ поклычуть на допытъ.

Тымъ часомъ Рябченко йихавшы на ярмарокъ, пройиздывъ прозъ Грыцькову хату. Побачывъ у двори натовпъ народу, найбильше жиноты. Люде тыслыся до хаты, та два десятныкы зъ ломакамы стоялы биля дверей и не пускалы никого.

— Що воно за знакъ?—подумавъ Рябченко и прыпынывъ коня.

— А слухай, Ёсыпе!—гукнувъ до чоловика, що саме въ той часъ выходывъ зъ двору.—Чого се тутъ такый тыскъ народу?

— А хыба ты не чувъ? Грыцько повисывсь... чы повишено ёго... хто ёго зна!..—видказавъ той та й пишовъ соби вулыцею.

— Що це?—подумавъ соби Рябченко.—Чы не здуривъ цей Ёсыпъ?

Одначе вставъ зъ воза, прывъязавъ коня до воритъ и ввійшовъ у двиръ. Десятныкы не пустылы ёго въ сины, та винъ зъ порогу побачывъ мертвого и помитывъ кровъ на сорочци.

— Ну, се штука!—думавъ винъ, идучы назадъ до свого воза.—Се не Грыцько самъ коло себе поравсь, а хтось иншый, бо чого бъ же була кровъ. Се така штука, що мабуть хай покы ярмарокъ пидожде, а я пиду лышъ до волосты.

Ударывъ коня й побигъ швыдко. У волости бувъ уже самъ старшына, бо врядныкъ шатнувся по селу—чы не довидается чого про подію, а писарь такы хотивъ хочъ однымъ окомъ глянуты на ярмарокъ покы попрыйиздять паны,—тымъ и метнувся мерщій до-дому. Копаныця лютуючы ходывъ по волости и соби лагодывся йты до-дому, хочъ на ярмарокъ уже не думавъ йихаты, бо ликарь та слидчый моглы прыбигты й швыдко.

— А що, Грыгоріе Павловычу, бачылы?—спытався Рябченко, поздоровкавшысь.

— Та бачывъ, бачывъ,—бодай бы й ёго, и того, хто се зробывъ, чорты побачылы, якъ мени черезъ це ярмаркуваты не доведется! Хто вбывъ, а я одвичай!—одказавъ сердыто Копаныця.

— А хыба не самъ Грыцько зависывся?—попытавъ Рябченко.

— Де жъ тамъ самъ, колы голову пробыто!—видказавъ старшына.—Убывъ хтось, а тоди й повисывъ, мовъ бы то самъ Грыцько.

— Хм... Воно й мени такъ издалося... Дакъ, кажете, дуже треба на ярмарокъ?

— Такъ треба, що ажъ крычыть!—лютувавъ Копаныця.

Але Рябченко не зважавъ на те.

— Ну, зъ ярмаркомъ якось помырымося... А се таке дило, таке дило, що...

— Що-що?—спытавъ роздратованый Копаныця.

— Що може за ёго й два ярмаркы самохить оддасте, не то одынъ!—одказавъ Рябченко.

Чого жъ то такъ?

— А отъ давайте спершу роспытаемося! Якъ на вашу думку, Грыгоріе Павловычу, чые бъ се могло буты дило?

— Хм... хм...—закрутывся той на стильци.—Катъ ёго знае!.. Усе въ хати цило, ничого не пограбовано... Се не чужый чоло-

викъ, не злодіяка якый, а такъ... зъ своихъ чоловикъ... Хтось изъ Грыцьковыхъ ворогивъ.

— И я такъ думаю,— потакнувъ Рябченко,—що хтось изъ Грыцьковыхъ ворогивъ.—Та хто жъ?

— А мара ёго знае? Хыба вгадаешъ? И туды думка, и сюды думка... А въ тимъ... Глядить, чы не бративъ се дило? Воны жъ изъ имъ усе заводылыся...

— Що заводылыся, то заводылыся, а такы я на ихъ не думаю... бо все жъ такы воны ёму браты, то не зробылы бъ такого... Тутъ треба чужого чоловика шукаты.

— Ну, а яки жъ ище булы въ Грыцька ворогы?—згадувавъ Копаныця.—Здается, що й не було...

— А хто ёго знае... Хыба мы вси ёго справы видаемо? Може жъ и булы... А скажить, хто першый убытого Грыцька побачывъ?

— Та Зинько жъ Сывашенко.

— Хм... И не сусида ёму, а першый побачывъ... Сусиды ще не кынулысь, а винъ уже й побачывъ...

— Та й Юхымъ же слидкомъ за имъ, бо винъ,—каже,—въ двиръ, а Зинько зъ синей.

— Ото жъ то й то, що Зинько зъ синей! А якъ на вашу думку, Грыгоріе Павловычу,— мабуть той, хто першый побачывъ той найбильше й зна про це дило?

— То бъ то—щобъ Зинько?—здывувався Копаныця.

— А що жъ? Хыба Зинько такый святый, що не може цёго зробыты?

— Та ни... а тилькы не впада на ёго... На що бъ ёму се робыты?

— На що? Хе!—засміявся Рябченко.—Ну, скажемо такъ: ходыть Зинько до Грыцьковои молодыци,—це жъ вы чулы.

—Та чувъ... Про це по всёму селу плещуть...

— Ото жъ: ходыть до Грыцьковои молодыци. Ну, а шыла въ мишку не втаишъ, колы вже все село ёго бачыть. Побачывъ ёго й Грыцько.

— Ну?

— Ну, то якъ вы думаете: чы то ёму дуже вподобалося, що ёго жинка въ гречку скаче?

— Та ни... Дакъ що жъ?

— Якъ то—дакъ що жъ? Хыба вамъ цёго мало?

— Та я не розберу чымъ воно прытуляется до сёго душогубства.

— Оттакои! Ну, скажемо такъ: полизъ Зинько ныщечкомъ до Йивгы, а натрапывъ на Грыцька.—Ты чого?—Я—не я, я—такъ соби!..—А, дакъ ты до моеи жинкы,—на́ жъ тоби!.. И завелысь!.. Ну, куды жъ Грыцькови проты Зинька?.. та ще може винъ удвохъ изъ Йивгою на ёго? Бехнулы ёго добре, дакъ той и лигъ.

Старшына дывывся на Рябченка здывованымы очыма й мовчавъ. Нарешти озвався:

— Глядить, що й прыходытся... Ну, а якъ же не винъ?

— Ну, дакъ що? А якъ не винъ, то й не осудють ёго. Посыдыть трохы на царській кватыри та й выйде. А покы винъ сыдитыме, дакъ мы вси свои справы такъ пидкрутымо, вже ёму ходу не буде, хочъ бы й вернувся. Вамъ же треба на ёго доказателство постачыты? Оце жъ и воно.

Копаныця ажъ изъ мисця зирвався.

— Ну й мытець изъ тебе, Яхреме Семеновычу! Отъ мытець!.. Це штука!.. Та се й мисяць у голови длубатыся, то такои штукы не выдлубаешъ! Це справди, що за для такого, дакъ можно начхаты й на ярмарокъ. Ну, якъ увъ око влипывъ! Именно, именно, именно такъ! Попався, голубчыку, попався! Не выкрутышся!

— Стрывайте лышъ, Грыгоріе Павловычу, не радійте бо видразу такъ дуже! Бо се, бачыте, мы зъ вамы такъ говорымо, а якъ про се слидствуватель скаже?

— Слидствуватель? Та тамъ таке молоде та дурне, що ёму що хочете можно въ голову натурчаты. Я ёму таке подозриніе накрутю,—отъ побачыте!.. А вы, Яхреме Семеновычу, тымъ часомъ пидить та чоловика чотыри хочъ направте такыхъ, щобъ воны на нашу ручъ казалы, та вкупи зъ имы й прыходьте до волости, якъ слидствуватель прыйиде.

— Гаразд. Тилькы треба ще такъ пыльнуваты, щобъ уже нихто не выскочывъ у свидкы такый, що на иншый бикъ хылытыме... Щобъ нихто не згадувавъ, сказаты, про сварку зъ братамы... Бо якъ слидствуватель про се довидается, то щобъ ище въ той бикъ не повернувъ... Дакъ треба такыхъ назадъ, назадъ!..

— Зибъемо й назадъ!—одказавъ Копаныця.—Се добре, що вы нагадалы: буду пыльнуваты.

Писля полудня прыбигъ слидчый зъ ликаремъ. Не спыняючысь у волости, звеливъ старшыни везты себе до Грыцьковои хаты. Старшына прымостывся на передку зъ поштаремъ, и вси поторохтилы туды, а врядныкъ пидтюпцемъ побигъ за имы. Слидчый не хотивъ ничого роспытуваты, ажъ покы самъ побачыть убытого. Винъ бувъ дуже молодый и дуже певный, що вміе росплутуваты найзаплутаниши справы. Найсамперед узявъ соби до ввагы «обстанову злочынства». Выдыма ричъ, що Грыцько не самъ зависывся, а вже мертвого ёго повишено. Кровъ на сорочци, пробытый высокъ, усе тило побыте,—выдно видразу що воно було. Була якась боротьба, покійныкъ за жыття нибы змагався, бывся зъ кымсь, вельмы дужчымъ за себе, и той ёго помъявъ, понивечывъ. Хто се зробывъ? Зъ хаты не взято ничого. Выходыть, що се зробывъ не злодій, а такый чоловикъ, що ёму жыття Грыцькове було на завади, ворогъ убытому.

— Старшына!

— Издесь, ваше высокоблагородіе!

— Що сей... Грыгорій Момотъ... якъ винъ: ладнавъ зъ людьмы? Не було въ ёго якыхъ ворогивъ, або що?

— Хто ёго знае, ваше высокоблагородіе, — здается, не чуть було...—якымся непевнымъ голосомъ одказавъ старшына.

— Бреше! выдымо бреше! Сылкуется покрыты справу,— подумавъ слидчый, бо мавъ таку гадку, що слидчый завсигды мусыть никому не няты виры, тилькы соби самому,—тоди найшвыдче збагнешъ справу. И винъ сказавъ:

— Якъ же се такъ? Чоловикъ завсигды мае ворогивъ,—безъ цёго не можно. Колы не винъ, дакъ жинка.

— Хыба, що черезъ жинку... Се именно, ваше высокоблагородіе, що черезъ жинку... бо жинка... звисно... вона...

Копаныця плутавъ умысне, мовъ не хотивъ выказуваты, а слидчый думавъ:—Брешешъ! не выкрутышся!..

— Ну, кажы жъ! Чого ставъ? Хто зъ имъ черезъ жинку ворогувавъ?

— Та тутъ одынъ чоловикъ... Зинько Сывашенко...

— А черезъ що жъ винъ ворогувавъ?

— Та якось и казать ніяково, ваше высокоблагородіе... Воно... такъ, бачыте...

— Не мны ото языкомъ, а кажы просто!—крыкнувъ слидчый.—Мени треба все по правди казаты,—якъ батюшци на споведи!

— Та що жъ... ваше высокоблагородіе й самы вже бачыте... Що жъ вамъ уже й казаты?.. Звисно, Зинько Сывашенко та злыгався зъ Грыцьковою жинкою Йивгою,—ну, черезъ те въ ихъ и ворожнеча була... Це все село знае...

— Такы выказавъ! Оттакъ ихъ треба ловыть!—подумавъ радіючы слидчый и додавъ голосно:—Бачъ, усе село знае, а ты думавъ одъ мене сховаты!

— Простить, ваше высокоблагородіе, я не догадавсь, що вамъ про таке дило треба знаты,—видповидавъ Копаныця, спускаючы очи додолу та покирненько кланяючысь.

— Не догадавсь! Вы вси таки, що не догадуетесь, покы ажъ прымусышъ васъ догадатыся! Ну, гляды жъ, щобъ теперъ мени все по правди казавъ! Самъ Грыгорій Момотъ—знавъ про це?

— Спершу—ни, а тоди вже, якъ усе село знало, то не инакъ, що й винъ довидався... Ну й сердывся здорово покійныкъ на жинку...

— Ну?

— Сварылыся часто... Бо вона за тымъ Зинькомъ пропадала... Оце той самый, що первый побачывъ сёгодни вранци вбытого...

— Ахъ, дакъ се той самый!—сказавъ слидчый, а выслухавшы, що сусида Юхымъ зострывъ Зинька, якъ винъ выходывъ одъ убытого, подумавъ:

— Ну, теперъ выдыма ричъ: злочынцивъ тягне на те мисце, де злочынство вчынено... И дитей одведено, щобъ не булы на завади...

Винъ почавъ роспытуваты Копаныцю дали и «такы ирымусывъ» ёго сказаты, що винъ ни на кого не думае, тилькы на Зинька.

— Такъ ихъ ловыты! такъ!—думавъ слидчый и звеливъ старшыни прывесты Зинька, Юхыма, Йивгу, та ще килькохъ свидкивъ, якыхъ простисинько пидказавъ ёму «нехотя» моторный Копаныця. Тымъ часомъ ликарь скинчывъ свою справу, и воны вдвохъ подалыся до волости,—допытуваты свидкивъ.

Свидкы вже булы тамъ готови. Йивгы самои ще не було зъ Чорновусу: ніякъ не моглы ій тамъ изнайты.

— Дило просте!—думавъ соби слидчый, сидаючы за стилъ.— Одынъ зъ грубыхъ сильськихъ романивъ та й годи. Ну, треба трошкы напружыты нервы въ героя сёго роману,—тоди легше буде ёго пійматы. Облышымо жъ ёго на самъ кинець, на закуску.

И почавъ допытуваты Юхыма.

Свидкивъ усихъ добрано такыхъ, що воны въ одынъ гужъ тяглы. Де дали, слидчый упевнявся все дужче й дужче, що винъ ніякъ не помыляется. Найбильше—Рябченкове свидченне подавало ёму сылу дрибныць, зъ якыхъ можно було скласты щось суцильне, и те суцильне зовсимъ обвыновачувало Зинька.

Винъ хотивъ бы допытаты ёго навить писля Йивгы, та Йивгы все не було. Доводылось заходытыся спершу коло ёго.

— Зиновій Сывашъ!

Зинько давно вже дожыдався на волосному рундуци своеи чергы и трохы дывувався, що всихъ допытано, а ёго такъ довго держать. Зрадивъ, якъ нарешти почувъ свое призвыще. Увійшовъ у волость, уклонывся двомъ панамъ, що сыдилы за столомъ, и ставъ биля дверей.

— Ты Зиновій Сывашъ?—спытався слидчый.

— Я.

— Пидійды блыжче!

Зинько пидійшовъ.

— Блыжче, ще блыжче! Ажъ сюды!

Зинько пидійшовъ ище блыжче.

— Дакъ ты—Зиновій Сывашъ...—сказавъ ище разъ слидчый, вымовляючы слова зъ протягомъ та зъ прытыскомъ и гостро дывлючысь на Зинька.—Дакъ онъ якый ты Зиновій Сывашъ!.. Скажы мени: се ты першый побачывъ убытого?

— Я.

— И ты знаешъ хто ёго вбывъ?

Зинько пиднявъ угору бровы зъ дыва.

— Ни, не знаю,— видповивъ.

— Ну, не знаешъ, дакъ не знаешъ. Добре! А розскажы, якъ ты ёго побачывъ!

Зинько почавъ розсказуваты. Слидчый слухавъ и дывывся, не одводючы одъ ёго очей и мовъ трохы всмихаючыся глузливо. Зинькови ставало якось ніяково видъ того прыкрого погляду й видъ того незрозумилого усмиху. Се ёго збентежувало, и збентежинне видбывалось ёму й на облыччи.

— А бачъ!—думавъ соби, радіючы, слидчый,—уже ёму ніяково стае видъ мого погляду, вже почавъ плутаты. Стрывай, голубчыку,—я тебе ще й не такъ прыпечу!

— Такъ!—промовывъ винъ у голосъ, якъ Зинько доказавъ свое.—А теперь ось що скажы: чы до сіеи ночи Грыцько Момотъ знавъ, що ты ходывъ до ёго жинкы?

Зинько шыроко глянувъ на слидчого. Винъ спершу здывувався, потимъ обурывся и видказавъ изгорда.

— Цёму неправда! Я ёго жинкы не займавъ и николы до неи не ходывъ.

— Справди?—глузливо запытавъ слидчый.—А ось заразъ ін прыведуть, то мы и въ неи роспытаемося, чы що тамъ у васъ було, чы не було. А покы я тоби щось вычытаю.

И винъ почавъ вычытуваты Зинькови коротеньки урывочкы зъ того, що казалы свидкы:

— Терентій Тонконоженко выказавъ, що ты зъ Йивгою Момотовою жывъ, якъ чоловикъ изъ жинкою... Мыхайло Сучковъ... выказавъ, що про це все село знае... Старшына Грыгорій Копа-

ныця те саме... Захарій Забигайко бачывъ не разъ, якъ ты вночи йшовъ одъ ій хаты... Ефремъ Рябченко,—що бачывъ васъ и піймавъ на вчынку на луци въ вербахъ... Уляна Петренкова—що бачыла васъ удвохъ у саду... Колы хочешъ, я тоби ще прочытаю, та буде й сёго. Що ты на се скажешъ?

— Що це все падлюшна брехня та й годи! Отъ що скажу!

— Ге-ге! якый ты палкый. Ну, теперъ же слухай що я тоби скажу!

Слидчый одхылывся трохы назадъ на стилець, утупывъ свій поглядъ у Зиньковы очи и промовывъ, мовъ одбываючы языкомъ кожне слово:

— Зиновій Сывашъ! Розскажы, за що ты вбывъ Грыгорія Момота!

Хочъ уже зъ того, якъ слидчый зъ имъ поводывся, Зинько бачывъ, що той ніякъ не доймае ёму виры и не знаты на що пытается не про дило, а про Йивгу, але *сёго* пытання винъ ніякъ не сподивався. Воно здалося ёму такымъ чуднымъ та недоладнымъ, що спершу якось навить не злякало ёго. Винъ тилькы шыроко глянувъ и промовывъ:

— Якъ?

— Хыба ты не чуешъ?—удаючы гострого голоса, щобъ уразыты тымъ «злочынця», казавъ молоденькый слидчый.—Я тебе пытаю: за що та якъ ты вбывъ Грыгорія Момота? Самъ, чы вдохъ изъ ёго жинкою?

Тилькы теперъ Зинько цилкомъ зрозумивъ яка на ёго напасть. Ёго пройняло холодомъ, та винъ одмовывъ поважно:

—Пытайте, пане, того, хто се зробывъ, а не мене.

— А хто жъ се зробывъ?

— Не знаю.

— Такъ я жъ знаю!—скрыкнувъ слидчый устаючы.—Знаю и кажу тоби: ты!

И щобъ уразыты бильше злочынця, винъ до голосу гризного ще й показавъ на ёго пальцемъ.

— Ты вбывъ ёго, и я тоби розскажу—якъ Ты прыйшовъ уночи до ёго жинкы, думавъ, що буде вона сама, а зустривъ ёго.

Вы посварылыся, почалы бытыся, и ты вбывъ. Тоди повисывъ, щобъ подумалы, що самъ Момотъ повисывся. Це все я дуже добре знаю й безъ тебе. А теперъ мени треба знаты тилькы оце: чы ты самъ ёго вбывавъ, чы вдвохъ изъ Йивгою Момотовою? Ну, кажы,—якъ? Самъ, чы зъ нею? Ну!

Слидчый стоявъ передъ Зинькомъ, гизно впываючысь у ёго очыма. Зинько, трохы тремтячымъ голосомъ, одказавъ:

— Ни самъ, ни зъ нею. Ничого сёго не було, а колы хто вамъ и сказавъ, то той брехунъ та й годи! Даремне вы, пане, нападаетесь на мене... Я не выненъ ничымъ,—шукайте выннoго де-инде.

— Добре! мы знаемо де шукаты,—промовывъ глузливо слидчый.—Урядныкъ! арештуваты ёго й видислаты въ городъ!

Урядныкъ пидійшовъ до Зинька.

— Ваше высокоблагородіе!—промовывъ Зинько.—За що вы зъ мене знущаетесь? Хто жъ то докаже, що се я зробывъ таке страшне дило? Нихто не може, а вы мене до арешту берете. Се жъ грихъ вамъ одъ Бога буде, що вы невыннoго занапащаете!..

— О, языкатый, языкатый!—казавъ слидчый.—Дарма: посыдышъ трошкы въ острози,—тамъ языкъ тоби прыкоротчають! А за те, щобъ доказаты, не журысь: докажемо! А покы тыхъ доказивъ шукатымемъ, дакъ ты, братику, посыдь! Урядыкъ! выведы ёго!

— Люде добри!—озвався Зинько.—Свидчусь Богомъ, що я не выненъ! Я буду жалобу подаваты, що мене такъ изганьблено й знехтувано!..

— Ну-ну, йды, не роспатякуй!—потягъ ёго врядныкъ изъ свитлыци за рукавъ.

Слидчый сивъ пысаты постанову про те, щобъ арештуваты Зинька.

Покы се робылось у волости, Гаинка вешталась соби по хазяйству и ничого того не знала. Выглядала Зинька й дывувалась, що такъ довго не вертается. Треба було ій воды прынесты,—вхопыла видра й побигла до колодизя. Пидходючы до ёго, бачыла купку жинокъ: воны про щось жваво розмовлялы, а забачывшы ій, заразъ прытыхлы. Вона якъ думала про Зинька, заразъ и попытала:

— Чы вы не булы биля волости, не бачылы тамъ мого чоловика? Якъ пишовъ туды та й нема.

Жинкы глянулы на неи якось чудно, потимъ иззырнулыся промижъ себе. Гаинка здывувалася.

— Що се вы на мене такъ дывытеся?

— Та вона ничого не знае,—промовыла стара баба, а потимъ загомонила до Гаинкы:—Такъ ты ничого й не знаешъ, дочко?

— А що жъ мени знаты?—спыталася Гаинка, дывуючысь та трохы вже злякавшысь.

— Ой нещаслыва жъ твоя доля, дочко! нещаслыва твоя доля!—захытала головою и мало не заголосыла баба.—Та вже жъ везуть твого Зинька, везуть ёго въ городъ до тюрмы!..

— Зинька?.. въ городъ?.. до тюрмы?.. Що се вы кажете, бабо?

— Правду, серденько, правду! Уже й кони запрягають, везуть ёго... бо выявывъ слидчый, що Зинько Грыцька вбывъ.

— Брехня! се брехня!—скрыкнула Гаинка.

Видра брязнулы до-долу, а вона сама полынула вулыцею.

Бигла до волости. «Уже кони запрягають, везуть... везуть»...—се тилькы було въ неи въ голови и было въ голову, якъ молотомъ. Перейняты!.. перейняты, щобъ не повезлы!.. Щобъ поспиты!,.

Бигла такъ, що люде лякалысь, побачывшы ии, та вона того не помичала.

Ось выдко волость... онъ рундукъ... онъ пидвода передъ рундукомъ... люде... Зинька нема...

Вже добигала до рундука, якъ ёго побачыла: выводылы зъ волости зъ изъязанымы назадъ рукамы.

Кынулась до ёго, прыпала, обвылась коло ёго, мовъ хмелыночка. Духъ перебывало, не здужала говорыты, ажъ покы змоглась:

— Що се? на що се? Зинечку, за що се?..

— Кажуть, що я Грыцька вбывъ... Везуть... въ острогъ...

— Неправда! неправда!.. Ты не вбывъ Грыцька... Ни, я знаю, що не вбывавъ!.. За що жъ тебе?.. Такъ не можно!.. Зъязалы.. Ни, не можно!.. Я розъяжу!..

И вона почала розъязуваты ёму рукы.

— Геть, молодыце, не чипай!—сердыто видштовхнувъ ій десятныкъ.

Зинько стоявъ блидый, якъ крейда, не можучы промовыты слова. А вона пручалась у рукахъ у десятныка и казала все тымъ задыханымъ тыхымъ голосомъ, мовъ упевняючы кого:

— Не можно жъ!.. не можно жъ такъ!.. Треба розъязаты!.. Пустить мене!.. я розъяжу... Ёму треба до-дому... Швыдче пустить мене!..

— Одведить ій геть!—почула Гаинка чыйсь голосъ и побачыла на рундуку якогось пана. Зрозумила, що се ёго тутъ сыла й воля. Выхопылася зъ десятныковыхъ рукъ и пидбигла до пана. Зупынылась передъ рундукомъ и, дывлючысь до пана вгору, говорыла:

— Паночку, лебедыку мій!.. Вы жъ бачыте: Зинько жъ не выненъ... Вы жъ знаете,—винъ же не такый, щобъ се зробывъ!.. Ёго треба пустыты,—на що воны ёго зъязалы?

Благала тыхымъ голосомъ, говорыла якъ дытына до велыкыхъ, просючы не караты, змылуватысь.

— Твій Зинько чоловика вбывъ, за те ёго й зъязано!—видказавъ панъ.

— А неправда жъ!.. Такъ грихъ казаты!.. Це вы не знаете Зинька... Винъ добрый... Винъ такый добрый!.. Винъ мылостывый!.. Пустить ёго!..

— Не можно!.. одійды!—звеливъ панъ, додавшы кризь зубы:—Идіотська сцена!

Але вона не видійшла. Упала навколишкы, досягла рукамы ёму до колинъ, дывылась на ёго поглядомъ, повнымъ безмирного благання й слизъ.

— Ой пустить же!.. Пустить, паночку!.. Я за васъ Бога молытыму!.. щобъ Винъ вамъ щастя послявъ... де вы поглядомъ глянете, де словомъ обернетесь... Пустить!.. пустить!.. пустить!..

Вона задыхалась, а рукы тремтючы стыскалы ти невблагани колина. И вразъ почула, що визъ рушае. Зирвалася на ногы, озырнулась,—Зинько сыдивъ уже на вози.

— Прощавай, Гаинко!.. Молысь Богови!..

Визъ рушывъ... Вона кынулась до ёго, та чыись дужи рукы вхопылы іи ззаду, не пустылы. Вона дывылася у слидъ тому возови, якъ винъ поторохтивъ улыцею... докотывся до повороткы... завернувъ... въ останне облычче Зинькове бачыть... зныкъ...

— Охъ!..—промовыла тыхо и впала додолу.

Вже ничого не чула й не бачыла...

VII.

Своя воля!

Рябченкови зъ товарыствомъ була теперъ воля. Зинько вже два мисяци якъ у тюрми и похоже такъ, що й не выйде звидты. Зоставшыся молоде товарыство безъ ёго, прытыхло. Та хыба жъ бы й не прытыхло? Разъ що Зинько зпромижъ ихъ бувъ и найрозумнишый, и найписьменнишый: за ёго порадою всимъ було добре, а теперъ воны не моглы даты справи ніякого ладу. А друге: не було въ ихъ безъ ёго того духу смилого, бадёрого, надійнаго, що винъ якось умивъ надыхаты имъ. Було, одно слово тилькы скаже, то вже такъ и хочется и робыты и добуватыся чого треба, а теперъ не було кому того слова казаты. А найбильше ихъ прыгнічувало те, що черезъ яке дило Зинька въ ихъ нема. Якъ бы винъ просто кудысь пишовъ або пойихавъ, то се не такъ бы було имъ прыкро. Але на Зиньковои страшною хмарою налягло обвыновачення... та ще яке!..

Що правда, товарыши тому не нялы виры и голосно промижъ себе и всимъ це казалы. Найпалкише оступався за ёго Васюта. Винъ навить йиздывъ у городъ, хотивъ одвидаты Зинька въ тюрми, ходывъ до слидчого, прохавъ,—не пущено. Почавъ бувъ упевняты слидчого, що Зинько не выненъ, та той и слухаты ёго не схотивъ, и зъ хаты пишовъ. Васюта вернувся засмученый, але ще дужче сперечався, навить сварывся зъ тымы, хто обвыновачувавъ Зинька. А такыхъ було багато: Рябченко, Копаныця, Тонконоженко та инши таки обвыновачувалы черезъ

те, що имъ того було треба та й вельмы вже воны ненáвыдилы Зинька; инши черезъ те, що звыклы тымъ багатырямъ у всёму потураты й потáкуваты; ще инши тымъ, що завсигды воны ради, якъ йе хто поганишый за ихъ, и завсигды въ ихъ выненъ той, кого обвыновачують; врещти, найбильше було такыхъ, що отъ—уси говорють, то воны й говорылы. И заразъ познаходылыся таки й жинкы й чоловикы, що бачылы, якъ Зинько й до Йивгы ходывъ, якъ и цилувавъ іи. Жинкы найбильше нападалыся на Йивгу. Іи того жъ дня, що й Зинька, посаджено було до тюрмы, та недовго держано, бо незабаромъ выявылося й доведено, що вона ще въ суботу вдень пишла въ Чорновусъ и тамъ ночувала. Та хочъ и вернулася зъ тюрмы, та не на добре: бачыла, якъ іи обмынають люде, чула, якъ про неи плетуть плиткы. А ихъ плетено такъ, що незабаромъ усе село знало, та й дрибненько знало,—колы та якымъ побытомъ Йивга прынадыла Зинька, якъ воны вдвохъ Грыцька дурылы, якъ вона забула перестерегты ёго, що йде на ничъ у Чорнóвусъ, а Зинько прыйшовъ до неи та й натрапывъ на Грыцька; якъ Грыцько зъ имъ засперечався, а дали почалы воны й бытыся, ажъ покы здоровишый Сывашенко такы и вбывъ Грыцька. Це жъ теперъ кожне знало й мале. Доточувано ще й багатó иншого. Одни казалы, що въ Сывашивъ уже симъя така: одынъ коноводъ пишовъ на Сибиръ, другый отъ чоловика вбывъ, а третій такый, що й зъ жывого шкуру дере. А про те, що Зинько жъ повстававъ проты того Денысового шкуродерства, дакъ уже й не згадувано, мовъ того й не було. А те добре згадувано, що Зинько завсигды не такый, якъ люде, бувъ: що стари люде казалы, дакъ те все въ ёго дурныця, брехня, выгадкы, тилькы що въ кныжкахъ поначытуе, дакъ те правда. И про видьмы брехня, и про чорты брехня, и горилкы не пый, и въ громади правды нема,—таке, що й купы не держытся, пивтора людського та й годи! А що вбывъ, то то вже певна ричъ: колы жъ воно все такъ до того прыходытся!

Все до того прыходылося,—се бачылы й молоди товарыши, и це ихъ збентежувало найдужче. Воны не нялы, не хотилы няты тому виры, та навкругы вси якъ одынъ про се говорылы,

вси булы певни... а воно й робыло нагнитъ на ихъ души, а воно й лышало слидъ имъ у серци—непомитно имъ самымъ, а такы лышало. Воны не нялы виры, та й самы не постереглы, що тамъ десь глыбоко-глыбоко, ажъ на дни души, ворушылося страшне пытанне: А що, якъ сёму правда?

Зинько бувъ у ихъ головою, а теперъ усе село закыдае сёго чоловика болотомъ. И частына цёго болота падае нибы й на ихъ, мовъ бы то й воны булы негарни, слухавшыся людыны що сплямыла себе такымъ злочынствомъ. Цёго имъ нихто не казавъ, а якось мовъ бы выдко було ёго по людяхъ...

И все те страшенно прыгничувало духа трёмъ товарышамъ: Васюти, Карпови й Дмытрови. Тилькы трое ихъ теперъ и лышылося. Думка була, що зъ пъятёхъ душъ ихъ товарыство скоро выросте до десятёхъ, до двадцятёхъ и все ростыме, ростыме, ажъ покы визьме гору въ громади, а отъ теперъ и тыхъ пъятёхъ уже нема, тилькы трое... И си трое ходылы засмучени й зридка зиходылысь докупы, а колы зиходылысь, дакъ громадськыхъ справъ уже якось не зачипалы. Не ходылы и въ громаду...

А громадськи справы стоялы погано. Про тую жалобу за продану Денысови землю нихто теперъ и не згадувавъ,—вона вже пишла въ непамъять. Дёнысъ господарювавъ на тій земли якъ справжній хазяинъ. А все ихъ товарыство, вкупи зъ Вавыловымъ, узяло въ поссесію Горянського землю. Теперъ уже громадська земля опынылась у середени: багатырська кóломъ кругъ неи обвылась, и те кóло почынало вже стыскаты громадянъ такы дуженько. Заразъ же побильшано цину за землю ажъ на два карбованци. Дыбляне не схотилы спершу браты, шчынывся велыкый крыкъ. Галасувалы довго и наважылыся попытаты земли въ дальшыхъ панивъ. А ти, дочувшыся, що въ дыблянського товарыства земля подорожчала, прыкынулы цины й соби хочъ уже й не по два, а по карбованцю на десятыны. А якъ зважылы дыбляне, що се за якыхъ двадцять верстовъ треба возыты зъ поля снопы, то й зовсимъ пожурылысь. Побачылы, що воно чы й обійдется панська земля дешевше проты тутешнёи. И заразъ же де-хто, пишовъ та й узявъ землю въ Рябченка, чы

въ ёго полыгачивъ, а побачывшы тее, кынулыся й инши туды жъ. И такъ сталося, що дыбляне, погаласувавшы трохы, такы почалы платыты по два рубли зайвыхъ за десятыну.

Се одно, а тоди выявылось и друге. Де-кому довелося вже въ пылыпивку позычаты грошы. Звычайно бралы на видробитокъ. Думалы жъ, що видробитокъ буде такый, якъ и попереду, ажъ воно ни: побильшано ёго мало не въ пивтора разы. Зновъ де-хто кынувся де-инде пошукаты грошей, та де-жъ ихъ изнайдешъ? Тилькы въ того, въ кого воны йе, а ти вси однымъ духомъ дышуть. Якъ зъ землею було, такъ и зъ гришмы: походылы-походылы, та й повернулыся до своихъ, на все згодывшысь.

Це все обурювало дыблянъ, а де-хто тямущишый почынавъ уже розумиты черезъ вищо Зинько зъ своимъ товарыствомъ такъ повстававъ, щобъ не продаваты Денысови земли. Теперъ уже выдко було выразно те, про що тоди й Зинько ще тилькы догадувався: сымъ продажемъ громада виддала себе до рукъ Денысовому товарыству, бо позамыкала соби вси шляхы й стежкы до земли. Може бъ теперъ, якъ бы Зинько бувъ у громади... Але Зинько бувъ у тюрмы...

Сумувала громада, а Рябченко зъ гуртомъ радилы. Що правда, було й середъ ихъ такыхъ двое, що имъ було трохы ніяково чорезъ подію зъ Зинькомъ. А се булы Денысъ та Гаинчынъ батько. Денысови ніяково було, що одынъ ёго братъ у Сибиру, а другый налагодывсь у тую жъ дорогу; Остапови ніяково, що ёго зять выходыть душогубъ-острожныкъ. Та вже що сталося, те сталося, ёго не переминышъ, и не имы воно сталося, воны тутъ ничымъ не выннн. Хочъ и ніяково такого родыча маты, ну, а зъ того, що ёго до тюрмы запаковано, чому жъ бы й не скорыстуватыся? То воны й корыстувалыся, ще й радилы вкупи зъ иншымы, що въ громади стало имъ теперъ просторо и все зробылося, якъ урадылы ще по весни. Вкупи зъ иншымы й радылысь якъ та що мають дали робыты, щобъ дыблянськыхъ мужыкивъ у шоры зовсимъ узяты. Теперъ у ихъ бувъ такый ладъ, що хочъ коженъ самъ соби на своій земли господарювавъ, а про те цинў на землю, або яки видробиткы, — це

вже вызначалы воны вси гуртомъ; мало буты такъ саме й зъ цинамы на робитныкивъ, за выпасъ товару и за все инше, за що дыбляне малы имъ платыты. Воны вже заздалегидь рахувалы ти цины и певни булы, що теперъ Дыбли у ихъ зъ рукъ не выскочуть—сыдитымуть, якъ рыба въ матни, та видроблятымуть таку панщыну, що ну-ну!

И Дыбли вже чулы се...

Зъ непрыхыльныкивъ Зиньковыхъ бувъ тилькы одынъ чоловикъ, що мучывся думкою про Зинькову неволю и палко бажавъ, щобъ Зинько зъ неи вызволывся. Сей чоловикъ бувъ Иванъ Момотъ.

Парубокъ не мавъ спокою писля тіеи страшнои ночи, якъ винъ удвохъ изъ Панасомъ замордувавъ брата. Еге, замордувавъ и винъ, а не самъ Панасъ. Упевнявъ себе спершу Иванъ дуже, що винъ не выненъ, що все те Панасъ изробывъ самъ, та сумлинне сказало ёму инше.

Що правда, Иванъ николы такъ не ворогувавъ проты Грыцька, якъ Панасъ. Але винъ скорявся Панасови, слухався ёго, йшовъ не своимъ, а ёго робомъ, чынывъ усе за ёго прыводомъ—отъ и сталося!..

Будь вона проклята, трычи проклята, нещаслыва тая ныва, що черезъ неи таке сталося! Бодай бы вона довику ничого не вродыла, бодай бы вона запалася, крізь землю пишла, та й ёго, Ивана, поглынула зъ собою, анижъ мае винъ такъ мучытыся, анижъ мае винъ буты душогубомъ!

Пизно, пизно теперъ Иванъ побачывъ, що ёму не треба було слухатыся Панаса, не треба було змагатыся за землю,—бо тутъ Грыцькова правда була,—а найбильше не треба було тіеи ночи йты до Грыцька й пособляты Панасови.

Ой Боже!.. Боже!.. Боже!..

— Мовчы, а то й тоби те буде, що Грыцькови!—Це такъ Панасъ ёму сказавъ. Винъ каже, що не хотивъ убываты Грыцька, тилькы полякаты, щобъ поступывся землею. Се вже такъ на лыхо пишлося, що Грыцько вдарывсь объ скрыню, пробывъ соби голову та й умеръ зъ того. Панасъ того не бажавъ и за те

винъ не выненъ. Та колы вже воно сталося, то не треба никому сёго казаты. А що Зинька взято до тюрмы, то то дурныця: подержать та й выпустють. А покы треба мовчаты, ни словомъ, ни поглядомъ не выявляты людямъ, щобъ и подуматы ничого не моглы. И Панасъ бувъ на похорони, ще й Иванови звеливъ изъ собою йты.

Була се Йванови найбильша мука. И якъ бы тутъ, биля ёго не стоявъ Панасъ, якъ бы винъ по всякъ часъ не почувавъ на соби ёго погляду гострого, то винъ, Иванъ, не вытрымавъ бы: впавъ бы передъ сымъ знивеченымъ трупомъ навколишкы та й покаявся бъ, выявывъ бы правду передъ усымъ народомъ.

И чому винъ цёго не зробывъ? Побоявся кары? Та ніяку жъ кару не було бъ такъ тяжко видбуваты, якъ самому теперъ каратыся!

Занапастывъ брата, посыротывъ ёго диты и занапастывъ ще чоловика—Зинька...

Не мигъ почамы спаты. Сей страшный трупъ, зъ обвыслымы внызъ головою й рукамы, зъ роззявленымъ ротомъ, не покыдавъ ёго. Бачывъ ёго передъ себе, абы зоставався на самоти въ темряви. Бачывъ такъ, мовъ справди винъ бувъ тутъ, высивъ. Парубокъ устававъ, сидавъ на постели та, обхопывшы колина рукамы, сыдивъ и дывывся на трупъ, а въ голови въ ёго якъ молотомъ стукало два слова: Убывъ брата! Убывъ брата! Убывъ брата!..

Тилькы два слова!.. Боже! тилькы два слова, два словечка, а чого жъ воны такъ ёго мордують, такъ печуть, що ёму хочется выбигты насередъ села и гукнуты на ввесь свитъ: Я вбывъ брата!..

И ледви задримае, а вже зновъ мовъ щось ёго штовхне, и винъ стрепенется, и вже передъ имъ выплывають изъ туману сины и середъ синей—винъ, братъ...

Одного разу винъ молотывъ. Ципы владъ токотилы по току: такъ-такъ-та́ка! такъ-такъ-та́ка!.. И вразъ, замисто того «такъ-такъ-та́ка», Иванъ зовсимъ выразно почувъ, якъ ципы говорють: «Убывъ брата! убывъ брата!»—такъ, ажъ вымовляють! Глянувъ

на снопы, ажъ тамъ замисто снопа лежыть Грыцько мертвый. Скрыкнувъ, кынувъ ципъ и втикъ.

Тіеи жъ ночи винъ нышкомъ выкрався зъ дому та й пишовъ на кладовыще. Мовъ злодій, ховаючысь по-пидъ тынамы, переійшовъ улыцямы, выйшовъ за село. Мисяця не було, тилькы зиркы поблыскувалы на темному неби холоднымъ непрыхыльнымъ блыскомъ. За ихъ свитомъ Иванъ добачавъ уже перши крайни хресты на могылкахъ. Увійшовъ середъ ихъ. Боявся попереду буваты на кладовыщи. Разъ якось зъ парубками... та й то чогось моторошно було... А теперъ ишовъ самъ и не боявся. Ёго вело те, що страшнише за всякый страхъ. Блукавъ помижъ могылкамы й хрестамы, вышукуючы того невылыкого дубового хреста. Холодни зори прысвичувалы ёму зъ ворожого почорнилого неба. Знайшовъ.

Ось пидъ цією купкою земли Грыцько замордованый лежыть.

— Грыцю, братику! чы чуешъ ты мене?

Не озывается.

Прыпавъ до земли, обнявъ могылку рукамы.

— Грыцю, братику, чы чуешъ ты мене? Озвыся до мене, бо гыну, нема моеи сылы!..

Винъ бывся головою объ землю, винъ цилувавъ іи, винъ благавъ:

— Просты мени, мій братыку, мій порадныčку добрый! Просты мени, що тоби мукы завдавъ, твои диткы маленьки посыротывъ!.. Та якъ бы жъ я те знавъ, що воно такъ буде, то я бъ же свитъ за очи лучче пишовъ, нижъ щобъ оте сталося!.. Та моій же кари и краю нема!.. Та тоби жъ, братику, и грихы Богъ простыть за таку смерть, а моя мука и на симъ, и на тимъ свити!.. Та ты жъ, братику, у раю зъ Богомъ будешъ пробуваты, а я жъ у смоли кыпитыму!.. Та просты жъ мене, мій риднесенькый, та просты жъ, бо несыла моя, бо душа зъ тила выходе!.. Та просты жъ! Та помылуй-же!..

Слова урывалыся, мишалыся зъ рыданнемъ. Знеможена, змордована душа былася якъ пташка въ кигтяхъ у кишкы— оттакъ вона былася въ пазуряхъ у тіеи мукы несёгосвитнёи.

Высоке й шыроке небо простылалося надъ велыкою й шырокою землёю. А на земли, въ темряви, пидъ маленькымъ хрес-

томъ, простягся малый знеможеный чоловикъ и благавъ соби спокою.

— Та помылуй-же!.. Та якъ бы ты бувъ теперъ жывый, то я бъ твои й слидочкы цилувавъ!.. Накынь на мене покуту яку хочешъ, тилькы просты!.. Ой лучче бъ я самъ тутъ лигъ, легше мени було бъ!.. Якъ теперъ мени каратыся!.. Ой миры жъ нема тій кари!.. Не вытерпить моя душа... гыне... Братику!.. Грыцю!..

Благання вмиралы безъ одповиди. Холодна мовчала земля. Холодне зводылось угору, мовчало чорне небо. Холодни, ворожи блыскалы зиркы.

Ниде—ни середъ того шырокого неба, ни на сій велыкій земли—винъ не мигъ знайты спокою.

Рыданне затыхало, слова змовкалы. Хочъ не було спокою,—прыходыла втома.

Врешти все затыхло. Тилькы знеможене тило ще лежало, прыпавшы головою до купкы земли. Чорни хресты поставалы кругъ ёго, попростягавшы въ темряву свои рамена. Стоялы и дывылысь мовчкы довго.....

Пидвився, пишовъ...

Одначе пособылося. Прыйшовшы до-дому вперше писля тіеи страшнои ночи заснувъ якъ треба,—такъ твердо, що ничого не памъятавъ и не чувъ ажъ покы ёго збуджено. Другого дни ажъ самъ дывувався: бувъ зовсимъ спокійный. Смутный, та спокійный, не мордованый такый, якъ попереду. Мынувъ сей день, мынувъ другый, третій, тыждень... Усе однаково: мара вже не прыходе, на души смутокъ, але й упокій...

— Ой, братику! невже ты мене простывъ?

Такъ промынувъ мисяць. Иванъ ажъ поздоровишавъ. Спавъ добре, усе якъ треба робывъ, тилькы на Панаса й зглянуты не мигъ. Найнявся въ окономію, щобъ не бачыты ёго. Ничого й тамъ,—можно жыты, не турбуе ёго.

Одного разу, наробывшыся та натомывшыся, спавъ добре. И вразъ почувъ, що ёго мовъ импетомъ кынуло: ш-шморгъ!

Пидвився, сивъ и прислухавсь: ш-шморгъ! Отъ зовсимъ якъ вирёвка по дереву шморгае, колы тягты іи. Де се шморгае? Що се?

Почавъ прыслухатыся дужче и зовсимъ выразно чувъ, якъ вирёвка знову: шморгъ!.. И стала... И не чуть... А тоди знову...

Невпокій обнимавъ ёго, стыскавъ ёму груды. Чого воно шморгае? На що? Адже винъ дуже добре знае, що такъ саме, точнисинько такъ шморгнула вирёвка тоди, тамъ...

Онъ-онъ-онъ... винъ уже бачыть: изъ темрявы выступыла бантына, а черезъ неи перекынуто вижкы... Шморгъ! вижкы потяглыся вгору, а на кинци ихъ заколыхалося щось довге, важке... Грыцько...

И винъ колыхався передъ имъ у темряви зъ обвыслымы рукамы... Иванъ розумивъ, що се не Грыцьковы сины, що се паньска пекарня, що кругъ ёго люде сплять на полу, що тутъ нема бантыны... А Грыцько колыхався на ій, тыхо, мертво колыхався, и Йванъ бачывъ ёго середъ темрявы такъ добре, що добачавъ навить ту смужку кровы, що вытекла ёму зъ устъ по бороди за комиръ...

Иванъ не скрыкнувъ, не схопывся. Винъ тилькы трусывсь увесь и дывывся, якъ Грыцько тыхо хытався передъ имъ: ра-азъ... ра-азъ... ра-азъ...

И зрозумивъ, що все знову вернулося...

Зъ того часу мигъ спаты тилькы звечера. Писля пивночи шморгала по бантыни вирёвка, и винъ прокыдався. Лежавъ и дывывся, а надъ имъ колыхався Грыцько: ра-азъ... ра-азъ... ра-азъ...

Винъ звився ни на що. Ходывъ якъ мара, блидый, зъ божевильнымы, неспокійнымы блыскучымы очыма. Хочъ удень ёму теперъ все жъ було ничого... Вночи—що-ночи, а вдень—ни. Тилькы людей боявся, тикавъ одъ ихъ. Здавалося, що коженъ знае, що коженъ хоче ёго спытатыся: А що, и сіеи ночи бувъ у тебе Грыцько? И того пытання винъ черезъ щось боявсь ище дужче, нижъ Грыцька...

Молытыся давно кынувъ. Тилькы спершу сылкувався. Та не молылося... Однакъ винъ зна, що Богъ не прыймае дошогубовои молытвы.

А вже чувъ, що дали такъ не вытрымае.

Щось изробыть... щось мусыть изробыты....

Б. Гринченко.

Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики.

(Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края).

III.

Кого изъ мѣстнаго населенія уѣздовъ и волостей можно надѣяться завербовать въ число регистраторовъ статистическихъ свѣдѣній. Невозможность привлеченія къ этому дѣлу лицъ, занимающихъ въ уѣздѣ извѣстное служебное положеніе, а также и чиновъ полиціи. Какія имѣются шансы на привлеченіе къ этой работѣ интеллигентовъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Степень возможности воспользоваться земскими статистиками. Вопросъ о привлеченіи въ число статистическихъ регистраторовъ сельскихъ учителей и волостныхъ писарей. Неизбѣжность ихъ привлеченія къ дѣлу регистраціи статистическихъ данныхъ. Условія, при соблюденіи которыхъ они могли бы быть привлечены. Возможная организація оффиціальной статистики при данныхъ условіяхъ. Уѣздные статистики, какъ руководители мѣстныхъ регистраторовъ и ихъ контролеры. Губернскіе статистическіе бюро и главныя основанія ихъ организаціи. Отношеніе ихъ къ мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ.

Такъ какъ пригодность статистическихъ данныхъ обусловливается прежде всего ихъ достовѣрностію, которая главнымъ образомъ зависитъ отъ пригодности собирателей свѣдѣній (регистраторовъ), то и остановимся сначала на выясненіи весьма существеннаго вопроса, кто же, какіе люди могутъ быть собирателями этихъ свѣдѣній на мѣстахъ, при условіи предположеннаго помянутымъ проектомъ изъятія дѣла собиранія статистическихъ данныхъ изъ вѣдѣнія волостныхъ правленій съ передачею его въ руки обязательныхъ и добровольныхъ агентовъ.

Въ виду того, что дѣло собиранія на мѣстахъ статистическихъ данныхъ требуетъ привлеченія массы лицъ, долженствую-

щихъ находиться для этого на мѣстахъ же, то естественнѣе всего поискать этихъ людей въ средѣ мѣстнаго же населенія. Обратимся сначала къ мѣстнымъ дѣятелямъ изъ интеллигенціи. Начнемъ хотя бы съ земскихъ начальниковъ (а въ сѣверо-и юго-западномъ краѣ—мировыхъ посредниковъ) и съ податныхъ инспекторовъ. И тѣ и другіе, повидимому, близко стоятъ къ мѣстному населенію, и тѣ и другіе должны быть повидимому достаточно интеллигентны для усвоенія пріемовъ предстоящей работы, и тѣмъ и другимъ не чуждо пользованіе статистическими данными того или иного рода, соотвѣтственно характеру ихъ служебныхъ занятій. Все это, повидимому, говоритъ за умѣстность привлеченія ихъ къ этому дѣлу. Но рядомъ съ этимъ есть нѣчто другое, говорящее безусловно противъ этого. Прежде всего наличность ихъ собственныхъ сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, не оставляющихъ свободнаго времени для исполненія такого рода новой работы. Конечно, если назначить за нее хорошее —дополнительно къ ихъ жалованью—вознагражденіе, то нѣкоторые можетъ быть и возьмутся за эту работу, въ ущербъ своимъ непосредственнымъ обязанностямъ, но тогда кто-же они, въ сущности, будутъ: регистраторы статистическихъ данныхъ, или земскіе начальники? И помимо того, можно-ли будетъ ожидать добросовѣстнаго отношенія къ статистикѣ отъ людей, рѣшившихся запускать свои прямыя непосредственныя обязанности и какой же при томъ потребуется расходъ, чтобы денежно заинтересовать этихъ уже обезпеченныхъ хорошимъ жалованьемъ лицъ въ этой новой приватной для нихъ работѣ?! Неудачный опытъ собиранія свѣдѣній о положеніи сервитутнаго вопроса въ юго-западномъ краѣ чрезъ мировыхъ посредниковъ, изъ данныхъ которыхъ, вслѣдствіе ихъ неполноты и неточности, можно было сдѣлать лишь очень мало выводовъ, показалъ на дѣлѣ, какъ слаба надежда на пользованіе такого рода чиновниками для статистическихъ цѣлей, вслѣдствіе недостатка у нихъ времени, неподготовленности ихъ къ этой работѣ и незаинтересованности ихъ въ ней, при отсутствіи иныхъ побудительныхъ стимуловъ кромѣ приказанія начальства. Наконецъ, земскихъ начальниковъ или мировыхъ посредниковъ и вмѣстѣ съ податными

инспекторами, хотя ихъ и по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ уѣздѣ, все-таки такъ мало, что далеко недостаточно для собиранія статистическихъ свѣдѣній на мѣстахъ хотя бы только по нынѣ существующимъ программамъ и вѣдомостямъ центральнаго статистическаго комитета и всеподданнѣйшихъ отчетовъ.

Однако, это еще не все, что можно возразить противъ привлеченія этихъ чиновъ къ данному дѣлу. Чтобы расчитывать на полученіе отъ населенія откровенныхъ показаній, необходимо, независимо отъ извѣстнаго умѣнья держать себя съ нимъ, въ тоже время не быть ни въ какомъ особенномъ служебномъ къ нему отношеніи. Это нужно для того, чтобы, давая свои отвѣты, оно по возможности ничего не опасалось, не видѣло въ лицѣ собирателей свѣдѣній непосредственнаго своего начальства (тѣмъ болѣе съ завѣдомо карающею, а при томъ, пожалуй, и тяжелою десницею), не страшилось возможности какихъ либо со стороны ихъ административныхъ мѣропріятій, или воздѣйствій, не подозрѣвало въ задаваемыхъ вопросахъ какихъ либо намѣреній, преслѣдуемыхъ въ интересахъ фиска (извѣстно, какія опасенія даже въ помѣщичьей средѣ вызываютъ опросы, имѣющіе хотя бы косвенное отношеніе къ налогамъ, повинностямъ, обложенію и пр.)—и т. п. Между тѣмъ названные должностные чины, независимо даже отъ типичныхъ свойствъ ихъ личнаго состава, какъ разъ наименѣе всего отвѣчаютъ указаннымъ требованіямъ.

—

Далѣе, по значительности числа отдѣльныхъ представителей въ уѣздѣ, можно остановиться на чинахъ полиціи, т. е. собственно на г.г. полицейскихъ урядникахъ, доставляющихъ нынѣ съ мѣстъ многія «статистическія» данныя чрезъ становыхъ приставовъ исправникамъ и выше. Знающимъ дѣйствительную цѣну собираемымъ ими «статистическимъ свѣдѣніямъ», конечно, покажется даже страннымъ упоминаніе о подобныхъ «статистическихъ агентахъ» при обсужденіи вопроса о реформѣ статистики. Но разъ они употребляются для этой цѣли въ настоящее время, то нельзя же—при всей очевидной непригодности ихъ къ этой работѣ—не удѣлить пару словъ и имъ, особенно при той точкѣ зрѣнія, ко-

торая установилась на г.г. урядниковъ въ нѣкоторыхъ сферахъ. Говорить впрочемъ особенно долго нечего. Низкій уровень умственнаго и въ особенности нравственнаго развитія этой категоріи сельскихъ «чиновниковъ», ихъ начальственно-служебное отношеніе къ народу съ всегда почти угражающе приподнятою десницею, и, наконецъ, присвоенные имъ народомъ же, популярныя названія «куроцапъ» и «курятникъ» хорошо извѣстны каждому сельскому жителю. А разъ это такъ, то однимъ уже этимъ твердо устанавливается и полная невозможность довѣрчиваго и непринужденнаго отношенія между сторонами собирающею и сообщающею свѣдѣнія, и отсутствіе всякихъ гарантій къ безпристрастію и точности статистическихъ данныхъ.

—

Далѣе остаются изъ живущихъ на мѣстѣ людей: интеллигенты изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, сельскіе учителя и, наконецъ, тѣ самые волостные писаря, на которыхъ лежитъ теперь вся тяжесть собиранія статистическихъ данныхъ.

Начнемъ съ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Изъ числа ихъ надѣяться на привлеченіе къ данной работѣ можно только на тѣхъ, которые постоянно живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Пріѣзжающіе только на время—обыкновенно на лѣто—временные гости, наименѣе знающіе и этотъ самый мѣстный людъ и мѣстныя условія. Обыкновенно они пріѣзжаютъ для отдыха и не на нихъ поэтому возлагать такую работу, какъ систематическій опросъ и перепись населенія. Такимъ образомъ кругъ лицъ изъ помѣщичьей среды, пригодныхъ къ данной работѣ, значительно съуживается благодаря абсентеизму землевладѣльцевъ, который, надо замѣтить, представляетъ мѣстами весьма распространенное явленіе.

Изъ остающихся надо еще выключить всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ въ тѣхъ особенныхъ начальственныхъ отношеніяхъ къ населенію, которыя могутъ нарушить необходимую искренность отношеній между собирающими и сообщающими свѣдѣнія, а равно и вообще всѣхъ служащихъ, имѣющихъ свои особыя обязанности, оставляющія имъ мало свободнаго времени для какого либо другого дѣла. Таковы, какъ было сказано, мѣстные земскіе

начальники, а также мировые судьи, предсѣдатели и члены земскихъ управъ и т. п.

Изъ остающихся за ихъ выключеніемъ необходимо еще выдѣлить также и тѣхъ, которые, въ силу какихъ бы то ни было причинъ и условій, находятся въ обостренныхъ отношеніяхъ съ населеніемъ. А такіе въ бо́льшемъ или меньшемъ числѣ всегда на лицо. Однѣ «поземельныя отношенія» (а въ нашемъ краѣ въ особенности сервитутныя) всегда даютъ для этого неистощимую почву. И само собою ясно, что при наличности взаимнаго недовѣрія и даже вражды нельзя надѣяться на установленіе между сторонами довѣрчивыхъ отношеній на время опроса. Могутъ, конечно, сказать, что такихъ можно командировать въ другіе районы,—туда, гдѣ населеніе не знаетъ объ ихъ обостренныхъ отношеніяхъ съ мѣстными крестьянами. Но такое командированіе будетъ уже отступленіемъ отъ системы пользованія *на мѣстахъ* изслѣдованія именно *мѣстными* силами. И отступленіе это неизбѣжно поведетъ къ спеціальнымъ расходамъ на болѣе или менѣе крупные разъѣзды, на выдачу особаго вознагражденія за труды, несомыя при болѣе тяжелыхъ условіяхъ (необходимость выѣзда въ другой районъ и жизни въ немъ въ теченіе того или иного времени въ году).

За выключеніемъ еще и всѣхъ этихъ остается, конечно, еще меньшій кругъ лицъ, подходящихъ для указанной цѣли.

Этотъ кругъ составляется изъ землевладѣльцевъ, занимающихся и незанимающихся лично хозяйствомъ. Первые заняты своимъ собственнымъ дѣломъ, отнимающимъ у нихъ все лѣтнее время и часть зимы. Слѣдовательно лѣтомъ они ни за какую статистику невозьмутся, во избѣжаніе ущерба собственному дѣлу, а зимой многіе, естественно, пожелаютъ и отдохнуть отъ кипучей лѣтней работы и даже уѣхать въ городъ, чтобы «освѣжиться», какъ это въ дѣйствительности и дѣлаютъ очень многіе. Конечно, можетъ случиться, что нѣкоторые же пожелаютъ, вмѣсто необходимаго отдыха, заняться работой зимою,—одни изъ интереса къ статистикѣ, другіе изъ интереса къ тому вознагражденію или тѣмъ привиллегіямъ, наградамъ или льготамъ (можетъ быть чи-

намъ, орденамъ, какъ кажется, предполагала коммиссія?) которыя за эту работу будетъ имъ предназначены.

Но много-ли будетъ такихъ и много ли изъ нихъ окажется достаточно подготовленныхъ къ этой требующей упорнаго настойчиваго труда, вниманія и времени работы, сопряженной съ неудобствами пребыванія въ неприглядной, иногда даже трудно выносимой для непривычнаго (тяжелый душный воздухъ, грязь и т. п.) деревенской обстановкѣ и много ли изъ нихъ выдержитъ такую работу достаточно долго, особенно при отсутствіи особаго интереса, именно къ этой работѣ,—интереса, который одинъ только и можетъ помочь преодолѣть всѣ неудобства, сопряженныя съ работой этого рода?! Надо думать, что количество такихъ, пожелавшихъ остаться постоянными работниками статистики изъ группы помѣщиковъ, занимающихся лично хозяйствомъ, будетъ очень и очень ничтожно.

Засимъ остаются тѣ, которые хозяйствомъ лично не занимаются и слѣдовательно могли бы имѣть свободное для статистическихъ занятій время. Отсюда, конечно, исключаются состоящіе на службѣ, какъ имѣющіе свое особое дѣло—а къ таковымъ и принадлежитъ значительное число незанимающихся лично хозяйствомъ, такъ какъ именно служба отвлекаетъ ихъ отъ хозяйства. Но за ихъ исключеніемъ остается уже значительно меньшій процентъ лицъ, могущихъ располагать свободнымъ для статистики временемъ, если даже считать, что всѣ они окажутся сочувствующими дѣлу статистики, способными имъ заинтересоваться и склонными за нее приняться. Посмотримъ однако, каковъ вѣроятный составъ этой остающейся группы. Что можетъ заставить живущаго постоянно въ имѣніи помѣщика (пріѣзжающихъ на время и отсутствующихъ мы уже исключили) не заниматься хозяйствомъ, если онъ не отвлеченъ отъ него своимъ служебнымъ положеніемъ? Главнѣйшимъ образомъ: обезпеченность, дающая возможность возложить эту обязанность на нанятыхъ людей,—на управляющихъ, «приказчиковъ», «старостъ»,—или же большая выгодность и обезпеченность сдачи въ аренду, сравнительно съ веденіемъ собственнаго хозяйства, или же незнаніе хозяйства при отсутстіи жела-

нія ему научиться, либо, наконецъ, вообще отсутствіе склонности къ труду, или еще наличность у данныхъ лицъ какихъ либо особыхъ спеціальныхъ интересовъ (напр., спеціальныя научныя изслѣдованія, литературная работа), неоставляющихъ для хозяйства свободнаго времени. Само собою понятно, что лица послѣднихъ двухъ группъ: имѣющіе свои спеціальныя интересы и занятія, поглощающіе ихъ время, а также лица неимѣющіе вообще склонности къ труду должны быть совершенно исключены изъ числа тѣхъ, на которыхъ можно расчитывать, какъ на статистическихъ работниковъ.

Останутся подъ вопросомъ лишь прочіе изъ только что перечисленныхъ—и подъ вопросомъ именно въ томъ отношеніи, что многіе ли изъ обезпеченныхъ, изъ ни чѣмъ спеціально незанимающихся, ни чѣмъ особенно не интересующихся могутъ на столько интенсивно и при томъ прочно заинтересоваться статистикой, чтобы заняться ею и, преодолѣвая всѣ неудобства, связанныя съ этой работой, вести систематически изъ года въ годъ скучную для незаинтересованнаго статистикою работу переписи населенія.

Для вящшаго уясненія вообще даннаго вопроса небезполезно припомнить исторію земской статистики. Каждый, читающій газеты, знаетъ какая, бывало, борьба происходила изъ-за нее въ громадномъ большинствѣ земскихъ собраній и какое вызывало иногда негодованіе съ средѣ части земскихъ гласныхъ изъ помѣщиковъ одно упоминаніе о статистикѣ. Здѣсь не мѣсто разбирать причины этого. Достаточно указать на фактъ прямо враждебнаго къ ней отношенія многихъ изъ земцевъ—помѣщиковъ. Нѣтъ спора, что эти земскіе распри изъ-за статистики выяснили и наличность другой группы помѣщиковъ,—группы, сочувствующей статистикѣ; но дѣло не въ этомъ, а именно въ наличности часто весьма многочисленной (напр., во многихъ изъ тѣхъ земствъ, гдѣ статистика никогда не была организована) группы лицъ прямо *враждебныхъ* ей. Но это еще не все,—за этими двумя враждующими другъ съ другомъ изъ-за статистики группами обыкновенно идетъ то нейтральное, безразличное большинство, которое, смотря по на-

строенію, по направленію внѣшнихъ и мѣстныхъ вліяній и давленій, примыкаетъ то къ той, то къ другой, давая большинство голосовъ то той, то этой. Такимъ образомъ составъ помѣстнаго элемента по отношенію его къ статистикѣ совсѣмъ не безразличенъ и количество помѣщиковъ, на коихъ можно расчитывать, какъ на статистиковъ, должно быть прежде всего сокращено на все число лицъ, враждебныхъ ей. А что касается помянутаго большинства, т. е. нейтральной массы, дающей, смотря по обстоятельствамъ, голоса то той, то другой сторонѣ, то не надо забывать, что большинство это воспиталось на томъ формально-скептическомъ отношеніи къ слову «статистика», которое неизбѣжно должно было получиться въ результатѣ знакомства съ нынѣшней «пресловутой» «волостной статистикой», давно сдѣлавшеюся притчею во языцѣхъ. Толпа эта издавна привыкла относиться къ ней съ насмѣшкой, невѣрить статистическимъ цыфрамъ и выводамъ, считать статистику безполезною тратой времени. И съ этой точки зрѣнія, нельзя упрекнуть ее за подобное отношеніе, тѣмъ болѣе, что большая часть этой хотя и культурной, хотя и учившейся то тамъ, то сямъ толпы, статистикѣ не училась и понятіе о ней, какъ о наукѣ, имѣетъ обыкновенно довольно смутное. Но дѣло и не въ упрекѣ, а въ томъ, сколь же въ дѣйствительности малый процентъ окажется такихъ, которые возьмутся за регистрацію статистическихъ данныхъ!?

Если сопоставить все вышеизложенное, если разобраться такимъ образомъ хорошенько въ данномъ вопросѣ, то и окажется, что помѣщиковъ, на которыхъ бы можно было расчитывать какъ на постоянныхъ статистическихъ работниковъ совсѣмъ не такъ много, какъ можно было бы ожидать на первый взглядъ.

И окажется-ли ихъ въ общемъ достаточно для производства ститистическихъ работъ въ каждомъ данномъ районѣ—волости, уѣздѣ—это весьма и весьма большой вопросъ. Конечно, для правильнаго его рѣшенія у насъ нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ высказанныхъ выше общихъ соображеній, дающихъ весьма мало надежды на возможность найти въ помѣщичьей средѣ достаточное для данной цѣли количество работниковъ. Но для меня лично,

по скольку мнѣ знакомъ составъ ея въ нѣсколькихъ малороссійскихъ и великорусскихъ губерніяхъ, отрицательное рѣшеніе даннаго вопроса представляется внѣ сомнѣній: процентъ лицъ изъ среды помѣщиковъ, которые бы при данныхъ условіяхъ согласились, взялись и стали постоянными работниками статистики, будетъ почти повсюду очень ничтоженъ. Развѣ что для вящаго заинтересованія ихъ въ этомъ дѣлѣ будутъ придуманы какія нибудь служебныя льготы и привиллегіи (чины? ордена?) рядомъ съ достаточно солиднымъ денежнымъ вознагражденіемъ... Но послѣднее уже противорѣчило бы принципу удешевленія статистики, изъ котораго мы уже рѣшили исходить, въ виду малой вѣроятности достаточно значительныхъ ассигнованій...

—

Такимъ образомъ мы остановились на томъ, что однихъ помѣщичьихъ силъ далеко не хватитъ для данной работы и надо добрать недостающихъ еще откуда то. Изъ такъ называемыхъ разночинцевъ, изъ людей другихъ сословій? Но такихъ среди мѣстнаго населенія наберется, можетъ быть и еще того меньше. А главное для всего этого необходимъ на первыхъ же шагахъ выборъ и выборъ, и очень строгій и осмотрительный выборъ. Нужно вѣдь выбрать людей способныхъ отнестись къ работѣ достаточно добросовѣстно (правильность собранныхъ на мѣстахъ статистическихъ данныхъ трудно поддается провѣркѣ, а неточность собранныхъ кѣмъ либо свѣдѣній можетъ иногда выясниться лишь тогда, когда уже будетъ поздно собирать ихъ наново). Нужно вѣдь выбрать такихъ людей, которые бы явились не случайными, временно увлекшимися новизною дѣла, а постоянными работниками, способными вести данную работу постоянно, отдавая ей значительную часть своего времени и при этомъ терпѣливо вынося всѣ связанныя съ ней невзгоды упорнаго труда въ тяжелой деревенской обстановкѣ. Между тѣмъ самый уже этотъ выборъ значительно осложняетъ дѣло.

Было бы наоборотъ проще, значительно удобнѣе, легче, еслибы можно было имѣть при самомъ началѣ дѣла болѣе или менѣе значительный контингентъ лицъ, среди котораго по тѣмъ

или инымъ причинамъ можно было бы почти навѣрное расчитывать найти довольно крупный процентъ людей, пригодныхъ для этой работы и уже этотъ контингентъ дополнять въ случаѣ недостатка въ работникахъ, выборомъ со стороны. Подбирать наново полный составъ работниковъ гораздо вѣдь труднѣе, чѣмъ подыскать кое кого на замѣну оказавшихся негодными въ данномъ контингентѣ.

Наиболѣе подходящимъ для данной цѣли, казалось бы, долженъ считаться въ губерніяхъ, гдѣ есть земская статистика, наличный составъ земскихъ статистическихъ бюро. Тутъ все люди, спеціализированные на статистикѣ—имъ, значитъ, и книги въ руки. Но, во первыхъ, ихъ всегда очень мало для этой работы. Обычный постоянный составъ земскихъ статистическихъ бюро 10—20 чел. на всю губернію, а для данной работы нужны работники въ каждой волости. Во вторыхъ, надѣяться воспользоваться для нее земскими статистиками, значило бы предполагать, что работникамъ оффиціальной статистики предстоитъ очень мало работы, что совершенно ошибочно, или что у самихъ статистиковъ почти нѣтъ своей текущей работы, которая, наоборотъ, всегда очень интенсивна. При данныхъ условіяхъ земскіе статистики могли бы оказать оффиціальной статистикѣ помощь только развѣ въ отношеніи руководства начинающими силами и можетъ быть нѣкотораго контроля на мѣстахъ.

Остаются, слѣдовательно,—изъ перечисленныхъ выше—сельскіе учителя и волостные писаря. Послѣдніе и теперь ведутъ эту самую оффиціальную статистику, но они же, надо замѣтить, и сдѣлали ее по тѣмъ или инымъ причинамъ «притчею во языцѣхъ» въ отношеніи неточности данныхъ. Но и первые и вторые употреблялись нѣкоторыми земствами для статистическихъ изслѣдованій и *при извѣстныхъ условіяхъ* не безъ успѣха.

Въ докладѣ Петербургской Губернской Земской Управы «О состояніи статистическихъ работъ къ 1 января 1884 г.» сдѣлана между прочимъ такая оцѣнка сельскихъ учителей въ отношеніи ихъ пригодности къ статистикѣ. «Въ этомъ отношеніи народные

учителя при всѣхъ своихъ недостаткахъ являются наиболѣе *пригодными* людьми: стоя близко къ народу, въ большинствѣ случаевъ даже выходя изъ его среды и, слѣдовательно, зная многое по личному опыту, они могли оказать, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, *существенныя услуги* дѣлу изслѣдованія. Конечно, большинство ихъ, при всей ихъ добросовѣстности, немогло явиться самостоятельными изслѣдователями, хотя бы и въ тѣхъ предѣлахъ, которые были начертаны для ихъ дѣятельности и оказалось пассивными исполнителями предъявленныхъ имъ требованій: но едва-ли болѣе удачны были бы первые шаги людей хотя и болѣе подготовленныхъ, но чуждыхъ населенію и незнакомыхъ съ жизнью изслѣдуемыхъ мѣстностей. Правда, среди большого числа сборщиковъ встрѣтилось нѣсколько лицъ, доставившихъ, вслѣдствіе своей неумѣлости, ненаходчивости или небрежности весьма плохія работы, но эти неизбѣжныя во всякомъ большомъ и сложномъ дѣлѣ неудачи могутъ быть исправлены при сравнительно небольшихъ усиліяхъ. Въ гораздо худшемъ положеніи находятся свѣдѣнія о *частновладѣльческомъ* хозяйствѣ въ губерніи, такъ какъ къ сожалѣнію, *далеко на всѣ* частные землевладѣльцы проявили дѣятельное сочувствіе къ задуманному земствомъ дѣлу самоизученія».

Таковъ отзывъ о сельскихъ учителяхъ Петербургскаго земства, наиболѣе компетентнаго въ этомъ вопросѣ, такъ какъ почти всѣ его обширныя статистическія изслѣдованія произведены были именно чрезъ учителей. А этотъ отзывъ данъ между тѣмъ при обзорѣ данныхъ по Петербургскому уѣзду, изслѣдованіе коего осложнилось, по объясненію земства, трудностью отысканія лицъ, коимъ можно было бы поручить дѣло собиранія свѣдѣній. Осложнилось потому, что «учителя пригородныхъ районовъ *сравнительно болѣе обезпечены* въ матеріальныхъ средствахъ и плата съ каждаго двора (за перепись населенія) *не на столько велика*, чтобы *заинтересовать* ихъ». «Благодаря этому нѣкоторыя лица, взявшись было за собираніе статистическихъ свѣдѣній въ волостяхъ Петербургскаго уѣзда, потомъ отказывались отъ этого дѣла».

Но за учителями, какъ статистиками, имѣется одинъ существенный недостатокъ: они свободны только въ лѣтнее время, а

лѣтнее время представляетъ значительныя неудобства въ отношеніи опроса сельскаго населенія, такъ какъ послѣднее наиболѣе занято (текущими сельскохозяйственными работами, въ нѣкоторые моменты, когда, по выраженію крестьянъ, «день годъ кормитъ», весьма интенсивными) именно въ лѣтнее время. Это еще не устраняетъ возможности ихъ привлеченія къ данной работѣ, но уже до извѣстной степени осложняетъ и затрудняетъ положеніе дѣла. Если даже у нихъ хватитъ времени для собиранія текущихъ ежегодно собираемыхъ данныхъ, предполагая, что собираніе ихъ можно пріурочить къ какому угодно времени года (а это еще вопросъ, потому что для ихъ доставленія установлены извѣстные сроки), то врядъ ли ими всегда можно будетъ воспользоваться для собиранія какихъ либо экстренныхъ, такъ сказать сверхъ программныхъ свѣдѣній, въ которыхъ, какъ показалъ опытъ, отъ времени до времени является надобность и у мѣстной администраціи и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду того обстоятельства, что въ неземскихъ губерніяхъ составъ учительскаго персонала (считая только организованныя оффиціальныя школы и совершенно игнорируя церковно-приходскія, въ коихъ составъ наемныхъ учителей большею частію ниже всякой критики), благодаря малому числу училищъ, очень немногочисленъ, что имѣетъ мѣсто, напр., у насъ въ юго-западномъ краѣ. Слѣдовательно, если и можно будетъ воспользоваться сельскими учителями, то таковыхъ не вездѣ будетъ для данной работы достаточно, особенно если имѣть въ виду, что часть ихъ на дѣлѣ окажется еще непригодною и должна будетъ подлежать замѣнѣ со стороны.

—

Остановимся поэтому еще и на вопросѣ о привлеченіи къ статистикѣ волостныхъ писарей. Въ докладѣ Московской Губернской Земской Управы о работахъ статистическаго отдѣленія въ 1883 году говорится между прочимъ, что первая перепись сельскаго населенія губерніи произведена была «чрезъ волостныя правленія, въ которыя были разосланы заготовленные на этотъ предметъ разграфленные бланки». «Въ инструкціи, при которой препровождены

были бланки въ волостныя правленія, подробно разъяснено, *какъ* наполнять разныя графы и *какъ* составлять перепись. Но кромѣ инструкціи, лица, служащія въ статистическомъ отдѣленіи объѣхали въ зимніе мѣсяцы почти всѣ волостныя правленія, дѣлая подробныя словесныя *разъясненія* старшинамъ и волостнымъ писарямъ, при чемъ тѣмъ и другимъ ставилось на видъ, что по составленіи подворныхъ переписей они *будутъ провѣрены* на мѣстахъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, перепись составлена довольно удовлетворительно, какъ показала послѣдующая провѣрка». «Вообще опытъ показалъ, что *при достаточной предусмотрительности можно пользоваться* въ нѣкоторыхъ отрасляхъ статистики *услугами волостныхъ правленій, если* при этомъ требовать отвѣтовъ *на самые простые, удобопонятные вопросы*, которые бы не выходили изъ области, подлежащей вѣдѣнію сельскаго и волостного управленія».

Въ изданіи Нижегородскаго губернскаго земства подъ названіемъ «Урожай 1891 г. въ Нижегородской губерніи» выясняется между прочимъ, что книга эта составлена на основаніи статистическихъ матеріаловъ, составленныхъ волостными правленіями со словъ крестьянъ. «Къ статистическимъ матеріаламъ, доставляемымъ изъ волостей,—говорится далѣе въ этой книгѣ,—принято относиться съ извѣстнымъ недовѣріемъ. Мы не намѣрены оспаривать такого скептицизма вообще, но въ данномъ случаѣ мы сочли возможнымъ воспользоваться для нашихъ выводовъ показаніями, полученными чрезъ посредство волостныхъ правленій, такъ какъ по тщательной ихъ провѣркѣ сопоставленіемъ съ другими данными и между собою, они оказались заслуживающими довѣрія. Быть можетъ, это слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать тому обстоятельству, что такіе годы, какъ нынѣшній, когда степень урожая въ той или другой мѣстности есть фактъ, привлекающій къ себѣ общее вниманіе и вызывающій разнообразные вопросы со стороны земскихъ и правительственныхъ учрежденій, волостныя правленія не могутъ не имѣть о немъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ свѣдѣній и *при добромъ желаніи имѣютъ возможность* дать правдивыя показанія».

По мнѣнію профессора А. Ф. Фортунатова [1]) «волостные писаря сами по себѣ столь же разнообразны, какъ русскіе люди вообще. Изъ среды самой земской статистики слышались и слышатся голоса, допускающіе *при извѣстныхъ условіяхъ* пользованіе волостными писарями, какъ регистраторами [2]). Въ связи съ пригодностью волостныхъ писарей быть регистраторами по хозяйственной статистикѣ стоитъ вопросъ *объ особомъ жалованьи*, которое назначалось бы писарямъ за такую регистрацію». Напомнимъ кстати, что въ предыдущемъ изложеніи недочетовъ волостной статистики не разъ было отмѣчено, что многіе изъ этихъ недочетовъ происходятъ не отъ неспособности писарей, а или отъ неумѣлаго составленія программъ изслѣдованія, непониманія или неправильнаго пониманія заданныхъ вопросовъ, либо отъ неправильныхъ пріемовъ изслѣдованія при полномъ отсутствіи руководства на мѣстѣ, или просто отъ нежеланія собрать какъ слѣдуетъ свѣдѣнія, благодаря отсутствію всякаго контроля, вознагражденія и пр.

Итакъ, волостными писарями, какъ показываютъ факты, возможно воспользоваться для статистики, какъ и сельскими учителями,—и воспользоваться съ надеждою на успѣхъ. Необходимо только соблюсти *извѣстныя условія*, которыя бы могли этотъ успѣхъ обезпечить. Первое изъ нихъ было только что высказано выше, это—удобопонятность для нихъ программъ изслѣдованія (которою, какъ мы видѣли не отличаются нынѣшнія программы статистическихъ комитетовъ) и введеніе въ нихъ тѣхъ только вопросовъ, которые не выходятъ изъ сферы ихъ вѣдѣнія и пониманія. Само собою понятно, что для этого нужна переработка всѣхъ программъ (и безъ того впрочемъ, какъ видно изъ предыдущаго, вполнѣ необходимая). А вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно возложеніе собиранія части свѣдѣній (собираніе коихъ будетъ внѣ компетенціи волостныхъ писарей и сельскихъ учителей) на кого то другого,—хотя бы на проектированныхъ помянутою комиссіею уѣздныхъ статистиковъ, о чемъ еще скажемъ ниже.

---

[1]) Сельско-хозяйственная статистика Евр. Россіи, М. 1893, стр. 25.

[2]) См. матеріалы Казан. губ. I; Херсонск. текущ. ститист., Одесса 1887 г.; Красноуфимск. текущ. стат. 1889 г.

Другое условіе, на которое только что указано какъ на неизбѣжное, это установленіе особаго за статистическія работы волостныхъ писарей вознагражденія, которое, какъ мы видѣли выше, выдавалось (въ Петербургской губ.) и сельскимъ учителямъ, при чемъ размѣръ его имѣлъ вліяніе на результаты изслѣдованія (при сравнительно маломъ его размѣрѣ болѣе обезпеченные матеріально учителя Петербургскаго уѣзда, какъ помнитъ читатель, относились къ дѣлу изслѣдованія съ меньшимъ интересомъ).

Остальныя, только что отмѣченныя предыдущими выдержками условія, на которыя въ предыдущемъ изложеніи уже указывалось и мною, это составленіе удобопонятныхъ инструкцій, личныя разъясненія, руководство на мѣстахъ и заблаговременное предупрежденіе о предполагаемой провѣркѣ собранныхъ свѣдѣній на мѣстахъ ихъ собиранія.

Всѣ эти условія не могутъ быть разсматриваемы какъ что то стѣсняющее или осложняющее работу собиранія статистическихъ свѣдѣній ради только привлеченія къ ней волостныхъ писарей и сельскихъ учителей. Инструкціи, руководство на мѣстахъ, учрежденіе извѣстнаго контроля надъ работой, удобопонятность программъ, наконецъ, установленіе извѣстнаго вознагражденія за требующій напряженія силъ и требующій немало времени трудъ—всѣ это необходимыя и неизбѣжныя условія всякой организованной работы. Тутъ элементомъ стѣсняющимъ или съуживающимъ кругъ статистическихъ работъ является только указанное выше нѣкоторое ограниченіе круга вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію статистическихъ работниковъ изъ писарей и учителей.

Это дѣйствительно нѣкоторое неудобство. Но какъ его избѣгнуть, если еще большее затрудненіе вызвано было бы, при отсутствіи подходящаго контингента работниковъ, необходимостью нарочитаго подбора силъ изъ разныхъ группъ населенія и связаннымъ съ этимъ увеличеніемъ расхода на вознагражденіе и если единственнымъ подходящимъ контингентомъ такихъ силъ является персоналъ волостныхъ писарей и учителей?

Возможность ихъ привлеченія къ данной работѣ, послѣ сказаннаго, уже не подлежитъ сомнѣнію. Въ сравненіи съ наиболѣе

повидимому подходящей для этой же цѣли группой населенія—съ средою помѣщичьею—они имѣютъ еще преимущество въ сравнительно меньшей матеріальной обезпеченности писарей и учителей и ихъ такъ сказать подначальномъ, подчиненномъ служебномъ положеніи. Помѣщикъ не заинтересуется тѣмъ вознагражденіемъ, которое можетъ представить безусловный интересъ и даже такъ сказать приманку для писаря или учителя. Чтобы заинтересовать его въ работѣ, если у него нѣтъ къ ней спеціальнаго интереса, какъ къ таковой, нужно дать ему значительно болѣе солидный окладъ, что значительно удорожитъ изслѣдованіе. Съ другой стороны, что вы сдѣлаете съ помѣщикомъ, который по небрежности или иной причинѣ недоставитъ требуемыхъ свѣдѣній или доставитъ ихъ въ неполномъ, испорченномъ, негодномъ видѣ? Ничего, кромѣ только того, что не будете болѣе пользоваться его услугами. Писаря же и учителя—люди подначальные, дорожащіе своимъ служебнымъ положеніемъ, зависящіе отъ своего начальства, могущаго привлекать ихъ къ той или иной отвѣтственности. Слѣдовательно(если, конечно, исполненіе ими статистическихъ работъ будетъ признано ихъ такъ сказать государственною обязанностью), кромѣ интереса къ особому за статистику вознагражденію, у нихъ будетъ еще и опасеніе отвѣтственности. Это—два несомнѣнныя ихъ преимущества въ указанномъ отношеніи передъ остальными группами населенія. Конечно, нельзя признать нормальнымъ и желательнымъ такое положеніе дѣла, при которомъ правильное исполненіе работъ болѣе или менѣе зиждется на страхѣ наказанія, но отвѣтственность за дурное исполненіе обязанностей составляетъ вѣдь необходимое условіе всѣхъ служебныхъ положеній. Слѣдовательно, при данныхъ условіяхъ, при данномъ уровнѣ нравственнаго развитія людей, это явленіе неизбѣжное и потому нѣтъ основаній на этомъ вопросѣ далѣе останавливаться.

Еще одно преимущество писарей и учителей передъ помѣщиками заключается (въ указанномъ отношеніи) въ томъ, что для крестьянъ, за рѣдкими исключеніями, помѣщикъ представляется хотя и сосѣдомъ, и мѣстнымъ человѣкомъ, а все-таки не своимъ,—все-таки бариномъ, паномъ,—до извѣстной степени начальникомъ.

Писаря и учителя, хотя изъ нихъ первые de facto до извѣстной степени тоже крестьянскіе «начальники», въ общемъ порядкѣ, люди гораздо болѣе свои, чѣмъ господа паны; съ ними крестьянинъ не такъ стѣсняется, съ ними отношенія проще, естественнѣе; они чаще люди «свои» и по ихъ происхожденію изъ крестьянской же среды. Хотя бываютъ и съ той и другой стороны исключенія, хотя многое зависитъ отъ умѣнья держать себя и тактичный интеллигентный помѣщикъ съумѣетъ сразу поставить себя на надлежащую ногу лучше многихъ изъ писарей, но въ общемъ порядкѣ, въ среднемъ выводѣ, все-таки это такъ; а это тоже надо принять во вниманіе.

—

Остановившись такимъ образомъ окончательно на необходимости и неизбѣжности привлеченія волостныхъ писарей и сельскихъ учителей къ собиранію статистическихъ свѣдѣній, я нахожу что наиболѣе правильною въ данномъ случаѣ была бы слѣдующая постановка дѣла.

Обязанность собиранія статистическихъ свѣдѣній возлагается въ общемъ порядкѣ, какъ на основной кадръ, на волостныхъ писарей (сирѣчъ волостныя правленія); въ случаѣ выясненной непригодности нѣкоторыхъ изъ нихъ или же выясненной невозможности исполнять данную работу въ тѣхъ или иныхъ районахъ силами однихъ волостныхъ писарей, дополнительный составъ работниковъ комплектируется изъ сельскихъ учителей. Если нехватитъ и этого, надлежитъ обратиться къ желающимъ по преимуществу изъ мѣстной помѣщичьей среды. Первоначальный подсчетъ собраныхъ свѣдѣній, если это признается нужнымъ, производится собирающими свѣдѣнія.

Для руководства и надзора на мѣстахъ, конечно, должны имѣться особые спеціалисты хотя бы подъ названіемъ проектированныхъ коммиссіею уѣздныхъ статистиковъ; но такъ какъ надзоръ и руководство должны быть поставлены серіозно и на нихъ же будетъ лежать собираніе свѣдѣній, не вошедшихъ въ программу вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію волостныхъ писарей, то, казалось бы, ихъ должно быть въ среднемъ выводѣ, не менѣе двухъ

на уѣздъ (и то въ виду уменьшенія расходовъ на статистику). Многое зависитъ тутъ отъ густоты населенія, пространства, занимаемаго уѣздомъ, путей сообщенія и пр.

Безусловно полезна и необходима централизація статистической организаціи хотя бы въ видѣ статистическаго комитета или «бюро»(одного на каждую губернію)—въ лицѣ проектируемаго коммиссіею губернскаго статистика, но не одного, потому что одно лицо съ предстоящимъ ему дѣломъ не справится, а съ извѣстнымъ числомъ помощниковъ (минимумъ два—одинъ, главнымъ образомъ, для командировокъ въ случаѣ надобности на мѣста, другой, главнымъ образомъ, для помощи въ разработкѣ матеріаловъ) и съ тѣмъ, что уѣздные статистики считаются членами бюро, имѣющими право голоса въ его коллегіальныхъ совѣщаніяхъ. Такое участіе ихъ безусловно необходимо какъ мѣстныхъ руководителей статистики, знающихъ особенности своихъ районовъ, мѣстныя условія работы и мѣстныхъ работниковъ.

Въ случаѣ надобности и возможности, на уѣздныхъ статистиковъ возлагается и извѣстная доля работы по окончательной разработкѣ статистическихъ данныхъ. Губернское статистическое бюро должно располагать извѣстными средствами для найма счетнаго персонала; а если часть сводной счетной работы будетъ возложена на уѣздныхъ статистиковъ, то и часть этихъ средствъ должна быть передана имъ. Право приглашенія счетчиковъ должно быть предоставлено тѣмъ именно лицамъ, на которыхъ возложено производство счетной работы, такъ какъ на нихъ будетъ лежать и отвѣтственность за ея исполненіе.

Аналогично тому, какъ въ банковскихъ учрежденіяхъ министерства финансовъ, требующихъ спеціальныхъ коммерческихъ и бухгалтерскихъ познаній, допускается приглашеніе на службу лицъ не имѣющихъ правъ государственной службы, такъ и въ число уѣздныхъ и губернскихъ статистиковъ должны быть приглашаемы спеціалисты же и тоже независимо отъ обладанія ими правами государственной службы. У насъ на Руси вообще такъ мало спеціалистовъ статистики, что всякое ограниченіе выбора могло бы послужить только во вредъ дѣлу. Между тѣмъ въ дан-

ный моментъ можно было бы указать нѣсколько именъ извѣстныхъ въ русскомъ статистическомъ мірѣ, которые во всю свою жизнь не были на государственной службѣ. А вѣдь у насъ на государственной службѣ для занятія должности извѣстнаго разряда или класса требуется еще и извѣстный чинъ, котораго у свѣдущаго и безусловно нужнаго для статистики человѣка можетъ какъ разъ не оказаться.

Затѣмъ назначеніе губернскаго статистика должно быть изъято изъ вѣдѣнія губернской власти, потому что губернаторы не могутъ считаться компетентными въ вопросѣ о выборѣ спеціалистовъ по данной области знаній и компетенція эта можетъ принадлежать лишь высшему статистическому учрежденію въ Имперіи—въ данномъ случаѣ центральному статистическому комитету, въ особенности если и онъ, какъ ходили газетные слухи, тоже реорганизуется и будетъ состоять дѣйствительно изъ спеціалистовъ. Какъ бы то ни было, а долженъ быть примѣненъ именно этотъ принципъ назначенія спеціалистовъ-статистиковъ на мѣста, какъ, теоретически, единственно правильный. Это необходимо въ данное время еще и потому, что въ губерніяхъ слишкомъ привыкли смотрѣть на статистику, какъ на нѣчто ненужное, дающее лишь возможность увеличенія жалованья правителямъ канцеляріи губернаторовъ или наиболѣе симпатичнымъ чиновникамъ особыхъ порученій и совѣтникамъ губернскихъ правленій. Чтобы уничтожить съ корнемъ установившееся въ провинціальныхъ административныхъ сферахъ рутинное отношеніе къ этому дѣлу, необходимо прежде всего право назначенія статистиковъ изъять изъ ихъ вѣдѣнія, предоставя имъ дѣлать съ своей стороны лишь представленія о назначеніи лицъ извѣстныхъ на мѣстѣ, какъ спеціалистовъ статистики и знатоковъ края и мѣстныхъ условій. Такія представленія могутъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ назначенія спеціалистовъ въ томъ отношеніи, что центральный статистическій органъ можетъ и не имѣть свѣдѣній о существованіи нѣкоторыхъ полезныхъ работниковъ, хорошо извѣстныхъ на мѣстахъ ихъ жительства. Свѣдѣнія эти и

дадутъ ему возможность воспользоваться, въ случаѣ надобности, этими мѣстными силами путемъ назначенія на то или иное мѣсто.

Что касается назначеній собственно на мѣста уѣздныхъ статистиковъ, то они должны производиться центральнымъ статистическимъ органомъ по представленіямъ губернскаго статистика, какъ лица отвѣтственнаго за состояніе статистики и за своевременное исполненіе статистическихъ работъ въ краѣ; отвѣчать же онъ можетъ только за работу тѣхъ, кого онъ знаетъ, но не за тѣхъ, кто, выражаясь вульгарно, посаженъ ему на шею противъ всякаго его желанія. Такой порядокъ тоже до извѣстной степени обезпечитъ пользованіе мѣстными силами.

Затѣмъ существующее подчиненіе статистическихъ комитетовъ губернаторамъ должно быть устранено [1]).

Многолѣтній опытъ существованія этого подчиненія доказалъ его несостоятельность. Статистика, если не смотрѣть на нее такъ, какъ до сихъ поръ смотрѣли на оффиціальную статистику,—представляетъ собою, если можно такъ выразиться—бо́льшую спеціальность, чѣмъ хотя бы акцизная спеціальность; однако послѣдняя давно выдѣлена въ особую отрасль, подчиненную особому начальнику. Нельзя требовать отъ г.г. губернаторовъ, чтобы они были спеціалистами по статистикѣ, но и нельзя ставить дѣло, требующее спеціальныхъ познаній, въ зависимость отъ усмотрѣнія лица, неимѣющаго ихъ, неинтересующагося ими и неимѣющаго свободнаго времени для занятія ими. Наконецъ такое изъятіе губернской статистики изъ вѣдѣнія губернской администраціи въ самостоятельное учрежденіе необходимо для того, чтобы, въ устраненіе разъ навсегда существующаго въ административныхъ сферахъ рутиннаго отношенія къ статистикѣ, какъ къ ненужной канце-

---

[1]) Въ литературѣ и на статистическихъ конгрессахъ, какъ извѣстно, не разъ возбуждался даже вопросъ о выдѣленіи общей статистики въ государствахъ въ отдѣльныя вѣдомства на правахъ министерствъ, ибо при полной подчиненности одному министерству, она становится въ служебное къ нему отношеніе и страдаетъ нерѣдко односторонностію и пристрастіемъ въ выборѣ предметовъ изслѣдованія.

лярской формалистикѣ, разомъ поставить новое учрежденіе на надлежащую высоту, что будетъ между прочимъ имѣть важное психологическое значеніе въ смыслѣ возвышенія престижа оффиціальной статистики въ глазахъ всѣхъ мѣстныхъ сферъ и будущихъ мѣстныхъ работниковъ статистики. Что же касается тѣхъ работъ, которыми статистическіе комитеты всегда снабжали губернаторовъ для составленія всеподданнѣйшихъ отчетовъ и другихъ текущихъ надобностей, то наличность таковыхъ не можетъ составить препятствія для выдѣленія статистическихъ бюро въ самостоятельное губернское учрежденіе. Для этого достаточно только извѣстнымъ образомъ опредѣлить порядокъ дѣйствій губернскихъ статистическихъ бюро въ этомъ отношеніи, установить формы и сроки, по которымъ они должны своевременно доставлять губернаторамъ всѣ необходимыя имъ свѣдѣнія и т. п.

Затѣмъ въ виду того, что, работая на мѣстахъ, чины губернскаго статистическаго бюро должны будутъ собирать свѣдѣнія отъ разныхъ лицъ и учрежденій и обращаться въ случаѣ надобности къ содѣйствію административныхъ и др. учрежденій, необходимо, надо думать, чтобы имъ присвоенъ былъ извѣстный классъ должностей находящійся въ надлежащемъ соотвѣтствіи съ классами должностей тѣхъ лицъ, къ содѣйствію коихъ имъ придется обращаться (что имѣетъ существенное значеніе въ чиновномъ мірѣ и можетъ поэтому до извѣстной степени отзываться на ходѣ самого дѣла). Нѣкоторыя должностныя преимущества важно установить для этихъ должностныхъ лицъ еще и съ цѣлью увеличенія возможности привлеченія къ этому дѣлу лучшихъ спеціалистовъ.

За губернскими статистическими бюро необходимо, рядомъ со всѣмъ этимъ, оставить то важное право привлеченія мѣстныхъ силъ изъ всевозможныхъ сферъ населенія, которымъ обладаютъ существующіе губернскіе статистическіе комитеты, но которыми они, какъ выяснено, въ большинствѣ своемъ не умѣли воспользоваться. Устройство совмѣстныхъ съ мѣстными дѣятелями совѣщаній по отдѣльнымъ отраслямъ статистики, совмѣстная разработка разныхъ вопросовъ, проектовъ различныхъ мѣстныхъ изслѣдованій и экспедицій, все это (проектированное положеніемъ о

статистическихъ комитетахъ, но не осуществленное ими) будетъ только способствовать возбужденію въ средѣ мѣстныхъ дѣятелей самодѣятельности, интереса къ статистикѣ, объединенію мѣстныхъ работниковъ, привлеченію къ статистической работѣ новыхъ силъ на мѣстахъ, организаціи монографическихъ и анкетныхъ изслѣдованій и т. п. Само собою разумѣется, что за исполненіемъ обязательныхъ работъ, предуказанныхъ центральнымъ статистическимъ учрежденіемъ, губернскимъ статистическимъ бюро должна быть предоставлена извѣстная самостоятельность въ дѣлѣ намѣченія различныхъ подлежащихъ обслѣдованію вопросовъ и устройства мѣстныхъ изслѣдованій, относительно чего они могутъ входить въ соглашеніе съ губернаторами съ цѣлью выясненія тѣхъ вопросовъ, изслѣдованіе коихъ признается мѣстною администраціею въ данный моментъ наиболѣе настоятельнымъ. И вотъ въ дѣлѣ намѣченія такихъ вопросовъ, мѣстностей, подлежащихъ ближайшему изслѣдованію и самыхъ способовъ изслѣдованія указанныя совѣщанія съ мѣстными людьми, вѣроятно, могутъ принести наибольшую долю пользы. Останавливаясь на этомъ вопросѣ, нельзя между прочимъ не обратить вниманія на проскользнувшее въ газеты сообщеніе изъ помянутаго проекта коммиссіи, что губернскій статистикъ будетъ состоять «членомъ губернскаго присутствія»(?)... Вѣроятно, особаго—статистическаго, по примѣру дѣйствующихъ присутствій по городскимъ, крестьянскимъ, чиншевымъ и всякимъ другимъ дѣламъ. Вѣроятно, имѣлось въ виду именно перенести обсужденіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ вопросовъ въ соединенное засѣданіе представителей отдѣльныхъ учрежденій, могущихъ быть заинтересованными въ нарочитомъ и своевременномъ изслѣдованіи тѣхъ или иныхъ сторонъ жизни мѣстнаго населенія, съ участіемъ въ этомъ засѣданіи губернскаго статистика, какъ равноправнаго и непремѣннаго члена. Нѣтъ сомнѣнія, что и привлеченіе къ этимъ совѣщаніямъ представителей отдѣльныхъ учрежденій тоже имѣетъ свой raison d'être въ указанномъ отношеніи, но оно не устраняетъ полезности привлеченія вообще мѣстныхъ дѣятелей и не можетъ замѣнить ихъ собою. Поэтому полезно было бы дѣлать въ извѣстныхъ случаяхъ соединенныя засѣданія

тѣхъ и другихъ или извѣстнымъ образомъ отграничить сферу тѣхъ (вѣроятно болѣе общихъ) вопросовъ, которые будутъ подлежать обсужденію однихъ только представителей отдѣльныхъ учрежденій (конечно, съ губернаторомъ во главѣ). Кстати сказать, во всѣхъ такого рода совѣщаніяхъ несомнѣнную пользу могло бы оказать привлеченіе къ нимъ мѣстныхъ земскихъ статистиковъ, гдѣ они есть, какъ лицъ уже хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями жизни населенія и условіями статистической работы въ губерніи, какъ представителей жизнедѣятельныхъ учрежденій, уже заведшихъ связи съ мѣстными дѣятелями и могущихъ дать указанія на лицъ, за помощью коихъ можно обратится на мѣстахъ и пр.

Добавлю въ скобкахъ, что существованіе земской статистики одновременно съ реорганизованной оффиціальной я потому считаю вполнѣ умѣстнымъ и необходимымъ, что и при наличности послѣдней земская статистика будетъ имѣть свое особое дѣло, отвѣчающее текущимъ мѣстнымъ потребностямъ и нуждамъ земства. Вопросъ объ ихъ сліяніи и замѣнѣ земской статистики общегосударственною можетъ быть поставленъ вѣроятно развѣ только въ далекомъ будущемъ,когда выяснится на дѣлѣ практичность и цѣлесообразность новой организаціи общегосударственной статистики, когда она докажетъ свою жизненность и способность отвѣчать запросамъ дня и когда, наконецъ, она будетъ обладать значительно большими, чѣмъ можно ожидать, средствами.

Рядомъ съ только что указаннымъ правомъ и обязанностью губернскаго статистическаго бюро заботиться о привлеченіи и объединеніи мѣстныхъ силъ, необходимо предоставить ему—чтобы поставить дѣло изслѣдованія на вполнѣ практическую почву—и право и даже обязанность дѣлать въ центральное статистическое учрежденіе представленія объ измѣненіяхъ преподанныхъ свыше программъ и формъ, сообразно выясненнымъ на опытѣ недостаткамъ и недочетамъ таковыхъ (чего нынѣ совсѣмъ не дѣлается). Съ другой стороны, и центральное статистическое учрежденіе должно быть поставлено въ обязанность при составленіи новыхъ болѣе или менѣе обширныхъ программъ изслѣдованій доставлять

ихъ губернскимъ бюро на предварительное испытаніе на практикѣ для выясненія ихъ примѣнимости и практичности.

Такое предварительное испытаніе программъ изслѣдованія, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ основныхъ требованій статистическаго изслѣдованія [1]).

Таковы тѣ выводы, къ которымъ приводитъ ближайшее изученіе состоянія даннаго вопроса и насущныхъ его нуждъ въ настоящее время. Здѣсь приведены, конечно только главнѣйшія общія соображенія о желательной реорганизаціи оффиціальной статистики, по скольку ее можно осуществить при минимальномъ увеличеніи расходовъ на этотъ предметъ. Остальное—уже подробности.

Л. Личковъ.

---

[1]) Фортурнатовъ. Сельско-хозяйственная статистика, М. 1893, стр. 20.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ.

(Продолженіе [1]).

17.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Я буду въ Кіевѣ около 21 мая и привезу Вамъ рукопись Литовскаго Статута, въ которой мое вниманіе остановилось на заглавіи прибавленія: «Краткая Экономія. По сей всякъ человѣкъ осѣдлій господаремъ и маючійся имѣетъ обережность примѣчать по изображеннымъ пунктáмъ, а таковы пунктá, яко весьма согласны малороссійскимъ правамъ, въ какихъ именно правныхъ книгахъ понаписаннымъ, о томъ под всякимъ пунктомъ таковы права и показуются».

Адресъ Вас. Мих.: улица Гожая 16. Впрочемъ, хотя бы Вы написали въ Варшаву и безъ означенія улицы, то письмо Ваше было бы доставлено, такъ какъ о Вас. Мих. скоро будутъ печатать въ учебникахъ географіи, какъ объ одной изъ достопримѣчательностей города Варшавы.

Если не разрѣшатъ мнѣ журнала, то это будетъ для меня характеристикою современнаго общественнаго (сирѣчь администра-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 2.

тивнаго) мнѣнія. Но огорченъ я не буду, все равно какъ не огорченъ майскими морозами, причинившими вредъ молодымъ побѣгамъ моихъ деревьевъ, которыя милѣе мнѣ многихъ ученыхъ, но не учёныхъ, людей. Въ области мысли такой остается, да и всегда будетъ оставаться, просторъ, что *Кіевскій журналъ*, въ моихъ глазахъ, и не проложитъ и не заградитъ мнѣ дороги. Всего больше интересуетъ онъ меня, какъ способъ соединить нѣсколько умовъ для общенія между собой болѣе непосредственнымъ способомъ, чего существенно не достаетъ кіянамъ.

Въ ожиданіи пріятнаго свиданія съ Вами, позвольте увѣрить Васъ и съ моей стороны въ таковомъ же уваженіи и преданности.

П. Кулишъ.

1876, мая 12. Мотроновка.

18.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Вѣроятно, по отправкѣ Вашего письма отъ 12 іюня, Вы узнали уже, что Ф. С. Шкляревскій [1]) былъ у меня. Онъ такъ восхищался хуторскими прохладами, что отбилъ у меня охоту мѣнять ихъ на аравійскую пустыню, именуемую Кіевомъ, да притомъ не желательно мнѣ прерывать мою уединенную работу. Богъ съ нимъ съ этимъ журналомъ! Нравственной поддержки я не предвижу ни откуда. Гораздо больше я буду удовлетворенъ трудами, зависящими только отъ меня лично.

Рукопись Литовскаго Статута Вы получите отъ меня вскорѣ, черезъ книжный магазинъ Ильницкаго, куда ее доставятъ съ надписью на Ваше имя и съ просьбою отослать къ Вамъ. Самъ же я буду въ Кіевѣ подъ осень, проѣздомъ за границу, гдѣ намѣреваюсь провести зиму.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1876, іюня 18. Мотроновка.

---

[1]) Присяжный повѣренный, ведшій въ то время въ судѣ дѣло г-жи Кулишъ о раздѣлѣ съ братьями.

Примите мою благодарность за Ваши аккуратныя увѣдомленія о томъ, чѣмъ можно было бы Васъ и не безпокоить, когда бъ мы не были малороссіяне.

19.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Рукопись Литовскаго Статута, закупоренная и надписанная на Ваше имя, вручена мною давно уже Александру Мих. Бѣлозерскому, какъ въ этомъ удостовѣритесь изъ письма, которое обрящете при оной. Задержанный нѣкоторыми дѣлами въ своемъ уѣздѣ, А-ръ Мих. вскорѣ долженъ доставить Вамъ мою посылку, которую возитъ съ собою, но не бойтесь—не потеряетъ.

Гоненіе, воздвигнутое на украинское слово, доказываетъ, что 1847 годъ не останется безъ послѣдствій. Во очію нашею совершается одна изъ тѣхъ уній, которыя надѣлали столько бѣдъ сѣверной Славянщинѣ. Творцы польско-русскихъ уній, такъ точно какъ и творцы московско-украинскихъ, гонялись за своими «приватами», а изъ этихъ дробныхъ источниковъ составляются широкія рѣки событій. И какую же выбрали пору, чтобы противодѣйствовать возсоединенію Руси! Ни поляки, ни нѣмцы не могли бы сочинить ничего лучшаго для своихъ разъединительныхъ видовъ. Даже коммунистическія издѣлія какихъ-то украинскихъ грамотѣевъ заграницею получаютъ послѣ этого нѣкоторое оправданіе. Балканскій полуостровъ объятъ пламенемъ, а они у себя дома скопляютъ горючіе матеріалы. Сербы и черногорцы идутъ на турка, а они вооружаются противъ тѣхъ, чьи дѣды и прадѣды одно только хорошее и завѣщали своему потомству—уничтоженіе Турціи. Такова исторія возсоединенія Руси! Но довольно объ этомъ. Въ наше время исторія почти не нуждается въ писателяхъ: политическая и соціальная ложь обнаруживается неудержимымъ теченіемъ событій.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1876, іюня 28. Мотроновка.

20.

1876, *іюля 21.* Мотроновка. [1])

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Очень радъ, что мой списокъ Литовскаго Статута оказался интереснѣе множества другихъ, у Васъ имѣющихся. Такъ бываетъ полезно говорить о нашей спеціальности даже и не принадлежащимъ къ нашему цеху. Вотъ и я написалъ теперь историческій трактатъ подъ заглавіемъ: *Козаки по ошношенію къ государству и обществу*, да не съ кѣмъ посовѣтоваться, тѣмъ болѣе, что взглянулъ я на козаковъ объективно, вовсе не по украинофильски, и даже не въ духѣ тѣхъ публицистовъ, которые видятъ въ нихъ передовыхъ бойцовъ за свободныя права низшихъ классовъ. Какъ нельзя больше кстати Вы опять заявляете готовность посѣтить затворника. Да не можете же Вы меня стѣснить! Съ чего это Вы взяли? Вотъ Вамъ указанія:

Билетъ берите до станціи *Плиски*. Прибывъ туда часа въ 3 или $3^1/_2$, если выѣдете утромъ въ 8 часу, спрашивайте подводчика Искру. Если онъ въ разъѣздѣ, спрашивайте Гаценка. Если и того нѣтъ, берите какого нибудь подводчика, потому что всѣ они повезутъ быстрѣе почтовыхъ. (Тутъ же и почтовая станція у вокзала) [2]). Велите ѣхать лѣсами, а не на Борзну. Лѣсами 18 верстъ, на Борзну 18+5 верстъ.

Всего удобнѣе было бы мнѣ съ Вами побесѣдовать *28 іюля*, потому что до моихъ имянинъ (27 іюля) будутъ у Александры Михайловны разныя заботы; на имянины могутъ собраться люди, говорящіе про дождь, про ленъ, про скотный дворъ, но которыхъ

---

[1]) А посылается едва 25 іюля потому что сегодня воскресенье: теперь *жнива*!

[2]) Давайте 1 р. и торгуйтесь до 3-хъ, теперь жнива, то пожалуй сдерутъ и 3 р.

я par complaisance долженъ выслушивать, а на другой день ужъ навѣрное мы останемся одни. Нѣтъ, нѣтъ! сейчасъ Александра Михайловна объявила, что если пріѣдутъ 70-лѣтнія тетушки, то останутся ночевать. Итакъ мы будемъ принадлежать себѣ и Вамъ только *29 іюля*.

Вотъ бы Вы еще меня одолжили, когда бы взяли у М. Г. Щербака мой *сакъ съ бумагами и бѣльемъ!* Я не могу ввѣрить его разсѣянному А-ру Бѣл., кот. уѣхалъ къ брату въ Варшаву, а самъ въ Кіевъ крайне не желаю ѣхать. Тамъ есть и весьма приличное красное одѣяло, которое Вы могли бы подмостить подъ себя въ дорогѣ. А двѣ подушки пусть останутся для А-ра Бѣлозерскаго. Но не захватите ли у Щербака же моей *мягкой шляпы?* Хуторскую износилъ въ прахъ.

Можетъ быть и мой зонтикъ привяжете къ Вашему? А зонтикъ для себя берите.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

P. S. Еще не такъ. Если Вы желаете пробыть у насъ два дня, то пріѣзжайте *30 іюля*, если же только одинъ, то—31-го: ибо онъ предшествуетъ воскресенью, а въ жнива только по воскресеньямъ можно отправить Васъ обратно въ Плиску.

21.

28 іюля 1876. Мотроновка.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Докторъ Иванъ Пулюй былъ недавно въ Борзнѣ у одного своего знакомаго, и ему сказали, будто бы меня нѣтъ дома, а я очень желалъ видѣться съ нимъ, чтобы разузнать о моихъ рукописяхъ, хранящихся въ Вѣнѣ, и относящихся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Сей докторъ Пулюй ищетъ въ Кіевѣ профессора по математическимъ наукамъ. О немъ можно освѣдомиться у проф. Авенаріуса, а можетъ быть, и у кого другого. Хотя онъ и галичанинъ, но честный человѣкъ, что между галичанами весьма рѣдко. Политическія же его воззрѣнія самаго солиднаго свойства. Онъ—*ученый*. Если бы Вы нашли возможность доставить ему

прилагаемую записочку, очень меня обязали бы, а еще больше обязали бы, если бы взяли его въ спутники до Мотроновки. Вамъ было бы веселѣе ѣхать, такъ какъ докторъ П. былъ бы для Васъ живою газетою о томъ, что дѣлается теперь въ Австріи. Онъ служилъ нѣкоторое время при Морской Академіи въ Фіуме, доканчивалъ свой докторатъ въ Страсбургскомъ университетѣ и хотя вовсе не юристъ, но Вы бы нашли о чемъ поразговориться съ нимъ во время Вашего пути.

Я уже писалъ къ Вамъ, что ѣхать въ Кіевъ за моими вещами крайне тягочусь, а потому возобновляю мою покорнѣйшую просьбу захватить мой сакъ, зонтикъ, шляпу, одѣяло у Щербака, чѣмъ премного обяжете.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

22.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Пересматривая каталоги рукописей Румянцевскаго Музея, я нашелъ: подъ № 1165 *Копію Литовскаго Статута*, подъ № 1198 *Уложеніе о силѣ и важности правъ малороссійскихъ*, подъ №№ 1027, 1208, 1210—1225 *собраніе документовъ*, относящихся къ правамъ на владѣнія землями и угодіями, сдѣлки, промыслы и т. п., подъ № 1583 *Статутъ Литовскій* и способъ правъ трибунальскихъ (съ печ. изд.) подъ № 1624 *связку разныхъ юридическихъ и историческихъ документовъ* конца XVII ст. до 1827. Каталогъ съ этими нумерами называется *входнымъ*. Если еще что встрѣчу, запишу для Вашего свѣдѣнія.

Въ Москвѣ живется мнѣ не дурно, хотя центры моей жизни составляютъ Румянцевскій Музей и Гл. Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1876, сент. 10. Москва.

Адресъ: на мое имя, на Кузнечномъ Мосту, домъ Торлецкаго, въ 3-мъ этажѣ № 15.

23.

Москва. 1876, сент. 21.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Во исполненіе Вашего желанія, разсмотрѣлъ я рукопись подъ № 1198. Это списокъ Литовскаго Статута временъ Елизаветы, не имѣющій заглавнаго листа и потому записанный въ каталогѣ словами первой главы: о силѣ и важности правъ малороссійскихъ.

Начало главы: Арт. 1: Права малоросийскіе отъ всепресвѣтлѣйшихъ всероссийскихъ Монарховъ здешнему народу потвержденние силу и важность имѣютъ таковую что ониими какъ малороссияне такъ вмалой Россіи всякие владѣльци и иностранние жильци и приежие судитись должни.

Всѣхъ главъ 30. Послѣ словъ: Конецъ книги сея, слѣдуетъ приписка: вышеписанние права по переводѣ изполского и латинского язиковъ на россійский діалектъ нами нижеподписавшимися вкоммиссію перевода и свода правнихъ книгъ опредѣленними поданной въ ту коммисию инструкціи в силу имянного указа изтрехъ книгъ водну книгу сведени etc.

Если этотъ списокъ Васъ интересуетъ, то благоволите наставить, чего въ немъ поискать.

Въ Кіевѣ печатается кѣмъ-то изъ ковалей Лѣтопись Самовидца по вновь открытому списку. Нельзя ли промыслить для меня экземпляръ, на томъ основаніи, что clericus, clericum non decimat? Теперь я этого въ особенности заслуживаю, потому что открылъ драгоцѣнные (хотя впрочемъ досадные для ковалей) документы, свидѣтельствующіе, что наши козаки были не что иное, какъ добычники или брави, безъ всякихъ гражданскихъ правилъ и съ религіею ниже нынѣшней турецкой. Вообще, надо сказать, что части архива иностранныхъ дѣлъ, умудрившіе уже нашихъ историковъ, требуютъ такого пересмотра, какъ будто къ нимъ никто еще не прикасался, не говоря уже о частяхъ еще не из-

слѣдованныхъ. Между прочимъ нашелъ я памятникъ 1604 года, интересный для ковалей относительно языка и правописанія, величиною въ листъ печати. Я воспроизведу его съ палеографическою точностію въ 1-мъ томѣ матеріаловъ для исторіи возсоединенія Руси. Онъ интересенъ и для Московской исторіи какъ относительно военныхъ, такъ и относительно мирныхъ предметовъ. Румянцевскій Музей богатъ старопечатными книгами, въ которыхъ я изучаю предисловія и посвященія. Замѣчательно, что іерархи и іеромонахи, пользуясь услугами козаковъ, относились къ нимъ точно къ наемникамъ, которыхъ надобно было терпѣть по неволѣ. Во всей полемикѣ, ругавшейся надъ папою и даже королевскою властью, ни разу не встрѣчается даже слово *козакъ*. Ихъ игнорируютъ какъ грубую силу, не имѣющую общаго съ интересами человѣка. Такъ и свѣтскіе паны, начиная отъ битвы при Бичино и кончая послѣднимъ захватомъ чужой земли, всегда имѣли подъ рукой запорожскихъ козаковъ; но козаки такъ точно не входятъ въ ихъ исторію, какъ и лошади, на которыхъ сидѣли эти рѣзуны. Но все это будетъ изображено въ комментаріяхъ къ документамъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

24.

1876, сент. 28. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Благодарю Васъ за намѣреніе прислать мнѣ экземпляръ Лѣтописи Самовидца, но позвольте отъ него отказаться. Я полагалъ, что тому, кто первый обратилъ вниманіе на эту лѣтопись, кто отправилъ ее въ Общество Ист. и Др. Росс., кто далъ ей названіе, подъ которымъ она извѣстна, слѣдуетъ получить экземпляръ новаго изданія gratis. Но ковали признавали за мной нѣкоторыя заслуги, пока я вмѣстѣ съ ними морочилъ публику народомъ, созданнымъ по образу нашему и по подобію. Когда же

я взялся за изученіе источниковъ и отнесся къ этому народу объективно, тогда потерялъ у нихъ всякое значеніе. Пусть и будетъ оно такъ—mniejsza o fém! Лѣтопись Самовидца доставитъ мнѣ одинъ изъ Московскихъ книгопродавцевъ, а Васъ покорнѣйше прошу забыть о ней.

Вы долженствовали психологически догадаться, что человѣкъ, попавшій на новое въ старомъ хламѣ архива, склоненъ къ преувеличеніямъ. Но я провожу тамъ ежедневно три-четыре часа съ истиннымъ наслажденіемъ.

Ваши предостереженія о козакахъ принимаю съ благодарностію. Не забывайте только, что у меня передъ глазами постоянно и вѣсъ и противовѣсъ. Я не уставилъ глаза въ одну точку. Козаки у меня являются на широкой сценѣ вмѣстѣ со множествомъ другихъ современныхъ явленій. Воздать каждому должное—это вѣдь такое нравственное наслажденіе, которымъ человѣкъ дорожитъ. Но это столь трудная функція, что я не могу быть увѣренъ въ своемъ безпристрастіи ко всѣмъ подсудимымъ, или лучше—въ непогрѣшимости. Одно вѣрно: что предвзятаго у меня ничего нѣтъ. Если бы свѣдѣнія и соображенія привели меня къ противоположнымъ выводамъ, я съ радостью отказался бы отъ того, въ чемъ былъ убѣжденъ, что это—непоколебимая правда.

Извѣстія объ указателѣ къ изданіямъ коммиссіи чрезвычайно меня радуютъ. Особенно предметный указатель меня интересуетъ.

Сижу погруженный въ истлѣвшія хартіи—кто-то подходитъ ко мнѣ; смотрю—Костомаровъ! Очень мы были довольны неожиданной съ обѣихъ сторонъ встрѣчѣ. Теперь работаемъ вдвоемъ и какъ въ архивномъ кабинетѣ никого больше нѣтъ, то о многомъ другъ у друга и освѣдомляемся; а вчера я провелъ вечеръ у него и познакомился съ его женой. Проговорили весь вечеръ объ исторіи, какъ юные школьники. Во многомъ и онъ измѣнилъ свой взглядъ на то, что прежде понималъ иначе. Сопоставленіе своей исторіи съ исторіями смежными и соприкасающимися отрезвляетъ умъ украинскій, столь склонный къ опьяненію.

Роль или мѣсто, занимаемое козаками въ дух. литературѣ XVII в. характеристична. Желательно было бы узнать, какую

позицію занимали они въ «правахъ», выразившихъ южно-русскую или русско-польскую жизнь. Вотъ одинъ изъ критеріевъ для оцѣнки этого явленія. Что́ внесли они въ право и какъ право, въ качествѣ философствующаго элемента жизни, отнеслось къ нимъ?

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

25.

1876, окт. 16. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Историч. пренія мои съ Кост. перешли въ рядъ самыхъ усладительныхъ совѣщаній. Много вечеровъ проводимъ мы вмѣстѣ, и его жена увѣряетъ, что никогда въ Петербургѣ не испытывала такого удовольствія среди вечернихъ собраній. По крайней мѣрѣ для меня много и пользы и удовольствія въ этихъ контроверсіяхъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Примѣчаніе. Слѣдующимъ письмомъ должно идти напечатанное въ февр. книжкѣ *первое* письмо, ошибочно датированное самимъ Кулишомъ *1867* годомъ вмѣсто 1876 года, вслѣдствіе чего, по недосмотру, оно поставлено не на своемъ мѣстѣ.

26.

1876, окт. 26. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Монографіи Костомарова по исторіи Украины, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, подвинули дѣло далеко послѣ того печальнаго

положенія, въ какомъ оно находилось во времена Маркевича. Но писать по нимъ образовательную по украино-русскому вопросу книгу рѣшится не каждый, и я не знаю, что́ лучше: не имѣть ли совсѣмъ прагматическаго изложенія исторіи южно-русскаго края, или получать ее, какъ выжатый изъ нашихъ до сегодпешнихъ писаній сокъ. Мы всѣ стоимъ при началѣ работы. Изданіе матеріаловъ—наше *спасенне діло*. Но переводить писанный архивъ на печатные листы, это только половина дѣла. Надобно рыться въ архивѣ человѣку, носящему уже въ умѣ былое и только дополняющему, исправляющему, озаряющему оное. У насъ это бываетъ рѣдко. Люди, лишенные способности воспроизводить жизнь, какъ напр. достопочтеннѣйшій Бодянскій, почти одни только и отдаютъ свое время на подобное дѣло. Если же Костомаровъ попадаетъ въ архивъ, то составляетъ себѣ поскорѣе букетъ неизвѣстныхъ публикѣ вещей и совершенно счастливъ ея благосклонною улыбкою. Восхитительная въ свое время мистрисъ Домби, умирая, хлопотала о розовыхъ занавѣскахъ. Такова участь почти всѣхъ популярныхъ историковъ. Я вижу, какъ усердно и какъ поверхностно работаетъ Костомаровъ. Еслибъ онъ забылъ, что онъ авторъ, съ его знаніями и талантомъ онъ былъ бы очень полезенъ для исторіографіи. Я иду слѣдомъ за двумя многотомными историками, и изъ того самаго архива, который угостилъ ихъ умственную ниву, составляю сборникъ нетронутыхъ ими матеріаловъ; а посмотрѣвши на то, что́ побросали редакторы Актовъ Зап. Россіи, нахожу *необходимымъ* составить новую редакцію оныхъ (и я увѣренъ, что она когда-то будетъ составлена). Не въ осужденіе Костомарову пишу Вамъ сіе я просто философствую на тему, какъ трудно вырабатываются наши прогрессивныя понятія. Конечно безъ Костомарова впереди, я бы иначе относился къ тому же самому дѣлу. Но я уклонился отъ переложенія писаннаго архива на печатные листы. Надобно, при изданіи актовъ, сообщать читателю свое крайнее разумѣніе оныхъ, показывать ему нить идей, руководившихъ поисками и выборомъ. Я это дѣлаю, бесѣдуя о каждомъ документѣ такъ, какъ будто думаю вслухъ, Тутъ можно вызвать и противорѣчіе въ читателѣ, слѣдо-

вательно и доказательство, а это полезно для хода науки въ нашей умственной сферѣ, въ сферѣ нашей интеллигентной современности. Сегодня подали наконецъ мнѣ первыя страницы на корректуру. Можетъ быть и лучше общее предисловіе, какъ дѣлаетъ Антоновичъ, но это ближе къ естественному движенію любознательности. По крайней мѣрѣ попробую.

О Чупринѣ и Чортоусѣ переведено съ польскаго и, кажется, напеч. въ *Основѣ* подъ названіемъ *Січові гості*. Не помню, та ли это передѣлка; но только оригин. разсказъ принадлежитъ не гайдамакѣ, а преслѣдователю гайдамакъ. Онъ лучше въ польскомъ текстѣ уже по одному тому, что не содержитъ вымысла и украшеній.—Грамматикою я занимался, но до глаголовъ не дошелъ. Одна работа перебивала другую. Была ревность, но не по разуму. Вотъ что приходится сказать въ заключеніе спектакля, когда наконецъ призываешь самого себя на строгій судъ. Вы о себѣ этого не скажете, потому что мановцами бродили. Мы увлекались центробѣжною силою, т. е. отдавались ей, ища центра въ пустомъ пространствѣ. Выбачайте за торопливость писанія. Спѣшу работать, пока не догорѣлъ огарокъ жизни.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

27.

1876, ноября 11.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Письмо Ваше объ Архивѣ пришло наканунѣ субботняго дня, въ который Архивъ для посѣтителей закрытъ. Въ понедѣльникъ мнѣ сказали, что надобно подать докладную записку. Во вторникъ она подана и только въ четвергъ получена резолюція. Записка нужна для того, чтобы видно было, сколь многіе интересуются архивомъ, а резолюція заключалась въ дозволеніи обозрѣть архивъ; обозрѣть же его могъ бы я по каталогу, еслибъ не обратился съ вопросомъ къ чиновнику, воображая, что онъ будетъ для меня Аріадною. На слѣдующемъ листкѣ обрящете пи-

саніе, сдѣланное въ самомъ архивѣ, а здѣсь скажу, что общія свѣдѣнія о немъ можно заимствовать изъ новѣйшаго энцикл. лексикона на русскомъ языкѣ. Я забылъ его названіе.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

P. S. Выбачайте за торопливость, опоздалъ, а откладывать отвѣта на другой день не хочу.

Реестръ Малороссійскимъ дѣламъ начинается 1522, а оканчивается 1781 годомъ. Первый документъ—привилегіи, данныя Кіевопечерскому монастырю.

О персонахъ, назнач. для составленія свода правъ, нѣтъ ничего.

Можетъ быть, были бы для Васъ интересны статьи Петра I явныя и тайныя, какимъ образомъ Андрею Измайлову поступать въ совѣтахъ, находясь при гетм. Скоропадскомъ, 1709, іюля 18. 27 и 30, № 43,—насколько онѣ не исчерпаны Соловьевымъ въ его Исторіи. Онѣ конечно послужили камертономъ и для составителей оной коммиссіи 1734 года.

Потомъ: Наказъ Борису фонъ-Вилерсу, как. обр. ему поступать въ небытность стольника Андрея Измайлова. 1710, мая 30, № 36.

Потомъ: Доношеніе отъ всего мал. народа съ просит. о ихъ надобностяхъ пунктами, 1710, № 45.

Въ дѣлахъ Архива много документовъ юридич., истекавшихъ изъ правит. власти. Напр.: универсалъ Скоропадскаго войту и мѣщанамъ бакланскимъ на разныя имъ выгоды, 1714. № 32. Унив. Скороп. досмотрщикамъ Стародуба о учрежденіи въ городѣ доброго порядка, 1715, № 9. Опредѣленія, указы, доношенія и запросы изъ Колл. Ин. Дѣлъ по мал. дѣламъ, 1732. № 3.

Но для Вашего предмета въ Архивѣ Мин. Юстиціи, безъ сомнѣнія, несравненно больше любопытнаго. Я туда еще не проникалъ, но имѣю знакомаго, тамъ служащаго, у котораго не премину случая поразспросить и, можетъ быть, добуду указанія на бумагѣ.

28.

1876 дек. 8. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Здѣсь она, здѣсь Александра Михайловна! Наконецъ и она дышетъ атмосферою человѣчности которой такъ мало въ нашихъ захолустьяхъ. Только этого и не доставало мнѣ для спокойнаго занятія моимъ дѣломъ.

Если понадобятся какіе документы, то вѣдайте, что Ал. М. захватила ихъ съ собой сюда.

Обѣ мои книги: Матеріалы и Ш-й томъ Исторіи печатаются, но страшно медленно. Пріятель мой Гатцукъ вертится съ своими календарями и проч., какъ муха въ окропѣ, и я долженъ упражняться въ христіанскомъ незлобіи, глядя на бремена, неудобь носимыя, еже возложи на рамена своя подвижникъ сей, странствуя по пути жизни. Да напечатаютъ хоть къ Святой! а тамъ и до-дому. Въ Кіевѣ тоже непремѣнно буду и наслажусь Вашимъ лицезрѣніемъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Неизданное письмо Н. В. Гоголя къ А. С. Данилевскому.

Какъ извѣстно А. С. Данилевскій съ ранняго дѣтства и до конца жизни Гоголя былъ его сверстникомъ и ближайшимъ другомъ. Ни съ кѣмъ Гоголь, осторожный въ сношеніяхъ съ людьми и часто углублявшійся въ свой внутренній міръ, не былъ такъ искрененъ, какъ съ Данилевскимъ. Близкіе сосѣди по имѣніямъ, они были ровесники по лѣтамъ и потому почти въ одно время поступили въ Гимназію Высшихъ Наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, которую и окончили въ одинъ (третій) выпускъ 1828 г.; затѣмъ вмѣстѣ отправились устраивать свою судьбу въ Петербургѣ и оттуда вмѣстѣ ѣздили въ Малороссію и за границу (въ 1836 г.), гдѣ прожили безвыѣздно нѣсколько лѣтъ. Данилевскій отъ природы былъ одаренъ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ и всегда съ большимъ интересомъ относился къ литературѣ и искусству, а потому Гоголь безъ труда сблизилъ его въ 1834 году съ кружкомъ литераторовъ, съ которымъ къ тому времени у него образовались уже прочныя связи; такъ Гоголь познакомилъ Данилевскаго съ Пушкинымъ, кн. Одоевскимъ, Плетневымъ, Крыловымъ и др.

По смерти матери (1838), извѣстіе о которой застало Данилевскаго за-границей, онъ долженъ былъ возвратиться въ Россію и заняться устройствомъ своихъ дѣлъ; онъ поселился въ деревнѣ, но средства къ жизни у него были такъ недостаточны, что необходимо нужно было позаботиться о службѣ. Только къ концу 1843 года Данилевскій устроился инспекторомъ пансіона при

первой гимназіи въ Кіевѣ, но самъ онъ и Гоголь не очень рады, были его педагогической карьерѣ.

Въ 1844 году Данилевскій женился на Ульянѣ Григорьевнѣ Похвисневой, которая будто-бы послужила Гоголю оригиналомъ для Улиньки во 2-ой части Мертвыхъ Душъ. Тѣмъ временемъ Гоголь, живя за-границей и переживая извѣстный переломъ во внутренней своей жизни, весною 1848 года отправился къ Пасхѣ въ Іерусалимъ, откуда черезъ Одессу въ срединѣ мая прибылъ въ свою Васильевку. Въ это холерное лѣто онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Кіевъ къ Данилевскимъ. Къ концу этого же лѣта Данилевскій, недовольный службой въ гимназіи, рѣшается оставить ее совершенно и уѣзжаетъ въ полтавское свое имѣніе, гдѣ они видятся съ Гоголемъ, и Гоголь обѣщаетъ черезъ своихъ пріятелей устроить его на службѣ въ Москвѣ. Въ концѣ августа Гоголь выѣхалъ въ Москву. Данилевскій сопровождаетъ его до села Сваркова въ Глуховскомъ уѣздѣ, гдѣ Гоголь гоститъ нѣсколько дней у дяди жены Данилевскаго, извѣстнаго по своей образованности и гуманной общественной дѣятельности въ Черниговской губерніи, Ал. М. Марковича

Неутѣшительныя вѣсти сообщаетъ Гоголь Данилевскому изъ Москвы; онъ пишетъ, что свободныхъ мѣстъ нѣтъ, жизнь въ Москвѣ очень дорога, и склоняется къ тому, что лучше Данилевскому продолжать оставаться помѣщикомъ (Письма Н. В. Гоголя. Изданіе А. Ф. Маркса. Т. IV., стр. 221—223). Данилевскій 21 декабря 1848 года отвѣчаетъ Гоголю, что онъ не рѣшается опять поселиться въ деревнѣ и согласится на мѣсто съ жалованьемъ хоть въ 6000 рублей ассигнаціями (Вѣст. Европы, 1890, II. стр. 604—605). Слѣдующее письмо, составляющее отвѣтъ Гоголя на предыдущее письмо Данилевскаго, и печатается нами теперь впервые [1]) Оно безъ даты, но очевидно писано въ январѣ 1849 г., такъ какъ письмо Данилевскаго отъ 16 февраля этого года является по смыслу и даже по отдѣльнымъ фразамъ отвѣтомъ на него. [2])

[1]) Подлинникъ хранится у Ал. П. Литвинова въ г. Глуховѣ.

[2]) Такимъ образомъ печатаемое здѣсь письмо Гоголя есть именно то, о которомъ В. И. Шенрокъ въ статьѣ «Н. В. Гоголь и А. С. Да-

На это письмо Данилевскій 16 февраля того же 1849 года отвѣчаетъ Гоголю: «письмо твое черезъ Александра Михайловича (Марковича) я получилъ давно, но не отвѣчалъ потому, что ровно не зналъ ничего сказать тебѣ въ отвѣтъ на твои проповѣди. Я вижу, тебя не урезонишь, ты все поешь одну пѣснь. Кто просилъ тебя искать для меня мѣсто, на которомъ можно было сидѣть сложа руки и ничего не дѣлать! Ну, да Богъ съ тобой! Мнѣ кажется, что мы переливаемъ изъ пустого въ порожнее, изъ этого ничего не выйдетъ. Ты—плохой ходатай, я—плохой искатель». (Вѣст. Евр. 1890, II, стр. 605—606). И дѣйствительно, старанія Гоголя были безуспѣшны, такъ какъ даже черезъ полгода онъ пишетъ Данилевскому: «по твоему дѣлу до сихъ поръ не сдѣлалъ ровно ничего, хотя, признаюсь тебѣ искренно, мнѣ часто желалось перетащить васъ обоихъ въ Москву и даже устроить вмѣстѣ хозяйство и жительство. (Письма Гоголя, IV, 269—270).

Весною и въ началѣ лѣта 1851 года Данилевскіе долго гостили у Гоголя въ Васильевкѣ. Разставаясь въ іюнѣ этого года съ Гоголемъ, уѣзжавшимъ въ Москву, Данилевскій разстался съ нимъ на вѣки, такъ какъ 21 февраля 1852 года Гоголя не стало.

Въ 1856 году Данилевскій получилъ мѣсто директора училищъ Полтавской губерніи, на которомъ оставался до середины 1861 года, а съ этого времени постоянно проживалъ въ имѣніи своей жены, въ с. Анненскомъ, Сумскаго уѣзда, гдѣ и скончался въ 1888 году, мучаясь полученною имъ за нѣсколько лѣтъ до смерти слѣпотою. Этотъ недугъ былъ особенно тяжелъ для Данилевскаго, который до послѣдней минуты жизни сохранилъ живой интересъ къ литературѣ.

Письмецо твое получилъ. Хотѣлъ было писать, не дожидаясь отвѣта и извѣстить что Росетъ предлагаетъ тебѣ при себѣ мѣсто въ 1000 р. серебр. Мѣсто, впрочемъ, не казенное. Но Росетъ внезапно уѣхалъ въ Калугу и когда будетъ назадъ не знаю.

нилевскій» (Вѣст. Европы 1890 г., кн. 2., стр. 605) говоритъ: «здѣсь одно письмо Гоголя утрачено». См. также: В. И. Шенрокъ «Матеріалы для біографіи Гоголя». М. 1898 г. Т. IV, стр. 718.

Если рѣшишься ѣхать въ Москву, не позабудь повидаться съ Алексѣемъ Васильевичемъ Капнистомъ и взять отъ него письма къ брату и еще къ кому нибудь изъ служащихъ и дѣловыхъ людей. Мои пріятели, какъ нарочно, *единаго прекраснаго жрецы* и большихъ сношеній съ дѣловыми людьми не имѣю. Впрочемъ будемъ работать по силамъ. За глаза дѣйствовать нельзя, и потому тебѣ заглянуть сюда дѣйствительно не мѣшаетъ. Писалъ я къ тебѣ о занятіи Деревней не потому, чтобы перемѣнилъ точку возрѣнья на твое положенье. Но потому что былъ разочарованъ безотрадностью всякихъ служебныхъ поприщъ. Еслибы у тебя было хотя честолюбіе и стремленье выйти въ люди, тебѣ бы легче было на службѣ, ты бы имѣлъ сколько нибудь духу перенести многое, что способно осорбить (sic) благородное чувство. Но этой силы стремлящей впередъ у тебя нѣтъ, по этому положенье твое будетъ въ нѣсколько разъ труднѣе положенья другого человѣка. Все пошло какъ то вкривь, для взяточниковъ есть поприще для честныхъ почти нѣтъ. Недавно имѣлъ случай узнать какъ даже и тѣ которые занимаютъ завидныя мѣста членовъ подвергаются сильнымъ взысканіямъ если только плутъ секретарь захочетъ упечь ихъ. Осмотрительность и вниманье къ читаемымъ дѣламъ нужно имѣть необыкновенные. Если хочешь какъ нибудь ужиться на службѣ и получить терпѣнье не бросить ее, то, пожалуста, не обольщай себя впередъ легкостью ея; на противъ рисуй лучше впередъ себѣ всякія ожидающія непріятности. Мнѣ сказывалъ одинъ, что онъ потому только ужился на службѣ, что ему при самомъ вступленіи нѣкто опытный человѣкъ далъ слѣдующій совѣтъ: не позабывайте ни наминуту, что всѣ ваши начальники мерзавцы, а потому не удивляйтесь ни какому поступку съ ихъ стороны, принимайте его, какъ должное. Это одно только правило которое я съ тѣхъ поръ держалъ неотлучно въ головѣ своей спасло меня, говорилъ онъ. Еще одно: напрасно ты имѣешь увѣренность что тебѣ 6 тысячъ достаточно на содержанье въ Москвѣ. Это можешь только сказать тогда когда проживешь здѣсь и узнаешь на мѣстѣ цѣну всякой вещи. Я нашелъ, что все стало почти вдвое дороже противу того какъ было назадъ тому еще 7 лѣтъ. Не позабывай также и того

что ты не экономенъ и еще ни разу не сводилъ концы съ концами. Жизнь небогатаго семейнаго человѣка я думаю еще труднѣй въ Москвѣ чемъ въ Петербургѣ. Я это вижу по семействамъ которые вижу. Но да вразумитъ тебя Богъ во всемъ и дастъ мудрость, какъ управить трудную ладью жизни. О себѣ покуда могу сказать не много. Начинаю кое-какъ свыкаться съ климатомъ хотя не безъ простудъ и насморковъ. Занятія мои еще какъ слѣдуетъ неустановились отчасти можетъ быть и отъ того, что все что ни вижу и что ни слышу вокругъ себя неутешительно. Стараюсь казаться сколько возможно веселымъ и развлекаться но въ душѣ грусть: будущее страшно; все невѣрно. Вполнѣ спокойнымъ можетъ быть теперь только тотъ кто сталъ выше тревогъ и волненій и уже ничего неищетъ въ мірѣ, или же тотъ кто просто бесчувственъ сердцемъ и позабывается плотски. Прощай. Не огорчайся тѣмъ что въ письмахъ моихъ попадутся иной разъ совѣты и тексты, даю ихъ только потому что самъ ихъ ищу. До сихъ поръ всѣ совѣты отъ кого они ни были, даже отъ не весьма умныхъ людей, были мнѣ полезны. Если я и неслѣдовалъ многимъ изъ нихъ, то все таки въ слѣдствіе ихъ оглядывался пристальнѣе на самаго себя и вооружался большею осторожностью въ поступкахъ.

Твой весь. Н. Г.

Ульянѣ Григорьевнѣ душевный поклонъ и всѣмъ кто меня помнитъ. Я подписался за тебя на Москвитянинъ, который въ этомъ году обѣщаетъ быть хорошимъ журналомъ. Я прибавилъ бездѣлицу къ тѣмъ деньгамъ которые тебѣ Погодинъ оставался долженъ.

Листокъ обыкновеннаго формата почтовой бумаги, на которой написано это письмо, былъ свернутъ и рукою Н. В. Гоголя надписано:

Александру Семеновичу Данилевскому.

Сообщ. **Петръ Дорошенко.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Маленькая замѣтка о мертвыхъ душахъ. Въ послѣднее время были опубликованы въ періодической печати соображенія о томъ, что безсмертному произведенію Н. В. Гоголя «Мертвыя души» основаніемъ послужили, между прочимъ, тѣ факты, которые попадались въ русской жизни, въ связи съ пріобрѣтеніемъ ловкими дѣльцами, для разныхъ своихъ аферъ, мертвыхъ душъ крестьянъ, числившихся по спискамъ живыми. Въ дополненіе къ этимъ справкамъ мы можемъ сообщить намекъ на одинъ такой фактъ, встрѣченный нами въ письмѣ М. Туманскаго къ своему родственнику Я. Бартошу, отъ 15 сент. 1842 года. Въ письмѣ этомъ М. Туманскій сообщаетъ, что Ив. Ив. Неплюевъ, извѣстный магнатъ, владѣвшій громадными имѣніями въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, оставшись недоволенъ дѣйствіями одного изъ своихъ управляющихъ, бывшаго у него на службѣ въ имѣніяхъ Золотоношскаго уѣзда (полтав. губ.), поручилъ принять отъ этого управляющаго всѣ дѣла Я. Я. Бартошу, и между прочимъ просилъ его пріемъ этотъ произвести со всей строгостью, т. к. слишкомъ много обнаружилось за нимъ разныхъ продѣлокъ. Въ концѣ письма находимъ слѣдующія строки: «Неплюевъ сказалъ, что мнѣ-бы хотѣлось его доѣхать порядочно..... *особенно за купленныя имъ мертвыя души*». Интересно было-бы разыскать какія-нубудь подробности объ этой покупкѣ, такъ какъ несомнѣнно, что Чичиковскія продѣлки были живымъ фактомъ въ тѣ годы на Руси.

Отрывки изъ дневника Г. П. Галагана, 1883—84 г.г. Г. П. Галаганъ имѣлъ обыкновеніе записывать въ «памятныхъ» книжкахъ тѣ или другія свѣдѣнія изъ встрѣчъ повседневной жизни. Книжки эти съ 80-хъ годовъ стали полнѣе, когда Г., ставъ членомъ государственнаго совѣта, получилъ возможность чуть не ежедневно сталкиваться съ разными интересными людьми и явленіями. Такимъ образомъ явились уже не «памятныя замѣтки», а настоящіе дневники. Конечно, современемъ (м. б. и не скоро) дневники эти дождутся своего изданія, а пока можно изъ нихъ брать кое-какія свѣдѣнія, которыя можно и теперь уже печатать, не безъ пропусковъ однакоже. На первый разъ приведемъ нѣсколько замѣтокъ Г. П. Г—на о «Кіевской Старинѣ», прожившей уже два десятка лѣтъ со времени своего возникновенія и потому, конечно, имѣющей уже свою исторію. Къ замѣткамъ о «К. Стар.» присоединяемъ два отзыва: о Костомаровѣ и о его книгѣ—«Мазепа».

1883 г., февраля 10. Получилъ февральскую книжку *Кіевск. Старины;* прочелъ статью Костомарова о Кулишѣ, не дурна; но можно бы сильнѣе сказать правду этому .... ному человѣку. *(Спб.).* [1])

— *Іюля 7.* Дочиталъ *Мазепу* Костомарова; интересная книга. О Кочубеѣ, Палiѣ и друг. очень важныя свѣдѣнія. Мой предокъ Игнатій представленъ жестокимъ предателемъ Сѣчи Запорожской. Съ заключеніемъ Костомарова согласиться никакъ нельзя: или узкій взглядъ или—il joue double jeu. Было бы время да поменьше упадка силъ, то написалъ бы объ этомъ статью, какъ и о *Гонтѣ.* Много можно бы было высказать. *(Сокиренцы).*

— *Октября 11.* Былъ у меня Ѳ. Г. Лебединцевъ, вернувшійся изъ Спб. Дѣло журнала идетъ плохо. Я возобновилъ ему для учета вексель на 1000 р. *(Кіевъ).*

— *Ноября 19.* Былъ у Ѳ. Г. Лебединцева, который къ удовольствію моему рѣшается продолжать свою *Кіевскую Старину.* Надобно его поддержать. *(Кіевъ).*

— *Декабря 9.* Отправился къ гр. Толстому говорить о дѣлахъ полтавскихъ. Я говорилъ еще Толстому о субсидіи *Кіевск. Старинѣ.* Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ денегъ, но уполномочилъ переговорить съ Бунге. *(Спб.).*

---

[1]) Въ скобахъ обозначается мѣсто, гдѣ сдѣлана запись.

— *Декабря 14.* Былъ въ д—тѣ у Заики (Вл. Ден.). Хлопоталъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи субсидіи *Кіевской Старинѣ*. Заика обѣщалъ. *(Спб.)*.

1884 г. Января 18. Вчера получилъ письмо Меринга, который пишетъ, что онъ возмущенъ субсидіей, данной Лебединцеву...[1]) Прійдется и мнѣ защищаться отъ нападковъ... Надобно будетъ серьезно написать Лебединцеву. *(Спб.)*.

— *Января 29.* Былъ у Х. Х.—Тутъ цѣлая интрига противъ Лебединцева, начавшаяся съ Кіева.

— *Февраля 6.* Утромъ писалъ Лебединцеву длинное письмо съ моимъ мнѣніемъ о его недоброжелателяхъ, о его неосторожныхъ дѣйствіяхъ и о статьѣ *Старосвѣтскіе батюшки и матушки.*[2])

— *Апрѣля 8.* Гр. Милорадовичъ, изъ Кіева пріѣхавшій, разсказываетъ, что Ю. кричитъ вездѣ о томъ, что *Кіевск. Стар.* опасна, что я выхлопоталъ субсидію такому журналу и проч., и проч.... невмѣняемый! *(Спб.)*.

— Вечеръ провелъ у NN. Говорили о *Кіевской Старинѣ*, о Лебединцевѣ (съ которымъ надобно держать ухо востро) [3]) Встрѣтилъ Крыжановскаго; [4]) человѣкъ умный, полный жизни и здравыхъ русскихъ понятій. *(Спб.)*.

— *Мая 4.* Былъ Вл. М. Юзефовичъ († 1898); разсказывалъ о дѣлахъ Главн. Упр. по дѣл. печати. Лебединцевъ дѣйствительно просилъ дозволенія употреблять кулишевскіе фонетическіе *і*, но ему отказали...

— Письмо Лебединцева очень обезкураженное, непонимающее преслѣдованій; пишетъ о буквѣ *і*. Я хочу писать ему, что неприлично серіозному журналу заниматься фонетическими фарсами, какъ *і*. *(Спб.)*.

— *Іюля 8.* Пріѣхалъ Н. И. Костомаровъ [5]) съ своимъ сосѣдомъ Савченкомъ. Костомаровъ очень постарѣлъ, сдѣлался совсѣмъ дряхъ-

---

[1]) Назначенная Ѳ. Г. Лебединцеву субсидія была прекращена послѣ напечатанія имъ, въ К. Ст., статей Кузмичевскаго.

[2]) Повѣсть И. С. Левицкаго, печатавшаяся въ Кіевской Старинѣ.

[3]) Не объяснено—почему.

[4]) Еф. Мих. Крыжановскій, р. 1831 † 1888. См. *Собраніе сочиненій Е. М. К—аго.* 3 тома. Кіевъ, 1890. 8°.

[5]) Изъ с. Дѣдовцовъ, прилуцк. у., гдѣ К. жилъ въ имѣніи своей жены.

лымъ, а ему только 66 лѣтъ. Разговоръ его все-таки интересенъ.... Заговорилъ съ Костомаровымъ объ украинофильствѣ; онъ хотя не сочувствуетъ Z и К°, но вообще отвѣчаетъ уклончиво. Когда мы заговорили о памятникѣ Б. Хмельницкому, то онъ сказалъ, что совсѣмъ не сочувствуетъ извѣстной группѣ Микѣшина, но что его мысль была—поставить *Богдана* просто на конѣ съ булавою и надпись сдѣлать изъ словъ, сказанныхъ имъ Киселю: «згине Польша, згине, а Русь буде пановаты на усимъ свити!» Да, не дурно. Но... *(Сокиренцы).*

Помянка продковъ. Болѣе тридцати лѣтъ уже печатаемъ мы свѣдѣнія по части генеалогіи малорусскихъ старожилыхъ фамилій и—не перестаемъ съ того времени получать укоры и замѣчанія на какую то «тенденцію» этихъ генеалогическихъ очерковъ. Хорошо помнимъ, что послѣ напечатанія въ 1875 г., въ «Русск. Архивѣ», генеалогическаго очерка NN-овъ, тогдашній наличный потомокъ этой фамиліи, а нашъ знакомый, пересталъ быть нашимъ знакомымъ... Оказалось, что корень, изъ котораго выросло «древо»—въ нашемъ очеркѣ явился рядовымъ, неграмотнымъ козакомъ... Впрочемъ, мы должны тутъ же добавить, что это *незнакомство* обидившійся потомокъ черезъ нѣсколько лѣтъ прекратилъ и—въ послѣдніе годы своей жизни—проявилъ такія теплыя къ намъ отношенія, что мы, кромѣ доброй памяти, ничего не сохранили объ этомъ человѣкѣ, такъ откровенно сознавшемъ свой ложный шагъ... Другой эпизодъ, изъ проявленій ревности потомковъ къ памяти своихъ предковъ, имѣлъ мѣсто гораздно позже, но зато въ видѣ пространнаго «выговора на письмѣ»... Въ отвѣтъ на послѣдній мы предложили представить свое оправданіе *печатно*, но предложеніе это принято не было, и мы—полученный выговоръ сложили въ свой архивъ на память потомкамъ. А въ самое послѣднее время намъ переданъ редакціей «Кіевск. Старины» рядъ замѣчаній г. И. Полетики на два наши генеалогическіе очерка: лубенскаго полковника Максима Илляшенка и Григорія Андреевича Полетики. Замѣчанія г. И. Полетики изложены въ такой формѣ, что мы охотно на нихъ отвѣчаемъ, хотя и частично. Дѣло въ томъ, что изъ этихъ пространныхъ замѣчаній мы беремъ лишь ту часть, которая касается будто бы невѣрно истолкованнаго нами *родословія* Полетикъ. Остальныя замѣчанія, касающіяся имѣній Полетикъ,

заключая въ себѣ нѣкоторыя фактическія добавленія, не имѣютъ особаго значенія и не служатъ «пунктами» обвиненія.

Засимъ приводимъ отрывокъ изъ замѣчаній—*генеалогическаго* характера.

«Въ своей статьѣ Лазаревскій, приводя выдержки изъ родословія Полетикъ, оговаривается, что родословіе это составлено самимъ Григоріемъ Андреевичемъ Полетикой. Въ опроверженіе этого предположенія, я, какъ потомокъ рода Полетикъ, долженъ сказать, что родословіе Полетикъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ православнаго древняго шляхетства Волынской земли, удостовѣряется грамотой короля польскаго Станислава Августа, данной *для представленія въ коммиссію о разборѣ правъ нашего рода на дворянство въ 1787 году* (нашъ курсивъ), брату моего прадѣда, совѣтнику русскаго посольства въ Вѣнѣ и повѣренному въ дѣлахъ Григорію Ивановичу Полетикѣ. Въ этой грамотѣ признаны шляхтичами не только получившій ее—Григорій Ивановичъ, но и его отецъ и братья его отца, Павелъ и Василій Ивановичи, дѣти Ивана Ивановича Полетики, убитаго въ 1673 г., въ битвѣ подъ Хотиномъ, въ польскихъ хоронгвахъ, съ ихъ потомствомъ, а слѣдовательно и Григорій Андреевичъ Полетика и отецъ его Андрей Павловичъ Полетика».

«Родословіе Полетикъ, приведенное въ королевской грамотѣ *вполнѣ сходно съ родословіемъ найденнымъ* г. Лазаревскимъ въ бумагахъ Григорія Андреевича Полетики, съ той лишь разницей, что объ имѣніяхъ седневскаго сотника Полетики, зятя гетмана Многогрѣшнаго, какъ находившихся въ XVII стол. внѣ предѣловъ польскаго королевства, ничего не говорится въ той грамотѣ»...

«Изъ вышесказаннаго видно, что родословіе Полетикъ не есть сочиненіе Григорія Андреевича Полетики, а фактъ историческій, основанный на оффиціальныхъ доказательствахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію».

Засимъ г. И. Полетика приводитъ грамоту польскаго короля Станислава Августа въ русскомъ переводѣ, которая грамота будто бы опровергаетъ наше мнѣніе о *сочиненности* родословія Полетикъ.

Вотъ эта грамота. «Да будетъ вѣдомо на будущія времена всѣмъ—настоящій дипломъ нашей привеллегіи читающимъ или о немъ слышащимъ, что въ силу дозволенія намъ сеймомъ 1775 года дать шляхетскіе дипломы нѣкоторымъ особамъ и фамиліямъ, какъ о томъ яснѣе явствуетъ изъ конституціи того сейма, и вслѣдствіе покорнаго

намъ донесенія, заблагоразсудили мы удержать, на основаніи вышеупомянутаго намъ дозволенія, при шляхетствѣ польскомъ Григорія Полетику, совѣтника русскаго императорскаго посольства въ Вѣнѣ, кавалера ордена св. Владиміра, также и братьевъ его, какъ родныхъ, такъ и двоюродныхъ, фамилію Полетикъ носящихъ, какъ съ давнихъ временъ, польскимъ шляхтетствомъ защищающихся, изъ воеводства волынскаго происходящихъ, отъ прапрадѣда Ивана и того же имени прадѣда, который въ 1673 году, въ войскѣ нашемъ противъ турокъ, убитъ былъ подъ Хотиномъ, оставивъ трехъ малолѣтнихъ сыновей: Павла, Григорія и Василія, а также дочь Ѳеодосію, въ замужествѣ за шляхтичемъ польскимъ Колосовскимъ. Изъ нихъ Павелъ, окончивъ науки въ Кіевѣ, первый поселился въ Малой Россіи; затѣмъ—его братья Григорій и Василій. Первый, въ чинѣ офицерскомъ въ полтавскомъ полку служа, умеръ подъ Полтавой, въ битвѣ противъ шведовъ, въ 1709 году, оставивъ 3-хъ сыновей, Андрея, Ивана и Матвѣя, изъ которыхъ отъ Ивана между другими дѣтьми происходитъ и Григорій Полетика, совѣтникъ русскаго императорскаго посольства въ Вѣнѣ. А такъ какъ издавна, въ нашихъ краяхъ и въ Малой Россіи, принадлежали они къ шляхетству, то Григорія Полетику, братьевъ его родныхъ и двоюродныхъ, какъ и тѣхъ всѣхъ отъ дѣда ихъ Павла Полетики происшедшихъ, въ шляхетствѣ польскомъ признаемъ и утверждаемъ настоящимъ дипломомъ, вѣдая, что, вслѣдствіе уничтоженія во время революцій мѣстныхъ архивовъ, трудно иныхъ всякихъ доказательствъ добыть».

Что же говоритъ эта грамота?—Говоритъ она, что король, по праву, данному ему сеймовою конституціей 1775 г., «удерживаетъ» Полетикъ въ шляхетскомъ достоинствѣ, при чемъ имѣющіяся въ грамотѣ свѣдѣнія о предкахъ Полетикъ внесены сюда видимо подъ диктовку просителей, потому что, «вслѣдствіе уничтоженія во время революцій мѣстныхъ архивовъ, трудно иныхъ всякихъ доказательствъ добыть», говорится въ этой самой грамотѣ. Происхожденіе самой грамоты объясняется тогдашними обстоятельствами чиновныхъ малороссіянъ, стремившихся попасть въ ряды русскаго дворянства. Какъ видно изъ переписки Г. А. Полетики съ его родственникомъ Г. И. Полетикою [1]) (совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ), первый очень хлопоталъ — нельзя-ли его сыновьямъ заполучить какимъ-нибудь образомъ «иностранные офи-

---

[1]) См. *Частная переписка Гр. Андр. Полетики* (1750–1784 г.) Кіевъ, 1895 8°. (Оттискъ изъ „Кіевск. Старины“).

церскіе чины» (стр. 170). Чины эти нужны были—практическому человѣку—для будущаго доказательства дворянства... Пріобрѣтеніе такихъ чиновъ заграницей—въ это время—уже практиковалось въ Малороссіи: въ 1775 г. *малолѣтніе* сыновья гадяцкаго полковника Ив. Тарновскаго, Иванъ и Михаилъ, имѣли уже чины *капитановъ* «польскихъ королевскихъ войскъ». [1]) Тарновскій добылъ эти чины для сыновей—тоже для будущаго доказательства дворянства. Такіе же чины хотѣлъ добыть и Г. А. Полетика, для своихъ сыновей, чрезъ вѣнскаго своего родича, но послѣдній отвѣчалъ ему, что въ Австріи и Пруссіи сдѣлать это трудно, а въ Польшѣ существуетъ для того «извѣстное препятствіе (?), понынѣ продолжающееся». Попробовалъ было вѣнскій дипломатъ обратиться за этими чинами еще—въ Данію, въ Пруссію, въ Саксонію..., но и здѣсь «не имѣлъ удачи въ тѣхъ попыткахъ». Болѣе успѣшною представилась попытка его въ Штутгартѣ: вѣнскій резидентъ Виртемберга «подалъ»—Полетикѣ—«надежду къ достиженію желаемаго»; начались было переговоры и о «потребныхъ къ сей коммиссіи *издержкахъ*» (стр. 179); однакожъ это дѣло не сладилось, п. ч. Г. А. Полетика не удовлетворялся «капитанскими и поручичьими чинами», которые ему предлагались, а желалъ большихъ (?). Вслѣдъ затѣмъ (1784 г.) Г. А. Полетика умеръ, и послѣ его смерти—исканіе доказательствъ будущаго дворянства, для всѣхъ уже Полетикъ, взялъ на себя вѣнскій ихъ представитель. Въ 1787 г. этотъ П—ка получилъ приведенную выше грамоту—на «удержаніе» въ шляхетствѣ, какъ самаго просителя, такъ и его братьевъ, «родныхъ и двоюродныхъ». Видимо, что для полученія такихъ грамотъ требовались не какіе либо акты о происхожденіи, а «издержки». Поэтому—о представленіи Полетиками при этомъ какихъ либо фамильныхъ документовъ—въ грамотѣ и не говорится, а упоминается лишь, что Полетики «съ давнихъ временъ защищаются польскимъ шляхетствомъ». Это послѣднее обстоятельство удостовѣрялось, какъ видно, однимъ лишь заявленіемъ просителей («мѣстные архивы уничтожены во время революцій»), которые при этомъ привели всѣ тѣ свѣдѣнія о своихъ предкахъ, о коихъ говоритъ грамота и которыя извлечены были не изъ какихъ либо актовъ, а изъ семейныхъ преданій, а послѣднія уже раньше сведены были въ особомъ «родословіи», авторомъ котораго

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, III, 356.

былъ Г. А. П—ка. Въ этомъ смыслѣ мы и говорили,—и теперь повторяемъ,—что родословіе Полетикъ было *составлено* Г. А. Полетикою, который, можно сказать, вообще былъ спеціалистомъ по части «сочиненія» такихъ «родословій», требовавшихся въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII в. во множествѣ, при доказательствахъ дворянства. [1]) Составленное имъ родословіе Полетикъ послужило, такимъ образомъ, какъ для королевской грамоты, такъ и для насъ—однимъ и тѣмъ-же источникомъ для свѣдѣній о предкахъ Полетикъ.

А. Л.

Придворные гайдуки откуда набирались, видно изъ слѣдующаго документа. «Высокородный и высокопочтенный господинъ полковникъ переяславскій, милостивый государь мой! Прошедшого 759 году, разныхъ числъ, съ повелѣнія его сіятелства графа ясневелможнаго господина гетмана и кавалера, писано отъ мене къ вашему высокородію о пріисканіи въ полку переясловскомъ, для отъсилки къ высочайшому ея императорского величества двору, въ гайдуки, чрезъвычайно рослыхъ людей, тоесть, чтобъ были въ три аршина или мало чимъ менше, но оные писма повидимому забуты, что и (понынѣ?) таковыхъ велидановъ не прислано, и проискано ль сколь (ко?) оныхъ—неизвѣстно. Нинѣ же отъ двора ея и. величества, зъ высочайшаго ея и. величества повелѣнія, гофъ-маршалъ Сѣверсъ таковыхъ чрезъвычайного росту велидановъ нужно требуетъ. Для того его сіятелство ясневелможный господинъ гетманъ и разныхъ ординовъ кавалеръ изволилъ приказать писать къ вашему высокородию, чтобъ такого великого росту людей, сколько и какъ скорѣе можно отыскавъ, въ переясловскомъ полку, немедленно оныхъ (для) отправленія къ высочайшему двору при нарочныхъ послали въ домъ его ясневельможности, въ Глуховъ. (Только) того смотреть, чтобъ оные чрезъвычайного росту (люди) были на всемъ здоровы и лицемъ не гнюсны.

Вашего высокородія, милостивого государя моего, покорнѣйшій слуга Павелъ Ломѣковскій.

1760 году, ноября 22 дня.» *(Съ подлинника).*

---

[1]) См. письмо Г. А. П—ки къ Я. А. Гамалѣѣ въ собраніи писемъ перваго, стр. 84. Здѣсь П—ка говоритъ о „своемъ трудѣ въ сочиненіи происхожденія рода Гамалѣевъ“.

Къ этому можно добавить, что мужское населеніе приднѣпрянскихъ переяславскихъ селъ отличается своего статностью, причемъ тутъ нерѣдко можно встрѣтить настоящихъ богатырей—красавцевъ! Говорятъ, что контингентъ этого населенія даетъ наиболѣе рослыхъ «людей» въ гвардейскіе кирасирскіе полки, т. е. кавалергардскій и друг.

Добавка къ замѣткѣ о „Спискѣ студентовъ кіевской академіи 1779 г.“. Говоря въ этой замѣткѣ, что изъ списковъ учениковъ академіи изданъ былъ лишь одинъ—списокъ 1769—70 г. (Аскоченскимъ), мы ошибались. Въ «приложеніяхъ» къ VII-му тому «Описанія документовъ и дѣлъ архива свят. Сунода», (въ 1885 г.) напечатанъ «Реестръ учителей и учениковъ въ коллегіумѣ Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающихся, року 1727 г. поданный». Кромѣ 8-ми учителей, здѣсь перечислены; а) *ученики теологіи*—47, б) *ученики философіи*—83, в) *реторе*—79, г) *поэты*—84, *синтактики*—97, д) *грамматики*—51, е) *инфемисти*—84 и ж) *фаристи*—117. Всѣхъ учениковъ перечислено—642. Этотъ списокъ даетъ полную картину контингента кіевскихъ академистовъ нач. XVIII в. Тутъ мы видимъ цѣлый рядъ академистовъ изъ старшинскихъ дѣтей: Лизогубовъ, Забѣлъ, Марковичей, Танскихъ, Косачей, Себастіановичей и друг. Между прочимъ, здѣсь, въ числѣ «фаристовъ» показанъ *Григорій Галаганъ;* если это былъ сынъ прилуцкаго полковника Игнатія Галагана и самъ—будущій полковникъ, то мы, зная годъ его рожденія (1716 г.), [1]) видимъ, что этотъ «полковниченко» въ 11 лѣтъ уже учился въ кіевской академіи. Вообще списокъ 1727 г. представляетъ собою очень любопытный документъ для исторіи образованности въ старой Малороссіи, указывая степень распространенности въ ней школьнаго обученія въ перв. полов. XVIII в.

Вишневецкая библіотека. Польскій историкъ Балинскій, описывая лѣтъ 60 тому назадъ въ своей «Starożytna Polska» вишневецкій замокъ, [2]) бывшій нѣкогда резиденціей извѣстныхъ князей Виш-

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, III. 49.

[2]) м. Вишневецъ при р. Горыни въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губ.

невецкихъ, говорилъ, между прочимъ, что находившееся въ замкѣ «драгоцѣнное собраніе книгъ насчитываетъ въ себѣ много первыхъ изданій, рѣдкихъ дѣлъ и важныхъ рукописей». Это собраніе книгъ и рукописей находится теперь въ г. Кіевѣ и принадлежитъ В. И. Толли, бывшему владѣльцу м. Вишневца. Въ своемъ теперешнемъ видѣ оно состоитъ изъ книгъ и рукописей, какъ князей Вишневецкихъ, такъ и позднѣйшихъ владѣльцевъ Вишневца: Замойскихъ, Мнишковъ, Пляте-ровъ, и заключаетъ въ себѣ, кромѣ рукописей, до 5000 томовъ изданій съ конца XV до половины XIX в. на латинскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, русскомъ, греческомъ, сербскомъ и другихъ языкахъ. Что касается рукописей, то страннымъ кажется почти полное отсутствіе фамильныхъ бумагъ князей Вишневецкихъ, которыхъ, судя по библіотечнымъ каталогамъ конца XVIII в., раньше были цѣлыя сотни. Мало также оригинальныхъ документовъ XVI и XVII в. [1])

Самый богатый изъ отдѣловъ печатныхъ книгъ вишневецкой библіотеки—это отдѣлъ беллетристики. Онъ состоитъ изъ 1500 томовъ произведеній разныхъ авторовъ, начиная съ Bonsard'a (изданіе 1573 года), Noble, Pendari, Simon, Segrais, Sterne, Fontenelle, Fontaine, Filding, Morro и пр. и оканчивая безчисленными романами Kotzebue и A. Dumas.

Отдѣлъ книгъ богословскаго и духовнаго содержанія начинается Библіей, изданной въ 1497 г. на латинскомъ языкѣ (Biblia Sacra impressa in Selici Henetorum civitate 1497). Далѣе идутъ Библіи: нѣмецкія (1530—1603 гг.), латинская (1546 г.), польская (1577 г.), Псалтирь латинская (1515 г.), Новый Завѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ (1533 г.), Евангеліе на польскомъ и литовскомъ языкахъ in 16° безъ заглавнаго листа; Historya Starego y Nowego Testamentu z francuskiego vierszem polskim przetłumaczona, w Nancy 1761 r. Hebraica chaldaea graecaque et latina nomina virorum, populum, idolorum... quae in Bibliis sparsa sunt, Lugduni 1537. Joan. Thauleri De vita et passione Salvatoris nostri Jesu Christi 1548. Fragmenta Caroli Magni aliorumque de veteris Ecclesiae ritibus, Antverpiae 1550. B. Platinae Historia de vitis pontificum romanorum, Coloniae Agrippinae 1568. Antonii Possevini Notae divini verbi, Poznaniae 1586. Joan Tvardovsk

---

[1]) Документы этого времени есть, но почти всѣ они являются только болѣе или менѣе поздними копіями.

Examen fidei sectariorum, Vilnae 1594. Francisci Lucae Brugensis Concordantiae bibliorum sacrorum, Antverpiae 1617. Fausti Socini Senensis De coena Domini tractatus brevis, Racoviae 1618. Paradisus cormeliticie decoris. Lugduni 1639. Wieczność piekielna, w Krakowie 1640. Philippus Jacobus Bibliotheca sanctorum patrum, Augustae Vindelicorum 1719. Piotr Skarga Kazania przygodne, w Wilnie 1738. Bullarium Benedicti papae XIV, Romae 1746. Къ литературѣ духовныхъ стиховъ относится M. I. Kuligowskiego Historya o swiętym Jozaphacie krolewicu Indiyskim y o swiętym Barlaamie pustelniku, w Krakowie 1688. Есть также много іезуитскихъ изданій и цѣлые десятки томовъ проповѣдей, преимущественно польскихъ.

Среди книгъ философскаго содержанія находятся: Aureli De secretis naturae, Basileae 1570. Problemata Aristotelis, Lugduni 1579. I. Badini Universae naturae theatrum, Francofurti 1597. A Senecae Opera a Justo Lipsio emendata, Antverpiae 1615. Hervicius Oreus Assenheim. Viridarium hierogliphico-morale, Francofurti 1619. H. Cardani De utilitate, Amsterodami 1672. Buffjer Elemens de méthaphisique, à Paris 1725. Есть произведенія Bacon'a, Beroaldi, Bartholimi, Gautier и др. Изъ сочиненій по алхиміи упомянемъ: Doctrina verae alchemiae, Basileae 1561. M. Rulandus Lexicon alchemiae 1612. Albertus Magnus. De secretis mulierum item de virtutibus herbarum, lapidum et animalium, Amsterodami 1648. Отдѣлы юриспруденціи, математики, медицины, искусства,—сравнительно, болѣе бѣдны, за то богатъ отдѣлъ исторіи, особенно, польской.

По исторіи Польши, кромѣ извѣстныхъ хроникъ Длугоша, Кромера, Бѣльскаго, Гвагнина, находятся еще слѣдующія сочиненія: Paprocki Herby rycerstwa polskiego, w Krakowie 1584 и 1589. Epistola Georgii Chiakor de morbo et obitu Stephani regis Poloniae, Claudiopoli 1587. Arnoldus Milius regum polonorum vivae imagines, Coloniae Agrippinae 1594, Christophori Varsevicii De optimo statu libertatis libri duo, Cracoviae 1598. Его же: Paradoxa christianorum et de origine generis et nominis poloni dialogus, Romae 1601. Acta et decreta commissionum Poloniae et Sueciae, anno 1609 et 1612 habitarum, Cracoviae 1633. S. I. Petricii rerum in Polonia historia 1620 - 1621 an., Cracoviae 1637. Simon Okolski Orbis polonus, Cracoviae 1641. Ekerhard Vassenborgius Cisteron Joannis Casimiri carcer gallicus, Gedani 1644. Его же: Gesta Vladislaí IV, Gedani 1649. Epistolica relatio equitis poloni ad amicum de proelio contra tartaros ad Ach-

metoviam 30 jan. 1644 an., Dantisci 1644. Kojałowicz. De rebus anno 1648 et 1649 contra zaporovios cosacos gestis, Vilnae 1651. Joachimus Pastorius Bellum scythico-cosacicum, Dantisci 1652. S. Sczygielski Aquila polono-benedictina, Cracoviae 1663. Его же: Phorus benedictina, Cracoviae 1669. Reinholdi Heidensteinii rerum polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. Francofurti 1672. M. Christophori Hartcnochi Respublica Polonica, Jenae 1678. Bizardier Histoire de la scission ou division arrivée en Pologne le 27 juin 1679 au sujet de l'election d'un roy, à Paris 1700. Hauteville Relation historique de la Pologne, à Pariś 1697. Instrumentum pacis inter sacras regias Majestates Sveciae et Poloniae et Regiam Majestatem Saxoniae, Lipsiae 1706. A. Chr. Załeskiego Epistolae historico familiares, Brunsbergae 1711. Freund Dissertatio de insignibus regiis polonicis, Lipsiae 1712. Desfontaines Histo re des revolutions de Pologne, à Amsterdam 1735. L'Abbé Coyer Histoire de Jean Sobieski, roi de Pologne, à Varsovie 1761. Eloge de Stanislas I, roi de Pologne, à Paris 1766. Burdillon Essai historique et critique sur les dissentions des églises de Pologne 1767. Есть нѣсколько рѣдкихъ брошюръ, относящихся къ личности короля Михаила Вишневецкаго. Онѣ имѣютъ чисто панегирическій характеръ, но, можетъ быть, представятъ интересъ тѣ данныя по генеалогіи и исторіи князей Вишневецкихъ, которыя въ нихъ находятся. Брошюры эти слѣдующія: Corona de lapidibus proetiosis... coronationis die domini Michaelis Dei gratia polonorum regis, Zamoscii 1669. V. I. Mazurkovic Cynthia Korybuthea in auguratione Michaelis Korybuthi, regis Poloniae, Cracovaie 1669. St. Temberski Chronologia synoptica palmitis Coributei ad coronationis diem Michaelis I Dei gratia regis Poloniae, Cracoviae 1669. Joachimus de Hirtenberg Pastorus Diadema gloriae domini Michaelis D. g. regis Poloniae, Cracoviae 1669. 10 milliesque vivat serenissimus Michael. Такое же точно значеніе для изученія исторіи рода князей Любартовичей-Сангушковъ имѣетъ Sparta Polska. Panna naysw. Marya w cudownym obrazie w kosciele Łuckim dominikanskim, w Zamosciu 1703.

Древнѣйшей книгой изъ отдѣла всеобщей исторіи является Schedel'я Hartmann'a Register des buches der Cronichen und Geschichtens mit figure und pildnussen fon an begin der Velt bis auf dise unsere Zeit, Nurnberg 1493 или 1497. Далѣе упомянемъ: Pauli Jovii Historiae sui temporis Florenciae 1550. I. Funccius Chronologia omnium temporum 1552. A. Krautzii Rerum germanicorum historici claris.

Saxonia. Francofurti ad Moenum 1575. Le cabinet du roy de France 1581 M. Broniovii Tartariae descriptio, Coloniae Agrippinae 1585. I. Sturmii De bello adversus Turcos, Jenae M.D.IIC. Lopez de Gomera Histoire générale des Indes occidentales. à Paris 1606. Melancthon Ghil. Chronicon carionis 1617. P. Piasecius Chronica gestorum in Europa, Cracoviae 1645. Famiani Stradae romani e societate Jesu de belle belgico, Romae 1648. Briot Histoire de l'état présent de l'empire Ottomane, à Paris 1670. Stephani Broderici Narratio de proelio ad Mohatzium (1526), Argentorati 1688. Le grand théâtre historique, à Leide 1703. Description de la Livonie, a Utrecht 1705. Jacques le Long Bibliothèque historique de la France, à Paris 1719. Знаменитая энциклопедія Дидро, масса мемуаровъ XVII и XVIII в. Изъ изданій XVIII в. можно упомянуть о Colection orientale. Manuscrits inédits de la bibliothèque royale, à Paris 1840 въ 6 большихъ томахъ.

Книгъ, относящихся къ русской исторіи очень немного. Изъ нихъ болѣе рѣдкими являются: Reinoldi Heidensteni de bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, Basileae 1588. Rerum moskovitorum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti, Francofurti 1600. La croix guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie, à la Haye 1689. Discussio criminationum, quibus usus est Moscorum czarus, cum bello Ivecis contra jusjurandum et nuperrime datam fidem, illato proetextum quaereret anno 1700. Holmiae Perry État présent de la Grande Russie ou Moscovie 1718. Traité d'amitié perpétuelle et de garantie de part de la Russie 1764. Очень рѣдкая брошюра, относящаяся ко времени Лжедимитрія I подъ заглавіемъ Andreus Locaechius Scotus Numen innocuo amicum sive victoria serenis principis Demetrii Joannidis, Magni Moscoviae ducis, Cracoviae 1605.

Въ отдѣлѣ географіи и космографіи находятся: Novus orbis regionum ac insularum, veteribus incognitarum, Basileae 1532. S. Munsterus. Cosmographiae universalis libri VI, Basileae 1559. Variarum in Europa itinerum deliciae 1599. Bilibaldus Strobaeus Silesius. Quinta pars Indiae orientalis, Francofurti 1601. Baptistus Riciolius Geographia et hydrographia reformata, Venetiis 1672. Smith Epistola de moribus turcorum 1674. P. Cluverii Introductio in universam geographiam 1678. Jacobi Gronovii Geographia antiqua. Lugduni Batavorum 1700. Σ εφάνου Βυζαντίου περὶ πόλεων съ переводомъ на латинскій языкъ Авраама Перкеліуса, Lugduni Batavorum 1694. Dictionnaire geogra-

phique, historique. chronologique... de l'empire de la Chine et de la Tartarte chinoise, à Paris 1735—роскошное изданіе въ 4 томахъ in folio съ подробными картами и рисунками.

Въ отдѣлѣ атласовъ и картъ обращаетъ на себя вниманіе атласъ 1490 года. Заглавный листъ его не сохранился, но въ концѣ обширнаго географическаго очерка, помѣщеннаго въ немъ въ видѣ введенія, находятся слѣдующія строки, напечатанныя безъ раздѣленія словъ: «Hoc opus ptholomei memorabile quidem et insigne ex actissima diligentia castigatum iucondo quodam caractere impressum fuit et completum rome anno a nativitade domini M.CCCC.LXXXX die IV novembris arte ac impensis petri de turre». Для внутренней обложки переплета этого атласа послужили рукописи, изъ которыхъ одна пергаментная. Въ этомъ же отдѣлѣ находятся: Georgii Brauni urbium praecipuarum liber tertius, Coloniae Agrippinae 1631. Атласъ изъ картъ, преимущественно, амстердамскихъ изданій 1629—1659 годовъ. Среди нихъ находится карта Сѣверной Россіи Исаака Массы, карта нижняго теченія Днѣпра, подъ заглавіемъ: Tractus Borysthenis a civitate Czyrkassi ad ostia; карта Польши Іоанна Янсоніуса, карты рѣкъ Рейна и Дуная; карта Ливоніи, Моравіи, Валлахіи, разныхъ нѣмецкихъ государствъ, Турціи, Палестины, «Тартаріи», Азіи, Америки и пр. Mappa regni Poloniae et M. Ducatus Lithuaniae 1772. M' C''' et M' Guendeville Atlas historique on nouvelle introduction à l'histoire, à la Chronologie et á la Geographie ancienne et moderne représentée dans de nouvelles cartes, à Amsterdam 1713—1719 въ 6 томахъ. Здѣсь же мы упомянемъ о рукописной, очень подробной Delineacyi miasta Warszawy przedmiesciowy całey okolicy z wyrazeniem rynkow, ulic, kosciołów, zamku, pałacow za szczesliwego panowania Stanisława Angusta pod rządem łaski wielkiej koronney Stanisława Lubomirskiego w r. 1771 udziałana. Обозрѣніе печатнаго отдѣла вишневецкой библіотеки мы закончимъ указаніемъ на такія періодическія изданія, какъ La Clef du cabinet des princes de l'Europe 1704—1728 r. Journal des scavans 1708—1728 r. Kuryer polski 1733. Mercure Danois dédié au roi 1753—1760. Esprit des journaux 1791—3.

Что касается рукописей вишневецкой библіотеки, то ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: 1) фамильныя бумаги и 2) документы, непосредственно относящіеся къ исторіи Польши. Большинство документовъ первой группы относится къ роду Вороничей. Они обнима-

ютъ время съ 1579 до 1794 года, состоятъ, большею частью, изъ выписокъ изъ гродскихъ книгъ (замковъ: кіевскаго, житомірскаго, луцкаго, владимірскаго и львовскаго) и заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, нѣкоторыя данныя о земельныхъ владѣніяхъ львовскаго іезуитскаго коллегіума (годы 1699—1744), луцкаго доминиканскаго монастыря (1720—1759), бенедиктинъ (1699—1744), миноритокъ (1714), францисканъ (1700—1713), львовскихъ и бердичевскихъ босыхъ кармелитовъ 1701—1757). Далѣе слѣдуютъ фамильныя бумаги князей Збаражскихъ (1592 г.), Тышкевичей, Концовъ, Дзыкъ, Сосновскихъ, Красицкихъ, Ваповскихъ, графовъ Потоцкихъ, Браницкихъ, Ржевускихъ, Сангушковъ, Радзивилловъ и др.

Изъ документовъ второй группы къ XVII в. относится завѣщаніе короля Михаила Корибута 1673 г. въ позднѣйшей копіи съ сохраненіемъ почерка и цвѣта бумаги подлинника, который въ 1869 г. находился въ Варшавѣ и принадлежалъ Даніилу Лессеру. Къ XVII же вѣку относится и небольшой, in 16°, томикъ русской лѣтописи, написанной довольно четкой скорописью, безъ переносовъ. Листовъ въ ней 297. Она начинается покореніемъ Сибири Ермакомъ, оканчивается избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича и принадлежитъ, можетъ быть, къ тому типу лѣтописей эпохи смутнаго времени, образецъ котораго находится, между прочимъ, и во второмъ выпускѣ труда Титова: Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву, Москва, 1892. Къ концу XVII или къ началу XVIII в. относятся Apologia pro libertate rei publicae et legibus regni—рукопись въ пергаментномъ переплетѣ. Къ XVIII в. относятся: большой томъ in 4°, въ которомъ находятся (въ копіяхъ): грамота короля Августа II 1701 г., его-же инструкція сеймикамъ, предшествовавшимъ вольному варшавскому сейму 1701 г., рѣчь сеймового посла Сухоржевскаго къ королю, письмо короля къ сенаторамъ, рѣчь князя Ивана Радзивилла; небольшой трактатъ подъ заглавіемъ: Poloniae libertatis crisis. Изъ другихъ документовъ упомянемъ: Proponenda et resolvenda na konfederacyi w Zubrzy z panami generalami Cara, januar 1711. Постановленіе воеводствъ Княжества Литовскаго. Письма короля Станнслава Лещинскаго и королевы Екатерины къ Адаму, графу Тарлы за годы 1722—1740. 32 письма Залусскаго 1734 г. Письма о войнѣ 1733 года на французскомъ языкѣ. Pamiętniki życia Franciszka Karpińskiego 1741—1791. Polska nejtralna w latach 1737, 1738, 1739 podczas wojny Rossyi z Turcyą. Рукопись эта, помѣченная 1859 го-

домъ и приготовленная къ печати, заключаетъ въ себѣ документы и письма, выбранныя изъ Тульчинскаго архива. Большинство рукописей вишневецкой библіотеки относится ко времени Станислава Августа и паденія Польши. При этомъ особенно ярко обрисовывается въ нихъ внутренняя жизнь погибавшаго королевства; агитація и борьба партій на сеймахъ, безчисленные пасквили на современныхъ общественныхъ дѣятелей, отживавшее свой вѣкъ традиціонное стремленіе къ «золотой свободѣ», и рядомъ съ этимъ—стремленіе къ реформѣ, къ умственному возрожденію, къ уничтоженію анархіи и какое-то судорожное исканіе способовъ спасенія Рѣчи Посполитой. На первомъ мѣстѣ нужно поставить 3 фоліанта, содержащихъ въ себѣ до 3000 копій разныхъ документовъ, относящихся ко времени Барской конфедераціи и послѣдующихъ 4—5 лѣтъ. Въ нихъ находятся: treść związku konfederatow' punkta i obowiązki sprzysiężonych, rota przysięgi konfederatow Barskich; универсалы, манифесты и дневники барской конфедераціи и конфедерацій генеральныхъ; грамоты и письма Станислава Августа, другихъ государей европейскихъ и турецкаго паши; указы Екатерины II; буллы и бреве папы Климента XIV къ епископамъ; выписки изъ современныхъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ; дневникъ суда «kroleboycow» 1773 г.; манифесты диссидентовъ; письмо молдавскаго господаря къ русскому послу кн. Репнину; воззваніе Красинскаго къ конфедераціи 1773 г., манифестъ Пулавскаго; стихотворенія и пасквили, подъ заглавіемъ: pożegnanie księcia Repnina, Żalu nieutolonego, do Stanisława Augusta, Véni creator konfederaciae, opisanie heroicznych dzieł pana Sapiehy kraiczego litowskiego, do kochaney oyczyzny и пр. Кромѣ того, есть много отдѣльныхъ стихотвореній и цѣлыхъ стихотворныхъ сборниковъ на тогдашнія злобы дня и, между прочимъ, на уничтоженіе іезуитскаго ордена. Изъ политическихъ трактатовъ упомянемъ: Uwagi pewnego wielkopolanina nad okolnym króla pruskiego listem pod datą 13 września w r. 1772 w Berlinie wyszłym; Reflexye pana Tyzenhauza nad woyną Holenderską znalezione między papierami posmierci jego; Du gouvernement des lois de Pologne a monsieur le Comte Viel...., smutne prawdy dla potomności polaka, szlachcic prius atny do narodu swego polskiego. Много сеймовыхъ рѣчей Станислава Августа; копіи его писемъ къ Пулавскому, къ кременецкому хорунжему и каштеляну любачевскому; копіи писемъ Малаковскаго къ Потоцкому 1789; нигдѣ еще, кажется, не напечатанный Journal du feu roi de Pologne Stanislas

Auguste (1797—1798 г.); дневникъ Іосифа Конца, бригадира войскъ польскихъ, схваченнаго въ битвѣ при Мацѣйовицахъ и сосланнаго въ Камчатку. Изъ рукописей XIX в. отмѣтимъ только «Zdanie admirała Mordwinowa», судя по припискѣ, поданное въ 1827 г. императору Николаю I.

Д. Щ.

Нѣсколько дополненій къ статьѣ И. Франка объ украинской литературѣ. Въ «Літературно-науковому Вістнику» въ 1901 г. (№№ VI—IX), напечатана большая статья И. Франка подъ заглавіемъ: «З останніх десятиліть XIX в.». Эта чрезвычайно интересная статья даетъ въ общихъ чертахъ картину украинскаго литературнаго движенія въ два послѣднія десятилѣтія прошедшаго вѣка и заключается краткой характеристикой ряда новѣйшихъ, молодыхъ украинскихъ писателей. Между послѣдними мы, однако, не встрѣчаемъ нѣсколькихъ именъ, о которыхъ, по нашему мнѣнію, нельзя не упомянуть. Такъ какъ самъ г. Франко проситъ о поправкахъ и дополненіяхъ къ своей статьѣ. то мы и позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько такихъ дополненій.

Итакъ, прежде всего не видимъ мы въ статьѣ самого г. Франка, имя котораго какъ высокоталантливаго поэта, беллетриста, ученаго и публициста давно уже произносится съ чувствомъ глубочайшаго уваженія каждымъ, кому дороги интересы родной литературы, интересы просвѣщенія и поднятія самосознанія народа. Но понятно, что г. Франко не могъ писать о самомъ себѣ, а мы въ этой краткой замѣткѣ также не имѣемъ возможности представить чрезвычайно разнообразную и плодотворную дѣятельность этой блестящей литературной силы: для этого необходима особая статья. Переходимъ поэтому къ тѣмъ изъ новѣйшихъ писателей, которые были пропущены г. Франкомъ въ его обзорѣ, и скажемъ о каждомъ нѣсколько словъ, не выходя изъ масштаба, принятаго въ статьѣ галицкаго критика.

Изъ этихъ послѣднихъ раньше всѣхъ выступилъ г. Дм. Маркевичъ (первые малорусскіе разсказы его появились въ 1886 г.). Предметъ его разсказовъ: народная жизнь и ея горести. Характерной чертой этого автора является гуманное, любовное отношеніе къ изображаемымъ лицамъ и постоянное стремленіе найти подъ самой загру-

бѣвшей корой теплое человѣческое чувство, благородный порывъ сострадательной души. Эта черта, въ связи съ умѣньемъ г. Марковича избирать полныя драматизма положенія, даетъ возможность его маленькимъ очеркамъ производить очень большое, иногда потрясающее впечатлѣніе.

Тѣмъ-же чувствомъ гуманности и сочувствія ко всѣмъ «труждающимся и обремененнымъ» отличаются и разсказы г-жи Яновской. Она обратила на себя вниманіе превосходнымъ разсказомъ «Смерть Макарыхы»—очень пессимистической, но чрезвычайно реальной картиной смерти матери семьи. Хорошее знаніе народной жизни и языка и пластика изображенія придаютъ этому разсказу высокую цѣнность. Хороши и послѣдующія вещи г-жи Яновской: разсказъ «Идеальный батько» (жгучій вопросъ объ отношеніи отцовъ къ своимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ), комедія «На Зеленый Клынъ» (переселенческое движеніе) и большая повѣсть «Городянка». Послѣдняя посвящена вопросу о вліяніи города на селянъ, при чемъ авторъ подчеркиваетъ ту справедливую мысль, что пріобрѣтенія современной цивилизаціи—литература, искусство, жизненныя удобства и пр.—хотя и существуютъ въ городахъ, но только для небольшой избранной группы лицъ, а масса трудящагося люда тутъ-же, рядомъ съ этимъ комфортомъ матеріальнымъ и умственнымъ, должна вести жизнь совершенно иную. Нѣкоторая идеализація села и языкъ интеллигенціи въ устахъ крестьянина—недостатки, проглядывающіе въ этой повѣсти, но, при желаніи, г-жа Яновская можетъ избавиться отъ нихъ очень легко.

Гораздо мрачнѣе смотритъ на сельскую жизнь талантливый молодой авторъ, закрывающійся псевдонимомъ Грыцька Грыгоренка. Въ своемъ сборникѣ разсказовъ «Наши люде на сели» онъ изображаетъ по преимуществу темныя стороны крестьянской жизни, сильно сгущая краски. Впрочемъ, въ послѣдующихъ своихъ разсказахъ авторъ избавляется отъ этого недостатка и достигаетъ въ своемъ рисункѣ надлежащаго отношенія свѣта и тѣни, постоянно оставаясь на совершенно реальной почвѣ. Нѣкоторая шероховатость и неотдѣланность стиля искупается у г. Грыгоренка живостью народной рѣчи и свѣжими сравненіями, постоянно блещущими въ его языкѣ.

Въ то время, какъ всѣ помянутые беллетристы занимаются почти исключительно изображеніемъ сельской народной жизни, г. Вл. Левенко очерчиваетъ болѣе широкій кругъ въ своихъ малыхъ и большихъ талантливыхъ разсказахъ. Начавъ съ изображенія солдатскаго

бунта («Салдатськый розрухъ») и отношеній между крупными землевладѣльцами и народомъ («Паны и люде»), г. Левенко даетъ затѣмъ рядъ интересныхъ характеристикъ нашего духовенства въ «Per pedes apostolorum», а потомъ заинтересовывается рабочимъ вопросомъ и въ «Старе й нове» изображаетъ положеніе рабочихъ-ремесленниковъ небольшого города, устроенный ими разгромъ евреевъ и, наконецъ, попытки лицъ изъ интеллигенціи воздѣйствовать извѣстнымъ образомъ на рабочихъ. Умѣнье автора присматриваться къ жизни, серіозность затрогиваемыхъ имъ темъ и симпатичные взгляды писателя дѣлаютъ его разсказы всегда интересными.

Говоря о беллетристахъ, намъ хочется упомянуть еще объ одномъ авторѣ, хотя его первая повѣсть появилась уже въ XX-мъ вѣкѣ и потому въ статью г. Франка не могла войти. Мы говоримъ о г. Эварницкомъ, извѣстномъ изслѣдователѣ Запорожья, выступившемъ въ 1901 г. съ повѣстью «Наша доля—Божа воля», въ которой авторъ рисуетъ паденіе старыхъ устоевъ крестьянской жизни рядомъ съ отсутствіемъ замѣны ихъ новыми лучшими. Прекрасный народный языкъ повѣсти, многія хорошо написанныя мѣста и интересное содержаніе заставляютъ забывать нѣкоторые ея недочеты и желать, чтобы г. Эварницкій не остановился на этомъ первомъ своемъ беллетристическомъ опытѣ на малорусскомъ языкѣ.

Послѣ беллетристовъ намъ остается упомянуть еще о многообѣщающемъ поэтѣ—г-нѣ Чернявскомъ. Первые его сборники стиховъ не удовлетворяли со стороны языка, но въ послѣднее время г. Чернявскій пишетъ все лучшимъ и лучшимъ языкомъ, расширяя понемногу и кругъ своего поэтическаго вдохновенія, первоначально довольно узкій. Мы не сомнѣваемся, что талантъ г. Чернявскаго дастъ ему возможность овладѣть въ полной мѣрѣ всѣми тайнами родной рѣчи, и въ новыхъ его произведеніяхъ мы услышимъ отзвуки радостей и болей, волнующихъ душу современнаго человѣка.

Б. Гринченко.

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о предкахъ Гоголя. «Въ № 36-мъ Полтавскихъ Губернск. Вѣдом.» напечатано письмо свящ. Ал. Петровскаго, въ которомъ онъ сообщаетъ новыя данныя о предкахъ Н. В. Гоголя. Вотъ эти данныя.

Намъ удалось добыть дневникъ одного изъ старѣйшихъ священниковъ Миргородскаго уѣзда,—о. Владиміра Яновскаго, который приходится троюроднымъ братомъ Н. В. Гоголю. Изъ дневника этого видно, что родъ Гоголей-Яновскихъ ведетъ свое начало отъ Ивана Яковлевича (фамиліи въ документахъ нѣтъ)—выходца изъ Польши, который въ 1695 году былъ назначенъ къ Троицкой церкви г. Лубенъ «викарнымъ» священникомъ; вскорѣ онъ былъ переведенъ во вновь устроенную Успенскую церковь с. Кононовки того же уѣзда. Въ «Ставленной Грамотѣ» фамилія Ивана Яковлевича не обозначена, а только прописано, что «Божіею милостію... посвященъ во іереи Иванъ Яковлевичъ, мужъ благоговѣйный, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніямъ прилежно испытанный»... Продолжателями рода и преемниками духовной власти Ивана Яковлевича были: сынъ его Даміанъ Іоанновъ Яновскій (можно думать, что фамилія—отъ имени отца Ивана, по польски Яна), также—священникъ Кононовской Успенской церкви; далѣе родословная Яновскихъ идетъ по двумъ параллельнымъ линіямъ: 1) сынъ о. Даміана Афанасій Даміановъ (уже) Гоголь-Яновскій—«прімеръ-майоръ» (какъ сказано въ семейной лѣтописи); сынъ его Василій и внукъ—Николай—писатель; 2) Кириллъ Даміановичъ—священникъ Кононовской церкви, его дѣти: Меркурій и Савва, оба священника,—1-й въ Кононовкѣ, 2-й въ Олефировкѣ, Миргородскаго уѣзда; сынъ этого послѣдняго, нынѣ здравствующій о. Владиміръ Яновскій, сохранилъ у себя всѣ уставныя грамоты своихъ духовныхъ предковъ, въ свою лѣтопись занесъ родословную послѣдовательность фамиліи Гоголей-Яновскихъ, а въ своей ясной и твердой памяти сохранилъ много глубоко-задушевныхъ и интересныхъ воспоминаній изъ жизни своего великаго сородича—Н. В. Гоголя.

По поводу этой замѣтки священника о. Петровскаго племянникъ писателя, Н. В. Быковъ даетъ слѣдующее разъясненіе. «Какъ по имѣющимся документамъ въ семейномъ архивѣ, такъ и по даннымъ въ депут. двор. соб. родъ Н. В. Гоголя вполнѣ установленъ и сходится со свѣдѣніями, имѣющимися въ біографіи Гоголя—Кулиша. Поэтому ка-

жется по меньшей мѣрѣ страннымъ пробовать опровергать эти документальныя данныя какими-то частными замѣтками или дневникомъ отца Яновскаго. Первоначальная фамилія рода покойнаго писателя была только «Гоголь», приставка «Яновскій» явилась дальнѣйшей прибавкой польскаго происхожденія, обозначавшей вѣтвь фамиліи Гоголей, ведшихъ свой родъ отъ Яна (Ивана) Гоголя. Это разъясненіе давалъ и самъ Гоголь въ своихъ письмахъ [1]). Что касается фамиліи «Яновскихъ», очень распространенной въ Полтав. губ., то за исключеніемъ одной отрасли ея, состоявшей въ очень отдаленномъ родствѣ, всѣ остальныя фамиліи въ родствѣ съ Гоголь-Яновскимъ г. Миргорода [2]) не состоятъ и происхожденіе ихъ совершенно другое. Объ этомъ покойный писатель также неоднократно говорилъ въ своихъ письмахъ, ввиду бывшихъ и тогда уже разныхъ поползновеній въ этомъ родѣ. Намъ приходилось слышать о заявленіяхъ представителей фамиліи Яновскихъ, что имѣніе Гоголя Васильевка-Яновщина тоже есть родовое им. фам. Яновскихъ, поэтому здѣсь, быть можетъ, будетъ не лишнимъ напомнить, что это имѣніе принадлежало роду «Лизогубъ» и одинъ изъ Гоголей получилъ его въ приданое за своей женой, рожденной Лизогубъ. Послѣднее время, когда явился спросъ на новинки о Гоголѣ, открытія, вродѣ замѣтки отца Петровскаго, повторяются особенно часто, не избѣжалъ этого и одинъ извѣстный литераторъ, нашедшій флигель въ м. Сорочинцы, въ которомъ родился Гоголь, и новыхъ родственниковъ писателя Анисимо-Яновскихъ—какъ то такъ и другое не вѣрно. Родился Гоголь въ д. Трихимово, нынѣ не существующей, а Анисимо-Яновскіе ни въ какомъ родствѣ съ родомъ Гоголя не состоятъ. Здѣсь будетъ кстати, пожалуй, сказать и нѣсколько словъ по поводу обычнаго, впрочемъ, желанія въ типахъ произведеній писателя искать портреты ему современныхъ родныхъ, знакомыхъ и проч. Въ настоящее время это же стремленіе повторяется и по поводу произведеній Гоголя особенно его «Миргородскихъ повѣстей». Поэтому позволю себѣ напомнить, что самъ Гоголь въ своихъ письмахъ горячо возставалъ противъ такихъ сопоставленій и находилъ ихъ очень странными, такъ какъ приданіе извѣстному типу жизненности и правдивости

---

[1]) Изданіе Маркса, редакція Шенрока 1902 г.

[2]) Есть Гоголь-Яновскіе Золотоношск. у., также не состоящіе въ родствѣ съ родомъ писателя.

до портретной схожести и составляютъ силу мастера и генія, въ чемъ былъ такъ силенъ и неподражаемъ самъ Гоголь («Полт. Губ. Вѣд.»).

Къ гоголевской выставкѣ. Членомъ историческаго общества Нестора-Лѣтописца В. А. Чаговцомъ собрано значительное количество предметовъ, относящихся къ памяти чествуемато писателя. Кромѣ рукописей, портретовъ и реликвій, на дняхъ имъ получены отъ В. Я. Головни портретъ Н. В. Гоголя, писанный маслянными красками, а также серія картинъ полтавскаго художника Кульчицкаго, рисующихъ наиболѣе интересныя мѣста родины поэта, Васильевки: 1) прудъ съ одной стороны (большая картина); 2) лѣвая часть пруда; 3) церковь въ Васильевкѣ и 4) холмъ, насыпанный по желанію поэта въ саду. Всѣ эти картины писаны по эскизамъ, набросаннымъ съ натуры и прекрасно передаютъ красоты поэтическаго уголка. Кромѣ того, полтавскій же художникъ В. А. Волковъ прислалъ эскизъ картины, бывшей на передвижной выставкѣ «Петръ I и Павелъ Полуботокъ». Послѣдній считается въ числѣ предковъ Гоголя, почему и эта картина можетъ находиться на гоголевской выставкѣ. Отъ него же получены два фотографическихъ снимка съ картинъ, только что законченныхъ и пересланныхъ въ Москву. Картины эти написаны послѣ тщательнаго и детальнаго изученія и реставраціи обстановки Н. В. Гоголя въ Васильевкѣ. На одной изображенъ поэтъ, слушающій бандуриста (варіантъ картины, писанной раньше), а на другой изображенъ поэтъ въ своей рабочей комнатѣ: передъ конторкой, обложенной книгами, сидитъ въ креслѣ поэтъ, обдумывая 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ». На лицѣ видна усталость, правая рука опущена, взоръ устремленъ впередъ... Въ углу теплится лампада, на стѣнѣ виситъ «Вознесеніе Господне» грав. Іорданомъ. Очень жаль, что судьба этихъ интересныхъ предметовъ (около 150 №№) такъ печально сложилась. Собранная съ такими стараніями выставка, предполагавшаяся въ актовомъ залѣ университета, теперь очутилась безъ пріюта, на рукахъ г-на Чаговца, вслѣдствіе отмѣны празднованія гоголевскаго юбилея въ университетѣ св. Владиміра («Кіевская Газета», № 42).

Чествованіе памяти Шевченка въ Севастополѣ. Четвертаго февраля въ севастопольскомъ городскомъ собраніи состоялся литературный вечеръ, посвященный памяти украинскаго поэта Т. Г. Шев-

ченка. Въ началѣ, мѣстнымъ актеромъ Е. А. Тыртовымъ былъ прочитанъ очеркъ г-жи Ефименко «Памяти Тараса Григорьевича Шевченка», помѣщенный въ февральской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» за прошлый годъ. Поставленная затѣмъ художникомъ Протопоповымъ живая картина на слова поэта «Садокъ вышневый коло хаты» сразу перенесла слушателей въ ту природу и къ тѣмъ людямъ, которые были такъ дороги Шевченку. Но вотъ занавѣсъ опустился и на авансцену вышелъ бандуристъ Гнатъ Галайда. Залъ затихъ. Раздались звенящіе, мелодичные звуки, нѣсколько напоминающіе арфу. Звуки эти, переплетаясь, росли и обратились въ грустную, задумчивую мелодію, въ которую незамѣтно вступилъ мягкій баритонъ молодого композитора. Печальный звонъ струнъ мало по малу перешелъ въ шумные и грозные, какъ перекаты прибоя волнъ, аккорды, а вмѣстѣ съ ними выросъ и голосъ пѣвца... Имъ былъ исполненъ цѣлый рядъ думъ и народныхъ пѣсенъ.

Затѣмъ хоръ любителей изъ севастопольскаго народнаго театра, численностью около 35 человѣкъ, исполнилъ довольно трудную и эффектную музыкальную вещь г. Нищинскаго «Закувала та сыва зозуля».

Послѣ небольшого антракта г. Лазаревскій прочелъ составленный имъ очеркъ, характеризующій Т. Г. Шевченка, какъ человѣка, преисполненнаго любви къ ближнему.

Пріѣхавшая изъ Харькова вмѣстѣ съ г. Галайдой г-жа Хоткевичъ исполнила на роялѣ «Вторую украинскую рапсодію» М. В. Лысенка, блеснувъ техникой и особой, свойственной малорусскимъ пьесамъ, задушевностью исполненія. Кромѣ того исполнены были извѣстныя пьесы: «Гетьманы, Гетьманы, якъ бы вы всталы» и «Садокъ вышневый коло хаты». Закончился вечеръ апоѳеозомъ Т. Г. Шевченка.

На сценѣ украинскій пейзажъ. Бѣленькія хатки, тополи, нѣсколько мельницъ, мимо которыхъ тянется змѣйкой проселокъ. Все это залито яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Ближе къ зрителямъ стоитъ на возвышеніи въ шубѣ и шапкѣ глубоко задумавшійся поэтъ, а вокругъ него красивой группой расположились герои его поэмъ: гайдамаки, сельскіе паробки, дивчата въ характерныхъ, украшенныхъ цвѣтами, головныхъ уборахъ, слѣпой кобзарь съ мальчикомъ поводыремъ, Катерина съ ребенкомъ на рукахъ, всѣ тѣ люди, о которыхъ болѣла чуткая душа Шевченка.

А хоръ тихо, тихо поетъ:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли,
Середъ степу шырокого,
На Вкраини мылій...

Сборъ съ вечера поступилъ въ пользу слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ («Ялтинскій Курьеръ», № 43).

О малорусскомъ національномъ типѣ. Подъ такимъ заглавіемъ 25 января въ Екатеринославѣ была прочитана лекція А. Н. Лисовскаго. Въ развитіи своей темы, лекторъ исходитъ изъ двухъ тезисовъ:

Тезисъ первый:

«Въ основѣ малорусскаго національнаго типа лежитъ *пассивное* чувство личности, чѣмъ этотъ типъ отличается отъ польскаго національнаго типа, въ основѣ котораго лежитъ *активное* чувство личности; въ свою очередь оба эти типа, какъ носители чувства личности, противополагаются великорусскому національному типу, носителю *общиннаго* чувства».

Свою схему развитія человѣчества лекторъ выразилъ слѣдующимъ образомъ. Въ безконечно далекомъ отъ насъ прошломъ существовали отдѣльныя, обособленныя національныя группы; каждый членъ группы являлся носителемъ всѣхъ національныхъ чертъ и могъ быть названъ типичнымъ ея представителемъ; индивидуальное начало въ это время всецѣло покрывается національнымъ. Въ безконечно далекомъ отъ насъ будущемъ—все человѣчество сольется въ единое общество, въ которомъ исчезнутъ всякія національныя черты и различія; начало индивидуальное расцвѣтетъ самымъ пышнымъ цвѣтомъ и покроетъ собою элементъ національный. Въ промежуткѣ между этимъ далекимъ прошлымъ и не менѣе отдаленнымъ будущимъ совершается процессъ высвобожденія начала индивидуальнаго изъ подъ опеки національнаго элемента; процессъ этотъ совершается наиболѣе рѣзко въ высшихъ слояхъ интеллигентнаго общества и крайне медленно въ народныхъ массахъ; нормально идетъ этотъ процессъ тогда, когда онъ совершается въ неприкосновенной области національнаго совершенствованія. Исторія уже не застала вполнѣ однородныхъ національныхъ группъ; историческій національный типъ складывается изъ комбинацій различ-

ныхъ физіологическихъ и психическихъ элементовъ, взятыхъ отъ прежнихъ однородныхъ національныхъ группъ; комбинація эта является весьма устойчивой въ основѣ своей; въ отдѣльныя историческія эпохи мѣняется не существо этой комбинаціи, а лишь ея выраженія; историческая эпоха является лишь штампомъ, съ помощью котораго отбивается тотъ или иной отпечатокъ на неизмѣнной основѣ національнаго типа.

Такимъ образомъ, каждая національность на протяженіи своей исторической жизни можетъ быть представляема типами, мало похожими другъ на друга, а въ отдѣльныхъ чертахъ своихъ даже противорѣчивыми. Малорусскій національный типъ представленъ въ исторіи козакомъ временъ Хмельницкаго, гайдамакой XVIII вѣка и пахаремъ современности.

Исторія Малороссіи, Великороссіи и Польши шла вполнѣ правильно и сообразно съ основными національными чертами этихъ народностей. Полякъ, носитель активнаго чувства личности, долженъ былъ выработать государственность съ раздробленной властью; малороссъ, носитель пассивнаго чувства личности, нормально чуждался всякой власти, не выработалъ самъ своей національной государственности и подчинялся въ исторіи чужимъ образцамъ государственнаго уклада, пока они не шли въ разрѣзъ съ его чувствомъ личной независимости; великороссъ, носитель общиннаго чувства, долженъ былъ создать государственность съ сосредоточенной властью, въ которой личное начало расплывалось. Столкновеніе прежде всего должно было произойти между носителями двухъ противоположныхъ чертъ личнаго начала; носитель общиннаго начала входитъ въ борьбу послѣднимъ; борьба должна была рѣшиться въ пользу носителя общиннаго начала, какъ представителя наиболѣе прочной и сосредоточенной организаціи государственности и власти. Типичное изображеніе великоросса, малоросса и поляка лекторъ видитъ въ литературныхъ типахъ Кутузова («Война и миръ»), Тараса Бульбы и Заглобы («Огнемъ и мечемъ»).

Тезисъ второй:

«Малорусскій національный типъ является въ народномъ творчествѣ въ двухъ образахъ: въ образѣ *«чужого чужаницы»* и *«козака-нетяги»*, которые представляютъ собою субъективное и объективное выраженіе пассивнаго чувства личности; въ литературѣ представителемъ козака-нетяги былъ Котляревскій, а пѣвцомъ чужого чужаницы—Шевченко; въ энтузіазмѣ Гоголя нашли свой синтезъ оба эти образа».

Анализируя пассивное чувство личности, лежащее въ основѣ малорусскаго національнаго типа, авторъ отмѣчаетъ слѣдующія характерныя черты малоросса, проявленныя имъ во всей своей исторической жизни: 1) терпимость, ограниченную лишь отклоненіемъ посягательства на свою личность; 2) чувствительность, объясняемую той патетической средой, которая создается въ душѣ малоросса какъ результатъ и слѣдствіе борящихся и сталкивающихся между собою внутри и непроявленныхъ наружу чувствованій; 3) мечтательность, которая является результатомъ глубокой внутренней работы мысли, одинокой задумчивости, вызывающей идеи не отчетливыя, смутныя, лишенныя ясности и законченности; 4) великая любовь къ природѣ и, какъ слѣдствіе таковой, пантеистическое міропониманіе; 5) влеченіе къ патріархальному укладу жизни и 6) нелюбовь къ реформамъ, проистекающую не отъ косности и непониманія, а отъ малой активности и нежеланія нарушать установившійся, привычный ходъ жизни и мысли.

Вмѣстѣ съ козацкимъ періодомъ малорусской исторіи народилась и вмѣстѣ съ нимъ исчезла своеобразная, поразительная по внѣшней красотѣ и глубокому содержанію форма народнаго творчества—«дума». Дума всегда была двухъ родовъ: 1) дума лирическая, героемъ которой былъ «чужый-чужаныця», безродный, безпріютный, одинокій человѣкъ, погибавшій въ турецкой и иной неволѣ, передъ которымъ всегда витало золотое видѣніе родины, котораго всегда неудержимо влекло въ отчизну «на ясныи зори, на тыхыи воды», въ «край веселый, мыръ хрещеный», и 2) дума эпическая, въ которой изображался гордый, независимый, исполненный чувства собственнаго достоинства «козакъ-нетяга», неизмѣнный защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ, непреклонный противникъ «дукивъ», богатыхъ, сильныхъ угнетателей народа. «Чужый-чужаныця»—герой такихъ думъ, какъ знаменитая дума «Якъ тры браты изъ Азова втикалы», дума «Про Самуила Кишку» и др.; «козакъ-нетяга» впервые и наиболѣе законченно рисуется въ думѣ «Про Ганжу Андыбера, гетьмана запорожського», и затѣмъ становится героемъ чрезвычайно многочисленныхъ послѣдующихъ думъ. Есть, однако, дума, въ которой намѣчено чувство «чужого-чужаныци» и тонъ «козака-негяги», и которая является какъ бы синтетирующей оба рода думъ,—это дума извѣстная только въ одномъ варіантѣ, «Про сокола и соколя».

Въ дальнѣйшемъ лекторъ остроумно аналогируетъ Шевченка съ образомъ «чужого-чужаныци», Когляревскаго съ «козакомъ-нетягою» и указываетъ черты синтетическія для этихъ двухъ образовъ въ Гоголѣ.

Относительно этого послѣдняго писателя, какъ извѣстно, не писавшаго вовсе по-малорусски, лекторъ намѣтилъ чрезвычайно интересное положеніе: Гоголь долженъ былъ дать синтезъ малорусской литературы и жизни; обстоятельства перенесли его въ среду великорусскую, и великій писатель 43 лѣтъ погибаетъ отъ отсутствія живого духа въ его произведеніяхъ, посвященныхъ описанію чужого для него народа, основные элементы психики котораго остались для него не своими, не осязаемыми, чуждыми; творчество его изсякло, духъ погасъ, жизнь прекратилась. Несравненная галлерея типовъ въ первой части «Мертвыхъ душъ» смѣняется у Гоголя отвлеченными, безжизненными, придуманными персонажами второй части; третью часть, въ которой Гоголь предполагалъ дать синтезъ великорусской жизни, сожженна рукою самого автора. Синтезъ народной жизни можетъ дать только писатель, вышедшій изъ этого народа; такимъ писателемъ въ великорусской литературѣ является Левъ Толстой, подарившій міръ своей «Войной и миромъ».

Къ сожалѣнію, лекторъ только намѣтилъ, но не развилъ детально своего положенія о Гоголѣ («Приднѣпровскій Край», № 1440).

Украинцы въ Америкѣ. Въ № 15 «Волыни» помѣщена очень интересная замѣтка г. Случайнаго объ украинскихъ переселенцахъ въ Америкѣ, составленная на основаніи разсказовъ самихъ же переселенцевъ.

«Насколько удалось вынести изъ разпросовъ и бесѣдъ съ вернувшимися изъ Америки, наши мужички отлично, а главное быстро приспособляются къ существующимъ въ Америкѣ украинскимъ обществамъ, которыя образуютъ тамъ извѣстнаго рода «братства», церковные и политическіе союзы. Вы можете встрѣтить среди американскихъ украинцевъ о-во Богд. Хмельницкаго, Котляревскаго и др., въ честь великихъ украинскихъ дѣятелей. Малороссовъ насчитывается въ Сѣв. Америкѣ, по послѣднимъ даннымъ, около 600 тыс., въ южной Америкѣ—Паранѣ, Бразиліи около 60 тыс. Насколько они тамъ сплочены, можетъ свидѣтельствовать слѣдующее. Большинство американскихъ малороссовъ греко-католическаго обряда, православные же составляютъ о-ва 13—16 церковныхъ округовъ. Каждый изъ членовъ братства вноситъ при поступленіи свою лепту въ общую кассу и изъ нея, по послѣднимъ постановленіямъ съѣзда братчиковъ, вдовѣ умершаго члена полагается 500 дол., въ случаѣ же увѣчья за каждый изувѣченный

членъ есть особая такса, напр., за потерю глаза братчику выдается 200 долл., за потерю руки—200 и т. д. По послѣднимъ постановленіямъ, эти вознагражденія за увѣчья не вычитаются изъ суммы, которая выдается вдовѣ послѣ смерти мужа; раньше такія вычеты производились, но за то тогда и вознагражденія были большія. Любопытно, что и въ Новый Свѣтъ малороссы перенесли свои старыя привычки къ раздорамъ, несогласіямъ. И пословица: «де два вкраиньци, тамъ тры думкы» находитъ свое яркое подтвержденіе въ общественной жизни украинцевъ въ Америкѣ. Выразителемъ однихъ взглядовъ является издающаяся тамъ газета «Свѣтъ». Характернымъ для этой газеты является то, что на заглавіи ея значится: съ разрѣшенія и благословенія святѣйшаго русскаго синода такого то числа такого-то года разрѣшено издавать въ Нью-Іоркѣ газету на малорусскомъ нарѣчіи подъ заглавіемъ «Свѣтъ». Выразителемъ противоположныхъ взлядовъ является газ. «Свобода» и «Америк.-русскій Вѣстник». Между этими органами ведется самая ожесточенная полемика, находящая свой отзвукъ и среди читателей обоихъ лагерей. «Свѣтъ» *на малорусскомъ языкѣ* старается доказывать, что *малорусской національности не существуетъ*, въ то время какъ оба другіе работаютъ исключительно въ томъ направленіи, чтобы подымать въ читателѣ чувство національнаго самосознанія и чтобы отстаивать въ Америкѣ свою независимость.

Малороссы въ Америкѣ занимаютъ нѣкоторые штаты цѣликомъ (sic); особенно много ихъ въ Пенсильваніи, гдѣ они занимаются добываніемъ каменнаго угля и быстро достигаютъ на этомъ поприщѣ сравнительнаго благосостоянія. Въ эту то среду и попадаютъ чаще всего переселенцы.

Среди всевозможныхъ разновидностей малорусскихъ переселенцевъ, какъ-то: малороссовъ изъ Россіи, австрійскихъ-галичанъ, буковинцевъ, гуцуловъ, венгерскихъ русиновъ и бойковъ, невольно вниманіе останавливаютъ, какъ разсказываютъ и описываютъ переселенцы, послѣдніе. Типъ ихъ и общественная жизнь заставляютъ предполагать, что они нѣсколько другого происхожденія, чѣмъ всѣ малороссы. Въ то время, какъ общая характерная для малоросса черта—это его крайній индивидуализмъ, проявляющійся рѣзко даже тогда, когда онъ принадлежитъ къ извѣстной организаціи, бойки, наоборотъ, представляютъ изъ себя очень сплоченную общественную коллективную единицу. Затѣмъ, малороссы, какъ извѣстно, преимущественно земледѣльцы, такими они остаются въ Америкѣ, бойки же почти всѣ торговцы, занимаются торговлей овощами и фруктами.

Характерно, какъ акклиматизировавшіеся и прочно осѣвшіе на новомъ мѣстѣ бойки обращаются со своими новоприбывшими членами. Они ихъ ни за что не выпустятъ на улицу, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, раньше, чѣмъ не удастся придать имъ вполнѣ культурный, чисто-американскій внѣшній видъ. Одежда, обувь, прическа—все должно стать такимъ, какъ у янки, тогда и показывайся людямъ.

Какъ мы уже замѣтили, раздоры среди осѣвшихъ переселенцевъ происходятъ и весьма рѣзкіе. Они то и заставляютъ новоприбывшаго туда долго слоняться въ нерѣшительности, къ какой изъ группъ примкнуть. Уніаты и украинцы тянутъ къ себѣ, православные и москвофилы къ себѣ. И каждый изъ нихъ обѣщаетъ новичку чуть не золотыя горы и пугаетъ ужасами, если новичекъ пристанетъ къ противоположной партіи. Но проходитъ нѣкоторое время—новоприбывшій успѣетъ осмотрѣться, приноровиться къ условіямъ, начинаетъ работать, наживать деньгу, присылать роднымъ... И волшебная метаморфоза на лицо. Куда дѣвалась прославленная лѣнь малоросса, его мечтательная неподвижность! Въ Америкѣ зѣвать нельзя и въ этомъ убѣждается новичекъ на каждомъ шагу, убѣждается и пускается въ соревнованіе со своими родичами конкуррентами.

Какой ужасающе рѣзкій контрастъ являютъ собой переселенцы, вернувшіеся съ Амура и изъ Америки. Мнѣ приходилось ихъ наблюдать и сравнивать какъ разъ недавно, когда цѣлая группа амурскихъ переселенцевъ вернулась на свои родныя пепелища. Претерпѣвъ всяческія мученія, лишенія, очутившись безъ поддержки, безъ разумнаго руководительства въ чужомъ непривѣтливомъ, некультурномъ краю, «амурцы» вынуждены были насильно покинуть непріявшую ихъ страну, посылая проклятія на голову тѣхъ, кто разрисовалъ имъ Амуръ въ яркихъ, радужныхъ краскахъ. Дома, на пепелищѣ. ихъ ждали новыя лишенія—земля продана, усадьбы нѣтъ, негдѣ преклонить уставшую голову... «Американцы» же, наоборотъ, по доброй волѣ возвращаются на родину, соскучившись по ней, по роднымъ; здѣсь они либо покупаютъ землю и заводятъ новый уютный, благоустроенный уголокъ, либо, насмотрѣвшись на близкихъ, купивъ для нихъ землю, уѣзжаютъ обратно.

Внимательное наблюденіе надъ малороссами убѣждаетъ, что они очень трудно денаціонализируются въ Америкѣ, въ отличіе отъ остальнымъ націй. Наоборотъ, оставляя насиженныя мѣста съ тяжелымъ сердцемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, они тамъ, въ Америкѣ, быстро

оправляются, воспрянутъ духомъ; съ улучшеніемъ экономическихъ и соціальныхъ условій начинаютъ лучше и полнѣе сознавать свое «я». Этимъ, какъ намъ кажется, можно объяснить сильное развитіе въ Америкѣ за послѣднее время малорусской журнальной прессы, и все чаще открывающіеся книжные магазины, торгующіе малорусскими изданіями. Отмѣчу, что русскихъ газетъ въ Америкѣ совсѣмъ нѣтъ, польскія есгь и даже много. Любопытно, что и въ Америку перенесена переселенцами вѣковая борьба между малороссами и поляками, хотя въ тоже время одинъ безъ другого и жить не мыслитъ. Гдѣ въ Америкѣ малороссъ, тамъ обязательно найдете и поляка, и наоборотъ. И оправдывается старая украинская пословица: «ляха хочъ лай, а зъ ляхомъ буває». Тѣ изъ изслѣдователей народной жизни, которые смотрятъ на отливъ извѣстной части населенія, какъ на желательное явленіе, указываютъ въ настоящее время на Венецуэлу, какъ на мѣсто, гдѣ экономическія и пр. условія таковы, что могутъ только благопріятно вліять на переселенцевъ. И туда въ послѣднее время замѣтно сильно движеніе переселенцевъ. Правда, до сихъ поръ, все таки перевѣсъ переселяющихся остается за Бразиліей. И это, говорятъ переселенцы—большая ошибка. Въ Бразиліи мало хлѣба, за то сильно развито скотоводство. Интересныя сцены приходится, по словамъ очевидцевъ, наблюдать въ Бразиліи въ дни прихода пароходовъ съ хлѣбомъ. Огромныя толпы собираются на пристани и ждутъ очереди, пока имъ отпустятъ полагающуюся часть привезеннаго продукта. Не всегда запаса хватаетъ до слѣдующаго парохода. Кромѣ того въ Бразиліи свирѣпствуетъ желтая лихорадка, особенно поражающая новоприбывающихъ...

Къ исторіи вопроса о русскомъ университетѣ. Товарищество имени Шевченка получило, по словамъ «Дѣла» (№ 18), слѣдующее заявленіе отъ студентовъ «Русской Высшей Школы Общественныхъ Наукъ» въ Парижѣ:

«Ознакомившись съ содержаніемъ петиціи, поданной отъ имени Вашего почтеннаго Общества въ Австрійскій парламентъ въ защиту культурныхъ правъ Русинско-Украинской народности и совершенно справедливыхъ требованій нашихъ товарищей—студентовъ Львовскаго университета, мы, студенты и студентки Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ и другихъ Парижскихъ высшихъ учебныхъ заведеній приносимъ Ученому Обществу имени Шевченка нашу

глубокую благодарность за эту защиту народно-культурныхъ и студенческихъ интересовъ и убѣдительно просимъ Васъ передать нашъ братскій привѣтъ нашимъ Львовскимъ товарищамъ.

Въ глубокомъ сознаніи нашей родственной связи съ ними, мы не можемъ оставаться равнодушными къ извѣстіямъ о возмутительномъ насиліи и открытой противузаконности, допущенной по отношенію къ ихъ языку и культурнымъ правамъ, слѣдствіемъ чего 680 человѣкъ нашихъ товарищей принуждены были оставить Львовскій университетъ.

Отъ всего сердца мы выражаемъ самое горячее сочувствіе ихъ справедливымъ требованіямъ и полную увѣренность, что эти вполнѣ конституціонныя требованія будутъ удовлетворены. Мы также глубоко вѣримъ, что лучшіе изъ поляковъ не могутъ не раздѣлять этихъ нашихъ взглядовъ, не могутъ не сочувствовать удовлетворенію законнѣйшихъ требованій единоплеменныхъ имъ, какъ и намъ, славныхъ украинцевъ. Относясь съ негодованіемъ къ нарушеніямъ своихъ культурныхъ правъ въ Познани и Варшавѣ, такіе поляки не станутъ оправдывать наглый образъ дѣйствій своихъ земляковъ, нарушающихъ подобныя же права русино-украинцевъ во Львовѣ.

Съ чувствомъ полнаго и совершенно одинаковаго отвращенія ко всевозможнымъ проявленіямъ національно-государственнаго деспотизма и хищничества, въ какой бы формѣ они не выражались:—и во имя высшихъ всеобъемлющихъ идеаловъ международности, основанной на свободномъ братствѣ всѣхъ народовъ земного шара—во имя славянскаго единства,—мы. русское студенчество въ Парижѣ, энергически протестуемъ противъ покушеній на народныя права Руси-Украины и отъ всей души желаемъ полнаго осуществленія справедливыхъ требованій Вашего Общества и нашихъ Львовскихъ товарищей.

Да здравствуетъ свободная русино-украинская культура! Да здравствуетъ независимый русино-украинскій университетъ во Львовѣ!

—

На дняхъ въ пражскомъ Каролинумѣ состоялось, въ присутствіи ректора и декановъ, многолюдное студенческое собраніе, посвященное вопросу объ основаніи русинскаго университета. По словамъ «Politik», прибывшіе въ полномъ составѣ русинскіе и великорусскіе студенты были приняты собраніемъ весьма радушно. Послѣ ряда рѣчей, въ которыхъ принимали участіе и русинскіе студенты, ознакомившіе присутствовавшихъ съ исторіей борьбы за самостоятельный русинскій

университетъ и съ современнымъ культурнымъ состояніемъ русинскаго народа, собраніе приняло единогласно резолюцію, высказывающуюся за необходимость основанія отдѣльнаго русинскаго университета во Львовѣ. («С.-Петерб. Вѣдомости»).

—

Чешскіе и русинскіе депутаты по взаимному соглашенію, предложили правительству довольно остроумную комбинацію, о которой сообщаетъ «Sfowo»: нѣмецкій университетъ долженъ быть изъ буковинскихъ Черновицъ перенесенъ въ Берно, гдѣ въ то же время основывается университетъ чешскій. Въ Черновицахъ же возникаетъ русинскій университетъ для русинской молодежи изъ Галиціи и Буковины. Едва ли этотъ проэктъ встрѣтитъ сочувствіе и поддержку среди русинско-украинскаго общества Черновицы.

—

Польскіе студенты лейпцигскаго университета высказались за открытіе во Львовѣ отдѣльнаго украинскаго университета. (Дѣло).

Украинская читальня въ Вернѣ. Въ Бернѣ (въ Швейцаріи) существуетъ украинская читальня, основанная по иниціативѣ и на средства украинцевъ-студентовъ мѣстнаго университета. Въ читальнѣ получаются журналы и газеты на украинскомъ языкѣ («Літературно-науковий Вістник», «Молода Україна», «Воля», «Кіевская Старина» и др. Студенческая молодежь предполагаетъ въ настоящемъ году устроить литературный вечеръ въ память Щевченка («Л.-Н. Вістник, кн. II).

„Руська Весида“ во Львовѣ. На дняхъ состоялось во Львовѣ годичное собраніе общества «Руська Бесіда». Изъ представленнаго отчета оказывается, что членовъ въ обществѣ было 121, доходъ составлялъ 5,032 кроны, расходъ 4,821. Театральный фондъ существующаго при обществѣ театра равнялся 17,097 кронъ, въ томъ числѣ 14,500 кронъ пособій отъ галиційскаго сейма. Русинскій театръ далъ въ минувшемъ году 217 спектаклей, составъ труппы 38 человѣкъ. Предсѣдателемъ «Бесиды» избранъ проф. Шухевичъ. («С.-Петерб. Вѣдомости, № 21).

Музыкально-этнографическая коммиссія въ Москвѣ. При этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи учреждена музыкально-этнографическая коммиссія для всесторонняго изученія народной музыки, преимущественно среди населенія Россіи.

Ближайшими вопросами изученія коммиссіею имѣютъ быть: складъ и особенности народной музыки велико-, мало- и бѣлоруссовъ, а также другихъ славянъ и ихъ взаимное отношеніе; складъ и особенности музыки неславянскихъ народностей (инородцевъ) и ихъ воздѣйствіе на русскую музыку и обратно; отношеніе современной народной музыки къ древне-греческой, восточной и западной. Для достиженія означенныхъ цѣлей, коммиссія, по соглашенію съ этнографическимъ отдѣломъ, предполагаетъ снаряжать музыкальныя экспедиціи для собиранія новыхъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ, а именно: записей народныхъ напѣвовъ (съ текстомъ) по слуху или механическимъ способомъ и описаній обычаевъ и обрядовъ, сопровождаемыхъ музыкой и пѣснями; свѣдѣній о народныхъ пѣвцахъ и музыкантахъ и о музыкальныхъ инструментахъ; предметовъ, относящихся къ народной музыкѣ (инструментовъ, фотографій, книгъ и т. п.). Результаты своихъ изученій въ области музыки и связанныхъ съ нею народныхъ обычаевъ, а также руководящія программы, сборники и т. п. коммиссія публикуетъ въ особой серіи изданій отдѣла или въ издаваемомъ имъ *Этнографическомъ Обозрѣніи*. Для популяризаціи и болѣе успѣшнаго сохраненія лучшихъ народныхъ напѣвовъ, помимо изданій, коммиссія устраиваетъ по соглашенію съ отдѣломъ публичные платные этнографическіе концерты, посвященные народной музыкѣ, а равно засѣданія закрытыя или публичныя (послѣднія совмѣстно съ отдѣломъ). Коммиссія состоитъ изъ предсѣдателя, избираемаго изъ членовъ отдѣла, секретаря, казначея, библіотекаря и членовъ. Членами считаются всѣ члены отдѣла, изъявившіе готовность принять участіе въ занятіяхъ коммиссіи и лица, избранныя коммиссіею изъ спеціально интересующихся ея цѣлями. («Русск. Вѣдомости», № 31).

Старинная картина. У одного изъ Харьковскихъ обывателей находится старинная картина, изображающая Харьковъ и написанная болѣе ста лѣтъ тому назадъ. На первомъ планѣ картины помѣщенъ соборъ и нѣсколько «порядочныхъ» домовъ. Московская улица, пред-

ставляется рядомъ деревенскихъ избушекъ, прерывающихся садами и нѣсколькими двухъ-этажными домами. На улицахъ стоятъ возы и пасутся свиньи. Рѣка Харьковъ изображена широкой, безъ мостовъ,— со снующими по ней лодками. Снимокъ съ этой картины, какъ намъ кажется, могъ бы служить для иллюстраціи въ готовящееся къ 200-лѣтію города изданіе «Исторія Харькова». («Южный Край» № 7278).

Премія для студентовъ при Харьковскомъ университетѣ. При харьковскомъ университетѣ учреждается награжденіе золотыми медалями студентовъ безъ различія факультетовъ: а) за работы по изученію сочиненій Гоголя и Жуковскаго, б) за изслѣдованія въ области великорусскаго и малорусскаго языковъ, в) за научные труды по исторіи словесности, по исторіи литературы (русской, славянской, всеобщей) и по народной поэзіи, и г) за собраніе памятниковъ народнаго устнаго творчества. (Южный Край; № 7282).

Судьба бюста Шевченка. Покойнымъ А. К. Алчевскимъ на своей усадьбѣ въ Харьковѣ былъ поставленъ бюстъ Шевченка; впослѣдствіи этотъ участокъ земли устроителемъ былъ подаренъ Х. Д. Алчевской съ условіемъ, чтобы бюстъ украинскаго поэта былъ сохраненъ навсегда и чтобы никакихъ другихъ бюстовъ и статуй а также построекъ возводимо не было. Въ настоящее время имущество Алчевскихъ подлежитъ продажѣ съ торговъ. Интересно знать, какая судьба при этомъ постигнетъ бюстъ Шевченка?

— Головою (предсѣдателемъ) Львовскаго Наукового Товариства имени Шевченка вновь избранъ профессоръ М. С. Грушевскій (Дѣло, № 17).

Еще о Вергунѣ. Г. Вергунъ продолжаетъ отличаться. Какъ сообщаютъ въ «Дѣлѣ» (№ 24) изъ Вѣны, 1 февраля москвофильское общество «Буковина» устроило вечеръ на который были приглашены представители всѣхъ славянскихъ обществъ въ Вѣнѣ, исключая, конечно, украинскаго народнаго направленія. Г. Вергунъ выступилъ съ рѣчью, въ которой совершенно превратно изложилъ и освѣтилъ ходъ

событій въ львовскомъ университетѣ, повлекшій за собою массовой уходъ русинской молодежи, а въ заключеніе предложилъ собранію высказать свою солидарность съ «Буковиной», а украинскому обществу «Січ» и всей украинской молодежи выразить презрѣніе. За это предложеніе не поднялся ни одинъ изъ присутствующихъ славянъ; г. Вергунъ предполагая, что его не поняли, ставитъ предложеніе вторично, но отвѣтомъ было то же мертвое молчаніе. Сбитый съ позиціи г. Вергунъ обращается къ собранію съ вопросомъ, кому они сочувствуютъ—москвофильской ли «Буковинѣ или украинской «Січи»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ предсѣдатель чешскаго общества Akademicka Spolka, заявивъ отъ имени общества, что оно можетъ только симпатизировать стремленіямъ украинской молодежи и, что вопросъ объ основаніи отдѣльнаго украинскаго университета наукой уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Во время преній выяснилось, что также относятся къ предложенію г. Вергуна и другіе гости. Не везетъ г. Вергуну.

Кружокъ „украинськихъ дивчатъ“ въ Черновцахъ. 9 февраля въ Черновцахъ на Буковинѣ состоялось открытіе «Кружка украінськихъ дивчатъ», организованнаго по образцу уже существующаго съ тѣмъ же названіемъ общества во Львовѣ. Цѣль новаго общества—организація украинскихъ женщинъ для самообразованія и борьбы за національныя права украинской народности. Предсѣдательницей общества единогласно избрана Ольга Кобылянская (Дѣло, № 26).

Проектъ библіотеки Шевченка на его родинѣ. Кіевское Общество грамотности рѣшило открыть безплатную народную библіотеку въ селѣ Кирилловкѣ, Звенигородскаго уѣзда, на мѣстѣ родины малорусскаго поэта Т. Г. Шевченка. Въ настоящее время Общество грамотности ведетъ переписку съ звенигородскимъ комитетомъ попечительства о народной трезвости о томъ, не признаетъ ли комитетъ возможнымъ отпустить половину той суммы, которая необходима на открытіе названной библіотеки («Русскія Вѣдомости», № 46).

Описаніе Житомира въ XVII вѣкѣ. Въ архивѣ городской управы найдена старая, довольно объемистая рукопись, въ которой

описывается Житомиръ, состояніе его хозяйства, имущественное положеніе въ 17—19 вѣкѣ. Книга написана на польскомъ языкѣ крупнымъ четкимъ почеркомъ. На нѣкоторыхъ бумагахъ имѣется печать польскихъ королей съ одноглавымъ орломъ и начинаются онѣ «Божіей милостью король польскій и т. д. Станиславъ Августъ». Къ концу книги пришита печатная брошюрка, въ которой говорится о присоединеніи «житомирскаго староства кіевскаго воеводства» къ польской коронѣ. О-во изслѣдователей Волыни обратилось съ просьбой въ городскую управу о передачѣ интересной рукописи въ библіотеку общества. (Волынь № 34).

— 1 сентября текущаго года въ Станиславовѣ (Галиція) открывается пятая украинская гимназія. (Nowa Reforma).

Библіографія.

Старинный малорусскій письмовникъ: „Книга, глаголемая Листовня“. *Съ предисловіемъ Б. Д. Гринченко (—нка?). Черниговъ, 1901, in 4°, стр. XIV+41.*

Среди старинныхъ бумагъ намъ неоднократно приходилось встрѣчать польскіе рукописные сборники образцовъ всевозможнаго рода юридическихъ актовъ, очевидно служившіе практическимъ пособіемъ для начинающихъ юристовъ и чиновниковъ разныхъ судебныхъ канцелярій въ южнорусскихъ воеводствахъ Рѣчи-Посполитой XVII—XVIII ст.; но малорусскіе сборники и руководства подобнаго рода пока не извѣстны. Г. Гринченку удалось отыскать слѣды существованія подобныхъ руководствъ и въ собственной Малороссіи конца XVII и начала XVIII ст. Ему была доставлена рукописная книга, въ четвертку, писанная на сѣрой бумагѣ, въ разбитомъ полотняномъ переплетѣ. По своему содержанію книга оказалась обычнымъ Silva rerum а по составу—механическимъ соединеніемъ нѣсколькихъ тетрадей и отдѣльныхъ листковъ, писанныхъ въ разное время и разными почерками. Самую значительную часть сборника составляютъ образцы дѣловыхъ бумагъ и писемъ, видимо попавшіе сюда изъ трехъ руководствъ подобнаго рода; одно изъ нихъ вошло въ сборникъ почти въ полномъ видѣ, а два другія лишь въ видѣ незначительныхъ отрывковъ. Первое имѣетъ заглавіе: «Книга, глаголемая Листовня»; она занимаетъ начальныя 57 страницъ рукописи, внизу коихъ, по листамъ, обозначено, что она принадлежала іерею Даніилу Гирману и «списася въ Мертвоводѣ, на перевозѣ, въ зѣмовнику Богомертводскомъ, року

1712». Былъ ли этотъ Гирманъ составителемъ или только «списателемъ» (переписчикомъ) Листовни—неизвѣстно. Здѣсь встрѣчаются образцы: «суплѣки до преосвященого» съ титуломъ митрополита Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго (+1690 г.); декрета полкового суда съ именемъ фастовскаго полковника Семена Палія, умершаго въ 1710 г.; «подорожнаго листа» съ титуломъ «ново избранного гетмана» Ив. Скоропадскаго, и т. под., изъ чего слѣдуетъ заключить, что самая Листовня составлена, приблизительно, между 1690—1709 годами. Но въ другомъ мѣстѣ сборника, на шести листахъ, снова продолжаются образцы дѣловыхъ бумагъ, заимствованные изъ руководства, составленнаго въ болѣе раннее время. Здѣсь при двухъ образцахъ (№№ 52 и 51 изд. Гринченка) проставлены годы 1680 и 1687, а одинъ образецъ, озаглавленный: «Респонсъ отъ митрополита» заключается такими словами: «С Чернѣгова, с каѳедри нашой архиерейской»—ясное указаніе на то, что этотъ образецъ списанъ съ подлинной грамоты черниговскаго архіерея Лазаря Бариновича, фактически заступавшаго должность кіевскаго митрополита съ 1676 до 1686 г.

Что же собственно представляла изъ себя старинная малорусская «Листовня»?

Въ полномъ заглавіи изданной г. Гринченкомъ «Листовни» іерея Гирмана заключается поясненіе, что «в сей книжицѣ обрѣтаются розмаитые інструкціи, информаціи, албо тежъ способи и доклади до вшелякихъ писарскихъ потребъ». Листовня самого о. Гирмана своимъ содержаніемъ не вполнѣ оправдываетъ заглавіе: въ ней приведены 43 образца разнаго рода офиціальныхъ бумагъ (прошеній, донесеній, «подорожныхъ листовъ» и т. под.), съ цѣлью показать на примѣрахъ, «якимъ способомъ который листъ пишется»; но это—не болѣе, какъ «способы и доклады» (примѣры), а вовсе не «инструкціи» и «информаціи». Слѣдовательно, о. Гирманъ (или его оргиналъ) списалъ лишь общее заглавіе для своей Листовни, а наполнилъ ее образцами современныхъ ему дѣловыхъ бумагъ, и притомъ почти исключительно канцелярскихъ. Но въ томъ же сборникѣ, которымъ пользовался г. Гринченко, имѣется одинъ отрывокъ, попавшій сюда въ видѣ отдѣльнаго листка изъ какой-то болѣе старинной Листовни и помѣщенный въ изданіи г. Гринченка подъ № 55. Это уже—не голый образецъ, а настоящая «*информація*», представляющая риторическій трактатъ о томъ, какъ слѣдуетъ располагать части или содержаніе извѣстнаго

«листа» такимъ образомъ, чтобы «кождая рѣчъ» стояла «на своемъ мѣстцу», сохраняя логическую связь съ предыдущими и послѣдующими мыслями. Къ сожалѣнію, листокъ этотъ не имѣетъ ни начала, ни конца, поэтому очень трудно съ точностью возстановить содержаніе данной «информаціи». Въ общемъ рѣчь идетъ о томъ, что, при составленіи извѣстнаго «листа» (письма), слѣдуетъ расчленить его содержаніе на извѣстныя логическія части, или «*комы*», отдѣляемыя начальными союзами: *поневажъ, еднакъ, а же, зачимъ* и т. под. При этомъ дается указаніе, какими именно мыслями, учтивыми фразами и т. подобными loci topici слѣдуетъ наполнить каждую «кóму» и какъ все письмо «конклюзуется албо кончится». За этой общей схемой слѣдуетъ образецъ письма, наполненнаго пустыми, риторическими фразами, но со стороны формы вполнѣ отвѣчающаго данной схемѣ. Далѣе идетъ новая (по счету третья) информація, поучающая въ какихъ случаяхъ и какіе именно «листы» писать «до гетмана албо до полковника, любъ до судей, албо тежъ до урядовъ мескихъ». Если писать «от меншого до старшого, яко то от полковника до гетмана», то «по написѣ виразного и звичайного титулу», должна слѣдовать «нарація», но при этомъ «поздоровлене, узичене доброго здоровя не потреба писати», развѣ случилось бы то «подъ часъ триумфалныхъ и урочистыхъ святъ» Рождества и Пасхи,—тогда прилично «по ти тулѣ, въ нарацiѣ тоею уричистостью вѣншовати»... Къ сожалѣнію на этомъ и обрывается эта интересная информація.

Такимъ образомъ ясно, что въ Малороссіи конца XVII в. существовало методическое руководство къ составленію разнаго рода «листовъ», по своимъ пріемамъ и терминологіи очень напоминающее иресловутую «Науку, альбо способъ зложеня казаній» Голятовскаго. Руководство это было изобрѣтено, конечно, въ кіевской Коллегіи и, быть можетъ, входило въ курсъ тогдашней риторики. Этотъ чрезмѣрный риторизмъ тогдашней учености прививалъ и въ обществѣ вкусъ къ витійству, изысканности стиля, что и вызвало потребность въ нарочитомъ пособіи, которое давало бы образцы и сообщало бы элементарныя правила для составленія «листовъ», т. е. писемъ. Отсюда возникло и самое названіе подобныхъ пособій—«Листовня» [1]), ибо

[1]) Въ актахъ Волынскихъ судовъ XVI в. не разъ встрѣчалось намъ слово „листовня“—въ значеніи сумки для ношенія „листовъ“, портфеля.

вначалѣ дѣло шло не о формахъ канцелярскихъ бумагъ, а, именно, объ умѣніи составить витіеватое письмо, на какія существовала тогда мода. Такъ и въ изданной г. Гринченкомъ Листовнѣ, мы встрѣчаемъ образцы: а) поздравительнаго посланія къ важной особѣ (№ 14), б) утѣшительнаго письма—по случаю смерти ребенка (№ 53) и в) просительнаго къ кому-нибудь о матеріальномъ пособіи (№ 21). Это—любопытные образчики схоластическаго краснорѣчія и со стороны формы, и со стороны содержанія. Въ послѣднемъ, напримѣръ, проводится такая вычурная аналогія: Богъ такъ устроилъ вселенную, что еслибы рѣки и источники не питались отъ моря, то изсякли бы; звѣзды, если бы не занимали «свѣтлости» другъ у друга, певне бы оздобу свою утратили; такожде и во человѣцѣхъ: рабы провождаютъ животъ свой токмо благодѣяніемъ от своих благодѣтелей», поэтому «и азъ, нижайшій рабъ, до вашмосци пана и добродѣя моего, утѣкаю, упрашаючи (тутъ пиши—о чомъ)»...

Когда такія «Листовни» черезъ бывшихъ «спудеевъ» проникли въ низшіе слои общества, въ среду мѣщанъ и селянъ, гдѣ не къ кому было обращаться, комплиментными листами, а нужно было знать, какъ написать «суплѣку на попа», удостовѣреніе для шинкарки, разыскивающей воровъ, пропившихъ у нея чужое добро, и т. под., тогда Листовни стали все болѣе наполняться образцами обыкновенныхъ канцелярскихъ бумагъ. Такъ какъ въ XVIII в. судопроизводство въ полковыхъ, сотенныхъ и ратушныхъ судахъ было исключительно устное, то первоначально нужны были образцы преимущественно для письменныхъ сношеній съ епархіальною властью по приходскимъ дѣламъ; такіе именно образцы мы и встрѣчаемъ въ отрывкѣ изъ болѣе старинной Листовни (№ № 44—51). Впослѣдствіи и въ Малороссіи канцелярщина постепенно усиливается и соотвѣтственно этому образцы разнаго рода бумагъ увеличиваются и въ письмовникахъ.

Послѣ всего сказаннаго легко рѣшить вопросъ: кѣмъ составлялись подобные письмовники? Почтенный издатель рѣшаетъ его такъ: «Скорѣе всего составителями ихъ были какіе-нибудь канцеляристы, пожелавшіе такимъ путемъ облегчить себѣ трудъ сочиненія офиціальныхъ бумагъ». Конечно, изрѣдка и они могли заниматься такимъ дѣломъ; но нужно знать, изъ кого состояли тогдашніе канцеляристы. Они рекрутировались, главнымъ образомъ, изъ той многолюдной среды полуобразованной, убогой молодежи, которая по разнымъ причинамъ не оканчивала латинскихъ школъ и пускалась по свѣту промышлять

себѣ скудный заработокъ въ роляхъ «мандрованыхъ дьяковъ», сельскихъ «бакаляровъ», а иные и въ званіи сотенныхъ, полковыхъ, магистратскихъ и др. канцеляристовъ. Эти странствующіе «молодыки» должны были пускать въ оборотъ всѣ таланты и знанія, какимъ научились въ школахъ: они и пѣвцы, и педагоги, и художники, и актеры въ вертепныхъ драмахъ и интермедіяхъ. Какъ народъ «письменный», обученый «политичнымъ звычаямъ», они должны были, гдѣ нужно, сочинить приличныя вирши, сказать привѣтственную орацію, составить витіеватое письмо. Для всего этого они ѣще въ школѣ запасались нужными пособіями въ видѣ рукописныхъ сборниковъ, всегда находившихся въ ихъ походныхъ котомкахъ. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы сборникъ о. Даніила Гирмана, изъ котораго извлечена Листовня: вѣдь это какъ-разъ тѣ именно «бездѣльные шпаргалы», какими обычно была наполнена «торба» мандрованаго дьяка. Здѣсь имѣется и Орація на Воскресеніе Христово, и цѣлый рядъ другихъ прозаическихъ и стихотворныхъ орацій и вирши на разные случаи, и «лекціи з письма святого», и медицинскіе совѣты, и юмористическая «Суплѣка на веселье», и наконецъ—образцы писемъ и дѣловыхъ бумагъ. Цѣлая энциклопедія! Странствуя по свѣту, такой мандрованый философъ, по мѣрѣ надобности, пополнялъ свои «шпаргалы» тѣми или другими пьесами, какія оказывались ему болѣе нужными, или какія попадались подъ руку. Такимъ, именно, странствующимъ «дьякомъ», а можетъ быть и писаремъ, былъ, вѣроятно, и о. Даніилъ Гирманъ, не оставившій своихъ странствованій и послѣ того, какъ «посвятися на попы» въ 1709 г. Уроженецъ с. Богушковой-Слободки (нынѣ Золотон. у.), онъ, будучи уже священникомъ, попадаетъ въ отдаленный Запорожскій зимовникъ на Мертвоводѣ, гдѣ въ 1712 г. и списываетъ свою Листовню. Не удивительно, что въ нее попадаютъ въ качествѣ образцовъ документы изъ 16-ти мѣстностей правобережной Малороссіи и изъ 9-ти лѣвобережной.

Такъ такъ большинство образцовъ представляетъ не общія шаблонныя формы, а просто списки съ подлинныхъ документовъ, нерѣдко съ удержаніемъ собственныхъ именъ и датъ, и притомъ списки, сдѣланные всего чаще на правой сторонѣ Днѣпра въ такое время, отъ котораго не дошли актовые матеріалы, то изданная г. Гринченкомъ Листовня пріобрѣтаетъ еще интересъ и какъ сборникъ историческихъ матеріаловъ. Въ особенности цѣнно здѣсь все, что относится къ Семену Палію и его управленію. Вотъ, напр., подъ № 33 декретъ

1702 г., апр. 1: «Передо мною, Леонтіемъ Самарою, судіею полку его милости пана полковника Симіона Палѣя, полковника Фастовскаго»... Одного этого документа достаточно, чтобы удостовѣрить историка въ фактѣ существованія въ тогдашней правобережной Украинѣ полковыхъ судовъ, устроенныхъ такъ же точно, какъ и въ Гетманщинѣ, а документы подъ №№ 11, 23 и 28 удостовѣряютъ, что и въ селахъ функціонировали такіе же мѣйскіе или городовые суды, какъ и по лѣвую сторону Днѣпра. Въ документѣ № 19 выписана «суплѣка» товарищества и мѣщанъ уманскаго «повѣта» къ кіевскому губернатору князю Голицыну о назначеніи уманскимъ полковникомъ избраннаго ими лица—фактъ неизвѣстный. Подъ № 20 приведена «суплѣка» Синявскихъ мѣщанъ и крестьянъ (на Подоліи) къ великор. полковнику Рожнову о милосердіи въ сборѣ съ нихъ провіанта.

Есть нѣсколько документовъ, интересныхъ въ бытовомъ отношеніи; таковы №№ 12, 38, 44—48, рисующіе отношеніе прихожанъ къ священнику; № 49—доношеніе протопопа о священникѣ, пойманномъ на кражѣ, № 50—разборъ въ свѣтскомъ и духовномъ судѣ дѣла о «незгодѣ» супруговъ, требующихъ развода, и др.

Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи интереснаго памятника. Не знаемъ, имѣлъ-ли издатель подъ руками неисправную рукопись, или онъ не вѣрно прочелъ ее, но только тексты изданы очень плохо; почти въ каждой строкѣ встрѣчаются изуродованныя слова и выраженія, смыслъ коихъ трудно разгадать самому опытному человѣку. Для неопытнаго же читателя издатель самъ затруднилъ чтеніе, напечатавъ текстъ по системѣ, давно отвергнутой въ археографіи: онъ рабски воспроизвелъ всѣ погрѣшности старинаго писца, безъ толку слившаго отдѣльныя слова, и раздѣлившаго слитныя, а въ предисловіи выражаетъ какъ-бы извиненіе въ томъ, что недостатокъ знаковъ въ типографіи лишилъ его возможности сохранить разныя начертанія *о* и *у* и заставилъ раскрыть титла. Смѣемъ увѣрить почтеннаго издателя, что изданная имъ рукопись, интересная какъ историческій и литературный памятникъ, не представляетъ никакой цѣны для палеографа, а потому его заботы о точномъ воспроизведеніи всѣхъ особенностей ея письма были напрасны.

О. Л.

Записки Сергія Григорьевича Волконскаго *(декабриста). Изданіе кн. М. С. Волконскаго, 1901 г.*

Литература о такъ наз. «декабристахъ» обогатилась въ истекшемъ году весьма цѣннымъ изданіемъ «Записокъ С. Г. Волконскаго». Эта роскошно изданная книга заключаетъ въ себѣ не только личныя воспоминанія декабриста С. Г. Волконскаго, написанныя имъ уже на 72 году жизни, лѣтъ за шесть до смерти, и оканчивающіяся, такъ сказать, на самомъ интересномъ мѣстѣ—на арестѣ и допросѣ автора, но и разсказъ сына его о дальнѣйшей судьбѣ отца.

Записки раздѣлены на 49 небольшихъ главъ, изъ которыхъ особый интересъ представляютъ послѣднія 6 главъ, прямо относящихся къ участію автора въ общественно-политическомъ движеніи, окончившемся извѣстною катастрофою 14 декабря 1825 г. Этотъ особый интересъ «Записокъ» начинается лишь съ XLIV главы, со времени возвращенія автора въ Россію послѣ кампаніи 1814—15 годовъ.

Событія, о которыхъ говорится въ послѣдующихъ главахъ, происходили въ Южной Россіи, а потому эти главы и представляютъ особый интересъ для ея исторіи.

Князья Волконскіе ведутъ свой родъ отъ Черниговскаго князя св. Михаила Всеволодовича.

Представитель южной вѣтви этого рода помѣщикъ Черниговской губ. Григорій Семеновичъ Волконскій (1742—1824), бывшій оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ Сергѣй и есть авторъ «Записокъ». Блестящая военная карьера доставила ему возможность весьма близко стоять къ событіямъ знаменательной эпохи и къ выдававшимся дѣятелямъ ея.

Послѣ закончившейся «кампаніи», молодой генералъ, князь С. Г. Волконскій хотѣлъ было «исколесить всѣ части свѣта», но вмѣсто того—самъ не могъ дать себѣ отчета почему—вернулся въ Россію гдѣ ожидала его безцвѣтная, по его словамъ, жизнь, жизнь вахтъ-парадовъ, выходовъ и т. п. «Зародышъ сознанія обязанностей гражданина сильно уже началъ выказываться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ, причиной чего были народныя событія 1814 и 1815 гг., которыхъ я былъ свидѣтелемъ, вселившія въ меня, вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими».

По «новымъ» его убѣжденіямъ, жизнь въ Петербургѣ представлялась кн. Волконскому безцвѣтною. Назначенный командиромъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи, расположенной на Волыни, онъ отправился въ Новградъ-Волынскій, гдѣ и старался ввести въ отношенія начальника къ подчиненнымъ болѣе мягкости и теплоты».

На Волыни кн. Волконскій не могъ не замѣтить враждебныхъ отношеній между русскими и поляками. «Волынскимъ губернаторомъ былъ тогда полякъ Гажицкій, съ которымъ, какъ разъ во время проѣзда Государя черезъ Житомиръ, и пришлось столкнуться кн. Волконскому: вызванный Гажицкимъ на дуэль, онъ дрался съ нимъ на пистолетахъ. Послѣ этого князь пріобрѣлъ популярность и въ кругу подчиненныхъ и въ кругу товарищей, и въ кругу всего, что носило русское имя тогда на Волыни».

Вскорѣ послѣ этого его бригадная квартира была переведена въ г. Сумы, Харьковской губ. Когда дошла до Волконскаго вѣсть о рѣчи Императора на первомъ польскомъ сеймѣ, въ его сердцѣ глубокимъ сочувствіемъ отозвались слова Императора о намѣреніи его распространить и въ Россіи конституціонный порядокъ управленія. «Съ этой поры», говоритъ авторъ, «думы мои приняли другое направленіе».

Считая себя обиженнымъ по службѣ вслѣдствіе несоотвѣтствующаго, безъ его вѣдома, перевода въ гусарскую дивизію, кн. Волконскій, состоявшій тогда уже въ чинѣ генералъ-майора, подалъ просьбу объ отпускѣ безъ срока за границу; но получивши его, имъ не воспользовался, а поѣхалъ въ Одессу, гдѣ жила сестра его Зинаида. Здѣсь онъ былъ радушно принятъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ гр. Ланжероном. Интересна замѣтка его о тогдашней Одессѣ.

«Бытъ одесскій, говоритъ онъ, въ тогдашнее время былъ самый пріятный, общество не было стѣснено ни аристократическими замашками, какъ впослѣдствіи при гр. М. С. Воронцовѣ, корчившемъ изъ себя въ Новороссійскомъ краѣ—остъ-индскаго генералъ-губернатора; ни спѣсью и деспотизмомъ теперешняго генералъ-губернатора Строганова (въ 1862 г.). Ланжеронъ, хоть и не былъ великимъ администраторомъ, но былъ умный человѣкъ и слѣдовалъ предназначеніямъ герцога де-Ришелье—истиннаго основателя устройства Новороссійскаго края и, въ особенности, Одессы.—Родъ общественной жизни одесской мнѣ очень понравился, и я привязался къ этому краю и по вольному моему быту въ ономъ, и по занятіямъ по устройству хозяйства въ купленной мною степи въ Таврической губ.».

Въ началѣ 1819 г., послѣ поѣздки въ Петербургъ, кн. Волконскій посѣтилъ Кіевъ. «чтобы побыть на контрактахъ, тогда шумѣвшихъ и дѣлами денежными и общественнымъ съѣздомъ». Здѣсь онъ встрѣтился съ старымъ своимъ товарищемъ по воспитанію (оба учились у аббата Николи) и по службѣ Михаиломъ Орловымъ, который состоялъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса. У него онъ и поселился.

«У насъ сбирался кружокъ образованныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, довольно большой по случаю съѣзда на контракты, и даже кругъ дамскаго знакомства не былъ пустосвѣтскій, а дѣльный. Въ это время у насъ въ Россіи ненависть къ Франціи, порожденная нашими военными пораженіями въ войнахъ 1805, 1806 и 1807 гг., вовсе исчезли; кампаніи 1812 г. и послѣдующихъ 13 и 14 г.г. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ ея установленіями, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія— рѣзко выказались уму и сердцу многихъ и, какъ всякая новая идея имѣетъ коновода,—Михаилъ Орловъ по уму и сердцу былъ этимъ коноводомъ и дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ закоренѣлыхъ недвигателей, лицъ высшаго общества, ни неусыпный и рабски усердный надзоръ полиціи явной и секретной— не клали помѣхи въ широкомъ дѣйствіи, и гдѣ съѣздъ на контракты образованныхъ людей давалъ случай узнавать людей и сѣять сѣмена прогресса политическаго». [1])

«Благодаря тому, что я остановился на квартирѣ Орлова, я вошелъ въ этотъ замѣчательный кружокъ людей, а чувства мои давно уже клонились къ проповѣдуемымъ въ ономъ истинамъ. Болѣе, нежели когда, я понялъ тогда, что преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодническаго царедворничества. Сожитіе съ столь замѣчательнымъ лицомъ, какъ М. Орловъ, кругъ людей, съ которыми я имѣлъ ежедневныя сношенія, оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ

[1]) Тому же Мих. Орлову авторъ приписываетъ составленіе въ 1815 г. адреса Императору Александру I объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи, который былъ подписанъ „многими изъ первенствующихъ служебныхъ чиновниковъ“.

чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій! Съ этого времени началась для меня новая жизнь». Здѣсь же въ Кіевѣ кн. Волконскій познакомился со многими поляками и по этому поводу говоритъ: «Въ то время не было той рѣзкой черты непріязненности между русскими и поляками; не было въ этихъ послѣднихъ желанія отдѣлиться отъ Россіи со всѣми безразсудными для ихъ пользы, сумасшедшими, заносчивыми теперешними ихъ требованіями, (пишу я это въ 1862 году) въ родѣ того, что юго-восточная часть Россіи до Чернаго моря, Малороссія, Бѣлоруссія, Литва, Кіевъ, Смоленскъ, Остзейскія губерніи—все это есть коренная Польша и должно отойти отъ Россіи. Тогда господствовалъ въ обоюдныхъ убѣжденіяхъ соединенный славянскій элементъ, и это я подкрѣплю не одними моими воззрѣніями, но фактомъ: въ то время учредилась въ Кіевѣ массонская ложа, подъ именемъ: Les slaves réunis (ложа соединенныхъ славянъ),—одно это названіе доказываетъ наклонность общую къ соединенію. Le grand Maitre de la chaize (мастеръ стула) былъ полякъ, губернскій предводитель дворянства Кіевской губ., графъ Оливеръ; les deux surveilleurs (надзиратели) были русскіе, а члены были безъ разбора и русскіе, и поляки и дружно, по-братски подавали другъ другу руку».

«Такъ какъ я былъ массономъ, или, какъ это именуется, вольнымъ каменщикомъ, то мнѣ было предложено быть почетнымъ членомъ этой ложи, и я въ пріемномъ на это званіе засѣданіи говорилъ рѣчь, въ которой выразилъ чувства благодарности за честь, мнѣ дарованную,—и указывалъ, какія великія послѣдствія истекутъ изъ добровольнаго соглашенія между поляками и россіянами составить одно нераздѣльное цѣлое; моя рѣчь была принята съ общимъ одобреніемъ».

Волконскій былъ приглашенъ графиней Потоцкой пріѣхать въ Тульчинъ, куда на масляницѣ съѣзжались многія лица, мечтавшія о политическихъ преобразованіяхъ. Эти мечты нашли теплый отголосокъ и въ чувствахъ и думахъ Волконскаго. Здѣсь же, въ Тульчинѣ, ему предложено было вступить въ члены «Союза благоденствія». «Съ самаго вступленія моего въ это общество», говоритъ онъ, «я сдѣлался ревностнымъ дѣятелемъ по оному, почелъ обязанностію не удаляться изъ Россіи и измѣнилъ принятое мною намѣреніе надолго отлучиться за границу. Я вступилъ въ тѣсную связь съ Пестелемъ и съ Юшневскимъ, предсѣдательствующими Южной думы этого общества».

Такъ же близко сошелся онъ и съ нѣкоторыми другими членами: М. А. фонъ-Визиномъ, съ Бурцовымъ, познакомился съ П. В. Абрамовымъ, княземъ Барятинскимъ и многими другими. Узналъ тогда Волконскій, что въ числѣ членовъ былъ и Василій Львовичъ Давыдовъ, котораго онъ называетъ личностью замѣчательною по уму и теплотѣ чувства къ дѣлу и признаетъ «коноводомъ по вліянію его бойкихъ обсужденій и ловкаго увлекательнаго разговора». Мѣстожительство Давыдова—с. Каменка, Чигиринскаго уѣзда, было ежегоднымъ сборнымъ пунктомъ для совѣщаній. Этотъ съѣздъ не навлекалъ на себя подозрѣній мѣстнаго полицейскаго начальства, потому что срокъ съѣзда былъ назначенъ на 24 ноября—день именинъ его матери.

XLVI-ая глава «Записокъ» представляетъ живую картину личныхъ сношеній, установившихся между представителями тайныхъ обществъ. Волконскій скоро сблизился съ Павломъ Ивановичемъ Пестелемъ, котораго называетъ «человѣкомъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма». Это сближеніе съ Пестелемъ и привело Волконскаго ко вступленію въ «Союзъ благоденствія», членовъ котораго, лично ему извѣстныхъ, онъ и называетъ. «Вступленіе мое въ члены тайнаго общества, говоритъ авторъ, было принято радушно прочими членами, и я съ тѣхъ поръ сталъ ревностнымъ членомъ онаго и скажу по совѣсти, что я въ собственныхъ глазахъ вполнѣ понялъ, что вступилъ на благородную стезю дѣятельности гражданской». Вступивъ на путь пропаганды, Волконскій вербовалъ новыхъ членовъ во время частыхъ поѣздокъ своихъ въ Одессу, Тульчинъ, Кіевъ и обѣ столицы. На съѣздѣ депутатовъ въ Москвѣ 1821 г., вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о возбужденномъ надзорѣ правительства, рѣшено было временно закрыть оба общества, сѣверное и южное. Извѣстіе объ этомъ рѣшеніи Волконскій привезъ въ Кіевъ, но Южная Дума отвергла его и рѣшила дѣйствовать по прежней программѣ отдѣльно отъ Сѣверной. Такое рѣшеніе приняла и Сѣверная Дума. «Съ этого времени, говоритъ авторъ, Южная и Сѣверная думы поставили себѣ программы различныя: Южная—чисто демократическую, а Сѣверная—монархическую конституціонную. Въ это же время положено было, что цареубійство должно быть въ Южной Думѣ принято основнымъ правиломъ, какъ для старыхъ, такъ и при пріемѣ новыхъ членовъ. Эта мѣра въ основаніи своемъ имѣла не безусловное приведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ предохранительнымъ сред-

ствомъ отъ удаленія членовъ изъ общества; согласіе на такую мѣру не давало уже возможности къ выходу; удаленіе же изъ членовъ общества не уменьшало полной отвѣтственности за первоначальное согласіе. *Это изложеніе не есть вымыселъ, теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка; и это я высказываю по сущей истинѣ»* (курсивъ автора).

Хотя двѣ Думы руководились различными программами и дѣйствовали порознь, но общеніе между ними не прекратилось: Волконскій и В. Давыдовъ ежегодно ѣздили въ декабрѣ въ Петербургъ для «собесѣдованія» о дѣйствіяхъ обоихъ обществъ и привозили затѣмъ въ январѣ въ Кіевѣ отчетъ о ходѣ дѣлъ Сѣвернаго общества и о дѣйствіяхъ по отношенію къ нимъ правительства.

«У насъ на Югѣ, говоритъ авторъ, шло все дружно, и, кромѣ значительной пропаганды въ окрестностяхъ нашего мѣстопребыванія, Южная дума взошла въ сношенія съ тайнымъ обществомъ «Соединенныхъ славянъ», съ которымъ и соединилась, а затѣмъ взошла въ сношенія съ обществомъ польскимъ». Волконскій и былъ уполномоченъ вести переговоры съ этимъ послѣднимъ. Это было уже на контрактахъ 1825 г. по возвращеніи Волконскаго изъ Тифлиса, гдѣ онъ сошелся съ А. И. Якубовичемъ, который сообщилъ ему слишкомъ преувеличенное представленіе о революціонныхъ силахъ на Кавказѣ.

Въ январѣ 1825 г. Волконскій женился на Маріи Николаевнѣ Раевской и засѣданіе депутатовъ русскаго и польскаго обществъ было у него, уже женатаго, на квартирѣ. Интересны сообщаемыя имъ свѣдѣнія объ этомъ засѣданіи.

«Изложеніе о ходѣ нашихъ дѣлъ, разсказываетъ онъ, начали русскіе депутаты, потомъ давали отчетъ польскіе, но какъ изъ ихъ словъ выяснилось, что для общаго согласія въ дѣлѣ нужно полякамъ знать, согласно-ли наше общество на присоединеніе къ Польшѣ, какъ они выражались, отторгнутыхъ отъ нея нынѣ губерній, то Пестель сказалъ: «о границахъ не ставить кондицій, мы клониться должны къ общему дѣлу: союзъ Польши съ Россіей не долженъ быть въ ущербъ послѣдней. Вы ищите совокупнаго дѣйствія съ нами; что издавна русское, то должно остаться русскимъ; мы по національности составимъ федеративное цѣлое, не требуйте замысловатыхъ уступокъ. Вы найдете въ насъ братьевъ и гранью между нами не будетъ произволъ какого-либо сословія. Мы желаемъ добра и самостоятельности Польшѣ,

но первое наше дѣло—отстаивать свое отечество. Однимъ словомъ, согласитесь по этому вопросу ожидать и довольствоваться тѣмъ, что вамъ дадимъ, а не мечтайте о невозможномъ. Главное дѣло, это на обоюдныхъ правилахъ устроить возстаніе, не въ отвлеченныхъ мысляхъ, а на дѣлѣ; мы начнемъ, и вы начинайте.

Въ гл. XVLII авторъ излагаетъ основную цѣль тайнаго общества, довольно подробно говоритъ объ отношеніяхъ къ нему Ник. Ив. Тургенева, избѣжавшаго преслѣдованія и ускользнувшаго заграницу. Подробности эти понадобились автору, чтобы доказать лживость увѣренія Т—ва въ непринадлежности его къ обществу.

«Отдавая ему (Т-ву) полную справедливость, говоритъ авторъ, какъ постоянному защитнику словомъ и дѣломъ уничтоженія крѣпостного права въ Россіи, не могу и не долженъ утаить, что высказанное имъ, даже въ печати, увѣреніе, что онъ не участвовалъ въ тайномъ обществѣ и не былъ его членомъ, есть явная ложь».

Разсказавъ объ одномъ изъ своихъ свиданій съ Тургеневымъ и приведя такой же разсказъ И. И. Пущина, «рыцаря правды» о его разговорѣ съ Тургеневымъ, доказывающій несомнѣнное участіе послѣдняго въ заговорѣ, авторъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что высказанное имъ о Тургеневѣ сужденіе никто не припишетъ «злобѣ на то, что онъ не дѣлилъ нашего опальнаго быта, или зависти, что онъ, не смотря на то, что признанъ былъ въ верховномъ уголовномъ судѣ виновнымъ, былъ вовсе даже отклоненъ отъ этого приговора, и ему былъ дозволенъ безпрепятственный въѣздъ въ Россію».

Съ неменьшею подробностію авторъ останавливается на предательскихъ дѣйствіяхъ гр. Вита, на шпіонствѣ Бошняка и на доносахъ Шервуда и Майбороды. Но роль этихъ послѣднихъ достаточно уже извѣстна и по другимъ источникамъ.

Относительно самыхъ плановъ тайныхъ Обществъ Волконскій удостовѣряетъ постановленіе Южнаго Общества, чтобы «при удачѣ вслѣдъ за переворотомъ учредить временное правительство на три года, а впослѣдствіи отобрать отъ народа или чрезъ назначенныхъ отъ него довѣрителей, чего и что хочетъ Россія». Устраняя подробности относительно проектированныхъ мѣръ «послѣ переворота», такъ какъ за давностію времени трудно возстановить ихъ съ необходимою отчетливостію, авторъ говоритъ въ заключеніе: «одно скажу, что постановлено было, что по истеченіи срока временнаго правленія—члены

онаго, какъ и члены общей народной думы, не могутъ быть участниками новаго, уже постояннаго, формулированнаго правленія, и что миссія ихъ соучастія кончена навсегда».

Сообщая о томъ, что положеніе объ административной и военной организаціи было поручено обработать Пестелю, а судоустройства и финансовой части—Тургеневу, авторъ говоритъ: «Труды Тургенева не попались въ руки правительству, но не скрою, что все, что печатно высказано имъ о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи, во время его безмятежнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ, имъ и нами замышляемомъ для Россіи, и это я завѣряю совѣстью».

Въ гл. XLVIII-ой авторъ передаетъ извѣстныя уже свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни Императора Александра I, объ освѣдомленности Государя относительно заговора, и подробно разсказываетъ о своихъ послѣднихъ встрѣчахъ съ Пестелемъ въ Тульчинѣ и Умани. Оба они уже были въ ожиданіи ареста, и Пестель, рѣшительно совѣтуя ни въ чемъ не сознаваться, заботился объ уничтоженіи «Русской Правды», которая одна, по его мнѣнію, можетъ ихъ погубить. «Къ несчастью, говоритъ авторъ, «Русскую Правду» не уничтожили, а закопали въ одномъ огородѣ, и впослѣдствіи, кажется, что она была отыскана и была главною уликою противъ Пестеля и всѣхъ членовъ тайнаго общества».

Жена кн. Волконскаго разрѣшилась отъ бремени 2-го или 3-го января 1825 г. въ с. Болтушкѣ, и князь, безъ прямого разрѣшенія своего начальства (онъ въ это время состоялъ бригаднымъ командиромъ во второй арміи, и находился въ Умани), на одинъ день съѣздилъ навѣстить жену и здѣсь то 5-го января узналъ о многихъ произведенныхъ арестахъ и о подробностяхъ возстанія 14-го декабря. На обратномъ пути въ Умань 7-го января онъ отъ тайкомъ отлучившагося слуги своего узналъ, что къ дому его приставленъ часовой и входныя двери запечатаны. «Тутъ уже все стало мнѣ ясно, и сердце мое исполнилось грусти не изъ страха за послѣдствія, которыя меня ожидали, а изъ опасенія, какъ это повліяетъ на мою жену, лежавшую на родильномъ одрѣ». Этими словами оканчивается предпослѣдняя XLVIII-я глава. Недописанною XLIX-ою главой оканчиваются «Записки».

Доставленный въ Петербургъ прямо къ Зимнему Дворцу, князь Волконскій въ то время, какъ Левашевъ вышелъ изъ кабинета доложить о немъ Государю, изъ бѣглаго взгляда на лежавшія на столѣ

бумаги успѣлъ узнать, что допрошенные раньше его Басаргинъ, Леманъ и Якушкинъ не отрицали принадлежности своей къ тайному обществу, но только въ первоначальномъ его видѣ, когда оно носило названіе «Зеленой книги», т. е. съ перемѣны устава общества послѣ Московскаго конгресса.

«Тутъ явился самъ Государь, въ сопровожденіи Левашева, и сказалъ мнѣ, тогда еще не гнѣвно: «отъ искренности вашихъ показаній зависитъ ваша участь, будьте чистосердечны, и я обѣщаю вамъ помилованіе».—Государь вышелъ, и я остался глазъ на глазъ съ Левашевымъ. Начался допросъ и я, руководствуясь тѣми данными, которыя успѣлъ прочесть, какъ выше пояснилъ, и въ убѣжденіи изъ многихъ прежде мнѣ извѣстныхъ данныхъ, что существованіе общества извѣстно, дѣлалъ свои показанія, не выходя изъ рамокъ устава «Зеленой книги». Какъ Левашевъ ни домогался отъ меня болѣе подробныхъ объясненій, выставляя и прежнія наши товарищескія отношенія, и преданность свою къ зятю моему Петру Михайловичу, а потому и ко мнѣ, ему все таки неудалось узнать ничего болѣе.

Левашевъ взялъ мой допросный листъ и пошелъ къ Государю; вскорѣ оба опять воротились ко мнѣ. Государь мнѣ сказалъ: «Я.....» На этомъ словѣ прерываются «Записки». Издавая ихъ, сынъ дополнилъ свѣдѣніями о дальнѣйшей судьбѣ автора въ связи съ его семейною жизнью и политическими событіями того времени на основаніи офиціальныхъ документовъ и другихъ источниковъ.

Дополненія эти, занимая 63 страницы книги, представляютъ весьма обстоятельное изложеніе, хотя и чисто протокольнаго характера, зависѣвшаго, очевидно, отъ характера офиціальныхъ документовъ, какими пользовался авторъ,—важнѣйшихъ событій жизни С. Г. Волконскаго въ связи съ судьбой его товарищей по ссылкѣ. Эта часть книги читается съ большимъ интересомъ и во многихъ случаяхъ заставляетъ сожалѣть о томъ, что авторъ нѣсколько поскупился на подробности.

Кн. С. Г. Волконскій послѣ личнаго допроса, сдѣланнаго ему Императоромъ Николаемъ I, былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, и это заключеніе въ тѣсномъ, полусвѣтломъ и сыромъ помѣщеніи было, по словамъ сына, «едва ли не самымъ тяжелымъ временемъ въ жизни кн. Волконскаго». Только 26-го іюля 1826 г. онъ былъ ночью отправленъ въ Сибирь въ числѣ 8 человѣкъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Тридцать лѣтъ пробылъ онъ въ Сибири, получивъ только въ августѣ 1856 г. разрѣшеніе возвратиться въ Россію, гдѣ жилъ въ теченіе семи лѣтъ подъ надзоромъ полиціи безъ права въѣзда въстолицы, безъ права свободнаго передвиженія. Крайне тяжело читать всю эту офиціальную переписку относительно поднадзорности, отъ которой Волконскій освобожденъ былъ только 19-го февраля 1863 г. Умеръ онъ 28-го ноября 1865 г. въ с. Воронькахъ Черниговской губ. въ домѣ своей дочери и похороненъ рядомъ съ женой, которая умерла двумя годами раньше его (10 августа 1863 г.).

Въ заключеніе нельзя не выразить благодарности князю М. С. Волконскому (бывшему товарищу Министра Нар. Просв.) за изданіе посвященныхъ ему «Записокъ» его отца: этимъ изданіемъ онъ исполнилъ не только сыновній свой долгъ по отношенію къ отцу, оставившему ему такое наслѣдство, какъ славное имя, но и долгъ гражданина по отношенію къ памяти одного изъ благороднѣйшихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей первой четверти прошлаго вѣка. Въ своемъ предисловіи къ изданію, князь М. С. Волконскій, сообщая, что при составленіи своихъ «Записокъ» отецъ не пользовался никакимъ печатнымъ или рукописнымъ матеріаломъ и основывался исключительно на указаніяхъ своей памяти, говоритъ: «Провѣряя нынѣ, въ видахъ изданія, сообщаемые имъ факты, я убѣдился въ полной исторической ихъ точности: не смотря на прѣклонный возрастъ, память почти нигдѣ ему не измѣнила». Что до освѣщенія этихъ фактовъ авторомъ, то нельзя не раздѣлять увѣренности издателя, что «искренность, правдивость и необыкновенная скромность, которыми проникнуты «Записки», съ первыхъ же страницъ внушатъ читателю полное довѣріе къ сужденіямъ автора о лицахъ и событіяхъ».

А. Андр.

Памятная книжка Кіевской губ. на 1902 годъ. *Изданіе Кіевск. губ. стат. Комитета. Кіевъ 1901 г.*

Настоящее изданіе представляетъ обширную и весьма полную справочную книгу по всей Кіевской губ., около 500 стр., не уступающую по полнотѣ частнымъ изданіямъ этого рода и снабженную многочисленными объявленіями разныхъ фирмъ и учрежденій. Книжка

издана весьма опрятно и составляетъ дополненіе къ обширному и весьма полному списку населенныхъ мѣстъ Кіевской губ., изданія того же Стат. Комитета (1901 г.) въ 2000 стр. съ приложеніемъ карты губерніи; но, къ сожалѣнію, изобилуетъ опечатками.

Кромѣ разнообразныхъ справочныхъ свѣдѣній, памятная книжка снабжена отдѣльнымъ статистическихъ очеркомъ Кіевской губ., занимающимъ 100 стр. мелкой печати подъ скромнымъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о Кіевской губ. по даннымъ за 1900 г.»; содержаніе этого очерка составляютъ слѣдующіе главнѣйшіе отдѣлы его: естественныя и производительныя силы губерніи и экономическая дѣятельность населенія, обезпеченіе народнаго продовольствія, промыслы и заработки сельскаго населенія, фабричная и заводская промышленность, торговля, желѣзныя дороги, кредитныя учрежденія.

По характеру изложенія, очеркъ этотъ, видимо, представляетъ перепечатку свѣдѣній, излагаемыхъ въ «Обзорахъ» губерній, издаваемыхъ въ видѣ приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ, но выгодно отличается отъ обычныхъ обзоровъ полнотою и обстоятельностію изложенія. Это бросается въ глаза съ первыхъ же страницъ очерка, авторъ котораго, вопреки шаблону, прежде всего совершенно правильно дѣлитъ губернію на три типичныя ея части (сѣверную, среднюю и южную), давая характеристику каждой изъ нихъ отдѣльно и остроумно пользуясь для этой цѣли даже статистическими данными объ урожаяхъ. Очеркъ снабженъ массой разнообразныхъ таблицъ, исчерпывающая полнота которыхъ особенно бросается въ глаза при разработкѣ вопросовъ о площади и размѣрахъ посѣвовъ и сборахъ хлѣбовъ. Видно, что авторъ очерка съ большою любовью и вниманіемъ относится къ дѣлу, но очеркъ этотъ очень много теряетъ именно потому, что его данныя относятся почти исключительно къ одному году. Хотя для сравненія съ данными 1900 г. постоянно приводятся и цыфры 1899 г., но это мало помогаетъ дѣлу, потому что правильною можетъ считаться только та характеристика губерніи, которая основана на данныхъ за рядъ лѣтъ или по меньшей мѣрѣ на свѣдѣніяхъ за какой либо средній годъ. Въ данномъ же очеркѣ нѣтъ никакихъ указаній, является-ли который нибудь изъ этихъ двухъ случайно взятыхъ годовъ среднимъ въ томъ или иномъ отношеніи, почему и нельзя судить, на сколько слабы, велики, важны, характерны и типичны тѣ отклоненія цыфръ въ разныя стороны между 1899 и 1900 г.г., на которыя то и дѣло указывается при сопоставленіяхъ цыфръ. Вслѣдствіе всего этого, данный очеркъ

имѣетъ значеніе лишь какъ систематизированный сводъ сырого матеріала, которымъ при наличности такихъ же сводовъ за другіе года, можно будетъ впослѣдствіе воспользоваться для составленія обоснованнаго очерка губерніи по даннымъ за нѣсколько лѣтъ.

Въ активъ автора очерка губерніи можно записать то, что соотвѣтственно превалирующему значенію сельско-хозяйственной промышленности передъ фабрично-заводскою, онъ удѣляетъ наибольшее мѣсто главѣ о сельскомъ хозяйствѣ, разработанной съ особенной полнотою и подробностію. Однако, при наличности данныхъ максимумъ только за 2 года, всѣ эти выводы изъ разныхъ таблицъ о томъ, какое мѣсто занималъ тотъ или иной уѣздъ передъ другими уѣздами губерніи въ отношеніи урожая того или иного хлѣба, и въ какомъ уѣздѣ урожай какого либо хлѣба былъ въ извѣстномъ году лучше или хуже, теряютъ свое значеніе и становятся излишними.

Въ главѣ о кредитныхъ учрежденіяхъ приведены, имѣющія нѣкоторую связь съ состояніемъ сельскаго хозяйства въ губерніи, интересныя данныя о покупкахъ, продажахъ и залогахъ земельныхъ имуществъ, которыми мы хотимъ подѣлиться съ читателями. Можно только пожалѣть, что данныя о задолженности частновладѣльческихъ имѣній приведены лишь по одному Дворянскому Банку, такъ какъ частные земельные банки однородныхъ свѣдѣній совсѣмъ не доставили. По собраннымъ даннымъ,оказывается, что въ отчетномъ году изъ общаго числа проданныхъ чрезъ Крестьянскій Банкъ за этотъ годъ 13109 дес., дворянами продано 9990 дес., т. е. 76% общаго количества. Въ отчетномъ же году заложено въ Дворянскомъ Банкѣ 40515 дес., вмѣстѣ съ которыми общая задолженность частнаго землевладѣнія въ этомъ банкѣ выразилась къ 1 января 1901 г. 423080 десятинами земли. Жаль только, что за неприведеніемъ въ очеркѣ губерніи данныхъ объ общихъ размѣрахъ личнаго, и въ частности дворянскаго землевладѣнія въ губерніи, нельзя опредѣлить какой % того и другого составляютъ заложенныя земли. Во всякомъ случаѣ, если считать, что дѣйствія Дворянскаго Банка, на сколько помнится, распространены на Кіевскую губ. около 15 лѣтъ назадъ, то ежегодно въ залогъ этого банка поступало 28205 дес. За эти 15 л. выдано ссудъ дворянамъ 32.585.900 р., изъ нихъ внесено въ уплату взятыхъ ссудъ всего только 578.310 р.

Л. С. Л.

„Нѣсколько словъ о сервитутахъ и разверстаніи въ Юго-Западномъ краѣ воспитанника сельскаго хозяйственной и лѣсной Академіи въ Тарантѣ и Гейдельбергскаго университета“. *Кіевъ, 1902 г. 34 стран.*

Названная брошюра неизвѣстнаго автора представляетъ перепечатку его статей, напечатанныхъ въ газетѣ «Волынь» въ №№ 211 -221 за 1901 г. и являвшихся возраженіемъ на статьи юриста т. Щ. по сервитутному вопросу въ той же «Волыни» (№№ 180 и 181). Юристу г. Щ. возражаетъ спеціалистъ по сельскому хозяйству и лѣсоводству; но возражаетъ не съ хозяйственной, а почти исключительно съ юридической точки зрѣнія. Брошюра имѣетъ исключительно полемическій характеръ. Поэтому изложеніе ея лишено характера цѣльности и является нѣсколько разбросаннымъ и отрывочнымъ, касаясь лишь тѣхъ сторонъ вопроса, во взглядахъ на которыя авторъ расходится съ юристомъ г. Щ. и судебными учрежденіями, которые авторъ обвиняетъ въ «волшебно-фокусныхъ представленіяхъ», въ сферѣ пониманія и рѣшенія сервитутныхъ вопросовъ (стр. 17).

Какъ и слѣдуетъ сельскому хозяину авторъ высказывается за упраздненіе («дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ») сервитутовъ (стр. 31), препятствующихъ правильному веденію хозяйства, но «при условіи соотвѣтственнаго вознагражденія крестьянъ». «Право же общей толоки, какъ временное право, установленное съ извѣстными цѣлями, а не какъ сервитутъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова», онъ находитъ «желательнымъ» официально признать «за полученіемъ крестьянами данныхъ и вводныхъ листовъ» (и не смотря на фактическое его примѣненіе и осуществленіе во многихъ имѣніяхъ) «потерявшимъ свою силу» (?). За утрату крестьянами права пастьбы скота по помѣщичьему лѣсу, авторъ проэктируетъ вознаградить ихъ отводомъ имъ въ собственность извѣстнаго пространства земли, «котораго цѣнность соотвѣтствовала бы цѣнности упраздняемаго сервитута». Размѣръ же послѣдней онъ опредѣляетъ суммою, «какую слѣдовало бы уплатить слѣвладѣльцу за наемъ пастьбы для крестьянскаго скота въ томъ количествѣ штукъ, какое находилось на пастьбѣ въ лѣсу въ 1900 (?) году, если помножить ее на 20» (?), не объясняя, однако, почему такой разсчетъ вознагражденія можно считать выражающимъ наиболѣе близко дѣйствительную стоимость сервитута. Въ коммиссіи, которыя, вѣроятно, будутъ учреждены для приведенія въ исполненіе закона о разверстаніи и

упраздненіи сервитутовъ, авторъ не считаетъ нужнымъ приглашать представителей обѣихъ заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ сторонъ, а только—«значительное количество почетныхъ членовъ изъ землевладѣльцевъ и мѣстной интеллигенціи, которые бы, по очереди, могли, въ теченіе всего времени, принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ и тѣмъ облегчить работу бюрократіи (?), вслѣдствіе чего дѣло быстро было бы доведено до конца»,—такого разумѣется, который болѣе всего имъ желателенъ. Нельзя не сказать по этому поводу, что при всей склонности къ теоретическимъ разсужденіямъ, воспитанникъ сельскохозяйственной академіи оказался человѣкомъ весьма практичнымъ.

Л. С Л.

П. А. Кулишъ. Хуторни недо́гаркы. *Стр. 111 in 16. Харьковъ, 1902 г. Цина 50 коп.*

Имя Кулиша перешло въ исторію украинскаго національнаго движенія съ двойственной репутаціей: съ одной стороны—это одинъ изъ выдающихся дѣятелей, можно сказать—апостоловъ украинскаго возрожденія, неутомимый работникъ на пользу родного народа, въ своихъ раннихъ произведеніяхъ нарисовавшій много симпатичныхъ образовъ изъ среды этого народа въ его прошломъ и настоящемъ; съ другой стороны—фанатичный ненавистникъ историческаго прошлаго своей родины, дошедшій въ своей ненависти положительно до какой-то маніи козакофобства; противникъ простого народа («черни»), не останавливающійся ни передъ какими крайностями; человѣкъ, сжегшій безъ оглядки все, чему поклонялся, слагавшій въ буквальномъ смыслѣ оды и гимны лицамъ, о которыхъ народъ сохранилъ не особенно добрую память... Поклонникъ и другъ Шевченка въ раннюю пору своей дѣятельности—и непримиримый врагъ его въ послѣдніе часы; натура, словомъ, сотканная изъ непримиримыхъ противорѣчій, въ своемъ родѣ—двуликій Янусъ, фигура, предъ которой съ недоумѣніемъ останавливается критика и читатели. До сихъ поръ еще не выяснены указанныя противорѣчія и будущему историку украинскаго движенія предстоитъ крайне трудная въ психологическомъ отношеніи, почти неразрѣшимая задача: освѣтить эту загадочную натуру, дать ключъ къ пониманію и разрѣшенію этой воплощенной загадки. Нечего и говорить,

что такое разрѣшеніе можетъ быть достигнуто только при достаточной наличности фактовъ, объясняющихъ тѣ или другія стороны дѣятельности Кулиша. Одинъ изъ такихъ новыхъ фактовъ мы имѣемъ передъ собой—это отрывки сгорѣвшихъ во время «хуторнои безлюднои пожежи» поэмъ Кулиша—«Хуторни недóгаркы».

Въ художественномъ смыслѣ эти «недогарки» не имѣютъ никакой цѣны: принадлежа къ послѣднему періоду литературной дѣятельности Кулиша, они въ превосходной степени отразили на себѣ отрицательныя стороны его поэзіи; растянутость, страсть по всякимъ поводамъ, а иногда и безъ всякихъ поводовъ, къ длиннымъ отступленіямъ, наконецъ, ихъ незаконченный, обрывистый видъ—все это понижаетъ ихъ художественную цѣнность до очень скромной степени. За то въ другомъ отношеніи, въ смыслѣ новыхъ матеріаловъ для разгадки психики ихъ автора, «Недогарки» очень интересны, хотя исключительно съ отрицательной стороны. Взгляды Кулиша высказываются тутъ такъ ярко, выпукло, какъ, можетъ быть, ни въ одномъ изъ его болѣе законченныхъ и болѣе цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи произведеній; человѣкъ, проникнутый извѣстными тенденціями, тутъ совершенно заглушилъ художника и въ результатѣ—поразительно превратное освѣщеніе и истолкованіе общеизвѣстныхъ явленій.

Вотъ, напр., крѣпостное право—явленіе достаточно опредѣленное, о которомъ, кажется, уже не можетъ существовать въ настоящее время двухъ различныхъ мнѣній. Всѣмъ извѣстно, какъ тяжело было положеніе закрѣпощенныхъ массъ; стоитъ взять въ руки какое угодно произведеніе—художественное-ли, научное-ли,—чтобы на первыхъ же строкахъ наткнуться на самыя возмутительныя проявленія того порядка, при которомъ одному человѣку предоставлена ничѣмъ не ограниченная власть надъ сотнями себѣ подобныхъ... Но послушаемъ Кулиша.

. . . . . Народъ
Що за козацтва бувъ соби гультяй гуляцый,
Робывъ немало й намъ, и Москалеви шкодъ,
А за панивъ-новыхъ, що по Ляхахъ посталы,
Си злыдни въ запечкахъ сыдилы й воли ждалы [1]).
И справди жъ бо *жылы ничкурнякамы Хамы.*

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

На хлиби Панському бешнтанькамы росмы.
Не дозыралысь, якъ тамъ ходять за плугамы:
Про те у ныхъ батькы й стари диды булы.
Буялы по степахъ ажъ поты пастухамы,
Покы дивчата имъ кортиты почалы.
Тоди вже очкурню питтягувалы въ штаняхъ,
И мылысь у ставкахъ, а то и въ панськыхъ баняхъ...
(стр. 6—7).

Далѣе слѣдуетъ возмутительная по своему цинизму (не въ одномъ только ходячемъ значеніи этого слова) сцена, въ которой одинъ изъ такихъ «бугаевъ» (выраженіе автора) испрашиваетъ у пана разрѣшенія на женитьбу; добрый панъ убѣждаетъ его жениться по любви, но «лобасу» совершенно недоступны высшія понятія и онъ руководствуется одними лишь низменными побужденіями и грубымъ разсчетомъ. Убѣдившись въ безрезультатности своихъ словъ, панъ мягко соглашается — «Що хочешъ, те й чыны»... (стр. 9). Какъ мало похожа сильно смягченная въ нашемъ пересказѣ сцена на тѣ дѣйствительныя драмы, безмолвными свидѣтелями которыхъ были, въ то благословляемое Кулишомъ время, стѣны дѣвичьихъ барскихъ покоевъ и конюшенъ! Какъ мало «бугай» Кулиша напоминаетъ собою милліоны тѣхъ дѣйствительныхъ «бугаевъ», которыхъ насильно женили на обесчещенныхъ «добрыми» панами крѣпостныхъ «дѣвкахъ»!.. Нечего и говорить, что въ приведенныхъ выше, возмутительныхъ по своему цинизму строкахъ, нѣтъ ни слова правды; чувство художественной мѣры совершенно оставило автора, и вмѣсто дѣйствительнаго «кріпака», выдерживавшаго на своихъ плечахъ невыносимую тяжесть крѣпостного гнета и произвола, онъ грубо нарисовалъ то, что нашептывала ему непонятная ненависть къ „черни“. До такой огульной ненависти ко всему народу, кажется, никто еще не доходилъ: даже фактами народной бѣдности и вполнѣ извинительнаго невѣжества онъ пользуется для упрековъ по адресу самого же народа, опять таки обходясь съ истиной очень своеобразно. «Такъ звыклы печкуры за Панщыны жынытысь», заключаетъ Кулишъ приведенную сцену,—

Що воля имъ теперъ чынышы що-хотя:
Чы до смерты, мовлявъ, *за вексели судытысь,*
Чы на степы й Амуръ здійматысь безъ пуття,
Або одынъ зъ однымъ *за батькивщыну бытысь*

И на *лыхе навчать* свое й чуже дытя.
А все таки Паны зисталысь вынувати,
Що не було добра видъ хаты та й до хаты (стр. 9).

Еще бы! Паны, конечно, ни въ чемъ невиноваты, хотя самъ Кулишъ невольно проговаривается, что упомянутый уже добрый панъ, истощивъ всѣ свои аргументы, заключаетъ: „я тебе навчу, колы не навчылы сына отець изъ матеррю“;—Не трудно разгадать истинный смыслъ этого добродушнаго съ виду обѣщанія... А вотъ современный панъ:

Адамъ изъ Евою видъ хлопакивъ сусидъ
Ровамы окопавсь, мовъ у якому шанци,
А по окопови порисъ колючый глидъ,
Щобъ *не вкрадалыся по ягоды поганци*...
Не вдержывъ бы *сипакъ* ни валъ, ни глидъ колючый,
Та имъ булы страшни кудласти гавкуны...
. . . . . .
Почують, полетять и обирвуть штаны.
Воны жъ то нашъ и садъ и двиръ оборонялы,
Зъ зори та й до зори, мовъ на вовкы, брехалы.

Не скрывается ли въ этихъ словахъ разгадка истинной причины ненависти къ народу, обнаруженной съ единственной въ своемъ родѣ откровенностью?...

Козакофобство у Кулиша принимаетъ размѣры настоящей маніи; нѣтъ такого самаго отвратительнаго порока и преступленія, которыми бы онъ не надѣлилъ представителей козачества; для изображенія его онъ не жалѣетъ черныхъ красокъ, густыми мазками отдѣлывая небывалыя черты.

Козацтво жъ—се бувъ хмиль пъяный, що вгору вывся,
Що въ пустоши—гаю всю памолодь давывъ.
Козакъ зъ Татарыномъ за хыжу здобычъ бывся;
Пропывшы, що здобувъ, своихъ симъянъ душывъ,
Або зъ мещанамы за тарануху грызся,
Або за гришъ панамъ у чварахъ ихъ служывъ;
По Руси ковтуномъ кудластымъ розростався,
Розбоемъ на води й на суси велычався.

Якъ прыпъялы жъ Паны Козацтво за розбойи
И дома и въ чужыхъ прымыреныхъ земляхъ,
Тоди зъ гиркыхъ пъяныць посталы въ насъ Геройи,
И навелы на всихъ панивъ безумный страхъ
И захыталыся вси жызняни устойи... (стр. 23—24).

. . . . . .

Здавенъ поставъ у насъ переказъ мижъ ратайства,
Що кодло се зъ зерна невирного взялось,—
Зъ якогось наплоду мижъ Руссю Азыятва,
Що въ нашу чысту кровъ отрутою влылось,
Та й росплодылося въ народи й розрослось,
Якъ иноди кукиль засяде у пшеныци;
И довго мучылысь дивчати й молодыци,
Покы Русь довела пшеныцю до сторыци (стр. 103—104).

Козакъ у Кулиша—синонимъ всякой мерзости; портретъ козака—«гыдка чубата образына», козацкаго «велыкого преславного героя пестытъ зъ Іудою на лони зрады бисъ» (34), Запорожье—«Содомъ зъ Гоморою», «наслидныця Содома». Эпитетами: «пъяный козакъ», «пъяныци-чупрындери», сипакы-козакы», «шляхецьки паліи», «жыдивськи ризныкы», «людожеры кривави», кодло кляте», «зтатарени харцызы», «пухли опіякы», «клевреты мусульманства», «ватагы розбышакъ» и т. д.—буквально пестрятъ страницы «Хуторныхъ недогаркивъ», не смотря даже на то, что въ обращеніи къ музѣ авторъ говоритъ: «тоби не лычыть ихъ *мерзенныхъ* спомынать» (19), «забвення проклятямъ побъемъ пекельни души» (20), и даже при одномъ воспоминаніи «въ серци сумъ, що ричъ иде про козакивъ» (22). Но Кулишу, очевидно, доставляетъ какое то удовольствіе—растравлять свою ненависть и онъ слова не скажетъ, не упомянувъ о ненавистномъ козачествѣ... О причинахъ поступленія въ козаки одно изъ выводимыхъ авторомъ лицъ говоритъ:

Згадай, якымъ я втикъ задрипою одъ васъ,
Видъ рала та серпа, за днипрови порогы,
Якъ въ Аксака Юрка, Пидстаросты *прокравсь*,
А въ жыда *задовжавсь* нетяжыще убогый (стр. 95).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ еще опредѣленнѣе указываетъ на «пъяныць та злодіякъ, що йшлы у козакы» (103). Къ довершенію всего—козаки еще и трусы:

Не зважылысь на грець кабашныкы гулякы.
«Лежать у заклади (мовлялы) вси шабли.
Ось въ кости граемо на кожанкы й кульбакы,
А якъ окупымось, тоди мы вси твои;
Зъ которымъ хочъ—рубайсь; не бійсь, мы не драгли»
(стр. 96—97).

такъ отвѣчаютъ козаки при вызовѣ на честный поединокъ. «За-для костырства, картъ, блудныцтва, опыяцтва», они ни передъ чѣмъ не остановятся и представляютъ собою наиболѣе пригодный для населенія ада матеріалъ:

Колысь давно, якъ Хмиль кругомъ насъ не обвывся,
И въ пекли геть було простирно, бо казакъ
Въ розбійныцьку тоди потугу ще не вбывся (стр. 93).

Не лучше простыхъ козаковъ оказываются и народные герои: Петръ Могила—«Рымськый вовкъ» (27), Хмельницкій—«старый гультяй и опіяка», «кровавый Тамерланъ, исчадье Евмениды и Медузы, воспитанникъ Козако-Езуитскій» (74); онъ—«поты лыгавъ на тще-серце и на потуху оковыту, покы обдувсь, якъ барыло, та й давъ дуба» (87).

Въ гордомъ сознаніи своей непогрѣшимости, Кулишъ съ крайнею нетерпимостью относится и къ людямъ, которые расходятся съ нимъ во взглядахъ «на нашу пьяну старосвицыну»; этимъ не согласно мыслящимъ о козакахъ достается отъ Кулиша не меньше, чѣмъ и самимъ козакамъ.

Що за Коныського роспочато брехаты,
За насъ добрихуе пысьменство нависне,
Гайдаръ въ прыгрубныку манывъ дытыну,
Професоръ зъ каѳедры, возводыть у доктрыну (59).

Эти «пысьменни злюкы» (19), «бешъ честы, безъ пуття й повагы пысьмакы» (30).

. . . . закопалыся байдужно въ перегнои
Пысьменщыны и викъ викують у темноти,
Мовъ гробакы гыдки на дни труны нимои... (стр. 32).

. . . . . .

Воны пойилы чернь брехнею-бъ козакахъ,
Гласъ честы й совисты въ нетягахъ заглушалы
И кобзарямъ новымъ оману завищалы (стр. 62)...

. . . . . .

И проповѣдуютъ во славу Украины
Основу новую литературы—
Самоуправную расправу грубой силы,
Наперекоръ преданіямъ культуры (стр. 67)...

Довольно, хотя подобныхъ цитатъ можно бы еще много привести,—этими человѣко-ненавистными окликами несомнѣнно больной души полна почти каждая страница «Хуторныхъ Недогаркивъ». Страшно становится за человѣка, носившаго въ душѣ своей такую тяжесть ненависти—слѣпой, несправедливой, неумолимой; больно за поэта, не съумѣвшаго во время остановиться и сдѣлавшаго свою музу орудіемъ этой ненависти. «Хуторни недогарки»—это темное подземелье, гдѣ нѣтъ ни одного луча свѣта; въ нихъ худшія стороны человѣческой природы, ошибки выдающагося человѣка, обнаружились во всей своей ужасной, неприкровенной наготѣ. Несомнѣнно, что «Хуторни недогаркы» и всѣ подобныя имъ плоды ненависти обрѣчены на забвеніе и чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ лучше, лучше для памяти того—*другого* Кулиша...

С. Е.—мовъ.

Неначе свитъ перевернувся *Вирши Дида Мыколы. Н. п. Стр. 190 in 16. Елисаветградъ, 1901. Цина 50 к.*

Есть, говорятъ путешественники, полудикій народецъ въ Средней Азіи, необыкновенно впечатлительный и отзывчивый на внѣшнія впечатлѣнія: встрѣтитъ корову—поетъ: «ой корова», заборъ увидитъ—поетъ: «ой, заборъ»... Такимъ же избыткомъ впечатлительности страдаютъ и нѣкоторые изъ современныхъ служителей музъ,—съ тою, очень существенной впрочемъ разницей, что полудикій сынъ степей поетъ для своего собственнаго услажденія и потому его впечатлительность вполнѣ законна и, по крайней мѣрѣ, никому не вредитъ, наши же поэты спѣшатъ повѣдать чуть не всему міру о тѣхъ «коровахъ» и «заборахъ», которые встрѣтились имъ на ихъ жизненномъ пути. Что изъ этого происходитъ—угадать не трудно.

Г. Дидъ Мыкола несомнѣнно страдаетъ такимъ избыткомъ впечатлительности и отзывчивости, а потому, согласно съ классическимъ рецептомъ для поэтовъ, «на всякій звукъ свой отзвукъ въ воздухѣ пустомъ родитъ онъ вдругъ»... Видитъ онъ напр., болото—сейчасъ впечатлительность его реагируетъ и онъ начнетъ воспѣвать прелести болота, гдѣ

Щебечуть пташкы безъ цензуры.
Гудуть роямы комари,
Белькочуть жабы-балагуры:

. . . . . .

Нема друкованыхъ законивъ,
Нема тюрмы и кандаливъ.
Нема ученыхъ Астрономивъ,
Нема аптекъ и ликаривъ... (стр. 18).

Видитъ трамвай—сейчасъ рождается «Трамвай лектрическый»:

Ну, братци, та й штука
Трамвайна падлюка (!)
Не чыста душа... и т. п. (стр. 34).

Зайдетъ ли въ банкъ—нарисуетъ вамъ такую картину—«Въ збанку»:

Въ збанку (sic) чыновныкы сыдять
Та гришмы все бряжчать, бряжчать... (стр. 37).

Прослышитъ ли онъ о соединеніи корифеевъ украинскаго театра въ одну труппу—изъ подъ его пера выливается несравненное «Якъ побачу Марка, то мынеться й сварка»... Но кромѣ «ученыхъ Астрономовъ, аптекъ и ликаривъ», никто, вѣроятно, не причинилъ столько тревогъ и огорченій нашему поэту, какъ представительницы прекрасной половины человѣческаго рода; потому то мы въ сборникѣ г. Дида Мыколы и находимъ значительное количество стихотвореній, посвященныхъ женскому вопросу,—тутъ есть: «Думкы про жинокъ» и авторскій рецептъ «Якъ жинокъ дурыты», «Жиночый ядъ» и «Бабьячый крыкъ», «Жиноча писня» и «Дивоча писня», «Модна жинка» и «Жинка-тыхоня» и даже благодарственное посланіе къ бабѣ Рындычкѣ (изъ водевиля «По ревызіи»). Въ женскомъ вопросѣ авторъ большой пессимистъ и

темы избираетъ преимущественно отрицательныя; женофобство заставляетъ его забывать въ иныхъ случаяхъ даже свое недовѣріе къ аптекамъ и ликарямъ и онъ тогда патетически восклицаетъ:

О, клычте швыдче, швыдче Коха!
Пастера мертвого збудить;
Жинкамъ щобъ нашимъ хочъ потрохы
Пидъ шкуру лымфу пидпустыть... (стр. 26).

Бѣдныя женщины!.. Но по человѣчеству намъ отъ души жаль и автора: много нужно претерпѣть, чтобы рѣшиться на такое геройское средство, какъ призываніе на помощь мертвыхъ!..

Центральнымъ мѣстомъ въ сборникѣ, такъ сказать, гвоздемъ его, является поэма «Неначе свитъ перевернувся», отъ которой и весь сборникъ получилъ свое, на первый взглядъ не совсѣмъ понятное названіе. О самой поэмѣ мы ничего не имѣемъ сказать,—за ея достоинства ручается имя автора; насъ смущаетъ только одно обстоятельство: въ примѣчаніи авторъ обѣщаетъ продолженіе этой поэмы въ слѣдующей книжкѣ... Не довольно ли будетъ и первой?..

С. Е.

Очеркъ дѣятельности Св.-Михайловскаго Братства въ с. Деньгахъ Золотоношскаго уѣзда за десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г.
Составилъ Павловскій. Черкассы, 1901.

Богатѣющая почва вызываетъ усиленное предложеніе услугъ разныхъ сѣятелей, и въ добровольцахъ-сѣятеляхъ нынѣ и за послѣдніе годы стало даже чувствоваться нѣкое изобиліе. Однимъ изъ такихъ сѣятелей добровольцевъ является и авторъ выписанной въ заголовкѣ брошюрки.

И брошюрка вполнѣ оправдываетъ права автора быть сѣятелемъ на нивѣ народнаго просвѣщенія. Издана она въ городѣ Черкассахъ, какъ извѣстно, находящемся въ предѣлахъ Юго-Западнаго края. Очевидно, самъ авторъ тоже принадлежитъ къ числу согражданъ сего края, ибо хотя въ заголовкѣ онъ пишетъ, что дѣйствуетъ въ с. Деньгахъ Золотоношскаго уѣзда, но это, повидимому «опечатка», такъ какъ на стр. 2-ой брошюры онъ увѣряетъ насъ, что с. Деньги лежитъ

«въ полосѣ юго-западнаго края», слѣдовательно не въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Это—безспорно и географическое, и просвѣтительное открытіе, разбивающее на голову и географовъ, и составителей учебниковъ географіи. Авторъ идетъ и далѣе. Онъ съ неменьшей побѣдоносностью разбиваетъ укоренившееся заблужденіе и этой стороны и съ точки зрѣнія исторической. Историки, какъ и географы, заблуждались. Они слишкомъ довѣряли старымъ документамъ, польскимъ люстраціямъ XVII в., описанію маетностей Переяславскаго полка XVIII в., и думали, что с. Деньги возникло лишь въ четверти XVII в., что въ немъ насчитывались тогда не болѣе двухъ трехъ десятковъ козаковъ, но не было слѣдовъ тамъ ни пановъ, ни жидовъ и что никакихъ данныхъ о борьбѣ противъ нихъ и другихъ враговъ исторія села намъ не сохранила. Но все это, очевидно, не болѣе какъ заблужденіе, ибо авторъ увѣряетъ насъ, что с. Деньги лежитъ въ Ю.-З. краѣ, гдѣ въ старину (какую?) панували поляки да жиды, гдѣ католичество хотѣло извести православіе и гдѣ потому велась самая ожесточенная борьба за вѣру, народность и свободу» (стр. 2).

Ревность въ дѣлѣ открытій, по истинѣ, поразительная, и разумѣется, вполнѣ равносильна она и дѣятельности просвѣтительной при помощи воскрешенія этой открытой авторами старины. Но странно одно: «авторъ горько жалуется, что лишь одни старики, вспоминающіе старину (старину въ 250—300 лѣтъ!), поддерживаютъ энергію сѣянія. Молодой возрастъ, сообщаетъ намъ авторъ, отзывается совсѣмъ ужъ наивно (sic!)»: «нехай це будемо робыть, якъ постаріемось», а средній возрастъ отзывался на двое. Очевидно, почва хотя и богатая въ Деньгахъ, но еще недостаточно много для доставленія удовольствія сѣятелямъ.

А между тѣмъ дѣятельность послѣднихъ весьма и весьма энергична, а подчасъ и полна оригинальности. Не только бесѣда, не только чтеніе, но даже лавка призвана на помощь въ дѣлѣ просвѣщенія. Почти годъ спустя послѣ начала просвѣтительной дѣятельности, построена была за 70 р. лавка, накуплены въ Кіевѣ разные товары, увы! оказавшіеся непригодными вовсе для села и проданные затѣмъ съ уступкой. Но, однако, это не обезкуражило энергіи. Накуплены новые товары и уже въ 1894 г. оказалось, что лавка выручила 52 р. 20 к. барыша. Но что значилъ барышъ, когда рядомъ выяснилось, что не только лавка не приноситъ убытка, а еще и пользу «неоцѣнимую». Какую-бы вы думали, читатель? Пользу «со стороны нравственнаго

просвѣщенія народа». Ибо, говоритъ намъ авторъ, «лавка хотя и медленно, но методично, все болѣе и болѣе, проникаетъ въ сознаніе народа, будитъ въ немъ понятія о правдѣ, истинѣ, чистотѣ и пользѣ душевной (стр. 7).

Мы просто преклоняемся предъ энергичностью, новостью и оригинальностью современныхъ сѣятелей на нивѣ народнаго просвѣщенія.

N.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 2; 2) Русская Старина № 2; 3) Историческій Вѣстникъ № 2; 4) Научное Обозрѣніе № 1; 5) Міръ Божій № 2; 6) Варшав. Универс. Извѣст. № 9-й 1901 г.; 7) Кіевск. Универс. Извѣстія № 12-й 1901 г.; 8) Книжка Восхода № 12-й 1901 г.; 9) Земскій Сборн. Черниг. губ. № 11-й 1901 г.; 10) Вѣстн. Всемірн. Исторіи № 1; 11) Этнографич. Обозрѣніе № 4-й 1901 г.; 12) Русское Богатство № 1; 13) Журналъ для всѣхъ № 1 и 2; 14) Вѣстн. Евр. № 1 и 2; 15) Лит.-Наук. Вистн. № 2.

Русскій Архивъ, № 2.

Аѳанасьевъ Д. М.—Къ исторіи Черноморскаго флота. Стр. 193—262.

Трудъ г. Аѳанасьева представляетъ собою сводку матеріаловъ по исторіи черноморскаго флота отъ возникновенія его въ 1768 г. до 1816 г.

Письмо И. С. Аксакова къ Г. П. Галагану, сообщилъ А. Степовичъ. Стр. 362—365.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ отзывъ о книгѣ В. Шенрока «П. А. Кулишъ», появившейся первоначально въ нашемъ журналѣ и изданной отдѣльно.

Русская Старина, № 2.

Дубровинъ Н.—Русская жизнь въ началѣ XIX в. Гл. 17-ая. Стр. 229—255.

Въ настоящей главѣ авторъ излагаетъ событія, приведшія къ созданію Герцогства Варшавскаго. Между прочимъ приводится (стр.

231) официальная записка, выражающая взгляды правительства на Бѣлоруссію и Украину: «Виленская и Гродненская губерніи по единоплеменству жителей, по единству языка и вѣры, болѣе прочихъ устраняются отъ сближенія съ Россіей; въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, особливо въ Витебской, нравы начинаютъ измѣняться, почему и можно надѣяться, что оные и вовсе обрусѣютъ: губерніи же Кіевская, Волынская и Подольская, хотя и населены большею частію малороссіянами греко-россійскаго исповѣданія, но показываютъ нѣкоторые слѣды польскаго недоброхотства къ Россіи». Далѣе это «недоброхотство» приписывается исключительно вліянію поляковъ.

Шенрокъ В.—Н. В. Гоголь: I. Его отношенія къ Петербургу. II. Кто былъ родоначальникомъ реальнаго направленія, Гоголь или Пушкинъ. Стр. 257—282.

Историческій Вѣстникъ, № 2.

Щеголевъ П. Е.—Изъ школьныхъ лѣтъ Н. В. Гоголя. Стр. 509—547.

Интересная статья, на основаніи, между прочимъ, и новыхъ матеріаловъ (писемъ самого Гоголя и его воспитателей), дающая свѣдѣнія о пребываніи Гоголя въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Къ статьѣ приложено три портрета Гоголя.

Гоголь въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Изъ воспоминаній Любичъ-Романовича. Стр. 548—560.

Воспоминанія извѣстнаго въ свое время писателя, лицейскаго товарища Гоголя, въ очень неприглядномъ свѣтѣ изображаютъ отношенія Гоголя къ товарищамъ; повидимому, авторъ воспоминаній сильно сгустилъ краски. Къ воспоминаніямъ приложенъ портретъ Гоголя.

Энгельгардтъ Н. А.—Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ. Стр. 561—580.

Статья констатируетъ несомнѣнное вліяніе на Гоголя сочиненій другихъ писателей,—въ особенности Нарѣжнаго, являющагося прямымъ предтечею Гоголя и давшаго намеки на тѣ типы, которые съ такою силою изображены послѣднимъ. Въ приложеніи къ статьѣ—портретъ Гоголя.

Страховъ Н. Н.—Описаніе Днѣпра у Гоголя. Стр. 581—582.

Небольшая замѣтка покойнаго критика, сильно напоминающая ученическія сочиненія на заданную тему.

Полевой Н. П.—Гоголь. Опытъ характеристики. Стр. 583—595.

Бѣглая, ничего новаго для уясненія личности Гоголя не дающая характеристика. Въ приложеніи снимокъ «Гоголь въ гробу».

Михайловъ К. Н.—Вновь найденныя рукописи Гоголя. Стр. 596—654.

Авторъ выполнилъ чрезвычайно кропотливую работу сличенія вновь найденныхъ рукописей Гоголя («Пропавшая грамота», нѣсколько писемъ и отрывковъ) съ печатнымъ текстомъ. Въ приложеніи дано факсимиле этихъ рукописей, наглядно показывающее ходъ творческой работы Гоголя.

Щеголевъ П. Е.—Отецъ Гоголя. Стр. 655—666.

Характеристика личности В. А. Гоголя, къ сожалѣнію, совершенно не касающаяся наиболѣе интереснаго для насъ вопроса—объ украинскихъ его сочиненіяхъ, несомнѣнно оказавшихъ вліяніе и на Гоголя-сына.

Эварницкій Д. И.—Преображенская церковь въ м. Большихъ Сорочинцахъ, Полтавской губерніи, гдѣ крестили Н. В. Гоголя. Стр. 667—678.

Описаніе древностей Преображенской церкви въ Сорочинцахъ, построенной гетманомъ Даніломъ Апостоломъ; авторъ попутно касается вопросовъ о времени и мѣстѣ рожденія Гоголя. Къ статьѣ приложены снимки церкви, болѣе интересныхъ иконъ и герба Апостола.

Каллашъ В. В.—Замѣтки о Гоголѣ. Стр. 679—685.

Мелкія замѣтки о Гоголѣ, извлеченныя г. Каллашемъ изъ старыхъ журналовъ и газетъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ отзывъ о новомъ изданіи писемъ Гоголя и трудахъ проф. Стороженка, отвосящихся къ украинской литературѣ.

Міръ Божій, № 2.

Богучарскій В.—Гоголь, какъ «учитель жизни». Стр. 56—76.

Анализъ «Переписки съ друзьями», доказывающій неосновательность возвеличенія этой книги нѣкоторыми писателями, видящими въ ней какое то глубокое откровеніе.

Морозовъ П.—Гоголевскій стиль. Стр. 166—185.

Передача содержанія недавно вышедшей книги проф. Мандельштама «О характерѣ гоголевскаго стиля», представляющей очень интересную попытку прослѣдить участіе языка въ творческой работѣ

писателя. Особенно интересны соображенія проф. Мандельштама о роли въ творчествѣ Гоголя украинскаго языка.

Котляревскій Н.—Н. В. Гоголь. 1829—1842 г. (продолженіе). Стр. 228—264.

Четвертая глава монографіи г. Котляревскаго содержитъ общій обзоръ «народности» въ русской литературѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ, предъ выступленіемъ Гоголя на поприще художественной дѣятельности.

Въ «Критическихъ замѣткахъ» г. А. Б. находимъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ Гоголевскому юбилею,—собственно отношеніямъ къ Гоголю литературной и общественной среды, его окружавшей. Въ тѣхъ же «Замѣткахъ» авторъ останавливается, между прочимъ, на книгѣ Маликова «Край безъ будущаго«, посвященной описанію степной поволжской области и дающей нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни переселенцевъ-украинцевъ.

Кіевск. Университетскія Извѣстія, 1901 г. № 12.

Чаговецъ В. А.—Жизнь и сочиненія преподобнаго Ѳеодосія. Стр. 151—222.

Окончаніе труда г. Чаговца содержитъ подробный анализъ сочиненій преподобнаго Ѳеодосія по сборнику Румянцевскаго музея съ дополненіями по рукописи изъ библіотеки Кіево-Печерской Лавры.

Довнаръ-Запольскій М. В.—Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ. Стр. 777—807.

Окончаніе труда г. Довнаръ-Запольскаго заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 8) Спеціальныя подати съ евреевъ, 9) Свѣдѣнія о сборахъ земской подати и 10) Участіе въ военной повинности мѣщанства и крестьянства. Въ заключительной главѣ авторъ даетъ нѣкоторые общіе выводы о состояніи государственнаго хозяйства въ Литовской Руси въ разсматриваемый періодъ.

Въ официальной части напечатанъ «Краткій отчетъ о состояніи и дѣятельности Университета Св. Владиміра въ 1900 г.»; отчетъ содержитъ свѣдѣнія о научныхъ работахъ, относящихся между прочимъ и къ нашему краю.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., 1901 г. № 11.

Балика А.—Городъ Сновескъ (м. Седневъ). Стр. 45—84.

Историческій очеркъ м. Седнева съ древнѣйшихъ временъ.

Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій,—подъ редакціей Н. П. Василенка. Стр. 193—296.

Въ настоящей книгѣ содержатся части: X, «Объ имѣніяхъ и преимуществахъ шляхетскихъ», XI., «О козацкихъ вольностяхъ и ихъ имѣніяхъ», XII. «О охочекомонныхъ компанѣйскихъ полкахъ», XIII, «О чинѣ, преимуществахъ и имѣніяхъ духовныхъ», XIV, «О малороссійскихъ чиновникахъ», XV, О арматѣ или артиллеріи малороссійской и бывшихъ тамъ пороховыхъ заводахъ», XVI, «О простомъ народѣ», XVII, «О грекахъ», XVIII, «О присоединеніи нѣкоторыхъ мѣстечекъ отъ Малороссіи къ Екатеринославскому намѣстничеству» и XIX, «О раскольникахъ, поселившихся въ Малой Россіи изъ великороссійскихъ и разныхъ людей.

Старинный малорусскій письмовникъ: «книга глаголемая листовня». съ предисловіемъ Б. Д. Гринченка.

Объ этомъ памятникѣ нашей письменности, вышедшемъ также и отдѣльнымъ изданіемъ, печатается въ этой книгѣ «К. Ст.» рецензія.

Вѣстникъ Всемірной исторіи, № 1.

Въ Литературной Лѣтописи пересказано содержаніе 3-хъ публичныхъ лекцій д-ра Франко въ Перемышлѣ, посвященныхъ исторіи послѣднихъ 30 лѣтъ въ области исторіи малорусской литературы въ Россіи и Галичинѣ. Лекціи эти напечатаны въ «Літературно-Науковомъ Вістнику» VII—IX кн. Пересказавъ ихъ содержаніе, рецензентъ останавливается на мнѣніи Каткова, что «малорусскій языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ польской интригѣ», мнѣніе, которое поддерживаютъ «молодые» и «старые» джентельмены „Новаго Времени“ и иллюстрируетъ не справедливость этогомнѣнія статьею проф. Гнатюка въ томъ-же „Вістнику“ по поводу послѣднихъ студенческихъ волненій въ Львовскомъ университетѣ. Польская пресса указываетъ, что эта агитація о малорусскомъ языкѣ ведется на „московскіе рубли“, а „Московскія Вѣдомости“ и „Новое Время“ обвиняетъ ихъ въ „польской интригѣ“. Рецензентъ дѣлаетъ выводъ, что „русины всѣми силами души противятся полонизаціи“ и что „наши квасные патріоты“ играютъ полякамъ въ руку.

Этнографическое Обозрѣніе, 1901 г. № 4.

Мошковъ В. А. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. Стр. 1—80.

Въ примѣчаніяхъ къ статьѣ г. Мошкова приводятся украинскія параллели къ вѣрованіямъ Гагаузовъ и ссылки на украинскую этнографическую литературу.

Русское Богатство, № 1.

Елисеевъ Г. З.—Гоголь. Стр. 37—71.

Неоконченная, къ сожалѣнію, статья очень популярнаго въ свое время публициста «Отечественныхъ Записокъ», изображающая извѣстный переломъ въ міровоззрѣніи Гоголя.

Горнфельдъ А. Г.—Книга о языкѣ Гоголя. Стр. 76—90.

Критическая замѣтка по поводу недавно изданной книги проф. Мандельштама «О характеристикѣ гоголевскаго стиля».

Журналъ для всѣхъ, № 1 и 2.

Шенрокъ В.—Н. В. Гоголь. № 1, Стр. 3—14. Краткій біографическій очеркъ.

Русовъ М.—Областной съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ въ г. Полтавѣ съ 28 сентября по 7 октября 1901 г. (№ 1).

Шенрокъ В.—Н. В. Гоголь. № 2, (Стр. 131—144).

Краткій очеркъ исторіи творческихъ замысловъ Гоголя, сводившихся, по словамъ самого писателя, къ желанію «изобразить въ большомъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей русской землѣ».

Ефименко А.—Малорусское козачество по Гоголю. № 2, Стр. 207—212).

Интересно написанный очеркъ г-жи Ефименко содержитъ выясненіе взглядовъ Гоголя на козачество и отмѣчаетъ ихъ достоинства и недостатки.

Русовъ М.—Областной съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ въ г. Полтавѣ съ 28 сентября по 7 октября 1901 года (окончаніе). № 2. (Стр. 221—228).

Итоги съѣзда, происходившаго минувшей осенью въ Полтавѣ: въ статьѣ г. Русова отмѣчена между прочимъ дѣятельность съѣзда, отоосящаяся непосредственно къ украинскому народу (ходатайства о распространеніи книгъ на народномъ языкѣ, сохраненіе національнаго стиля въ работахъ и т. п.).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ г. Коваленкомъ-Коломацкимъ данъ отзывъ объ изданіяхъ С.-Петербургскаго Благотворительнаго Общества.

Вѣстникъ Европы, № 1 и 2.

Воронцовъ Θ. Θ.—Крестьянское дѣло въ Юго-Западномъ Краѣ 1865—1868 г. № 1. Стр. 289—318.

Интересныя воспоминанія одного изъ участниковъ примѣненія крестьянской реформы на мѣстахъ, изображающія процессъ повѣрки уставныхъ грамотъ мировыми съѣздами. Главная трудность этихъ повѣрочныхъ работъ состояло въ недостаточности данныхъ и въ нерѣшительномъ отношеніи къ реформѣ представителей мѣстной администраціи. Послѣднее измѣнилось только съ назначеніемъ на постъ кіевскаго генералъ-губернатора Безака, проявившаго большое участіе къ работамъ по примѣненію кресьтянской реформы.

—

Багалѣй Д. И.—Изъ жизни Харьковскаго университета въ началѣ XIX в. № 2. Стр. 628—649. Извѣстнымъ знатокомъ исторіи Харьковскаго университета представлены интересныя данныя о студенческихъ организаціяхъ въ Харьковскомъ университетѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Кочубинскій А.—Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя № 2. Стр. 651—675.

Авторъ, на основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ изъ «Historyi zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego» патера Смоликовскаго, констатируетъ несомнѣнное вліяніе, оказанное на міровоззрѣніе Гоголя основателями ордена воскресенцевъ (zmartwychwstancy). Въ концѣ 30-хъ годовъ основатели этого ордена—Семененко и Кайсевичъ—встрѣтились съ Гоголемъ въ Римѣ и при содѣйствіи кн. Волконской старались привлечь его къ своему ордену.

Воропоновъ Θ. Θ.—Крестьянское дѣло въ Юго-Западномъ Краѣ 1865—1868 г. (окончаніе). Стр. 733—771.

Окончаніе воспоминаній г. Воропонова даетъ характеристику отношеній крестьянъ къ реформѣ и направленію въ правительственныхъ сферахъ, явно принявшаго реакціонный оттѣнокъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ отзывъ о книгѣ г. Шенрока «П. А. Кулишъ». (№ 2).

—

Літературно-науковий Вістник, № 2.

Лепкий Б.—Осиння симфонія, Поезиі. Стор. 75—76.

Кобилянська О.—Земля, оповідане (далі). Стор. 77—114.

Яновська Л.—На Миланки, комедія в 1-й дії. Стор. 115—129.

Марійка К.—Як не твоя, то й нічия, оповідане з гуцульского житя. Стор. 130—141.

Хрущ—Із поезий,—I—III. Стор. 142—143.

Гарборґ Арне,—Загублений батько,—оповидане, переклав В. Стефаник. Стор. 144—165.

Корженко—Сокільський гимн. Стор. 166.

Р—ва—Народник в украінскій літературі. Стор. 81—97.

Статья г. Р—ва представляетъ собой интересную попытку выдѣлить образъ народника, какъ онъ сложился въ украинской литературѣ,—отъ Котляревскаго, давшаго, по мнѣнію автора, прототипъ народника въ Возномъ и до произведеній украинской литературы послѣдняго времени. Къ двумъ категоріямъ украинскихъ народниковъ, о которыхъ говоритъ авторъ,—націоналистамъ-романтикамъ и народникамъ-практикамъ, необходимо присоединить еще третью категорію, достаточно ясно обрисованную, хотя бы въ романахъ покойнаго Конисскаго,—народниковъ съ соціально-политической подкладкой (Семенъ Жукъ, Юрій Горовенко).

Ефремов С. Національне питанне в Норвегіі (кінець) Стор. 98—114.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1125 «Юга» помѣщено извѣстіе о разрѣшенныхъ цензурой къ печати украинскихъ книгахъ; кромѣ уже упоминавшихся въ нашемъ журналѣ, цензурой разрѣшены «Народни оповидання» Марка Вовчка (два тома), «Поэзіи въ прози» Гната Галайды и его же разсказы для народа «Якъ треба и якъ не треба».

—

Въ статьѣ «О чтеніяхъ для народа по сельскому хозяйству», помѣщенной въ № 3 «Хозяина», г. Яблоновскій, высказываясь за отмѣну существующихъ въ данной области ограниченій, подчеркиваетъ необходимость въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ вести чтенія на украинскомъ языкѣ, а также допустить къ народнымъ чтеніямъ брошюры г.г. Чикаленка, Ваганова, Немоловскаго, Ганька, Степовика и др., одобренныя министерствомъ земледѣлія.

—

Въ № 8 «Сборника Херсонскаго земства» за истекшій годъ помѣщенъ сочувственный отзывъ о четвертой книжкѣ «Розмовъ про сельське хазяйство» г. Чикаленка.

—

Въ мѣстной губернской типографіи печатается составленная В. Е. Бучневичемъ книга «Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ», второе изданіе, съ видами города и планомъ Полтавской битвы книга въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ и поступитъ въ продажу.

Проф. Багалѣй помѣстилъ въ № 15 «Харковскихъ губ. Вѣдомостей» начало статьи «Литературные труды студентовъ Харьковскаго университета при дѣйствіи устава 1804 г.» Въ статьѣ отмѣчено вліяніе, которое «должна была оказывать народившаяся уже въ это время малорусская литература, нашедшая въ г. Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ такихъ талантливыхъ выразителей, какъ проф. Гулакъ-Артемовскій и Г. Ѳ. Квитка. Современникъ—пѣвчій архіерейскаго хора Пѣхотинскій—свидѣтельствуетъ, что въ его время (до начала 1813 г.) малороссійскія пѣсни царили до такой степени, что захватывали даже чистыхъ великоруссовъ. Какъ извѣстно, впослѣдствіи, въ началѣ 30-хъ годовъ этому увлеченію поддались Н. И. Костомаровъ и Изм. Ив. Срезневскій и на почвѣ его создался рядъ серьезныхъ работъ въ области малорусскаго слова и этнографіи. Были попытки употребленія украинскаго языка и въ журналистикѣ. Въ 1816 г. нѣкто Масловичъ издавалъ журналъ «Харьковскій Демокритъ»; въ первомъ номерѣ помѣщено стихотвореніе издателя «Основаніе Харькова» на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Въ томъ же году студентъ Левшинъ напечаталъ «Письма изъ Малороссіи», представлявшія литературныя достоинства.

Въ №№ 4 и 5 журнала «Tygodnik Illustrowany» помѣщена статья Dunin-Karnickiego (seniora) подъ заглавіемъ «Ceny ziemi na Wołyniu».

Авторъ, мѣстный старожилъ, сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя, свидѣтельствующія о необычайно интенсивномъ экономическомъ процессѣ на Волыни, въ частности—на Полѣсьи, отразившемся болѣе всего на повышеніи цѣнъ на землю и лѣсъ.

Въ № 1 нью-іоркской газеты «Sonntagsblatt der New Jorker Volkszeitung» напечатана обширная статья Ивана Франка «Das Polenthum nach zwei Fronten». Въ первой части этой статьи авторъ

сотанавливается на Вжесенскомъ процессѣ и описываетъ угнетеніе поляковъ въ Германіи; вторая часть посвящена событіямъ прошлаго года въ львовскомъ университетѣ и угнетенію русиновъ поляками въ Галичинѣ.

—

Въ № 7271 «Южнаго Края» напечатано продолженіе статей проф. Сумцова «Изъ этнографическихъ экскурсій». На этотъ разъ авторъ описываетъ интересный, въ этнографическомъ отношеніи, великорусскій оазисъ среди сплошного украинскаго населенія. Автору удалось побывать въ одномъ изъ селъ населенныхъ великоруссами и собрать интересныя свѣдѣнія объ ихъ бытѣ. Проф. Сумцовъ констатируетъ сильное украинское вліяніе въ бытовой обстановкѣ, пѣсняхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ; такъ, напримѣръ, почти цѣликомъ усвоенъ свадебный украинскій ритуалъ и украинскія пѣсни. Единственное яркое отличіе великороссовъ отъ окружающаго украинскаго населенія заключается въ женскомъ костюмѣ, сохранившемъ чисто великорусскій видъ.

—

Въ № 42 «Русскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ отзывъ о книгѣ г. Шенрока «П. А. Кулишъ».

—

Статья г. Коваленка-Коломацкаго о львовскомъ Товариствѣ ім. Шевченка подъ заглавіемъ «Малорусское ученое общество» перепечатана «Приднѣпровскимъ Краемъ» (№ 1434) и «Кіевской Газетой» (№ 28).

—

Въ первой книжкѣ нѣмецкаго иллюстрированнаго журнала «Die Gartenlaube» за настоящій годъ помѣщена обстоятельная статья A. Amlacher'a—«Aus dem lande der Huzulen». Статья содержитъ описаніе края, жизни Гуцуловъ, ихъ обычаевъ, одежды и т. п. и нѣсколько рисунковъ изображающихъ Гуцуловъ («Дѣло», № 10 и 11).

—

Въ «Дѣлѣ» появился цѣлый рядъ статей Іл. К.—«Враженя з подорожи на Украіну и Крим».

—

Статьи о петербургскомъ благотворительномъ Обществѣ имени Шевченка напечатаны въ газетахъ «Приднѣпровскій Край» (№1439), «Кіевская Газета» (№ 30), «Волынь» (№ 26) и «Крымскій Курьеръ»

(№ 20). Всѣ названныя газеты отмѣчаютъ полезную дѣятельность Общества и приглашаютъ сочувствующихъ къ поддержкѣ его пожертвованіями.

—

Разсказъ Марка Вовчка «Сестра» переведенъ на словинскій языкъ. (Gazeta Lwowzka).

—

Нѣкоторые изъ разсказовъ украинской писательницы, Ольги Кобылянской переведены на нѣмецкій языкъ. (Gazeta Lwowska).

—

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Богдана Залѣсскаго переведены на украинскій языкъ. (Gazeta Lwowska).

—

По поводу предложенія назвать одинъ изъ бульваровъ въ Житомирѣ именемъ Гоголя, фельетонистъ «Волыни» предлагаетъ, кромѣ Пушкинскаго и Гоголевскаго бульваровъ, заранѣе предназначить 3-й бульваръ для Т. Г. Шевченка. «Юбилей малорусскаго поэта наступитъ еще черезъ 9 или 14 лѣтъ, смотря потому будетъ ли праздноваться 50 лѣтіе со дня его смерти или 100-лѣтіе со дня рожденія. Мѣсто и почву подъ памятникъ ему не мѣшало бы заблаговременно распланировать и очистить отъ плевелъ, заглушающихъ попытки прійти къ единомыслію между сосѣдями столь близкими, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, какъ литература, которая должна быть достояніемъ всего человѣчества». (Волынь, № 23).

—

Въ № 23 «Волыни» г. Очевидцемъ помѣщена сценка съ натуры «На житнемъ базарѣ», содержащая дословно записанный (по-украински) разсказъ крестьянина о своихъ судебныхъ злоключеніяхъ.

—

Въ № 25 «Волыни» помѣщена корреспонденція изъ Львова, рисующая далеко не въ отрадномъ освѣщеніи положеніе дѣлъ въ Галицкомъ сеймѣ, группировку партій и мѣсто, занятое украинскими депутатами.

—

Въ № 1128 «Юга» помѣщена замѣтка г. Ков.—Кол. «П. А. Кулишъ, какъ переводчикъ», содержащая свѣдѣнія о переводахъ Кулиша на украинскій языкъ сочиненій европейскихъ классиковъ и Священнаго Писанія.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Альманах руско-українських богословів. Зібрав Ол. Сушко. Стор. 198. У Львові, 1902. Ціна 3 кор.

Борковский.—О щаслива Руси! (передрук фейлетонів «Дѣла»), Стор. 32. У Львові; 1901.

Вахнянин Н.—Оповіданя і гуморески. Стор. 202. У Львові, 1902. Ціна 2 кор.

Гоголевскій Сборникъ, изданный состоящей при Историко-филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ Гоголевской комиссіей. Кіевъ, 1902. Цѣна 2 руб.

Das Ansiedlungswesen in der Bukowina seit der Besitzergreifung durch Oesterreich. Mit besonderer Berücksichtigung der Ansiedlung der Deutschen. Mit Benützung der urkundlichen Materialen aus dem Nachlasse von I. A. Wickenhauser, von Raimund Friedrich Kaindl. XVI+537. Innsbruck, 1901.

Довнаръ-Запольскій М. В. — Государственное хозяйство Великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Кіевъ, 1901. Ц. 4 р.

Етнографічний Збірник. Видає етнографічна комісия Наук. Товариства ім. Шевченка. Т. X. Галицько-руські народні приповідки, зібрав і пояснив Ів. Франко. Вип. I (А—Відати). Стор. 200. У Львові; 1902.

Збірник математично-природописно-лікарської секциі Наук. Т—ва ім. Шевченка Т. VII, вип. II У Львові, 1902.

Зоря. ч. 1. Сѣчень, 1902. Стор. 18. У Коломыи, 1902. Ціна 10 сот.

Календарь для Американськихъ Русиновъ на рокъ 1902. Стор. 210. Olyphant, Pa, 1901. Ціна 50 центів.

Календарь для бразілійських Русинів. Стор. 32. У Львові; 1901. Ціна 1 мільрейс.

Любавскій М.—Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Москва, 1901. Ц. 4 руб.

Мандельштамъ, проф.—О характерѣ гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ 1902. Ц. 2 р. 75 к.

Маніфестъ комуністичної партиі (Бібліот. українського робітника, г. 1). Стор. 50. У Львові, 1902. Ціна 40 сот.

Масляк В.—Постова побіда. Стор. 28. У Коломиі, 1902. Ціна 20 сот.

Милорадовичъ, гр.—Родословная книга Черниговскаго дворянства. Два тома. СПБ., 1901. Ц. 6 руб.

Мордовцевъ Д. Л.—Палій, воскресытель правобережной Украины. Историчне оповидання. СПБ. 1902. Ц. 75 к.

Новорічник листоноша. Стор. 8. У Перемишлі, 1902.

Нѣсколько словъ о сервитутахъ и разверстаніи въ Юго-Западномъ Краѣ. Кіевъ, 1902. Ц. 50 к.

Революція 1848 р. у Франціі. Переклад. Виданне Р. У. П., ч. 4. стор. 52. 1902.

Стебельський проф.—Австрийський процес карний (коментар). Правнича бібліотека, під редакциею проф. Дністрянського, т. І. вип. І. Стор. 196. У Львові, 1902.

Стороженко Н.—Изъ области литературы. Статьи, лекціи, рѣчи, рецензіи. Москва, 1902. Ц. 2 р.

Страйкъ чы бойкотъ? Писля В. Будзыновського. Выд. Р. У. П., ч. 5. Стор. 28. 1902.

Филевичъ, проф.—По поводу теорій двухъ русскихъ народностей. Львовъ, 1902. Цѣна 50 коп.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові, р. 1901, вип. IV., ч. 8. Стор. 24. Ціна 30 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові, р. 1902, вип. І, ч. 9. Стор. 56. Ціна 50 сот.

Яворскій Ю.—Къ исторіи Галицко-русскихъ колядокъ. Львовъ, 1901. Ц. 60 к.

Яворскій Ю.—Очерки по исторіи русской народной словесности. Львовъ, 1901. Ц. 50 к.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

14 января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по утройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Н. И. Алякритскій познакомилъ съ результатами своей экскурсіи въ г. Дмитріевъ, Курской губерніи. Докладчикъ указалъ на рядъ городищъ и кургановъ, интересныхъ для изслѣдованія и уже отчасти изслѣдованныхъ г. Говоровымъ, и остановился подробно на древнихъ памятникахъ церкви Рождества Богородицы въ г. Дмитріевѣ и церкви Іоанна Богослова, и среди нихъ спеціально на двухъ синодикахъ, украшенныхъ гравюрами, представляющихъ собою повтореніе третьяго изданія синодика Бунина, одного изъ граверовъ на мѣди и знаменщика (рисовальщика) серебряной палаты при оружейной палатѣ. По поводу доклада постановлено: просить г. Говорова представить его коллекцію древнихъ памятниковъ для выставки при съѣздѣ.

Н. И. Алякритскій познакомилъ съ описью нѣкоторыхъ замѣчательныхъ памятниковъ, поступившихъ изъ запорожскихъ церквей и хранящихся въ церкви г. Никополя. Рѣшено ходатайствовать о присылкѣ этихъ памятниковъ для церковно-археологической выставки.

Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* познакомилъ съ народно-поэтическими матеріалами, поступившими въ распоряженіе комитета и изслѣдованіемъ студента Е. Криста о кобзаряхъ и лирникахъ Изъ этого матеріала выдѣляется сборникъ малорусскихъ свадебныхъ

пѣсенъ вмѣстѣ съ прекраснымъ описаніемъ свадебнаго ритуала учителя *А. Г. Водолазскаго* (Старый Салтовъ, Волчанскаго уѣзда), записи А. Д. Твердохлѣбова: «Пісни про біднаго Лазура», легенды «Попивки»; записи Дакарева—трехъ псалмъ; запись М Истомина; очеркъ В. А. Грищенко «Свадебные обычаи и пѣсни крестьянъ села Люджи».

Студентъ Е. Кристъ доложилъ о своей экскурсіи по изученію кобзарей и лирниковъ, и ихъ пѣсеннаго репертуара. Докладчикъ познакомилъ съ біографіями кобзарей: Остапа Бутенка, Петра Древнина, Ивана Зозули, и съ нѣкоторыми исполняемыми ими пѣснями, записанными имъ. Докладчикъ старается установить школы лирниковъ Харьковской губерніи. Докладчику и сотрудникамъ его (по приготовленію прекрасныхъ фотографій съ кобзарей): В. И. Леваковскому и Б. А. Дробному выражена комитетомъ благодарность.

А. В. Ветуховъ познакомилъ съ матеріаломъ, собраннымъ комитетомъ и относящимся къ вопросу о кобзаряхъ и лирникахъ. Отвѣты въ этихъ матеріалахъ большею частью цѣнности не представляютъ: это увѣдомленія, что въ такой-то мѣстности кобзари и лирники вымираютъ, иногда приводятся имена оставшихся въ живыхъ и перечисляются пѣсни, которыя они поютъ; иногда изъ-за этихъ сообщеній проглядываетъ и опасеніе, не о предосудительномъ-ли чемъ-нибудь даются свѣдѣнія, и потому корреспонденты послѣ болѣе илн менѣе подробныхъ свѣдѣній объ этихъ «вымирающихъ богатыряхъ» спѣшатъ прибавить, что пѣвцы эти на народъ особеннаго вліянія не оказываютъ. Однако есть и довольно обстоятельныя сообщенія, приводящія и интересные списки репертуара пѣвцовъ и ихъ характеристику.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ сообщенія: 1) св. села Ласны (Екатеринославск. губ.) о древностяхъ мѣстной церкви; 2) крестьянъ Немикина и Комащенко о желаніи производства на свои средства раскопокъ; 3) Ф. И. Трипольскаго о двухъ иконахъ, предлагаемыхъ имъ для выставки. Рѣшено просить о присылкѣ указанныхъ предметовъ.

Въ распоряженіе предварительнаго комитета и для музея древностей университета, среди другихъ памятниковъ старины, поступили: отъ Изюмской соборной церкви: рукописный Ирмологій XVIII в., Новый Завѣтъ 1779 г., крестъ 1790 г., епитрахиль,

ризы—даръ Петра I, иконы и книги, и чаша XVII в.; отъ св. Черняева (с. Знаменкое, Валковск. у.): ризы, крестъ, Евангеліе 1712 г., Тріодіонъ 1717 г.; отъ Ахтырской Преображенской церкви: серебряная дарохранительница XVIII в., чаша серебряная 1763 г., Евангеліе 1698 г.; отъ св. Власова (Богодуховъ): Евангеліе 1677 г., крестъ XVII в., серебряный ковшикъ 1667 г., оловяная дарохранительница; отъ св. Макухина—множество старопечатныхъ книгъ, грамоты; отъ св. Шишлова: стальная алебарда, наконечникъ стрѣлы; отъ св. Ѳ. Таранскаго: монеты, указы, рукопись, Евангеліе 1753 г., крестъ 1778 г.; отъ И. С. Шировкина: глиняная копилка, мѣдная икона; отъ свящ. С. Котлярова—множество старинныхъ богословскихъ и ученыхъ сочиненій XVIII в., рукописи, воздушки; отъ св. Оптовцева—такое же собраніе книгъ; вѣнцы, крестъ 1812 г., шашка; отъ св. Ракшевскаго—Евангеліе XVII в., потиръ XVIII в.

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ, сдѣлавшимъ сообщенія и приславшимъ различные предметы.

—

28-го января состоялось другое засѣданіе того-же комитета. *Проф. Е. К. Рѣдинъ* доложилъ, что комитетомъ въ настоящее время принимаются записи въ члены съѣзда. Затѣмъ доложены заявленія уѣздныхъ земскихъ управъ (ахтырской, славяносербской и льговской) о присылкѣ ассигнованій на пріобрѣтеніе этнографическихъ предметовъ и сообщенія: 1) П. П. Глепенко—предложеніе для выставки предметовъ запорожскаго вооруженія изъ своей коллекціи; 2) екатеринославскаго губернатора о присылкѣ для г-жи Родаковой открытаго предписанія объ оказаніи ей законнаго содѣйствія при исполненіи возложенныхъ на нее комитетомъ порученій (собираніе этнографическихъ коллекцій въ Екатеринославской губ. для этнографической выставки при съѣздѣ); 3) комиссіи историко-филологическаго Общества при институтѣ князя Безбородко о представленіи собранныхъ ею предметовъ для выставки; 4) В. Николаева объ укрѣпленіяхъ и могилахъ при селѣ Локнѣ, юнаковской волости, Сумского уѣзда; 5) Императорской археологической комиссіи о пожертвованіи въ музей древностей университета 143 серебряныхъ копѣечекъ Петра Великаго, найденныхъ въ с. Каменицкомъ, Ахтырскаго уѣзда; 6) П. П. Гревизирскаго о присылкѣ имъ въ даръ музею двухъ бронзовыхъ стрѣ-

локъ и фрагментовъ желѣзныхъ колечекъ, найденныхъ у с. Бригадировки, Богодуховск. уѣз.; 7) Ив. Сулина (Новочеркаскъ) о готовности прислать свои коллекціи этнографическихъ предметовъ (мелкіе шелковые кубилеки, колпаки, кубиленые пояса, базелики и др.); 8) студента П. П. Бѣлкина о древностяхъ с. Цареборисовки; 9) докт. Будзинскаго о присылкѣ имъ въ даръ фотографій съ памятниковъ древностей, находящихся въ Анапѣ; 10) студ. Василькова о присылкѣ имъ рукописи—о Брянской вѣрѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ репертуаромъ лирника Демьяна Васильевича Сыняло, изъ за Водолагъ, изъ Кабаковки, ученика старца Крупки Сергѣя. Лирникъ ослѣпъ 14 лѣтъ; онъ ходилъ по Харькову, по деревнямъ послѣ Покрова; изъ божественнаго поетъ про «Смерть», «Сыротыну», «Блудящаго сына», «Лазаря», «Олексія Божого чоловика», «Плаче рыдае горе», а изъ свѣтскаго—«Комарицьку», «Попадю», «Дворянку», «Хому и Яремy», «Олексія Поповыча».

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, приславшимъ сообщенія и предметы въ даръ и для выставокъ при съѣздѣ.

Е. Р.

Въ *Екатеринославскій губернскій распорядительный комитетъ* начинаютъ поступать свѣдѣнія о древностяхъ отъ земскихъ начальниковъ и другихъ лицъ, какъ матеріалы къ предстоящему археологическому съѣзду въ Харьковѣ. Въ *Новомосковскомъ уѣздѣ* въ церкви с. Чернетчина хрвнится древній синодикъ, писанный въ 1714 г. съ записью царей, царицъ, царевенъ, духовныхъ лицъ и 37 запорожскихъ куреней. Въ районѣ Очеретоватовской волости есть каменная баба, въ с. Спасскомъ, въ глиняной горѣ, существуютъ пещеры. *Въ Павлоградскомъ уѣздѣ* однимъ крестьяниномъ найденъ топорикъ и другое оружіе изъ мѣди. *Въ Маріупольскомъ уѣздѣ* встрѣчаются каменныя бабы, столбы съ фигурами человѣка и, по донесенію земскаго начальника 4 уч., въ сел. Богатырѣ, въ церкви, хранится крестъ, «принесенный грекомъ при переселеніи изъ Крымскаго полуострова, почитаемый греками Маріупольскаго уѣзда, какъ чудотворный.» Нѣкоторые крестьяне, по словамъ того-же земскаго начальника, находили каменные бабы и плиты съ надписями, но таковыя ими

уничтожены. Гораздо болѣе обстоятельныя свѣдѣнія даетъ мѣстное епархіальное братство св. Владиміра при духовной семинаріи. Вышеупомянутый крестъ въ с. Богатырѣ описанъ братствомъ болѣе подробно. Съ него имѣется и фотографія. Письменныхъ документовъ о происхожденіи креста не имѣется; по преданію, онъ вывезенъ изъ Крыма въ 1777 г. Затѣмъ, у крест. слоб. Андреевки на Волчьей, Бахмутскаго уѣзда, Ефросины Павленковой «найдена очень старая и весьма рѣдкая картина, писанная на холстѣ, которая служитъ ея владѣлицѣ вмѣсто иконы и виситъ въ красномъ углу. На этой картинѣ, посрединѣ, изображено въ сіяніи пылающее человѣческое сердце, обведенное терновымъ вѣнцомъ, сверху сердца находится четвероконечный крестъ съ надписью: ІИС—ХРС; кромѣ того, по обѣ стороны сердца нарисовано по 2 ангела. Изъ лѣваго бока сердца течетъ кровь въ потиръ, стоящій нѣсколько ниже, какъ бы въ облакахъ. Въ срединѣ картины изображены крестъ, трость и копье пересѣкающимися. Въ мѣстахъ пересѣченія свито гнѣздо въ терновомъ вѣнцѣ, въ гнѣздѣ птица съ распущенными крыльями, подъ ней 3 птенца, на груди птицы три раны съ потоками крови. Вокругъ гнѣзда обвился змій съ краснымъ яблокомъ въ зубахъ. По свободнымъ мѣстамъ фона картины имѣются рисунки деревьевъ и какихъ-то растеній». Картина снабжена также надписями. («Придн. Край»).

Ученыя общества.

Общее собраніе членовъ Общества изслѣдователей Волыни состоялось 19 января, подъ предсѣдательствомъ от. ген.-лейт. Кононовича, въ присутствіи предсѣдателя о-ва, начальника губерніи І. Я. Дунинъ-Борковскаго. Собралось 26 членовъ. Столь малое число само по себѣ произвело уже нѣсколько расхолаживающее впечатлѣніе, усиленное еще заявленіемъ объ отказѣ отъ должности казначея Э. Э. Марница. Съ небольшимъ годъ тому назадъ, 2 декабря 1900 года, общество открылось при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, въ присутствіи 120 лицъ, высказывавшихъ, казалось, искреннюю готовность и твердое намѣреніе способствовать достиженію предположенныхъ цѣлей общества всѣми,

доступными имъ средствами. Помнится въ № «Волыни», вышедшемъ въ этотъ день, въ передовой статьѣ было сказано: «мы убѣждены, что волынская губернія и Житомиръ способны доставить полтора десятка человѣкъ, любящихъ родной край, желающихъ посвятить свои силы на его изслѣдованіе и по своимъ умственнымъ даннымъ способныхъ руководствоваться научными занятіями общества». Число такихъ лицъ на первомъ учредительномъ собраніи даже превзошло это скромное ожиданіе. Что же случилось въ теченіе одного только года, что охладило общество къ своему дѣлу, такъ что пришлось три раза созывать общее собраніе, чтобы оно могло, съ грѣхомъ по поламъ, состояться, ибо и 19 числа оно далеко не достигло $^1/_3$ общаго числа членовъ? Но и полтора десятка человѣкъ, въ качествѣ должностныхъ лицъ общества, согласившихся руководить занятіями общества, все таетъ и таетъ. Часть ихъ отказывается отъ своихъ должностей, другая-же просто не является въ назначенные для собранія дни, тѣмъ заставляя болѣе аккуратныхъ безъ пользы терять время.

Между тѣмъ собраніе 19 января должно было особенно интересовать всѣхъ членовъ общества, такъ какъ на немъ предстояло ознакомиться съ отчетомъ о дѣятельности общества за 1901 годъ, а также разсмотрѣть и обсудить нѣкоторые, важные для дальнѣйшей дѣятельности общества вопросы. Но видъ пустыхъ мѣстъ вокругъ стола не располагалъ къ продолженію засѣданія. Послѣ заслушанія отчета, Я. В. Яроцкій доложилъ о ходѣ печатанія трудовъ общества. Книжка эта, объемомъ въ 15 печатныхъ листовъ, выйдетъ 15 февраля. Кромѣ того высказано было нѣсколько желаній и предположеній на слѣдующій годъ: объ организаціи чтеній или лекцій великимъ постомъ, объ экскурсіяхъ въ лѣтнее время, какъ о наиболѣе существенномъ дѣлѣ общества, и объ устройствѣ археологической выставки, которая имѣетъ шансы на успѣхъ, т. к. въ волынской губерніи не мало цѣнныхъ частныхъ коллекцій. («Волынь»).

—

19 января состоялось засѣданіе отдѣленія археологіи русской и славянской *Императорскаго русскаго археологическаго общества*. Предметомъ занятій служили доклады: И. А. Шляпкина «Изъ поѣздки на островъ Торчелло» и А. А. Спицына «Объ аланахъ на Сѣверномъ Донцѣ» (по поводу новыхъ архео-

логическихъ открытій въ Харьковской губерніи). Раскопки, о которыхъ сообщилъ А. А. Спицынъ, произведены были прошлымъ лѣтомъ проф. Багалѣемъ и Покровскимъ въ Харьковской губ., въ мѣстности, гдѣ сдѣлалъ передъ этимъ любопытное открытіе учитель народной школы Бабенко. Открытіе имѣетъ огромную важность. Бабенко открылъ новую оригинальную культуру, господствовавшую здѣсь въ VIII—X столѣтіяхъ. Судя по аналогіямъ, культура эта шла съ сѣвернаго Кавказа и принадлежала племени алановъ, колоніи которыхъ распространены были далеко къ сѣверу отъ Кавказа.

—

20 января, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго, состоялось *общее собраніе членовъ и слушателей с.-петербургскаго археологическаго института*. Выслушаны были рефераты: Э. Л. Беренса «Великая китайская стѣна въ археологическомъ отношеніи» и Т. В. Кибальчича «О находкѣ въ Кіевѣ кремневаго топора третичной эпохи» и «О дополненіи списка художниковъ античнаго міра по археологическимъ находкамъ на югѣ Россіи». Г. Кибальчичъ время отъ времени выступаетъ съ какимъ ниб. «сенсаціоннымъ» сообщеніемъ. Такой характеръ несомнѣнно носитъ первый «рефератъ», гдѣ сообщается объ очень сомнительной находкѣ кремневаго топора «на глубинѣ 28 аршинъ, подъ находками костей мамонта, въ слоѣ, отдѣляющемъ слѣды четвертичной отъ третичной эпохи». Матеріаломъ для второго «реферата» послужила коллекція рѣзныхъ камней, въ большинствѣ случаевъ представляющихъ не «археологическія находки», а покупки у разныхъ торговцевъ древностями.

—

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій *Московскаго Археологическаго Общества* были прочитаны доклады: В. Тевяшева—Доисторическіе памятники Воронежской губ.; А. М. Покровскаго—О раскопкахъ въ м. Салтовѣ, Харьковской губ. и гр. П. С. Уваровой—О неизданныхъ предметахъ Тифлисскаго музея.

Изслѣдованія и раскопки.

«Цыганская гора» вблизи с. Толкачей, Овручскаго у., Волынской губ. Въ февралѣ 1901 г. былъ доставленъ въ Житомиръ цѣлый ворохъ глиняныхъ черепковъ, изъ которыхъ довольно многіе снабжены орнаментомъ неолитическаго типа. Эти обломки сосудовъ сѣрой и красной глины, по словамъ привезшаго ихъ лица, были найдены крестьянами на песчаныхъ буграхъ къ сѣверу отъ Овруча, преимущественно на «Цыганской горѣ», вблизи села Толкачей; тамъ же попадаются и кремневыя орудія, главнымъ образомъ, наконечники стрѣлъ.

Посѣтивъ Овручъ лѣтомъ того-же года, я отправился въ с. Толкачи съ цѣлью провѣрить на мѣстѣ сдѣланное мнѣ сообщеніе. Цыганская гора оказалась довольно обыкновенной въ тѣхъ мѣстахъ «выдмой», длиною около 170 метровъ въ направленіи съ С. на Ю. и около 130 метровъ шириною. Расположенная въ полуверстѣ къ С. отъ села Толкачей, гора эта названа, по словамъ крестьянъ, цыганской, такъ какъ на ней долго стоялъ цыганскій таборъ. Мѣсто, удобное для переѣзда черезъ болото къ Ю. отъ горы, называется «Цыганскимъ бродомъ». Прежде «гора» была значительно выше; теперь вѣтры уже передвинули и унесли съ нея много песку, незадержаннаго и низкимъ хвойникомъ, который пробивается въ разныхъ мѣстахъ изъ бѣлой сыпучей песчаной массы, образующей холмикъ вокругъ каждой такой поросли. Поверхностный слой песка въ разныхъ мѣстахъ неодинаковой толщины: отъ одного, двухъ сантиметровъ до полуметра. Подъ пескомъ земля черная. Пробныя раскопки рвомъ въ пяти мѣстахъ, пробы большимъ буравомъ мѣстахъ въ 12-ти не дали никакихъ результатовъ также, какъ и зондированье щупомъ. Поэтому, кажется, довольно вѣроятнымъ, во-первыхъ, что бугоръ подвергся сильному разрушенію, особенно благодаря вѣтрамъ,[1]) а

[1]) Результаты работы разрушившихъ «гору» дѣятелей должны были стать особенно значительными съ тѣхъ поръ, какъ въ окрестностяхъ Овруча были вырублены росшіе тамъ прежде лѣса, т. е. во времена, сравнительно недавнія.

отчасти и обитавшимъ или искавшимъ на немъ кладовъ людямъ; во-вторыхъ, что находки могли быть сдѣланы лишь въ песчаномъ слоѣ.[1]) Изслѣдованіе этого слоя обнаружило многочисленныя зольныя прослойки, въ иныхъ мѣстахъ большое количество мелкихъ угольковъ, мелкіе кусочки желѣзнаго шлака, слѣды какого-то жилья въ сѣверной части бугра, впрочемъ сильно поврежденные искателями кладовъ и, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія, наконецъ, мелкіе кусочки костей, подвергшихся самой совершенной мацераціи. Кромѣ того, оказались еще въ довольно большомъ количествѣ осколки кремня, среди которыхъ попались и орудія: двѣ стрѣлки и ножикъ; затѣмъ найдены были также черепки глиняныхъ сосудовъ, аналогичные тѣмъ, какіе были привезены, какъ упомянуто выше, въ Житомиръ. Благодаря тому состоянію, въ какомъ находится теперь «Цыганская гора», разобраться въ вопросѣ объ ея археологическомъ значеніи нелегко, особенно, принявъ во вниманіе слѣдующій очень правдоподобный и обстоятельный разсказъ одного изъ крестьянъ, присутствовавшаго при раскопкахъ бугра. «Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда гора была еще довольно высока, этотъ крестьянинъ, проходя черезъ нее послѣ сильнаго вѣтра, сдувшаго мѣстами верхній слой песку, замѣтилъ какой-то темный кружечекъ, ясно выдѣлявшійся на бѣломъ фонѣ; подойдя къ мѣсту, гдѣ находился привлекшій его вниманіе предметъ, крестьянинъ, порывшись въ пескѣ, выкопалъ глиняный горшокъ и въ то же время замѣтилъ, на разстояніи

[1]) Нѣкоторое подтвержденіе справедливости высказанной здѣсь мысли можно усмотрѣть въ сообщеніи, сдѣланномъ недавно К. А. Пухляковой, которая пожертвовала въ музей Общества изслѣдователей Волыни коллекцію кремневыхъ орудій и глиняныхъ черепковъ неолитической эпохи, найденныхъ въ Кременецкомъ уѣздѣ между фольваркомъ Бѣлокриницкой сельско-хозяйственной школы и селомъ Сапановымъ. Изъ двухъ мастерскихъ, тамъ открытыхъ, одна, въ видѣ огромной промоины, тянется къ р. Иквѣ, а другая, расположенная ближе къ фольварку, «имѣетъ видъ какъ-бы песчаного острова»; на этомъ островѣ «орудія и осколки валяются прямо на бѣломъ, чистомъ пескѣ сверху». «Попытка проникнуть дальше вглубь песчаной подпочвы не привела ни къ чему», прибавляетъ г-жа Пухлякова въ своемъ сообщеніи. Почти полная аналогія съ «Цыганской горой».

одного или полутора аршина, еще другой горшокъ, оказавшійся такимъ большимъ, что въ него могло войти до ведра воды; высыпавъ на землю содержимое сосудовъ, крестьянинъ обнаружилъ въ первомъ изъ нихъ пряслицу, а во второмъ--кремневый ножъ; видя, что горшки цѣлы и, пожалуй, могутъ пригодиться въ хозяйствѣ, находчикъ отправился къ сосѣднему ручью, что протекаетъ на западъ отъ «горы», и погрузилъ сосуды въ воду, съ цѣлью ихъ вымыть; но въ водѣ горшки «посинѣли» и совершенно развалились; кремневый ножъ долго валялся въ хатѣ, пока дѣти сперва не разбили, а затѣмъ и не забросили его; пряслица же цѣла и не затерялась. Въ подтвержденіе этихъ словъ, крестьянинъ пошелъ домой и принесъ пряслицу, хранящуюся теперь у меня. [1]) Дѣйствительно, лѣтъ двадцать тому назадъ изслѣдованіе «Цыганской горы» могло, вѣроятно, дать болѣе интересные результаты, чѣмъ въ настоящее время.

Я. В, Яроцкій.

Письмо въ редакцію. Многоуважаемый г. Редакторъ! Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины», въ «Археологической лѣтописи», помѣщено извѣщеніе о моихъ раскопкахъ вблизи г. Роменъ, Полт. губ. Ничего не имѣя противъ замѣтки я только покорнѣйше просилъ бы, въ виду возстановленія научной истины, исправить слѣдующее: раскопанное мною городище, скорѣе только начатое раскопками, т. к. въ слѣдующее лѣто раскопки будутъ продолжаться подъ моимъ наблюденіемъ, представляетъ памятникъ не неолетическаго времени, а памятникъ приблизительно VIII вѣка по Р. Х. и представляетъ собою славянское городище такъ наз. «Дьяковскаго типа», городище въ тѣхъ краяхъ, т. е. въ Полтавской губ. еще пока мало извѣстное. Далѣе сказано «найдено нѣсколько землянокъ съ остатками очаговъ». Очаги дѣйствительно найдены, какъ изъ обожженой глины, такъ и изъ песчаника, но землянокъ ни слѣда, да ихъ и не могло быть тамъ. Вотъ все что я просилъ бы исправить.

Н. Макаренко.

---

[1]) Этотъ разсказъ, но съ меньшими подробностями, былъ сообщенъ мнѣ еще раньше двумя другими крестьянами, которымъ находчикъ немедленно post factum повѣдалъ о своей находкѣ; указывали также и на другіе случаи, когда на «Цыганской горѣ» попадались въ пескѣ глиняные сосуды.

Случайныя находки

Находка плитъ въ м. Вороньковѣ, Переяславскаго у. Полтавской. губ. Возлѣ церкви Архангела Михаила строится церковно-приходская школа. [1]) 13 сентября 1901 г. рабочіе, копая въ двухъ саженяхъ отъ строющагося зданія яму, чтобы достать оттуда глину для обмазки его, на двухаршинной глубинѣ нашли двѣ квадратныя плиты, изъ песчаника, неправильной формы. Первая плита имѣетъ 1 арш. длины и 1 арш. ширины; толщина 5 вершк. На одной сторонѣ плиты высѣченъ крестъ, глубиною въ $^1/_4$ вершка, четырехконечный, концы его закруглены; въ длину онъ имѣетъ 5 вершковъ въ ширину 4 вершка и находится не посерединѣ плиты, а немного всторонѣ. Внизу креста небольшое, въ полъ вершка, круглое отверстіе, доходящее до половины толщины плиты. Та сторона, на которой находится крестъ, ошлифована, задняя же—неровна.

Вторая плита—тоже квадратная такая же самая какъ и вышеописанная, только безъ крестообразнаго углубленія. Она накрывала собою первую плиту. На ней находится семъ небольшихъ отверстій такихъ же размѣровъ какъ и отверстіе въ первой плитѣ.

Невольно возникаетъ вопросъ, что это за плиты? Можно предположить что здѣсь стояла когда то церковь и эти плиты положены были въ ея основаніе. Мнѣніе это отчасти подтверждается документами архива Михайловской церкви. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ говорится, что церковь Архангело-Михайловская въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія сгорѣла отъ громового удара и временно около сгорѣвшей церкви сооружена небольшая деревянная церковь во имя Святителя Николая, передѣланная «изъ коморы». Эта церковь не могла вмѣстить въ себѣ большого количества прихожанъ и когда построена была новая церковь, на мѣстѣ сгорѣвшей, освященная въ честь Архангела Михаила

---

[1]) Въ этомъ же мѣстечкѣ есть и другая церьковь—Рождества Богородицы. Обѣ церкви старыя, построены болѣ 150-ти лѣтъ тому назадъ.

(и понынѣ существующая), Никольская церковь была разобрана и, по словамъ нѣкоторыхъ документовъ, продана за 5 рублей въ мѣстечко Барышевку.

Мѣсто, гдѣ найдены плиты, находится саженяхъ въ 10-ти отъ Михмйловской церкви и если онѣ положены были въ основаніи церкви, то слѣдовательно здѣсь и стояла Никольская церковь, такъ какъ по словамъ документовъ, она находилась близъ сгорѣвшаго храма.

Вѣроятно на мѣстѣ разобразной Никольской церкви, стоялъ памятникъ («камплычка» какъ говоритъ народъ), обозначающій мѣстонахожденіе престола, но съ годами онъ обветшалъ и былъ уничтоженъ, и только каменная плита съ крестообразнымъ углубленіемъ, накрытая другою плитою, такихъ же размѣровъ, положенная въ основаніе церкви, осталась лежать въ землѣ до тѣхъ поръ, пока не была случайно найдена. Дальнѣйшія раскопки, производившіяся на мѣстѣ находки, не дали никакихъ результатовъ. Плиты находятся теперь на томъ же мѣстѣ, гдѣ и были найдены.

Г. Н. Корсунъ.

Осенью прошлаго года разнеслись *въ Ананьевскомъ уѣздѣ* слухи, что крестьяне *дер. Любовь-Александровки*, при вспашкѣ кургана, что стоитъ у дороги изъ с. Исаева въ д. Алексѣевку и м. Ново-Павловку, нашли какія-то древности. По распоряженію мѣстнаго земскаго начальника П. В. Новицкаго волостной старшина собралъ и доставилъ ему все сохранившееся у крестьянъ изъ этой находки, а земскій начальникъ прислалъ эти остатки въ херсонскій музей. Оказывается, что крестьяне распахали (проще сказать разрыли) *курганъ*, насыпанный надъ покойникомъ *греко-скиѳской эпохи*. Они нашли въ немъ массивный скиѳскій котелъ изъ красной мѣди съ двумя ручками и ножкой—и по своему невѣжеству разбили его на множество кусковъ. 15 кусковъ доставлено въ музей, но изъ нихъ нельзя составить всего сосуда: нѣкоторыхъ частей не достаетъ. Вмѣстѣ съ обломками котла изъ той-же могилы извлечены крестьянами: цилиндрическій камень, служившій для натачиванія острыхъ металлическихъ орудій (стрѣлъ, ножей), мѣдная лопатка и пуговица. («Югъ»).

Осенью-же прошл. года *въ г. Переяславѣ*, Полтавской г., на Заальтицкомъ форштадтѣ, во дворѣ мѣщанина Семена Коцаря на глубинѣ полъ аршина, былъ найденъ *кладъ*. Онъ состоялъ *изъ 353 серебр монетъ* помѣщавшихся въ горшкѣ—копилкѣ. Находка передана полиціи для отправки въ Петербургъ. («Кіевл».).

—

Той-же осенью, въ $1^1/_2$ верс. отъ *с. Людвиновки. Кіевск. у.*, на правомъ берегу рѣчки Руды, при раскопкѣ подъ питомникъ, найденъ прекрасный образецъ кремневаго ножа—пилы, выдающагося по своимъ размѣрамъ: длина его 17 стм., ширина $3^1/_2$—4 стм. На одной сторонѣ крупной подправкой оброзованъ рядъ зубьевъ, другая сторона также подправлена, по мелкой подправкой. Такого рода экземпляры очень рѣдки въ нашей мѣстности. Находка поступила въ собраніе М. К. Якимовича, очень интересующагося мѣстной стариной и производящаго самостоятельныя изслѣдованія.

—

Въ с. Кущеволовкѣ, Верхнеднѣпровскаго у., мѣстными крестьянами найдена въ землѣ, возлѣ усадьбы Евсея Зеленскаго, пещера. Она находится на глубинѣ трехъ саженъ отъ поверхности земли. Пещера представляетъ изъ себя квадратную комнату, трехъ саженъ длины и ширины. Высота ея достигаетъ до четырехъ аршинъ. Выложена она дикимъ камнемъ; каменный полъ пещеры покрытъ бѣлымъ чистымъ пескомъ. Съ западной стороны въ пещерѣ устроенъ ходъ, который былъ заложенъ большой каменной плитой. Въ пещерѣ найдены два человѣческихъ скелета; они настолько истлѣли, что при малѣйшемъ прикосновеніи разсыпаются. При самомъ тщательномъ розыскѣ надписей на плитѣ или гдѣ бы-то ни было въ пещерѣ не нашли. («Приднѣпр. Край»).

Разныя извѣстія.

Реставрація церквей. Изъ полученныхъ въ Императорской археологической комиссіи свѣдѣній было усмотрѣно, что нѣкоторыя духовныя начальства, въ случаяхъ необходимости ремонтировать древнія церкви, входятъ въ предварительныя сношенія съ

тѣмъ или другимъ археологическимъ Обществомъ или съ мѣстными архивными комиссіями, не испрашивая вовсе указаній Императорской археологической комиссіи. Между тѣмъ, всѣ поступающія въ эту комиссію дѣла, относительно реставраціи памятниковъ старины, обсуждаются въ особыхъ засѣданіяхъ при участіи представителей отъ Св. Синода, Императорской академіи художествъ и другихъ вѣдомствъ и, такимъ образомъ, дѣла эти могутъ тамъ быть разсмотрѣны всесторонне и правильно разрѣшены въ научно-археологическомъ и художественно-техническомъ отношеніяхъ. Въ виду этого, Св. Синодъ подтвердилъ въ настоящее время по всѣмъ епархіямъ о точномъ исполненіи Высочайшаго повелѣнія 11 марта 1889 г., согласно которому реставрація памятниковъ древности въ Имперіи можетъ быть производима не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ Императорскою археологическою комиссіею.

—

Съ 1-го февраля въ верхнемъ помѣщеніи Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ открыты выставка картинъ, этюдовъ и рисунковъ и *выставка бытовыхъ предметовъ Приднѣпровья XVI—XIX вв.* Послѣдняя была задумана въ широкомъ масштабѣ, правленіе Музея сдѣлало со своей стороны все зависящее, чтобы привлечь экспонаты, но наша публика и въ частности владѣльцы коллекцій оказались очень тугими на подъемъ. Однако, выставка все-таки состоялась и представляетъ не малый интересъ, главнымъ образомъ съ художественной точки зрѣнія. Отдѣльныя витрины занимаютъ предметы церковной старины, затѣмъ предметы домашняго обихода, оружіе, посуда и т. п. Прекрасный подборъ на выставкѣ старинныхъ матерій (напр. чудные слуцкіе пояса) и вышивокъ. Стѣны залы, гдѣ сосредоточены вышеперечисленные предметы, увѣшаны портретами (копіями) гетмановъ, матеріями, вышивками и старинными малорусскими «килымами», зачастую очень интересными по рисункамъ. Въ этой-же залѣ отдѣльный щитъ отведенъ подъ шитые «старосвитськы рушныкы». Выставленные предметы происходятъ изъ коллекцій В. Н. и Б. И. Ханенко (большинство предметовъ), А. Н. Терещенко, Ѳ. Ѳ. Кундеревича, К. В. Болсуновского, В. В. Хвойки и Н. Ф. Бѣлашевскаго.

Второй залъ, изъ двухъ, отведенныхъ подъ эту выставку увѣшанъ принадлежащей Музею коллекціей портретовъ и картинъ изъ Вишневца, заслуживающихъ по своей рѣдкости серьёзнаго вниманія.

—

По газетнымъ сообщеніямъ, *Д. И. Эварницкому* разрѣшено прочесть въ г. Екатеринославѣ въ текущемъ зимнемъ сезонѣ *двѣ публичныхъ лекціи* по археологіи. Первая лекція будетъ посвящена общему очерку доисторическихъ древностей, вторая—запорожской старинѣ, сохраняющейся въ частныхъ музеяхъ А. Н. Поля, Г. П. Алексѣева, Е. Н. Скаржинской и В. В. Тарновскаго; объ остаткахъ запорожской старины на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ сѣчей—Никитинской и Чертомлыцкой, Каменской Алешковской и Подпиленской и, наконецъ, о предметахъ запорожской старины въ Соловецкомъ монастырѣ и Бѣломъ морѣ.

—

Кн. М. Шаховской въ корреспонденціи изъ Чернигова въ «Нов. Вр.», сообщаетъ объ усилившемся за послѣднее время со стороны торговцевъ—антикваріевъ предложеніи различныхъ древностей, между которыми встрѣчается много *фальсификатовъ*. Усилился также и спросъ. «Но большинство настоящихъ историческихъ вещей, говоритъ корреспондентъ, находится въ рукахъ состоятельныхъ людей и только изрѣдка нуждающихся въ обмѣнѣ ихъ на деньги. Я видѣлъ историческіе документы: жалованныя грамоты, универсалы и т. п., заключенные въ три сундука, присланные въ губернскую земскую управу однимъ изъ послѣднихъ могиканъ одного древняго рода Черниговской земли, предлагавшимъ пріобрѣсти ихъ за 500 р. для историческаго музея Тарновскаго, находящагося въ Черниговѣ, кстати сказать, до сихъ поръ не открытаго для публики. Ассигнованій на такой расходъ у губернской управы въ распоряженіи не было. Была открыта подписка на пріобрѣтеніе,—собрано немного болѣе 100 руб. и предположено купить только наиболѣе цѣнные и, какъ оказывается, владѣлецъ на такое предложеніе согласился».

—

Въ Екатеринославскую городскую управу поступило курьезное заявленіе нѣкоего «археолога, коллежскаго регистратора Н. Т. Бѣлинскаго». Оно слѣдующаго содержанія:

«У археологовъ, по имѣющимся даннымъ, вдоль гористой, незастроенной постройками стороны г. Екатеринослава, на городской землѣ, начиная отъ Брянскаго завода, возлѣ боенъ, Монастырскаго лѣса, вдоль Краснопольской межи по надъ лагерями и другихъ мѣстахъ должны находиться зарытые запорожскими козаками разнаго рода предметы: прежняго типа огнестрѣльное и холодное оружіе, золотыя и серебряныя вещи и казна». «Археологъ» Бѣлинскій проситъ далѣе управу разрѣшить ему производить раскопки, съ условіемъ, что половина найденныхъ сокровищъ должна поступить въ собственность г. Бѣлинскаго, а другая—управы. («Приднѣп. Край»).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-ый годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА."

Въ теченіе 1901 г. напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній.—С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ.—М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы.—Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи.—П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія).—А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи.—Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи.—Д-ра А. Виреніуса, 8) Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ.—Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начальнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.—С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи.—И. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-ти-лѣтіе.—Н. Попова; 12) Школьная гигіена (по Котельману).—М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ.—М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе.—О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ.—А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся.—Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній.—П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу.—Проф. Е. Будде; 19) Коммиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій.—Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы.—Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа.—М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ.—А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной

средней школы.—А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію.—Е. Гаршина; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія.—И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг.—И. Бѣлоконскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы.—М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный паразитизмъ.—В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ.—Проф.—Е. Будде; 32) По поводу постановки естествовѣдѣнія въ будущей средней школѣ.—Проф. В. Шимкевича; 33) Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ. Я. Руднева; 34) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи.—Проф. Н. Карѣева; 35) Первые уроки исторіи.—К. Иванова; 36) Въ защиту натуральнаго метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Леше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному.—М. Тростникова; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижской выставки 1900 г.).—И. Евсѣева и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ,—Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей—Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія—В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**семь** руб., съ доставкою—**7** руб. **50** к.; для иногородныхъ съ пересылкою—**восемь** руб.; за границу—**девять** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(второй годъ изданія)

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ РУССКАГО БИБЛІОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библіографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библіологическаго Общества, объявленія.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ «Литературный Вѣстникъ» за 1901 г. одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній («Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1901, ноябрь, стр. 34).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ: съ доставкою и пересылкою въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. На полгода: въ Россіи 3 р., за-границу 3 р. 50 к. Цѣна за отдѣльную книжку 1 руб. (выписывающіе отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ).

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, 2) для иногородныхъ—въ редакціи **„Литературнаго Вѣстника“**, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12, 3) въ Москвѣ, въ конторѣ **Н. Пчековской**, Петровскія линіи.

РЕДАКТОРЫ: **А. І. ЛЯЩЕНКО**,
М. Н. МАЗАЕВЪ.

Открыта подписка на 1902 г.

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ періодическія изданія:

на газету „ВОСХОДЪ"

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА".

Содержаніе газеты: руководящіи статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и заграницей, хроника всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, корресп. изъ провинціи и загран., сенатская и судебная практика по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. безплатная консультація (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ отдѣлѣ), обзоры евр., русской и польской печати, фельетонъ (разск. и проч.,) провинціальный отдѣлъ, критика и библіографія.

Подписная цѣна на „Восходъ" съ „Книжками Восхода" 10 руб. въ годъ допуск. разсрочка при подпискѣ—4 р., къ 1 марта—3 р. и къ 1 іюля—3 р.), на газету (безъ „Книжекъ") 7 р.

Книжка восхода—выходитъ ежемѣсячно въ разм. до 10 печ. лист. Повѣсти и разсказы изъ евр жизни, стихотв. и популяр. научныя статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, юмор. обществ. жизни. Книжки „Восхода—единственный журналъ, посвящ. еврейской литературѣ и наукѣ на русскомъ яз. Желая способствовать его широкому распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за крайне доступную цѣну: 12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Подписавшіеся на оба изданія получатъ при „Книжкахъ Восхода"

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Еврейская Жизнь ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ЛУЧШИХЪ ЕВРЕЙСКИХЪ БЫТОПИСАТЕЛЕЙ

(избранныя произведенія С. М. Абрамовича, П. М. Смоленскина М. І. Бердичевскаго, Л. Переца, Шолемъ-Алейхема, М. Спектора, Морриса Розенфельда, Карла Эмиля Француза, Натана Самуэли и др.).

Главная Контора Восхода помѣщается въ С.-Петербургѣ, Площадь Большого Театра.

Подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января 1902 г. всю плату за годъ, получаютъ газету въ этомъ году со дня подписки безплатно.

Открыта подписка на 1902 годъ

на ежемѣсячный литературный журналъ

„НОВОЕ ДѢЛО“

съ приложеніемъ еженедѣльн. общественно-политической газеты.

Журналъ «Новое Дѣло» издается, какъ продолженіе 34-лѣтняго изданія «Недѣли» и «Книжекъ Недѣли», при томъ же составѣ редакціи.

Направленіе и характеръ «Новаго Дѣла» остается тождественнымъ съ «Недѣлей». Развитіе общественной самодѣятельности, горячее вниманіе къ народнымъ нуждамъ, участіе къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ сословій, усовершенствованіе нашихъ юридическихъ и экономическихъ отношеній, развитіе жизнедѣятельности страны путемъ не узкоплеменной, но обще-русской самостоятельной культуры—вотъ основныя черты этого направленія.

Ежемѣсячное изданіе «Новаго Дѣла», служащее продолженіемъ «Книжекъ Недѣли», предназначается для строгаго и тщательнаго подбора произведеній художественной литературы, статей философскихъ, культурныхъ, біографій, путешествій, литературной критики и т. п., а также для того отдѣла обзора движенія мысли и литературы, который за границей составляетъ такъ называемые «Журналы журналовъ».

Еженедѣльное изданіе «Новаго Дѣла», служащее продолженіемъ газеты «Недѣля», представляетъ собою разработанную и освѣщенную лѣтопись текущей политической, общественной, экономической и научной жизни.

Подписная цѣна: На ежемѣсячный журналъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 коп. съ пересылкой. Тоже, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты: на годъ—10 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—85 к. съ пересылкой. За границу на 3 руб. дороже. Книгопродавцамъ уступка. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, въ С.-Петербургѣ), гдѣ также принимаются и объявленія.

Подписчики «Недѣли» платятъ за годовое изданіе Журнала и Газеты вмѣсто 10 руб. 7 руб.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гончарная, 10.

Подписка принимается, кромѣ конторы редакціи, также въ отдѣленіяхъ конторы «Новаго Дѣла»: при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглоблина и въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Рукописи для редакціи могутъ быть адресованы

В. П. Гайдебурову,

Спб., Фонтанка, д. 37.

Редакторъ-издательница **А. Н. Пѣшкова-Теливѣрова.**

3—3

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“.

(*Двадцать четвертый годъ изданія*)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На	12	мѣс.	6	руб.	—	коп.		На	3	мѣс.	1	руб.	50 коп.
„	9	„	4	„	50	„		„	2	„	1	„	10 „
„	6	„	3	„	—	„		„	1	„	—	„	60 „

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи по Бердичевской улицѣ въ Архіерейскомъ домѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если, подписка принята въ Главной Конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 ч. утра до 6 ч. по полудни.

Редакторъ-издатель **І. И. Коровицкій.**

3—3

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1902 Г.
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„Земскій Сборникъ Черниговской губ.“

„Земскій Сборникъ“ издается по слѣдующей программѣ:

Отдѣлъ I. Постановленія и распоряженія Правительства.

Отдѣлъ II. Земское и городское хозяйство. Земскія извѣстія и обзоры дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій Черниговской губерніи.

Отдѣлъ III. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія по археологіи, исторіи, этнографіи, народному образованію, по физической географіи, метеорологіи, почвовѣдѣнію, экономическому быту, сельскому хазяйству, промышленности, торговлѣ, кредиту, правовѣдѣнію, медицинѣ, ветеринаріи, энтомологіи, общественному призрѣнію и статистикѣ—какъ теоретическаго, такъ и чисто практическаго мѣстнаго характера.

Отдѣлъ IV. Мѣстная хроника. Сообщенія, отчеты и обзоры дѣятельности мѣстныхъ, правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ.

Отдѣлъ V. Разныя свѣдѣнія и корреспонденціи изъ уѣздовъ Черниговской губерніи.

Отдѣлъ VI. Судебная хроника, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній, по дѣламъ, касающимся земскихъ интересовъ.

Отдѣлъ VII. Справочныя извѣстія и объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою на годъ 4 руб.

(для служащихъ въ Черниговскомъ земствѣ 2 руб.).

Подписка принимается въ г. Черниговѣ, въ Губернской Земской Управѣ.

Имѣются экземпляры «Земскаго Сборника» 1890—1897, 1899 гг., а также 1900 года съ приложеніями: „Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка“, подъ ред. и съ предисловіемъ Н. П. Василенко“, „Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго“, т. II, составленный Б. Д. Гринченко, и „Изъ устъ народа“, этнографическіе матеріалы.—Б. Д. Гринченко.

Цѣна экземпляра 4 руб., для служащихъ въ Черниговскомъ земствѣ—2 руб,

Окрыта подписка на 1902-й годъ

(двадцать третій годъ)

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

вышла январская (первая) книга.

СОДЕРЖАНІЕ: I) Все прилично. Повѣсть.—*П. Д. Боборыкина* II) Спрутъ. Калифорнскій романъ. *Франка Норриса.* Пер. съ англ.—*А. Г.* III) Новый годъ.—*Ив. Бунина.* IV) Стихотвореніе.—*М. А. Лохвицкой.* V) Нашъ собратъ по перу Обуховъ. Разсказъ.—*Ѳ. Ѳ. Тищенка.* VI) Элленъ фонъ-деръ-Вейденъ. (Дневникъ) *Габріэли Рейтеръ.* Пер. съ нѣм.—*Н. К.* VII) Романъ въ клѣткѣ. Повѣсть *Евг. Чирикова.* VIII) Двѣ. Новелла *Элизы Ожешковой.* Пер. съ польск. *В. М. Л.* IX) Стихотвореніе.—*Ив. Бунина.* X) Очеркъ развитія нѣмецкой художественной литературы въ XIX вѣкѣ.—*М. Г.* XI) Изъ исторіи деревни. (Записки волоколамскаго крестьянина).—*С. Т. Семенова.* XII) Современные французскіе дѣятели. I. Жоржъ Клемансо.—*Х. Г. Инсарова.* XIII) Въ Гоголевщинѣ. (Изъ послѣдней поѣздки).—*В. А. Гиляровскаго.* XIV) Изъ жизни еврейскаго пролетаріата.—*Б. Л. Больфензона.* XV) Письма И. С. Тургенева къ Н. А. Некрасову. XVI) Не въ очередь.—*В. А. Гольцева.* XVII) Болѣзнь и смерть Гоголя.—*Н. Н. Баженова.* XVIII) О библіотекахъ при училищахъ-ученической и учительской и о каталогахъ для нихъ.—*А. А. Стаховича.* XIX) Внутреннее обозрѣніе. XX) 1901 годъ въ политическомъ отношеніи.—*В. А. Гольцева.* XXI) Ирининская община. князя А. И. Сумбатова (Малый театръ).—*В. Е.* XXII) Письмо въ редакцію правленія коломенской общественной библіотеки XXIII) Библіографическій отдѣлъ. XXIV) Объявленія.

Подп. цѣна съ доставкою и 12 м.		9 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апрѣля, 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопрадавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала, Валаньковскій пер., д. Аплаксиной; въ СПБ., въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова: въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Перми, въ Земскомъ центральномъ кн. складѣ. При к-рѣ редакціи журнала «Русская Мысль» находится складъ изданій.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1902 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1902 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**. Мар.-Благовѣщенская, № 60.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, и 1901 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**